

Владислава Биличенко

Нисшедший в ад

18+

Владислава Григорьевна Биличенко

Нисшедший в ад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40093445

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман-мистерия "Нисшедний в ад" – это роман о Боге, об Иисусе Христе, о том, какая у Него была Миссия, почему она не была выполнена и оборвана в самом начале (так как, судя по Евангелиям и Книге пророка Даниила, Иисус Христос не должен был умирать человеческой смертью), кто виновник этой Катастрофы, какую роль сыграли в этом первосвященники, тетрархи, Понтий Пилат, Иуда Искарот и один таинственный человек, который упоминается в легендах о Святом Граале; к каким последствиям это привело в истории человечества; а также о Великом Подвиге Иисуса Христа, который Он совершил между Своей казнью и Своим Воскресением, – нисшествии в ад.

Содержание

Пролог. В пустыне	6
Часть первая. «Мир вам!»	17
Глава 1. В ожидании	17
Глава 2. Кана Галилейская	20
Глава 3. Начало	29
Глава 4. Требуются ученики	42
Глава 5. Просто Иисус	60
Глава 6. Учитель	75
Глава 7. Господь	93
Глава 8. За чашею вина	111
Глава 9. «Кто Он?»	132
Глава 10. Ночной гость	147
Глава 11. Двенадцатый	166
Глава 12. Ученики	179
Глава 13. Обещанная встреча	202
Глава 14. У Закхея	213
Часть вторая. Катастрофа. Выход	228
Глава 15. Гора Фавор	228
Глава 16. Магдалина	248
Глава 17. Праздник кущей	267
Глава 18. Грусть и радость	276
Глава 19. Сны и шаги	290
Глава 20. Слава Божия	306

Глава 21. В Вифании...	327
Глава 22. ...и в Иерусалиме	356
Глава 23. Тайная Вечеря	376
Глава 24. Сад Гефсиманский	389
Глава 25. Беспокойная ночь	400
Глава 26. Влиятельный призрак	424
Глава 27. Чаша – Святой Грааль	439
Глава 28. Напрасные надежды	461
Глава 29. Иуда Искариот	474
Глава 30. Неожиданный поворот	490
Глава 31. Аллилуйя!	500
Эпилог. Последствия	515

«Иисус сказал: Я – свет, который на всех. Я – всё: всё вышло из Меня и всё вернулось ко Мне. Разруби дерево, Я – там; подними камень, и ты найдешь Меня там».

(Ев. От Фомы. Ст. 81)

«И видел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и воинством Его».

(Откр. св. Иоанна Богослова. Гл. 19, ст. 19)

Пролог. В пустыне

Страшна была пустыня в этот час. Не было теперь над ней той величественной глубины таинственных небес, перед которой поклонялась и она – тихая, безмятежная, задумчивая. Теперь в ней свирепствовал неистовый самум: пески вздымались до самых небес, образуя угрожающе шевелящиеся движущиеся стены и столбы. Она выла в тысячу голосов и стонала в невыносимых муках, готовая закружить и раздавить в своих объятиях все живое и неживое. И живое, предчувствуя беду, еще днем покинуло ее: ушли крупные звери, а маленькие зарылись глубоко в песок.

Во всей пустыне остался один Человек. Только Он противостоял этой страшной пустыне – и она оказалась перед Ним бессильной.

– Сорок дней и сорок ночей ты испытывал Меня, – негромко произнес Он. – Хотя бы сейчас не таись за другими. Убери своих рабов и явись передо Мною сам. Покажись. Я вызываю тебя.

Но тот, кому Он бросил вызов, не торопился. Пустыня взревела и зарычала в бешенстве, и гул был таким, словно тысячи кровожадных голодных древних ящеров зарычали разом. Стало еще темнее, будто тьма преисподних хлынула на поверхность земли, залив ее от края до края.

Но вдруг в одно мгновение все стихло. Пустыня умолкла,

словно и не было диких ветров и стен из песка, и в пустыню вошла напряженная черно-лиловая ночь. Перед Ним предстал черный исполин, силуэт которого сливался с темным небом. Но Он его видел отчетливо, словно не ночь, а ясный день был в пустыне.

– Ты звал меня? – произнес надменный, очень низкий, рычащий голос. – Я здесь. Как Тебе моя шутка?

– Шутка веселит сердце, – была спокойная отповедь, – наполняет душу радостью и возносит ее над трудностями и бедами. Какая же это шутка – бесноватая пустыня? Лишь издевка, насмешка и надругательство доступны тебе, а они внушают обиду и ненависть и развращают души слабых.

Грохот извержения вулкана потряс пустыню. Это хохотал черный исполин.

– Ты отказываешь мне в остроумии? Но разве Ты остроумен, мой бывший Брат и теперешний Соперник мой? Что вижу я? Ты – и в виде какого-то Иисуса: тут не смеяться, тут плакать хочется. Ты – не во Славе Небесной, а здесь, на земле, уподобился этим червям земным. Принял тело, подверженное болезням, дряхлению и тлению. По ранке на Твоей руке я вижу, что Тебя ужалила змея, и Ты срезал часть плоти Твоей, как это делают они, чтобы выжить. Как, однако, они цепляются за жизнь, хотя в ней уже больше страданий (гораздо больше!), чем Твоей радости. Мне еще не удалось вытравить из них эту любовь к жизни. Но это дело времени. После моей победы они проклянут жизнь и будут мечтать

лишь об одном – быть пожранными мной.

– Ты думаешь о своей победе? Надеешься оборвать Мою Миссию?

– А почему бы и нет? – сказал черный исполин, хохоча откровенно, нараспашку. – Но с Тобой ведь нужно говорить не лукавя, не так, как с теми. Хотя Ты и в таком забавном виде, мой ослепительный Брат. Ирод-то Тебя упустил, это правда. Истребил кучу младенцев невинных, а Тебя не нашел, хотя я и подсказывал ему, только он не понял по своей тупости. Но я не в убытке: кровь младенцев меня освежила, придала сил. И оч-чень понравилась. Змея же... пошутила.

– Не змея, – тихо поправил Иисус. – Я узнал одного из твоих слуг – демона пустыни Азазеля. А дикие животные – Мои друзья и братья.

– И все-таки у меня много попыток, а у Тебя лишь одна. Что, если я действительно оборву Твою Миссию? Согласись, я сумел задержать Твой Приход в мир человеков. Религия единобожия в Египте не удалась: Эхнатон, великий реформатор, остался не понят. А в Персии я задушил государственной идеей светлую многообещающую религию, пророком которой был Зороастр. Еще немного – и религия иудеев стала бы непригодной почвой для Твоей Миссии.

– Да, ты задержал Меня, – ответил Иисус, – и Египет, и Персия не стали Моей родиной и той почвой, на которой прорастет зерно Истины. А оно прорастет! Я уподобился Своим младшим братьям и пришел сюда к ним, чтобы

рассказать истину об Отце Моем Небесном. И о тебе... Я пришел уничтожить зло, которое ты сделал, уничтожить болезни и смерть, спасти грешников, которых ты мучаешь в преисподних, и грешников, еще живущих, которых ты готовишь себе на обед. Я пришел защитить праведников, которых в злобе своей ты мучаешь при их жизни на земле, ибо знаешь, что они тебе не достанутся, когда покинут земную юдоль, а станут сильными Божьими воинами. Я пришел вернуть этому миру радость и веселие, установить Мир Любви – Мир Истины – Царствие Отца Моего. Люди узнают, что боль, страдания, болезни и смерть – от тебя. А от Моего Отца – только Благо, Радость и Любовь. Я пришел разрушить *старый закон дряхления, смерти и тления* и установить *новый закон Вечной Молодости и Жизни*.

– Ты думаешь, Тебе удастся это? – рычащий голос черного исполина слегка дрогнул. – Земля семь тысяч раз обошла Солнце с тех пор, как Ты уже приходил к человекам и тайно жил среди них как обычный человек в одной из тропических стран. Ты стал тогда для них учителем и даже имел несколько учеников. Ты принес им учение об иных мирах, о светлых Иерархиях, обитающих в этих мирах, видимо, не полагаясь очень на откровения. Да, откровения – весьма двусмысленная вещь. Ибо и я называл себя именем их Бога (то же делали мои рабы) и эти жалкие черви записывали мои слова, полагая, что их Бог грозит им проклятиями и катастрофами, требует кровавых жертвоприношений, дал им в пищу всякую

тварь земную, за свою обиду учит их мстить своим врагам многократно. Они стали бояться Бога, Отца Твоего, бояться, как беспощадного огня, как бешеной ядовитой змеи, как землетрясения или потопа, ибо в гневе Своем при малейшем их неповиновении Он обрушится на их головы. Как видишь, я даже более Твоего позаботился об их вере в Отца Твоего. Из страха за жизнь свою они молятся, из страха наказания за грехи свои они режут на жертвенниках молочных ягнят и в религиозном экстазе одним движением руки сворачивают шеи голубям, соблюдая древние законы, они побивают камнями за грехи себе подобных, думая, что так они искореняют самый грех, и жестоко мстят врагам своим. И всем этим служат мне. Боль, болезни и смерть... Но они не знают пока иного и убеждены, что это и есть законы, установленные Богом. Они благословляют страдания вопреки своему чувству, болезни считают наказанием за грехи, а смерть воспринимают как волю Божию. Люди – не даймоны, среди которых Тебе удалось победоносно завершить Свою Миссию десять тысяч лет тому назад.

– Ты не всё сказал. Вспомни ритуальные кровавые человеческие жертвы в Атлантиде и ритуальное людоедство, приведшие к разгулу демонических сил в культуре атлантов, и силы эти, вызвав грандиозные землетрясения, пробудив спящие вулканы, погубили физически народ Атлантических островов. А избиение младенцев? Ведь это не Ирод упустил Меня, а ты не мог Меня отыскать, чтобы уничтожить Меня

как Сына Человеческого, и свирепость Ирода, истребившего тысячи младенцев, – это отражение твоей свирепости, охватившей тебя, когда ты не мог узнать, где Я скрываюсь. Ты – истинный убийца младенцев, а Ирод – твой исполнитель, за что ты его и «отблагодарил» ужасной агонией и жутким посмертием. Ты мешал воцарению Любви на Земле еще с тех пор, когда в этом трехмерном мире планета еще была полурасплавленным шаром, и это затруднило развитие жизни на ней. Что ты сделал с животными? Эти недоразвившиеся человечества – твоя вина. Ты затормозил их развитие, подчинив их гнусному закону выживания: одни стали хищниками, другие – их жертвами. Крайняя демонизация земных гигантов ящеров вызвала мировые катастрофы, и они погибли. Но один вид животных Мы сумели вырвать из твоих лап и развили его в людей. Но, к сожалению, многие животные этого вида не развились и обратились в обезьян. Люди призваны стать помощниками Богу в просветлении этого мира и в развитии человечеств животных. Ты же власть человека над животными, власть Любви, данную ему от Бога и предполагавшую огромную ответственность за животных, безмерную заботу о них, как о младших братьях, как о детях своих, и великую помощь им в их воспитании и развитии, обратил в повальное убийство животных, открыв человеку сладость вкуса крови и мяса, издевательства над ними, бессовестное пользование. Над насекомыми ты поиздевался еще изобретательней: расплющил их души, и теперь они имеют одну ду-

шу на один рой. А растения ты лишил даже свободы передвижения по планете.

Преступления твои велики. Ты внушил страх всем обитателям земли, но и сам ты боишься своих преступлений. А страх – разрушительное чувство.

– Зачем Ты сошел к ним? Ты думаешь, они оценят Твою жертвенную любовь, они поймут Твои речи? Из любви к этим... Ты влез в их тело, как если бы Солнце влезло в сундук. Будь я на Твоем месте, я никогда не согласился бы на такое страдание. Разве они поймут это? Нужно быть, как я, любить только себя, а все остальные должны дрожать и бояться за каждое свое слово, за каждый свой шаг. Они должны слепо повиноваться. Любовью к ним Ты ничего не сделаешь. Их спины привыкли к кнуту, а ласка им подозрительна. Все – и люди, и животные, и растения – любят бичевания и жаждут их.

– Страх – твой разрушитель, – повторил Иисус.

– Ты хочешь, чтобы они признали Тебя, чтобы пошли за Тобой, чтобы поняли Тебя? Что же – помогу Тебе. Забуду, что Ты мой Соперник и вспомню, что Ты Брат мой. Я знаю способ, свободный от страха. У людей много голодных и мало хлеба. Освободи их от вечного страха перед голодом: преврати камни, лежащие под их ногами, в хлеба, и они уверуют, что Ты – Сын Божий и пойдут за Тобою, потому что Ты станешь источником того, что непрерывно нужно человеку.

– И это способ, свободный от страха? А страх того, что

прекратятся хлебы? Нет, не хлебом единым жив человек, но каждым словом, исходящим от Бога.

– Даже так!..

Черный исполин распорол огромным черным крылом воздух, и ночь растворилась в солнечном свете. Иисус увидел Себя стоящим на крыле высокого храма, под Его ногами горела золотом под ослепительным полуденным солнцем чешуйчатая крыша. От подножия храма раскинулся солнечный каменный город с роскошными дворцами и маленькими лачугами бедняков, с базарными площадями, обширными подворьями, широкими улицами и кривыми, покосившимися переулками, почти лишенный зелени. Черная тень заслонила солнце.

– Если Ты – Сын Божий, бросься вниз, ибо сказано: «Ангелы понесут Тебя да не преткнешься о камень ногою Твоею». Ты ведь веришь Отцу Своему?

Иисус взглянул вниз, и пропасть сладко поманила Его к себе, но Он ответил:

– А также сказано: «не искушай Господа Бога твоего».

Черный исполин тихо зарычал, и солнечный город провалился во тьму. Наступило молчание. Исполин о чем-то размышлял. Иисус стоял среди притаившейся холодной пустыни и ждал.

– Власть – сладкая вещь, – нарушил наконец молчание черный исполин. – И очень, очень приятная. Но власть должна принадлежать только одному. До сей поры мы делили с

Тобой власть: Ты владычествовал на небе, а я у себя в преисподних. Только мир человеков мы с Тобой не поделили.

– Я никогда не делил с тобой власть, – ответил Иисус. – Ты вторгся в земные миры и узурпировал некоторые из них, превратив их в страдалища. И Моя власть есть Любовь, а твоя – тирания и смерть.

– Пусть так, но я хочу предложить Тебе договор.

Черный исполин взмахнул крылом и перед очами Иисуса возник в красочных живых цветах весь мир земной: вспаханные поля, сжигаемые солнцем луга, поляны, долины быстрых и более спокойных рек, леса, города, селения и совсем маленькие деревушки, цветущие сады и моря с бегущими по волнам кораблями и маленькими лодками рыбаков, роскошные дворцы, мрамором, золотом и ценными камнями украшенные залы с расписанными потолками и мозаичными стенами и полами; где-то в подвалах или задних комнатах без окон пылятся тяжелые, наполненные золотом, серебром и самоцветами сундуки, праздные, самодовольные люди в богатых одеждах, тяжелых коронах и царских порфирах. Появилось и тотчас исчезло чье-то искаженное хищной радостью лицо: он радуется своему богатству, пересыпая золотые монеты, любуясь звоном золотых чеканных кругляшек. А вот люди работают в поле, в каменоломнях: мокрая от пота одежда прилипла к их худым телам и по бледным лицам их струится все тот же пот. Женщина в бедной лачуге прикладывает к иссохшей груди ребенка. Реки крови людей, избивающих

друг друга в войнах, реки крови людей и животных, льющихся с жертвенников. Кровь, впитывающаяся в землю на задних дворах, где режут к трапезе домашний скот...

...Потом всё смешалось и слилось – и вышли тысячи оборванных, увечных, измученных, растерзанных, убитых, исхудалых; они стоят плечом к плечу, поднимают свои руки к небу, молятся, плачут, кричат о помощи. Их было тысячи и тысячи – с поруганной жизнью, с разорванной и истоптанной душой, с обманутым сердцем, скованные по рукам и ногам цепями невыносимых, незаслуженных мук. Возвышались огромные горы жертв, и с них текла живая горячая кровь людей и животных; странно смешиваясь, она пропитывала Землю от коры до гнездилищ демонов и вливалась в их хищные ненасытные пасти. Страшные, темные, мучительные картины. И всё это – солнечные долины и буйные леса, шумные города и храмы, упирившиеся острыми пиками в небо, тяжелый труд и слезы, кровь и веселие, страдания и боль, войны и беззаботность, богатство и нищета, жадность и жестокость, радость и чернота горя – как в калейдоскопе, промелькнуло перед очами Иисуса.

– Договор таков, – заговорил черный исполин, погасив картины. – Я отказываюсь от этого мира, я не буду больше мешать человеку и твари всякой земной жить. Пусть они живут под Твоей властью. Я уступаю Тебе все эти царства земные, но взамен... Ты поклонись мне и признаешь меня господином Своим.

– Отойди, сатана. Отца Своего Я люблю и лишь Ему поклоняюсь.

Пустыня разверзла свое чрево, и в образовавшийся провал с ревом и проклятиями обрушился черный исполин. Несколько минут еще земля гудела и сотрясалась, принимая в свои недра это черное чудовище. Его рычания, все более и более утихавшие, наконец захлебнувшись, совсем заглохли.

И наступил полдень в пустыне. Сразу же после жестокой полночи. Небо раскрылось над Иисусом, и светлые Ангелы в белых сияющих одеждах сошли к Нему, чтобы служить Ему.

Часть первая. «Мир вам!»

Глава 1. В ожидании

Давно уже ждал народ иудейский своего Мессию, приход Которого предсказан многими пророками, о Ком написано в Священном Писании:

«Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову, но последующее возвеличит приморский путь, за-Иорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий... Ты умножишь народ, увеличишь радость его... Младенец родиться нам. Сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его. Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века.

Приготовьте же путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему... И явится слава Господня, и узрит *всякая плоть* спасение Божие».

Многие слышали об Иоанне Крестителе, видели его и крестились у него на Иордане. Слышали проповедь его и слова его об Идущем вслед за ним, что Тот есть Сын Божий и крестить будет не водою, а Духом Святым. Мессию ждали, и

ожидали в скором времени. Но Кто Он – «назорей» [Назорей – тут: избранник. – В.Б.] Божий? Каков из Себя? Вот-вот все увидят Его и услышат Его, вот-вот придет и заявит о Себе Царь Иудейский – всемилостивый и справедливый.

О настоящем Иисусе Христе, Иешуа Мессии, Спасителе Пророке знали пока очень немногие. Знали Мария и Иосиф, знали пастухи, пасшие скот неподалеку от места рождения Иисуса, знали волхвы, приходившие в Вифлеем с востока, чтобы узреть Младенца Спасителя. Знал Иоанн Креститель и ученики его.

Иоанн увидел идущего по берегу Иордана Спасителя и вскричал: «Вот о Ком я говорил. Вот – Сын Божий». Но оба берега реки были о ту пору пустынные, безлюдны. Лишь два ученика Иоанна увидели Спасителя. Иисус вошел в воду и принял крещение водой от Иоанна. И увидел Иоанн, как небо разверзлось над Иисусом и свет небывалый ярким и многоцветным потоком хлынул с небес. И услышал Иоанн Голос, говорящий как бы в сердце его: «Это есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Белый голубь в эту минуту пролетел над головою Иисуса. Иоанн вскрикнул и обернулся к ученикам своим: «Видели ли вы знамение?» Ученики виновато переглянулись. Нет, они не видели голубя, видимо, им не дано еще это было. Увидев их виноватые глаза, Иоанн огорчился. Только ему одному дано было стать свидетелем славы Сына Божьего. Иисус подошел к Иоанну и сказал ему: «Всему час свой. Когда наступит Мое время,

тогда все увидят славу Отца Моего».

Но Мария молчала, Иосифа, мужа ее, уже не было в живых; кто знает, где были теперь и живы ли пастухи, свидетели Великого Рождения, сопровождавшегося пением Ангелов, или волхвы, приходившие на поклонение к Младенцу, а Иоанна Крестителя в скором времени арестовали. Новость об аресте застала Иисуса в пути, когда Он возвращался из пустыни, где Он провел сорок дней и сорок ночей, в Галилею. Эта новость ошеломила Иисуса и заставила Его повернуть в Перею, к восточным берегам Мертвого моря, где в крепости Махерон томился Иоанн. Но Он опоздал. Навстречу Ему уже летела весть о казни Иоанна Крестителя и о пропаже его учеников.

Итак, во всем Ханаане о Спасителе, об Единородном Сыне, Сущем в недрах Отца, Которого явил миру Бог, знала пока одна Мария – Его земная мать. Все остальные предавались мечтам и рисовали в своем воображении Его образ и облик, который более отвечал их насущным желаниям – требованиям царя, потомка Давида, и частному, узкому представлению о справедливости, могуществе, мудрости и царстве.

Глава 2. Кана Галилейская

Море тихо и мелодично шумело, от него веяло свежестью и величавым покоем. В этот день солнце ярко светило, украшая синюю плоть моря серебряными звездами, – отблесками своих Божественных лучей. Иисус сидел на берегу на большом, прохладном еще камне. Он наблюдал, как волна подкатывается к самым Его сандалиям и, нежно коснувшись пальцев Его ног, вновь возвращается в море, оставив по себе на берегу дары, которые она принесла с собою. На смену ей рождалась в море другая волна, за той – третья, четвертая. Они вели себя так же, как и первая, но дары приносили другие: ракушки, камешки, водоросли, а то и какое-нибудь мелкое морское животное осторожно положит у Его ног, и животное смотрело на Иисуса своими загадочными круглыми глазами ласково и доверчиво, но в то же время как будто пыталось разгадать, что за думу думает Спаситель, но следующая волна уносила животное в его родную стихию, оставляя на мокром песке инога гостя. Море, как ласковое доброе дитя, пыталось заигрывать с Ним, чтобы вызвать на Его печальном лице улыбку. И Иисус улыбнулся морю. Он поднял глаза и обозрел его всё, сколько видно, до самого горизонта, где оно граничило с более светлым небом. Это было море Киннереф, или Галилейское море. Но те люди, которые видели моря более широкие и более глубокие, называли его

Геннисаретским озером.

Если бы кто из людей находился бы поблизости от Иисуса, он увидел бы, что губы Его шевелятся: улыбаясь, Он рассказывал что-то морю. Но поблизости никого не было. Безлюден был берег, лишь вдали, в серебряном сиянии утреннего солнца, справа от Иисуса, виднелось множество рыбацких лодок, некоторые из них были в море, другие – на берегу, привязанные к колышкам толстыми веревками или прикованные металлическими широкими цепями. В это время – восходящее солнце два часа тому назад сменило свой красный цвет на блистательный золотой и теперь раскалилось до ослепительно-белого – рыбацьи семьи, отцы и старшие сыновья, еще трудились в море: кто оканчивал лов, а кто уже на берегу разбирал сети.

Почему печален был Иисус в это безоблачное утро? Что привело Его в город Капернаум приморский, каменные стены которого виднелись позади Иисуса на зеленых холмах? Что Его привело на этот усеянный камнями берег? Его мысли витали в других местах, где Он был последние семь дней...

Из пустыни Иисус торопился в крепость Махерон к нуждающемуся в Его помощи Иоанну Крестителю, но Он опоздал. Черное дело уже было сделано: молодая жизнь Иоанна, который был старше Иисуса всего на полгода, оборвалась страшным, фантастическим образом – царское слово оказалось важнее человеческой жизни, и царский пир завершился

казнью и глумлением. Так закончился великий жизненный путь великого пустычника и Предтечи Его. Для Иисуса горька была эта утрата. Кто был истинным виновником смерти Иоанна и чью волю, не сознавая того, выполнили Иродиана с дочерью и осуществил трусивший и колебавшийся между желанием убить Иоанна и страхом перед народным бунтом Ирод Антипа, Иисус знал. Черный исполин нанес очередной удар.

Медленно, не торопясь, пошел Иисус в Кану Галилейскую, где теперь жила Его земная семья – овдовевшая Мария, Его сводные братья и сестры – дети Иосифа от первой жены, и где Он совершил еще до Своего Крещения на Иордане чудо по просьбе своей земной матери.

Когда Он проходил мимо красивого приморского города, раскинувшегося на зеленых холмах, вдыхающего постоянно морской холодноватый и свежий воздух и называемого Капернаумом, Иисус на несколько секунд остановился, поглядел задумчиво на его каменные стены и тихо улыбнулся. Этот город Он тут же избрал в сердце Своем, отсюда Он пойдет с Благою Вестью – сначала по дорогам Галилеи, потом по всей земле Ханаанской, а затем и по всей Земле, чтобы в конце Своей земной жизни явить Себя всем людям и указать Путь в иные миры не через смерть плоти, а через преобразование своего физического тела. Так начнется великое уничтожение закона смерти.

А до Каны еще оставалось четырнадцать часов пути по

еще зеленой холмистой местности. Нужно было идти всё это время за солнцем, которое, словно указывая дорогу, всё дальше и дальше перемещалось на запад. И из нежных осенних солнечных лучей как бы сам по себе соткался образ: грубый, но такой родной пролом в стене. Это дверь в другую полутемную комнату, в которой видна коленопреклоненная женщина; косые солнечные лучи, проникнув в комнату через высокое узкое окно, ласково обнимают молящуюся. О чем молится женщина не слышно, а слышен только треск хвороста в очаге да стук молотка плотника Иосифа, который доносится с улицы. Дивная вещь – память – представляет милую картинку, которая тешит и согревает сердце. Иисус теперь шел к этой женщине, к лучшей из жен, к самой красивой женщине Галилеи. Он знает ее тысячи лет, видел ее парящей среди Ангелов в удивительно прекрасном мире. Там она готовилась к великой миссии – родиться в пятый раз в мире человеков, в стране Израиль под именем Мария и стать Его матерью на земле, а Ангелы пели ей чарующие песни, и их пение разливалось радугой из тридцати шести неведомых миру людей цветов от одного края небес до другого...

...Вечером, когда солнце посылало земле последние в этот день золотые лучи, Иисус переступил порог одного дома в Кане Галилейской. В доме было тихо и, как в образе, сотканном из солнечных лучей, хотя это был и другой дом, лишь хворост сладко потрескивал в горящем очаге. Но не слышно было молотка плотника Иосифа! Когда Иисус вошел

в комнату, женщина, находившаяся там, тихо вскрикнула, метнулась, упала перед Ним на колени и горячо поцеловала Его руку. Он тоже опустился рядом с ней на колени и поцеловал обе ее маленькие, пахнущие сандалом руки. Затем Он помог ей подняться и слегка отстранил от Себя, как бы говоря: «Дай-ка посмотрю-полюбуюсь на тебя, матушка». Никто не сказал бы, что этой женщине в простой галилейской одежде сорок шесть лет, она была удивительно молода и красива, ибо не властно время над чистыми душой. Сейчас ее большие, по-детски чистые карие глаза светились счастьем, а по нежным щекам бежали слезы радости. «Ты с дороги, Иешуа. Присядь, отдохни, – говорили ее глаза, – я омою Тебе ноги по обычаю. Я знала, что Ты придешь сегодня, Сыннок, и поэтому купила дорогого мирро для помазания». Они понимали друг друга без слов. После обычного приветствия Мария засуетилась возле стола, выставляя на него фрукты, овощи, мед, молоко, разбавленное водой вино, сделанное из галилейского винограда, сладко пахнущие свежеиспеченные хлебы. Иисус видел по глазам Марии, что она знает, почему Он пришел сегодня, поэтому так и не сказал ей слова: «Матушка, настал Мой час. Мне пора», потому что уже прочитал в ее глазах ответ: «Я знаю, и да прославит Тебя Отец Твой Небесный». Он произнес вслух другое, и это были первые слова, прозвучавшие в тот вечер в доме:

– Как Я люблю капусту!..

Перед Ним на столе стояла посудина, в которой было вкус-

нейшее блюдо – тушенные в оливковом масле и меде капуста и айвы...

...После вечерней трапезы Иисус вышел один в айвовый садик. Ночь была прекрасной, прохладной и была наполнена заманчивым пением сверчков. И память из этой ночи соткала новый милый образ: огромный айвовый сад в Кане Галилейской, а в нем длинный-предлинный стол и гости за столом. Это свадьба. Брачный пир в Кане Галилейской. Двое молодых, счастливых людей; в этот день они соединили свои жизни, они теперь наверно знают и понимают всем своим существом, какое счастье найти в мире, полном и бед, и горестей близкого родного человека, какое это сокровище, этот другой человек, исполненный Божественной любви. Оба они из бедных семей, и жить им придется трудно, и растить детей будет нелегко. Но что такое трудности, что такое бедность, когда есть счастье, когда они вместе. Мария тогда только что переехала из Назарета в Кану. И приглашена была Мария на свадьбу вместе с другими людьми, живущими в этих бедных, узких кварталах Каны Галилейской. Зван был и Иисус. Пришел Он порадоваться счастью молодому, ибо любил людей, и радость их, и веселие их. Радовались гости тому, что множится любовь, увеличивается мировая радость.

– Будьте счастливы, дорогие Мои, пусть ваша любовь крепнет с годами, – прошептал Иисус, глядя на светлые образы невесты и жениха, вставшие перед Его мысленным взором в эту тихую безлунную ночь.

Будет – о, будет! – другой Брачный Пир, где Иисус будет Женихом, и соберет Он на этот Пир всех-всех, живущих в мирах Земли. Тогда сочетается Он с женою Своею – Церковью – в неизреченной, святой любви; радостью великой и ликованием наполнятся миры Земли от высот до низин. И тогда начнется другая Земля, приумножению любви и радости на ней не будет конца: долгожданная Дочь, истерзанная и измученная, начнет свое великое лечение, возрождаясь вновь, чтобы блистательной жемчужиной войти в Божественную Вселенную и воссиять в Ней новым светом. И увидят все прекрасную, горячо любимую Дочь Божию и возрадуются ее исцелению.

И вот снова брак в Кане. Встает архитриклин, просит наполнить чаши, он желает что-то сказать молодым. Служители замешкались, но гости за пиром этого не заметили. Заметила Мария, заметил Иисус. Жалко Ему стало молодых и праздник их: ведь по бедности у них не хватило вина для гостей.

– У них вина не хватило, – шепнула Иисусу Мария. Иисус понял ее.

– Не настало еще Мое Время, матушка, – сказал Он, ласково улыбнувшись.

Мария обняла Его руку, прижалась к Его плечу, затем встала из-за стола и подошла к служителям.

– Что Сын мой скажет, то и сделайте, – тихо сказала она им.

Иисус подошел и, указав слугам на шесть каменных водоносов, которые стояли тут по обычаю очищения, сказал им:

– Наполните их водой.

Служители, ни слова не проронив и даже не помыслив задавать какие-либо вопросы, принялись за работу.

– Теперь наполните чашу архитриклина, – сказал Он и вернулся к столу.

Вся работа была проделана точно, быстро, так что никто из гостей не заметил заминки. Архитриклин, получив чашу с вином, пожелал много доброго молодым и, отпив глоток из чаши, подивился и похвалил жениха, что сберег такое превосходное вино доселе. Служители наполняли чаши из водоносов, и все пили новое вино радости, вкусное, освежающее, не одурманивающее голову, а удваивающее силы и веселие.

Радовался Иисус, глядя на собравшихся за этим столом. Он пришел на землю, сошел с Небесных Высот не только для того, конечно же, чтобы превращать воду в вино, но и не только за тем, чтобы помогать людям в их горе, скорбях, страданиях, бедствиях, но помогать и в радости их.

Счастливы люди, чей брачный пир посетит Иисус, но безмерно счастливы те, кого Иисус позовет на Свой Брачный Пир...

...Ранним утром, когда солнце-художник раскрасило небо на востоке в удивительные цвета, Иисус покинул Кану. При прощании с Марией Иисус наконец решился и сообщил

ей печальную весть об Иоанне Крестителе, сыне ее двоюродной сестры Елисаветы и священника Захарии, уже давно покойных...

Глава 3. Начало

На следующий день во второй его половине в городские ворота Капернаума вошел одинокий, очень высокий [Судя по Туринской плащанице, рост Иисуса составлял 182 см. – В.Б.] Человек. У Него не было ни посоха, ни сумы, и хотя Он имел вид галилеянина, и одет был как бедный галилеянин, люди, торопившиеся по своим делам, почему-то вдруг задерживали на Нем свой взгляд, а немногие даже останавливались и некоторое время глядели Ему вслед. То, что Человек, явно прибывший из другого города, вошел в Капернаум с пустыми руками, нисколько не удивляло и не интересовало людей, их поражало Его лицо и вся Его фигура. Было в Нем что-то непостижимое и необъяснимое, поражающее с первого взгляда на Него. Он был очень красив – даже для глаз, избалованных красотой, – *очень красив*. Казалось, таким красивым не может быть земное лицо и это останавливало, поражало. Правильное овальное лицо с совершенными чертами, кожа белая, нежная, чуть тронутая легким загаром, Его длинные, до плеч, волосы были не темные, а скорее светлые, мягко сверкающие на солнце, такая же – короткая борода, глаза большие, синие, как весенние веселые цветы в долине, и бездонные, как звездное ночное небо. Знавшие Его и семью Его земную удивлялись тому, что Он ни на кого в семействе не был похож. Малое сходство, и то немногие, на-

ходили в Нем с Марией. Из этого вышла впоследствии ужасная, мерзкая сплетня: будто бы Он внебрачный сын римского солдата сирийца Пантера, которого никто никогда не видел. Но не было в Его облике ничего ни римского, ни сирийского, ни иудейского, ни галилейского – Его лицо было настолько идеальным, что его можно было назвать наднациональным, поскольку оно не носило черт какой-нибудь определенной или определенных национальностей. Но главное, это Его взгляд – кроткий, ласковый, исполненный совершенной, глубокой любви к миру, и в то же время – властный и проницательный. От всего Его лика, от всей Его личности исходила непостижимая, беспредельная живая сила, завораживающая и притягательная, говорившая о том, что Любовь, Жизнь, Истина, Доброта, Красота являются настоящими законными царицами Земли, а всё остальное лишь кошмар, который снится людям, и производящая мгновенное очистительное действие в душах людей, которые услышали свое сердце. Те, кто видели Его впервые и не знали Кто Он, но отличались хоть какой-нибудь душевной восприимчивостью и чуткостью, навсегда запоминали даже мимолетную встречу с Ним. Его облик навечно впечатывался в их души и сердца, и они понять не могли разумом, но предчувствовали всем сердцем своим, что *эта встреча* была самым важным, самым главным в их жизни событием.

Итак, в город Капернаум, названный впоследствии *Его городом*, вошел Иисус. Это был маленький, но шумный горо-

док на северном побережье Галилейского моря, через который пролегли торговые пути с побережья Средиземного моря до Сирии и Малой Азии и который являлся таможней на пути из Кесарии в Дамаск. Капернаум был заселен преимущественно бедным людом – ремесленниками, рыбаками, пастухами, земледельцами, нищими, бродягами, более зажиточными торговцами-перекупщиками. Держали здесь свои лавки не очень богатые греческие купцы. Городок простой, провинциальный, бедность лачуг которого была прикрыта пышностью галилейских садов. Роскошные ореховые, гранатовые, лимонные деревья и смоковницы стояли гордо, величаво, богатые виноградники укрывали целые кварталы от солнца; фермы, раскинувшиеся за стенами города, утопали в зелени смоковниц и олив; и везде буйные травы и цветы – и на полянах, и на холмах, и у городских стен, и на клумбах возле каждого дома. В воздухе разлился аромат лавра и близкого Геннисаретского озера. Иисус проходил по изломанным улочкам города и по широким его улицам и наблюдал людей, буднично суетившихся в своих хозяйствах. Наконец Он вышел к наполненной народом базарной площади. Здесь люди, жарко торгуясь, покупали себе еду, одежду, посуду, домашний инвентарь. Нищие сидели у какой-то недостроенной, а, может быть, уже разрушенной стены, сложенной из крупных камней, каких много разбросано по берегу моря. Среди нищих было много увечных, искалеченных тяжелой работой в богатых поместьях, на стройках в Тивери-

аде или каменоломнях. Но попадались среди них и мошенники, которые приделывали себе искусно какое-нибудь увечье и этим зарабатывали свой хлеб, но их было мало, и сейчас у этой стены, которая должна была служить, вероятно, оградой, хотя вовсе не понятно чего и от чего, таких было два человека. В основном же жители Капернаума были очень трудолюбивым народом и лишь серьезное увечье могло стать причиной такого занятия. Иисус сразу различил тех двоих, но Его внимание привлек старик, сидящий прямо на земле, вытянувший ноги вперед. Ноги его производили жуткое впечатление и, казалось, что старик сидит сам по себе, а ноги лежат рядом с ним, как что-то чужеродное, отдельное, постороннее, но приставленное зачем-то к его безногому телу.

– Мир тебе, добрый человек, – обратился к нему Иисус, приветствуя его.

– И тебе мир, – бойко ответил дед. – А Ты, видно, не из наших, не из капернаумовских?

– Верно. Я не из капернаумовских, – улыбнулся Иисус.

– Постой-постой, а Ты ведь не из простых, – бойко продолжал дед, радуясь своей проницательности, – а одежда у Тебя наша, галилейская. Или Ты – переодетый царь? Из какой страны?

– Об этом долго рассказывать, добрый человек. Лучше скажи, что с тобой приключилось? Почему ноги не ходят? – Иисус присел рядом с ним.

– Не ходят, это верно, – вздохнул дед. – Давно это слу-

чилось, одиннадцать лет тому назад, когда нашему четвертовластнику Антипе захотелось город большой построить в римском вкусе в честь императора Тиверия. На строительстве деревянная подпорка соскользнула, полетели камни. Вот камнем большим, с котел очаговый величиной, меня и зашибло. Надсмотрщик у нас был строгий и злой, как голодная собака на привязи. Он как увидел, что обе мои ноги повисли, как тряпки, выкинул меня из города, будто я дохлая скотина. А добрые люди подобрали меня и доставили домой. А дома... денег нет. Обучился я тогда фигурки деревянные делать и посуду для кухни. Здесь на базаре и продавал... А теперь глаза не те и руки дрожат, а еще в прошлом году правую руку отнял. Теперь сосед мой помогает мне: каждодневно сюда меня приносит, чтобы я мог свой хлеб есть. И одна надежда у меня – на Бога всемилостивого, что не оставит меня, калеку немощного и убогого в несчастьи моем, как некогда не оставил и помог Он Ионе праведному извергнуться из чрева китова на берег тихий и спокойный.

Иисус улыбнулся.

– И крепко ты веришь в Бога?

– Нам, бедным, без веры в Него никак нельзя – пропадем совсем, – строго ответил старик. – Каждодневно вспоминаю о Нем и молюсь Ему.

– Твои молитвы услышаны, добрый человек. Вера твоя спасла тебя. Встань и иди. – Иисус поднялся, чтобы освободить пространство для старика.

А старик не двигался и широко раскрытыми от удивления глазами глядел на Иисуса.

– Боже всемилостивый, – наконец прошептал пораженный дед. – Кто Ты? Люди добрые, – сказал он тихо, и вдруг вскричал: – Люди добрые, я чувствую свои ноги и руку. Я вижу отчетливо ваши лица, я вижу каждый листочек на дереве, люди добрые-е.

Старик, дрожа от сильного волнения, поднялся на ноги.

– Кто Ты – царский сын или великий врач? – бросился старик к Иисусу. Люди, видевшие это, даже не ахнули, они были поражены. Старика в городе хорошо знали, и знали, что произошло чудо и нет здесь никакого фокуса.

– Да будет мир с тобою, добрый человек, – тихо сказал Иисус и пошел дальше, к другим увечным, которые нуждались в исцелении.

Старик упал на пыльную дорогу, встал на колени и прокричал сквозь вдруг хлынувшие слезы радости:

– До конца дней моих помнить Тебя буду, посланник Божий.

Сосед старика, который пришел чуть позже, чтобы отнести его домой, всплеснул руками:

– Да ты, старик, на свадьбе моей дочки с ней, невестой, плясать будешь.

Тут ему наперебой и стали рассказывать о странном появившемся в Капернауме человеке, по всей видимости, великом заграничном враче. Тот не верил.

– Верь, верь, Исав, – говорил старик, плача и смеясь одновременно. – Смотри на меня. – Старик подпрыгнул и сделал какую-то сложную фигуру ногами. – А теперь, Исав, помнишь ли ты Толмея-сухорукого? – не дожидаясь ответа Исав, он закричал: – Толмей, иди сюда.

Подошел Толмей, он улыбался и всем показывал свою бывшую сухой руку, которую вылечил Иисус.

– Вот. Что скажешь? – торжествующе произнес старик.

– Скажу, что я хочу видеть этого врача, – смеялся радостно и Исав-сосед.

Молва о великом враче разнеслась по всему городу. К Иисусу подошла какая-то молодая женщина, пробилась сквозь толпу к Нему.

– Приди ко мне в дом. Мать моя в горячке. Помоги ей.

И Иисус идет с нею в дом ее, а следом идут люди, исцеленные и желающие исцелиться, желающие просто видеть великого врача. Встала и мать женщины и захлопотала по хозяйству. Иисус тем временем исцелял других. Народу набралось много: кто в дом вошел, но многие ждали во дворе и на улице. Принесли расслабленного на его постели, и так как к входу было чрезвычайно трудно пробиться, его через крышу спустили в дом к Иисусу.

– Возьми постель свою и иди с Богом, – слышался Его ласковый голос.

– Это Илия, – пробасил шепотом грузный плотник, – Илия-пророк, воскресший из мертвых. Увидел он, что тво-

рит четвертовластник. Иоанна-то казнил. Вот Илия и пришел помочь людям.

– Нет, – возразил ему кто-то. – Это сам Иоанн. Он обличитель Антипы, и не мог он оставить всякие безобразия втуне. Смертью не остановить такого, как Иоанн Креститель. Посланник он Божий.

И наступила тихая ночь. Молодая, совсем тонкая луна золотилась на небе. Люди разошлись по домам утешенные и счастливые. На столе накрыт ужин. Слышится из другой комнаты тихое сопение спящих детей. Язык пламени в светильнике кажется неподвижным. Спокойно, уютно, дрова горят в очаге.

– Жаль, мой муж Тебя не увидел, врач добрый, – вздохнула молодая женщина. – Мой муж – Симон Кифа. Видно, отправился он в Тивериаду или Хоразин. Там цена на рыбу выше, чем у нас. Он рыбак. Ты обождать бы его, он вот-вот должен вернуться.

– Я еще приду в Капернаум и обязательно встречу с твоим мужем, – ответил, ласково улыбаясь, Иисус...

Ночь окутала землю, завладела ею. Загадочно, безмолвно, ярко горел над уснувшей землей тоненький серп молодой луны и слабый его свет еще не мог осветить той дороги, по которой ранним утром Иисус устремится в родной Назарет.

– «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушен-

ных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать Лето Господне благоприятное».

Косые золотистые лучи проникали в отворенную дверь синагоги. Лица жителей Назарета белели в полутемном помещении, освещенном лишь неугасимым светильником, пылающим над сундуком, наполненным священными текстами, и были строги, недоверчивы, замкнуты, словно заперты на замок. Иисус выглядел немного уставшим, Он свернул книгу и передал ее служителям. Все молчали, в воздухе чувствовалось напряжение. Иисус окинул взглядом эти суровые лица, напоминавшие равнодушные двери в негостеприимных домах.

– Ныне исполнилось то, о чем писал пророк Исая, – прозвучал в тишине голос Иисуса. – Конечно, вы скажете Мне: «Врач! Исцели Самого Себя – сделай и здесь, в Твоем отечестве то, что мы слышали было в Капернауме. Но нет! Я исходил весь Назарет и повсюду встречал лишь недоверие и маловерие. Вы пришли сейчас в дом Бога, Отца нашего Небесного, чтобы просить у него помощи и защиты, и в то же время не веруете в Него. Зачем тогда вы пришли сюда? Чтобы показать друг другу, что вы соблюдаете субботу?

– Да мы Тебя знаем, – выкрикнул одинокий мужской голос из последних рядов. – Ты – сын плотника покойного Иосифа.

Назаретяне зашевелились и послышались отдельные голоса.

– Верно, сын плотника Иосифа и Марии, Его тут все знают, и братьев Его знаем, и сестер.

– И только поэтому вы Мне не доверяете? – сказал им Иисус. – Я вырос на ваших глазах, и вы думаете, что знаете Меня. Видно, нет пророка в отечестве своем. Ваши глаза смотрят, но не видят. Вы слепцы.

– Ты погоди, – строго вступил в разговор торговец мелким товаром. – Мы о многих чудесах капернаумовских наслышаны, но ведь в Назарете Ты никого не исцелил. Вот глазами-то своими и хотим увидеть, убедиться. А языком трепать каждый может.

– Верно, – закричали вокруг. – Мы требуем, чтобы Ты кого-нибудь исцелил, тогда мы, может быть, и поверим Тебе. А то пришел тут и мученика Исаяю читает. Как смеешь Ты даже имя его произносить?

– Разве можно исцелить того, кто не хочет лечиться и научить того, кто не хочет учиться? Вспомните, сколько вдов было в Израиле во дни Илии, когда был большой голод, и ни к одной из них не был послан Илия, а только к вдове в Сарепту Садонскую, сколько прокаженных было в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина.

– Это всё пустые слова. Он морочит нам голову! Выгнать Его вон! – слышались крики. Многие угрожающе размахивали руками.

– Схватить Его да и сбросить с горы, чтобы другим мо-

шенникам не повадно было! – орал кто-то, пытаясь перекрыть многоголосый шум.

– Тоже еще – целитель, как будто мы не знаем Его! – кричал другой.

– Как не стыдно играть чувствами людей! Мы ждем настоящего Мессию, Который спасет нас от ига римских властей, а Ты из наших надежд соорудил Себе игрушку! – выкрикнула какая-то женщина.

Дрогнули брови Иисуса, тень боли пробежала по Его лицу. Более не проронив ни слова, Он пошел к выходу. Тишина воцарилась в синагоге. Все молча и неприязненно смотрели на Него, пока Он проходил.

Тоска сдавила Его грудь и одурманила голову. Тоска безысходная, отнимающая надежду. Да, и в Назарете, как и во всем Израиле, ожидали Мессию. Но... «какой же Иисус – Мессия, – рассуждали назаретяне. – Он сын Иосифа и Марии. Знаем Его. На наших глазах рос. Правда, еще отроком отправился Он в земли далекие, но это правильно. Мария и Иосиф живут бедно, и нет ничего удивительного в том, что сын, желая помочь своим родителям, достигнув отроческих лет, отправляется в чужие страны на заработки. И другие так делают. И возвращаются с золотом, со множеством скота всякого, в богатых одеждах и с почестями. Но Иисус, пропадавший где-то шестнадцать лет, вернулся ни с чем: в поношенном хитоне, в изодранных сандалиях Он вошел в город. Видно, не пошли у Него дела в других землях».

– Что же твой Иешуа богатств не нажил в чужеземных царствах? – спрашивали соседки Марию. – Вот потакали Ему много, Он и вырос лентяем.

– Ничего вы не знаете, – тихо отвечала Мария.

Соседки обижались.

– А ты знаешь! – кричали уже они. – Такая же между нами росла, а вышла замуж за плотника и возгордилась. Тоже – красавица нашлась.

Невдомек было назаретянам, что за другими богатствами ходил Иисус в другие страны. За шестнадцать лет Он исходил много дорог на земле, побывал и в Египте, и в Персии, и в Индии, а также сумел побывать в Китае, в стране консервативной и практически закрытой для чужеземцев. Он изучил нравы и духовные знания, живущих там народов, прошел всю их мудрость, чтобы знать, как и о чем говорить с современными людьми, что они знают и чего не знают, их общие настроения и устремления, как более доходчиво объяснить им Тайны Небесные и тайны земные, а также тайны черной ненасытной преисподней, что они поймут и чего не следует им пока говорить, так как они еще не готовы к тому.

А теперь Его одинокая фигура удалялась все дальше и дальше от старых каменных, местами разрушенных стен Назарета, и гнал Его оттуда по узкой пыльной тропинке, извиравшейся меж зеленых солнечных холмов, глухой, жестокий, темный закон, который будет царить на земле, переходя из века в век до тех пор, пока не переродятся люди, не пере-

меняются физически, не заменится природа их, отравленная дьявольским семенем, на Божественную, и который Иисус выразил в пяти словах: «Нет пророка в отечестве своем».

Глава 4. Требуются ученики

Солнце передвинулось вправо и поднялось еще выше, изливая с небесных высот ослепительно-белое золото своих лучей на благословляемый им мир. Как тиха и прекрасна, торжественна и завораживающе радостна волнующаяся зеленовато-синяя плоть моря, усеянная мириадами живых солнечных бликов! Душа наполняется тихим восторгом, детским удивлением и веселием, заражается морской могучей силой. Уходят напряжение и тревога, тают они под благодатным веянием природы. В жарком, нагретом теперь воздухе, освежаемом мягким и трогательно нежным ветерком, пахнет морем и нагретым камнем.

Волна унесла в море вместе с его обитательницей домик любопытной улитки и оставила у сандалий Иисуса маленький, гладкий розоватый камешек взамен. Иисус поднял его и сжал его в Своей теплой ладони. Да, за эти семь дней Он посетил Кану, Капернаум и Назарет. Теперь Он снова у стен Капернаума, но мысли Его неслись дальше, прочь от сверкающего под солнцем моря и уснувших до следующего лова рыбачьих лодок на берегу.

Семь тысяч лет тому назад Иисус уже спускался с Небесных Высот к человеку, и облик Его и образ Его жизни были тогда иными, не такими, как теперь. Это была жаркая тропическая страна, расположенная на архипелаге островов, по-

крытых влажными вечнозелеными лесами, и омываемых водами Индийского океана. Среди высоких кокосовых пальм с саблевидными толстыми стволами, с листьями, похожими на огромные перья диковинной фантастической птицы, среди хлебных деревьев с развесистыми ветвями и крупными желто-оранжевыми плодами жил, трудился и радовался природе красивый, смуглый народ с раскосыми удлинёнными глазами и пухлыми губами жизнелюбов. Это было довольно развитое рабовладельческое государство, а вернее, группа государств. Красивые дворцы, театры, храмы, площади, украшенные каменными и золотыми статуями богов, которые оживали под дыханием живой веры этого народа, – таковы были их города, окруженные часто труднопроходимыми лесами. Развитое мореплавание давало огромную возможность общения этому народу с другими народами, культурному и торговому обмену между ними. Сюда и совершил Свой подготовительный спуск Иисус. Тогда у Него не было такой обширной задачи, которая стояла перед Ним сейчас. Он приходил тогда просто пожить рядом с человеком и как человек, познать вблизи его беды и нужды, и помочь ему приблизиться к Небесным Истинам. Он стал тогда великим учителем и у Него были ученики. И упало семя знаний на почву благодатную и выросло из этого семени прекрасное удивительное растение, рассыпавшее свои семена по всему Древнему Миру, и в каждой из древних стран вырос цветок духовности. Индия, Китай, Египет, Персия, Вавилон

восприняли духовную мудрость учения, основанного семь тысяч лет тому назад на архипелаге островов, теперь покоящихся на дне океана, нашим Учителем и Защитником, Великим Духом, Который сидел сейчас на большом обломке гранита на берегу Галилейского моря.

Теперь же задача Иисуса была огромна – дать людям, и уже всему человечеству, обширные и глубокие знания о Божественной Вселенной, раскрыть внутренние, скрытые в астральных телах, способности людей, указать на истинного виновника их страданий, упразднить законы взаимного пожирания, борьбы за существование, насилия и смерти, заменив последний закон законом преображения физического тела и радостного перехода в иные Светлые Миры, указать людям путь следования по ступеням совершенств, превратить человечество в братство, а далее – в Богочеловечество. Исцеление больных и воскрешение мертвых – это лишь начало начал, – помощь людям и наглядная картина того, что боль, болезни, страдания и смерть суть дьяволово вмешательство в Промысел Божий. Иисус научит людей открывать в себе органы духовного восприятия и преображать свое физическое тело. Он Сам, дожив в Своей земной жизни до глубокой старости, при этом сохраняя молодость Своего тела, на глазах всего мира изменит Свое тело и вознесется в Небесные Страны, минуя смерть. Да, и теперь нужны ученики, много учеников, которые восприняв новое учение, рассеются по всей Земле, неся Благоую Весть Спасения на своих

устах. И не останется ни одного уголка Земли не пройденного и ни одного человека непосвященного. Тогда через дватри столетия законы бытия изменятся полностью и настанет Царствие Божие «и на земле, как и на небе», а черный исполин утратит свою власть на Земле раз и навсегда. Так мысленно рисовал Себе перспективу Своей работы Иисус, временами взглядывая на далекую лодку в море с двумя рыбаками в ней.

Черный исполин, предвидя близкий крах своего вампирского существования на Земле, следит теперь за каждым шагом Иисуса в Его земной жизни. Цель черного исполина ясна – умертвить Иисуса. Одна из таких попыток – избиение Иродом маленьких детей. И сколько еще было таких попыток! Иисусу приходилось всегда быть настороже. Он всюду чувствовал его вмешательство. Теперь необходимы ученики. Молодые, выносливые, любящие жизнь в ее прекрасных проявлениях и лучше – из народных низов; именно там были припрятаны до времени от злобного, все уничтожающего взгляда черного исполина многие из будущих учеников Иисуса. Теперь их нужно только собрать.

Иисус еще раз взглянул на лодку двух рыбаков, качающуюся в волнах довольно далеко от берега, улыбнулся и сказал Сам Себе: «Пора!».

В лодке были братья. Один из них был Симон, по прозвищу Камень, халдеи называли его Кифа. Триста с лишком лет тому назад Иудею захватил Александр Македонский, впо-

следствии, при Селевкидах, она сделалась провинцией греческой Сирии, и греческий язык широко распространился по всей территории Ханаана. Поэтому чаще всего Симона называли по-гречески – Петр. Кто первым его так прозвал и за что, теперь уже доискаться трудно да и неважно это. Кто из нас знает за что, почему и кто дал нам именно такое прозвище, а не другое. Хотя бывают исключения.

А прозвать Симона Петром было за что. Силищей он обладал невероятной; ходила даже легенда о том, что будто бы сам Симон когда-то сказал в развеселой, разогретой хорошим вином компании, что он камни может руками давить и они не на куски развалятся, а сомнутся в его руках, как ветошь. И тут же (это по легенде) продемонстрировал свое мастерство. Было это на самом деле или не было, мы не знаем, но многие верили этой легенде и склонны были думать, что отсюда и происходит это забавное, точное, выразительное прозвище. А как не поверить: сила в Симоне была известная. Не один раз он участвовал в драках, отстаивая таким образом свое видение справедливости да и просто для забавы, не один раз косточки вифсаидских и капернаумовских молодцов испытывали на себе эту могучую силу. И сам он был похож на большущий неотесанный камень, который лежит гордо и одиноко где-то посреди дороги, а вокруг камни поменьше, а то и совсем маленькие камешки попадают, лишь хрустят под подошвами сандалий. Так и он, Симон, – невысокий, широкоплечий с мощными, крепкими, тверды-

ми, как железо, мускулами, с черными и густыми волосами и такую же черную густую бородою, – спокойно, с твердым сознанием своей каменной силы смотрит вокруг на так называемых силачей и не находится соперника ему. Но однажды один прохожий, маленький и худощавый, победил Симона. Симон удивился, оглядел снизу незнакомца, потом захохотал, встал с земли, отряхнул со своей одежды дорожную пыль и, подойдя к незнакомцу, крепко взял того за руку выше локтя.

– Люблю за ученость, – восхищенно хохотал Симон. – Дай поцелую тебя. Ловко у тебя это выходит. У нас так никто не дерется. Ты все время вертишься, не ухватить тебя. Так только сам покалечишься. Одним словом, восхищаюсь и люблю. – И поцеловал незнакомца в щеку, громко при этом чмокнув.

– Ну и руки у тебя, – сказал в свою очередь тот, улыбаясь и шутливо морщась, так как Симон все еще держал его руку в своей руке, точно боялся, что такой умелец драться убежит от него. – Таким руками только камни давить.

– И не говори! – без излишней скромности подхватил Симон и, внешне легким движением придвинув умельца к себе (и тот, конечно же, позволил такую ласку по отношению к себе), мощным своим голосом прогудел в его ухо: – Хорошо, что без свидетелей. А то из любви к учености раздавил бы я тебя в своих дружеских объятиях, всем твоим костям досталось бы. Молву о себе нужно поддерживать, а то недолго и

уважение потерять. – И добродушно засмеялся. Незнакомец тоже засмеялся. Расстались хорошими приятелями.

Но встретился с ним Симон ближе к ночи на улице Вифсаиды.

– Эй, ученый человек, пойдем вина выпьем.

– Рад тебя снова видеть, но вина я не пью, – ответил тот.

– А я не рад тебя видеть, – громким шепотом сказал Симон, – ты же никому не говори, что меня победил. Ты здесь гость, а мне тут законы справедливости устанавливать. – И добавил громко: – Ну если вина не пьешь, так посидим-побеседуем. Не обязательно пить, даже если сидишь в распивочной.

В небольшом доме у Самуила было много гостей. За одним из столов дожидался брата юный Андрей.

– А вот и брат мой, – крикнул Симон прямо в ухо умельца.

– Расскажи, как это ты делаешь. Посмотреть на тебя – с ягненком не справишься, а удар у тебя сильный. Мы здесь более на силу мышц надеемся да на крепость костей: у кого кулак больше, тот и сильный. А у тебя – ученость, – восхищался Симон, попивая вино.

– Это специальный путь, – ответил чужестранный умелец. – Я учился этому с раннего детства, с трех лет.

– Вот это да! – восхищался Симон. – С трех лет! А я-то когда в первый раз морду набил? А, Андрей? Ты помнишь, кому я морду набил?

– Мне, кому же еще, – ответил лениво Андрей.

– Ой, прости меня, брат. Ты обиделся?

– Еще как! – ответил Андрей. – До сих пор думаю, как тебе отомстить.

– Не обижайся, Андрей, – смеясь пробасил Симон и налил вина брату и себе. – Выпей, брат, залей обиду. – Затем он хотел налить и гостю-умельцу, но тот еще раз отказался.

– У вас что же, винограду совсем нет?

– Есть виноград, – улыбнулся умелец, – но мы не пьем вина, мы пьем сок.

– О, сок! – воскликнул Симон и, подозвав Самуила, сказал ему со значением: – Самуил, сока доставь для нашего гостя.

Самуил все понял и принес для иностранного гостя молодого вина. Уверенный в том, что это сок, умелец сделал несколько больших глотков.

– У нас по-другому готовят сок, – сказал он с сомнением.

Симон переглянулся с Андреем.

Когда братья тащили совсем пьяного умельца к себе в дом, Андрей сказал Симону с укоризной:

– Зачем ты опоил молодым вином чужеземного гостя, воспользовавшись его неопытностью в этих делах? Как тебе не совестно, Симон! Теперь неси его. Я сам, – как это ни скрывай, но все-таки под воздействием сложившихся и неумолимых обстоятельств придется признаться, – еле на ногах стою. Так неси же!

– И понесу: он легче ягненка. А опоил его, чтобы он не убежал. Очень интересно мне с ним побеседовать. Пусть рас-

скажет, что за путь такой... Эй, Андрей, что это вы обнявшись улеглись на дороге?

Ранним утром крепкие и привычные к вину братья были свежи и ушли работать в море, а всё еще спавшего умельца оставили на попечении Бога. Он проснулся лишь тогда, когда братья вернулись с уловом из моря. Он выглядел растерянным, слабо пожаловался на сильную головную боль и пробормотал что-то о каком-то нарушении. Симон торжествовал победу:

– Не умеешь пить, умелец. А ведь кричал: «еще вина, еще».

Умелец вдруг закрыл глаза, сделал какие-то непонятные для братьев движения руками, а затем открыл глаза. Взгляд его уже был ясен и спокоен, и румянец проступил на его худых щеках.

– Что я говорил: ученость! – медленно и отдельно произнес Симон, выражая так свое восхищение: – Скажи, что это?

– Я уже говорил: это путь, система, я – ученик Патанджали.

– Ч-чей ученик? – переспросили оба брата.

– Па-тан-джа-ли, – по складам медленно повторил умелец.

– А путь? – беспомощно спросил Симон.

– Путь совершенствования, – умелец улыбнулся, глядя на двух удивленных и растерянных братьев. – Вернее, там не один путь, а целая система путей. Но это в нескольких сло-

вах не объяснишь. Этому надо учиться несколько лет, – говорил умелец, затем обернулся к Симону Петру и сказал с улыбкой: – А ты – плут.

Симон кивком головы подтвердил это мнение.

– Но ты тоже плут, – сказал в свою очередь Симон. – Я тебя опоил, а ты мне даже своего имени не сказал. Отказался. Так вот, вина ты не пьешь, а печеную рыбу будешь есть?

– Я могу совсем не есть, – улыбаясь, проговорил умелец.

Не знали тогда братья, что через несколько лет они вновь услышат имя великого индийского пророка, мыслителя и учителя, создателя учения йога Патанджали, но уже от *своего* Учителя.

Умелец уехал в свою страну, и жизнь братьев, молодая, веселая, полная и труда, и приключений, продолжалась по-прежнему. Симон, по прозвищу Камень или по-гречески Петр, как его часто называли приятели и знакомцы, по-прежнему дрался, поддерживая молву о себе и оправдывая свое прозвище.

Торговцы рыбой уважали его, хотя это уважение мало что ему давало, поскольку торговцы не прибавляли за рыбу ни ассария, и платили Симону так же, как и другим рыбакам. Но Симон высоко ценил свое умение вести переговоры с жадными торговцами, и те уверяли его, что заплатили ему несколько больше, чем другим, в знак своего особого расположения к нему, и были чрезвычайно рады, когда он, взяв деньги, уходил от них довольный, никого не прибавив. А такие неприят-

ности поначалу с ними случались, но они быстро уяснили урок и стали говорить с Симоном не только вежливо, но и заискивая у него, но всё же ни ассария ему не переплачивали, очень, между прочим, рискуя, но надеясь на нестабильность базарных цен на рыбу и на честность Симона. Кто, как не торговцы, знает, что обмануть честного человека легче всего, ибо честный человек верит на слово, если это слово кажется ему искренним. Но наивны были торговцы, думающие о наивности Симона. Симон отлично знал, что платили ему не больше, чем другим, но и не меньше, что главное. Попробовал бы торговец заплатить меньше! Но Симон делал вид, что верит их заверениям в «особом расположении», видя их трусость и внутренний трепет перед ним, и не трогал их.

– Вот жадность! – усмехаясь говорил Симон Андрею. – Боятся, что снесу им головы, а не переплатят. А других, наверное, еще и обманывают, как меня вначале. Ну, узнаю!.. Пусть только кто из рыбаков скажет, что ему заплатили меньше...

Симон славился не только, как силач, борец за справедливость и прекрасный товарищ, близкие к нему люди знали, как добр, нежен, ласков он был, как трогательно рвалась к прекрасному его душа, а его жена знала, как он умел любить до безумия и что его каменные руки самые нежные, мягкие и теплые на свете. В один из приездов своих в Капернаум Симон увидел на базарной площади юную хрупкую девушку с огромными черными сияющими глазами, и тут же Симон со

всею силою своей безудержной, страстной природы влюбился в нее трогательно, нежно, стыдливо. Тогда он упустил ее, и она затерялась в пестрой базарной толпе. Всю дорогу в Вифсаиду Симон был молчалив и мечтателен, и Андрей с улыбкой на него поглядывал. Ночью было тихо в городе Вифсаиде: у Симона проявилась новая странность – уединяться и одиноко бродить среди молчаливых деревьев в саду. Утром он объявил брату, что нечего им больше делать в этом городе и они переселяются в Капернаум. «Там лов, говорят, лучше», – объяснил он свое странное решение. Андрей не возражал и сделал вид, что верит такому объяснению, хотя про себя улыбнулся: «Знаю, какой лов ты имеешь в виду». В Капернауме Симон стал большое внимание уделять хозяйству, молча и сосредоточенно обустраивал он дом, больше работал в море, а днем, с полудня до вечера, где-то пропадал. Дратья он почти перестал, так только изредка с кем-нибудь подерется, больше для поддержания молвы, нежели из большой надобности. Стал строже, похудел, но был счастлив. И еще странность – стал очень интересоваться цветами, женскими шаями и украшениями. Однажды, явившись ночью домой, он зажег светильник и тихо, что было ему несвойственно, подошел к ложу Андрея. Он был таинственен, исполнен тихой радости.

– Дай-ка, брат мой родной, я тебя поцелую, – сказал Симон и, мягко обхватив Андрея горячими ладонями, умильно расцеловал его в обе щеки. Он был, как пьяный, но

был не пьян. Последнее время он вообще не пил вина, даже очень разведенного, а пил одну воду с уксусом.

Расцеловав брата, он еще минуту, ласково улыбаясь, смотрел в лицо брата и затем сказал шепотом – действительно шепотом, – что тоже было ему несвойственно:

– Женюсь я. Как я тебя люблю, брат мой Андрей! – и добавил совсем уже странное и загадочное: – Прекрасная звезда воссияла ярче солнца и осветила всё вокруг. И звезда и солнце светят вместе, и весь мир, глядя на них, радуется и улыбается ответным светом.

Брат Андрей был младше Симона, выше его ростом и стройнее, но физической силой Богом не обижен, имел светлые волосы и синие очи, как у их рано умершей матери-гречанки, а также не росли у него еще усы и борода по младости лет. Рыбной ловлей интересовался мало, только постольку, поскольку это занятие давало средства к существованию. С торговцами договариваться не любил, уступая это почетное право брату; он стоял в стороне и наблюдал, как Симон, деловито подбочившись, называл цену, а маленький круглый торговец, морщась, корчась, извиваясь, трепеща и заискивая, говорил, что такой цены на рыбу сегодня нету, потому что базар переполнен ею, цена значительно упала и те деньги, которые он, торговец, предлагает – очень хорошие деньги, и он их предлагает из «особого расположения» к Симону, «из уважения к его семье и в убыток себе».

– У тебя, у бессовестного, совесть есть? – насмешливо

смотрел на него Симон. – Или тебе помочь ее найти? Ты посмотри на рыбу. Тут одной рыбиной пять человек накормить можно. Давай не жмись, – ласково просил его Симон, опуская свою тяжелую руку на покатоое плечико торговца.

Торговец краснел, потел, бледнел, говорил, что пять человек накормить нельзя, но двое слегка насытятся, что цену он повысить никак не может, потом прибавлял обол за каждые две штуки, и Симон, убедившись, что это и есть красная цена, забирал деньги и уходил.

Первое время Андрею было забавно наблюдать, как Симон торговался, но потом он больше скучал в таких случаях и осматривался по сторонам. Мелкие житейские вопросы и дразги, вся эта житейская суета его не интересовали. Он был мечтателен, глубоко и творчески религиозен. Имел ум пытливый и острый, а душу нежную и любящую. Он чувствовал многое, непонятное для других, и приближался мыслью и чувством ко многим возвышенным тайнам. Часто, еще с детства, он надолго исчезал из дому и его находили по дороге в Иерусалим. Совсем недавно он был на Иордане. Впоследствии разнесся слух, что он-то и был учеником Иоанна Крестителя.

В это утро братьям не везло с уловом. Они вытянули почти все сети, но не нашли ни одной крупной рыбы, попались лишь мелкие пескари.

– Что же это, Андрей! – воскликнул обиженно Симон Петр. – Осталась всего одна сеть.

Андрей пожал плечами.

– Вряд ли в последней сети есть что-то. И вообще... рыбу жалко: она живая.

– Вот новость – живая. Или ты знаешь другой способ зарабатывать на жизнь? Ты совсем стал равнодушен к работе. Ох, женью, узнаешь тогда... И нечего на берег глазеть. Там девушек нет.

– А не рановато мне жениться? – усмехнулся Андрей, и вдруг стал серьезен и сказал тихо: – Сегодня какой-то непростой день.

– Совсем я тебя не могу понять, – с удивлением сказал Симон и стал тянуть последнюю сеть.

Когда он ее втащил в лодку, то он некоторое время молчал. Андрей засмеялся.

– А тут что-то крупное было, – сказал наконец Симон. – Вишь, сеть прорвало. Теперь чинить придется.

Симон сел разбирать сети. Весь его вид выражал недовольство.

– Видишь человека на берегу? – вдруг спросил Андрей.

– Там много людей, – проворчал Симон.

– Ты даже не взглянул. Не там, где рыбаки, дальше. Мне показалось, что он позвал меня.

– Что? – Симон оглянулся. До берега было довольно далеко, и люди, и лодки, бывшие на берегу, казались совсем маленькими. – Выдумщик! Кто тебя позвал? Тут хоть криком кричи – не слышно. Лучше погляди на наш улов. Корзина

пескариков! Неужто всю рыбу выловили из этого озера? Что нам дадут за них? Почему Бог не скажет: «Возлюбил Я тебя, Симон, и за это всегда будет у тебя улов богатым, сети будут рваться от улова».

– Они у тебя и порвались. Только улова нет. – Андрей сел на весла и стал изо всей силы грести к берегу.

– За такой улов нас из дому выгонят. Вишь, гребет! Ты лучше сети так тянул бы, как гребешь. Куда торопиться? Вот выручу ассарии за пескариков – и к Самуилу.

Андрей нахмурился.

– Здоров же ты, брат, вино хлестать. А еще говоришь мне, что ты добрый семьянин. Чуть что – сразу к Самуилу. Улов плохой – к нему, с женой не поладил – к нему, подрался – снова к нему.

– Устыдил ты меня, брат. Так что же, на базар? Пойдем в Киннереф. Может, там больше дадут?

Тем временем они пристали к берегу, привязали лодку. Симон взял легкую корзину и уже хотел идти в направлении к Киннерефу, но увидел, что Андрей пошел в другую сторону.

– Что ты, Андрей? – догнал его Симон. – Неужто и вправду думаешь, что Тот Человек тебя позвал? Показалось тебе. Что за выдумки? Он примет тебя за сумасшедшего.

Андрей шел молча.

– Что ты Ему скажешь? – гудел в Андреево ухо Симон. – Давай мимо пройдем, не обращаясь к Нему. Если Он звал

тебя (вот выдумает!), то Он Сам окликнет тебя, если нет – идем на базар.

– Хорошо, – просто согласился Андрей.

– Он одет как галилеянин, а по виду будто не галилеянин, – тем временем говорил Симон. – А может, ты Его знаешь и шутишь теперь? Встречались где-нибудь? Ты же у нас путешественник, паломник.

– Я вижу Его впервые, – тихо ответил Андрей. – А может быть...

– Что? – Симону было неприятно думать, что его брат «заболел головой».

– Знаешь, Симон, иногда люди, которых мы видим впервые, кажутся нам знакомыми. Отчего так?

Симон не знал, что ответить, и промолчал. Они подошли к Иисусу и уже собирались пройти мимо, как договаривались, но к ним обратился Иисус с приветствием:

– Мир вам, сыны Ионы.

«А ты говоришь, незнакомый», – успел шепнуть Симон остолбеневшему Андрею, которого поразило то, что его предчувствия сбылись. Андрей смотрел на Иисуса и не мог понять, где он мог видеть Этого Человека, где мог встречать и откуда Он знает, что они – сыны покойного уже Ионы-рыбака. Словно воспоминания каких-то полузабытых снов и видений, а, может быть, грез и мечтаний его – было Это Лицо, до боли знакомое и дорогое. Андрей был поражен.

Но Симон не заметил за своей печалью состояния брата и

обратился к Иисусу как к знакомцу Андрея.

– И Тебе мир. Вот идем на базар продавать наш небольшой улов. Уже третий день одни пескари попадаются, да и их немного. Придется продать лодку и сети и идти на каменоломню камни таскать за малую плату, всё больше будет, чем пескариков ловить. – Андрей очнулся и до него стал доходить смысл слов Симона; ему стало стыдно за такой разговор. – Цены на рыбу упали. Постороннему человеку в радость это, а рыбаку – горе. Наш труд не из легких. А торговцы втрое, если не вчетверо, – Симон уже увлекся и завирался, и сам этого не замечал, как не замечал и того, что Андрей дергает его за рукав, – дают меньше базарной цены.

Да, Симон не замечал, что Андрею стыдно за мелочность разговора, он лишь видел, что его слушают и сочувствуют ему и поэтому не стеснялся и высказывал все, что у него на душе накопилось, искренне, наивно, чтобы, высказав свою боль, вновь стать сильным и крепким Камнем.

– Не ходите на базар, – вдруг услышали братья. – Идите со Мной. Зачем вам ловить рыбу, чтобы губить ее. Я сделаю вас ловцами человеков для спасения их.

Глава 5. Просто Иисус

События в Капернауме и Назарете показали, что людям рано знать об Иисусе Кто Он, ибо люди слабы и не готовы еще увидеть Бога живым во плоти человеческой. Тем более они начинают требовать чудес как знамений, а это лишь вредит укреплению веры в Бога. Даже исцеления, которые являют собой торжество Божьих законов над демоническими, люди рассматривают как чудеса, то есть нарушения, опрокидывание Богом Своих же законов. Нужно молчать пока о том, что *Иисус имеет другую природу, что Он – Сын Божий и пришел на землю к людям как выразитель идей одной из Божьих ипостасей – Бога-Сына, Вселенского Логоса, а Сам Иисус есть Планетарный Логос, Бог, Строитель и Разум системы многомерных миров, связанных с планетой Земля; что Планетарный Логос воплощен в Иисусе частично, и Иисус имеет одновременно и Божественную природу, и человеческую, многократно просветленную Божественными Силами в существе Его земной матери Марии и унаследованную от нее.* Пока понять это людям очень трудно, почти невозможно, но постепенно все это станет ясным, очевидным, когда люди станут свидетелями смягчения законов бытия, когда Иисус подготовит Свое физическое тело к трансформе и научит этому людей, а до тех пор пусть думают, что Он один из про-

роков, обладающих Божественным даром исцеления, которые были не редкостью и в Израиле, и в других странах. Но, по возможности, лучше совершать исцеления втайне, чтобы Его слава целителя не превысила той Славы Высшей Правды, ради которой Он пришел на землю. Пока главный акцент следует сделать на проповеднической деятельности, чтобы сначала подготовить души и умы людей к тому, чтобы они вместили в себя многие и многие знания.

Не прошло и получаса, как к будущим ловцам человеков присоединились и сыны Зеведеевы, Иаков и Иоанн, которые в то судьбоносное для них утро вместе со своим отцом Зеведем были на солнечном берегу Галилейского моря. Андрей заметил, что Иоанн, его товарищ по детским играм и недавний его спутник в путешествии к берегам Иордана, был потрясен не меньше его, когда увидел Незнакомца. Даже вздрогнул. (К слову скажем, что об Иоанне ходил впоследствии тот же слух, что и об Андрее, – что он был учеником Иоанна Крестителя.) Иоанн, юный и впечатлительный, вдруг ощутил, как мягкая волна легонько толкнула его в грудь. Может быть, сказала бессонная ночь или жаркое солнце напекло его красивую темноволосую голову, но на мгновение показалось Иоанну, что он взлетел куда-то ввысь и летит теперь спокойно и свободно в мировом пространстве меж ярких огромных звезд, ставших ему близкими и родными. Он наслаждался полетом, чувствовал свое Неодинокство и видел все миры, слившиеся в Гармонию, которые приветство-

вали его и радовались ему. Но это видение длилось всего лишь мгновение. Вот снова видит он морской берег, вот его отец разговаривает о чем-то с Незнакомцем, вот его брат Иаков стоит в двух шагах от него и все еще держит сеть в своих опущенных руках, а вот Андрей стоит рядом с ним и поддерживает его за руку.

– Не бойся, припадка не будет, – шепнул он Андрею.

Дело в том, что с Иоанном, всегда отличавшимся отменным здоровьем, уже после возвращения его с берегов Иордана вдруг случился странный, но легкий припадок, единственным свидетелем которого стал Андрей.

– Как ты думаешь, Кто Он такой? – спросил Иоанн Андрея.

– Не знаю что и думать...

Может быть, Он – Тот, Кого Иоанн и Андрей так жаждали и надеялись встретить, о Ком они так много говорили? С малых лет Иоанн стремился к знаниям, и тяга его к учению ставила своей целью, – то ли конечной, то ли этапной (этого юный Иоанн еще не мог для себя решить), – познание устройства мира и тайн его. Еще в детстве подружился Иоанн с одним угрюмым вифсаидским мытарем, нестарым и одиноким. Тот был когда-то учеником какого-то грека-раба. И этому мытарю понравился маленький подвижный и озорной темноволосый мальчуган с большими любознательными, почти черными глазами и с несколько резким, вспыльчивым характером. Понравился настолько, что мытарь ре-

шил выучить его читать и писать по-арамейски и по-гречески. Немного обучил его и латинской грамматике, немного поведал ему о числах Пифагора и о эвклидовой геометрии, и заворожила маленького Иоанна красота Божьего мира, которую человек сумел выразить в математических формулах. Мытарь давал Иоанну для чтения самодельные, переписанные им самим книги, среди которых были сочинения Пифагора, «Математические собрания» Паппа Александрийского, в которых были прокомментированы утерянные к тому времени «Начала» Эвклида, а также сочинения Платона. Сначала Зеведею такие увлечения младшего сына были не по душе, но Иоанн покори́л сердце своего родителя тем, что по вечерам вслух читал священные тексты. Всё же Зеведей решил как можно раньше приобщить сына к ремеслу рыбака. Сын должен продолжать дело своего отца, поэтому в десять лет Иоанн стал выходить в море с отцом и старшим братом Иаковом. Дружба с мытарем вскоре прервалась, ибо тот из-за каких-то неприятностей с местными властями вынужден был уехать в другой город, и Иоанн больше ничего не слышал о своем первом учителе, хотя впоследствии не раз пытался его разыскать. Но мечта учиться дальше и познавать мир жила в нем и звала куда-то вдаль прочь от быта, от ремесла, от окружающей его действительности. Встретившись со своим другом детства Андреем, с которым он несколько лет не виделся, он снова с ним сошелся. Но теперь вместо обычных игр и шуточных драк, они с таинственным видом о

чем-то шептались, что-то читали и куда-то вместе исчезали на долгое время из своих домов. Симон, на плечах которого после смерти отца лежало воспитание младшего брата, с самого начала знал, куда убегал Андрей, в семье же Иоанна узнали об этом несколько позже. Они ходили в Иерусалим и в другие города, чтобы послушать и увидеть знаменитых проповедников и пророков. Дело в том, – и об этом уже не знали ни Симон, ни домашние Иоанна, – что и Андрей, и Иоанн ждали Мессию, верили в Его скорое пришествие и еще по-детски уверяли друг друга, что и им посчастливится увидеть Его. Прослышав об Иоанне Крестителе, оба друга, конечно, отправились на Иордан, опять же не предупредив об этом путешествии своих близких, даже не подумав о том, что те будут волноваться, и вернулись лишь месяц спустя. Зеведей и его жена Саломея после долгих волнений и переживаний решили, что Иоанна следует женить, несмотря на его юный возраст, иначе его таинственными путешествиям конца не будет. Четырнадцатилетний Иоанн был очень хорош собой, высокий, стройный, в работе не ленив, умен и добр. Многие семьи с удовольствием отдали бы за него своих дочерей, и самим дочерям этого очень хотелось, поскольку некоторые из них уже были в него тайно влюблены. Так что с выбором невесты для Иоанна затруднений не предвиделось. Сам же Иоанн был далек от мыслей о брачных узах, и решение родителей его застало врасплох и поставило в тупик. Лишь Иаков слабо заступился за брата: «Да он дитя еще

совсем».

Старшим своим сыном Иаковом родители были довольны, и за дальнейшую судьбу его были спокойны. Зеведей опытным своим оком разглядел, что Иаков станет хорошим и уважаемым рыбаком, достойным продолжателем отцовского дела. Иаков действительно любил свое ремесло и трудился в море даже вдохновенно. Очень любил самое море, именно это маленькое Галилейское море. Когда не было работы, он мог часами сидеть на берегу и смотреть, как море искрится под солнцем, как оно темнеет и волнуется, когда над ним нависают тяжелые низкие тучи, слушать его голос то грозный, то нежный, звучащий под сенью ночи, наблюдать, как бежит таинственно по его волнам от самого горизонта лунная дорожка и как окрашивали его в розовые и оранжевые тона лучи восходящего солнца.

Недавно Иаков сказал своим родителям о своих дальнейших планах, то есть о том, что он решил заработать достаточно денег, чтобы купить свой дом, лодку и сети, и обзавестись в ближайшем будущем семьей, чем очень порадовал Саломею и Зеведея, не знавших о той личной драме, которую успел пережить их сын (о ней речь еще впереди) и о том, что именно живая рана на сердце сына заставляет его думать о скорой женитьбе на первой встреченной им девушке и о собственном доме.

Как же удивился Иоанн, когда Зеведей отпустил его и Иакова с Иисусом. Он решил, что произошло чудо. Второе чу-

до тоже не заставило себя ждать, ибо Иаков в один миг вдруг изменил свои планы, к которым, казалось, так серьезно относился и так долго их вынашивал, и вместо тихой, спокойной жизни с женой и детьми на берегу моря избрал вдруг эту неведомую дорогу. В решимости его сомнений не было. Прежде чем Иоанн опомнился, Иаков сложил сети в лодку и подошел к сынам Ионы, проделав всё это с видом спокойным и решительным, словно он всю свою жизнь знал или хотя бы подозревал о своей настоящей судьбе и ждал только этого часа.

– Равви, мы готовы идти с Тобою, – сказал за всех Иаков.

– Нет, – сказал Иисус, – не называйте Меня «равви» или каким-нибудь иным именем. Вы друзья Мои и братья Мои. Называйте Меня просто – Иисус.

– Иисус, по-арамейски Иешуа, это значит «спаситель», – шепнул Симон Андрею. – Довольно распространенное в Израиле имя...

Они шли по солнечному берегу вдоль линии прибоя. Вскоре мокрый песок и камни сменились ковром зеленой травы с маленькими цветами. Теплый воздух нежно омывал идущих, пьянящее спокойствие было разлито в природе.

– Иоанн, – вполголоса сказал Андрей, – сейчас у меня такое чувство, словно всё это когда-то уже было. Так же светило солнце, так же пахло травами и морем и мы так же шли по этой долине вслед за Иисусом. Я понимаю и осознаю, что этого никогда прежде не было, но впечатление очень живо,

ярко и сильно. А ты чувствуешь что-то подобное?

– Сейчас – не знаю, – тихо ответил Иоанн. – У меня как-то все мысли и чувства путаются. Вернее, я переполнен ими и ничего в них не могу понять. Но я тебя понял: у меня раньше такое бывало. Вот точно знаю, что со мной никогда чего-то не было, а кажется, что всю обстановку уже видел когда-то, все слова слышал и именно так и отвечал.

– Странно, правда? – задумался Андрей. И произнес тихо, обращаясь уже к самому себе: – Интересно, бывает ли так и с другими людьми, а если бывает, то как часто и, главное... разрешит ли когда-нибудь человек эту загадку? Ведь если кажется, что все это было, значит, оно, может, действительно было, но только в каком-нибудь другом времени или же человек просто где-то в полуснах видит свое будущее не как символ, что обычно бывает в вещих снах, а как реальность со всеми тонкостями и мелочами?

Иоанн прислушивался к этому бормотанию, и сам задумался.

Вскоре они свернули на узкую тропинку, ведущую к восточным воротам Капернаума. До города оставалось минут десять ходьбы. Тропинка вилась меж трав и кустарников с мелкими красными и черными ягодами, а ближе к городу пролежала через открытое место, поросшее спорышем и другой мелкой травой. Вдруг кусты шевельнулись и послышался слабый треск преломленной тонкой ветки. Слышалось чье-то затрудненное и заглушенное дыхание, тихое сопение.

– Слышите? – спросил Симон. – Может, чья-то овца заблудилась?

– Там далее много гробов. Это может быть и прокаженный, – серьезно заметил Иаков.

– Так по закону прокаженный должен громко объявить о себе, что он не чист. Вряд ли, – с сомнением сказал Симон.

– Не беспокойся, Симон, – сказал Андрей. – Это какой-нибудь дикий зверь. Лев, например.

– Насмешник. Со львом я справлюсь, – горделиво-спокойно сказал Симон.

– А овцы боишься? – улыбнулся Андрей.

Будущие ловцы человекoв тихо засмеялись, а Симон легонько и шутливо ударил Андрея по плечу.

Как только они вышли на открытое место что-то серое, большое и бесформенное бросилось им наперерез и простерлось у ног Иисуса. Теперь все увидели, что это был человек в страшных лохмотьях, прикрывавших почти все его тело. Нос и нижнюю часть лица его скрывала какая-то грязная тряпка, верхняя же часть его лица была опухшей, как опухшими были и его оголившиеся стопы и части голеней; кроме того, эти участки тела были покрыты язвами. Перед ними был прокаженный.

Болезнь проказа была настоящим бедствием древнего мира и считалась Божьей карой за очень тяжкие грехи. Больных проказой изгоняли из городов и селений, и эти несчастные селились в каменных гробницах, таясь от света и людей, про-

клявших их. Помимо физического отвращения, люди испытывали по отношению к ним и духовный страх, боясь, что Бог их покарает так же, если прокаженный, он же страшный грешник перед Лицом Бога, приблизится к ним или заговорит с ними. Поэтому под страхом страшной и неизбежной смерти эти несчастные должны были криком предупреждать людей, что они нечисты. Питались они чем придется, в основном тем, что давала природа. Иногда они издали кричали стражникам городов и просили им дать хотя бы объедки, а в ответ получали грубые слова.

Совсем по-иному обстояло дело, если какого-нибудь богача вдруг поражала эта страшная болезнь. С тех пор как люди узнали власть золота и стали благоговеть перед деньгами для обладателя денег не стало ничего невозможного в мире, какие бы тяжкие грехи он не совершил. Богатый прокаженный мог предпринять одно дорогостоящее «лечение». Для этого ему нужно было обратиться к священнику, и тот за несколько минут и мешок золота проводил обряд очищения. Вот как это происходило:

Священник брал двух птиц «живых и чистых», как написано в Законе, брал также палочку кедрового дерева, червленную нить и траву иссоп и шел за город вместе с прокаженным. Одну из птиц закалывал над глиняным сосудом с водой, потом омывал в крови жертвы живую птицу, палочку, нить и иссоп, окроплял семь раз прокаженного кровью и отпускал оставшуюся в живых птицу на волю. Затем про-

каженный должен был у себя дома выстирать свою одежду, остричь волосы и покупаться в воде. Теперь он «чист», может спокойно жить в городе, но должен семь дней находиться в одиночестве. На седьмой день он должен был обрить все волосы на теле, постирать одежду, в которой был эти семь дней, снова покупаться в воде, а на восьмой день, прихватив с собой двух овнов непорочных, одну однолетнюю овцу непорочную, три десятины пшеничной муки, смешанной с елеем, одну меру елея и мешок с золотом за услуги, он вновь посещал священника. Тот закалывал одного овна на жертвеннике в синагоге и кровью жертвы мазал правое ухо очищаемого и большие пальцы на его правой руке и правой ноге. Елей священник лил на левую свою ладонь, а палец правой своей руки обмокал в елее и кропил больного семь раз, затем мазал елеем опять же таки правое ухо очищаемого и большие пальцы его правой руки и правой ноги. Потом выливал остатки елея со своей левой ладони на голову очищаемого и приносил жертву всесожжения и хлебное приношение. Все это исполнялось с педантичной точностью. После этого объявлялось, несмотря на явные, неисчезающие признаки болезни, что прокаженный «совсем чист». В хороших условиях, при разнообразном хорошем питании больной нередко, спустя некоторое долгое время выздоравливал, и тогда вся заслуга в исцелении принадлежала священнику.

«Милостивый» закон делает оговорку и для бедных. Им на восьмой день достаточно было взять одного овна, одну

десятину пшеничной муки, смешанной с елеем, одну меру елея и двух горлиц для жертвы за грех и всесожжения. Но на самом деле такое «очищение» было не по средствам бедным, и они скитались вне городов и селений в страшной болезни, мучаясь от боли, голода, отвращения к себе и страха перед здоровыми людьми, выбросивших их из своего общества.

Один из таких несчастных и лежал сейчас у ног Иисуса, повторяя, как безумный, монотонным, хриплым голосом одну фразу:

– Господи! Если хочешь, очисти меня! Господи! Если хочешь, очисти меня!

Хотя Иаков сказал, что гробы «там далее», они находились довольно далеко от восточных ворот, и немалое расстояние пришлось преодолеть при такой болезни этому несчастному.

Иисус бросился к прокаженному и помог ему подняться. Ученики молчали и не двигались.

– Очистись! – произнес Иисус.

И ученики не поверили глазам своим. Тело прокаженного стало уменьшаться, а язвы затягиваться. Теперь перед ними стоял невысокий, худощавый молодой человек, довольно приятной наружности в обвислых лохмотьях. Тот, судорожно закатив рукав, увидел свою руку, здоровую и без язв. Даже следов не осталось. Тогда, сорвав повязку со своего рта, он еще раз бросился в ноги Иисусу.

– Встань и не говори никому, как очистился, – ласково

сказал Иисус и пошел дальше.

После некоторого молчания заговорили ученики.

– Вот так «просто Иисус»! – воскликнул Симон. – А я еще не верил своей жене! Такое увидеть... да этому никто не поверит.

– Такого мы не видели ни у одного из пророков, к которым приходили! – шептал Андрей.

– Прокаженный сказал: «Господи!», значит, это и есть «Идущий вслед за Иоанном Крестителем, Которому он не смеет даже обувь Его понести»? – проговорил Иоанн.

– О таком я читал лишь в Священном Писании, – пораженно говорили и Иаков, и Симон, и Иоанн, и Андрей.

Ученики догнали Иисуса. Первым заговорил Симон Петр:

– Равви! Достоин ли я, чтобы идти за Тобой?

Иисус оглядел ошеломленных учеников.

– Увидите больше этого. И сможете. Истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божьих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому. А теперь идемте в Капернаум.

Да, чудо поражает и имеет огромную силу убеждения. Вот почему умный и лукавый дух, черный исполин, приходивший в пустыню к Иисусу, искушал Его совершить чудо – превратить камни в хлебы. Но Иисус от начала и до конца Своей оборвавшейся Миссии ни одного чуда не совершил. Чудом не были ни Его Непорочное Зачатие, ни превращение воды в вино в Кане Галилейской, ни исцеления, ни вос-

крещения мертвых, ни укрощение бури, ни хождение Его по воде, ни преображение на горе Фавор, ни Его собственное воскресение, ни Его вознесение. Иисус действовал в пределах Божьих законов, опровергая всей Своей Жизнью демонические законы болезней и смерти, беспомощной ограниченности возможностей физического тела. Ибо Божественные законы Жизни чудеснее и прекраснее любых чудес, которые только может представить человеческое воображение. Но пусть мы называем это чудесами. Разве не чудо, что звезды силою тяготения – силою любви – образуют системы, даруя нам жизнь, разве не чудо, что мы дышим, любим, творим, преклоняемся перед понятиями «прекрасного», «великого», «милосердного», разве не чудо, что Логос Земли из любви к нам стал Сыном Человеческим... Такие чудеса рождаются из веры. И грош цена вере, рожденной из чуда. «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Но что такое *вера*? Есть такое мнение, что знания выше веры, так как последняя основана на недостаточных и не достоверных данных. Но так ли это? Что такое знания? Например, наши научные знания, которыми мы гордимся? Разве не на вере, вернее, доверии к авторитетам ученых основаны они? Ведь не все опыты мы проводим лично и в большинстве случаев даже не имеем возможности их провести, так что многие научные истины мы воспринимаем на веру. Итак, вера равна знанию – из веры рождается знание, из знания – вера. Доверяя авторитетам святых и пророков, их личному духов-

ному опыту, мы приобретаем религиозные знания, с помощью веры мы извлекаем знания, вложенные в нас Богом, из глубин нашего подсознания и из высот нашего сверхсознания, мы расширяем свое «я», познаем себя и окружающий нас мир. Бог есть Истина, а путь к Истине, лежащий через веру и любовь, и есть познание. Разве не странно, что все гении науки – все эти Ньютоны, Ломоносовы, Менделеевы, Дарвины, Эйнштейны, Вавиловы – были глубоко верующими в Бога людьми, а убежденные атеисты ничего в науке не сделали?! Потому что великие человеческие открытия и великие произведения искусства – это суть Божественное Откровение ученым и деятелям культуры. С помощью горячей веры в Бога они сдвигали «горы» в пространствах человеческих познаний и восприятия прекрасного – и тем самым двигали человечество вперед, в светлое будущее, которое рано или поздно настанет благодаря избранным. «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Глава 6. Учитель

Когда Иисус и Его ученики вошли в город Капернаум, к ним тотчас подошел римский кентурион. Это был довольно высокий, сильный человек лет тридцати, со строгим суровым лицом воина, слегка изуродованным некогда ударом меча – белеющий шрам проходил через весь лоб до левой выжженной солнцем брови. Он поклонился Иисусу.

– Ты – Великий Человек! – произнес кентурион. – Я был свидетелем Твоих исцелений. Но то, что я увидел сегодня, убеждает меня в том, что дар Твой действительно от Бога Твоего. В то время, когда я въезжал в город, я увидел Тебя с прокаженным. Потом я видел этого человека здорового и радостного. Хотя мы с Тобой разной веры, я прошу Тебя во имя Бога Твоего о милости. Мой слуга очень болен и лежит в горячке. Я люблю его, я знал его еще мальчишкой, и с тех пор он служил мне в сражениях на полях битвы. Я прошу Тебя оказать мне милость и исцелить его.

– Я приду к тебе и исцелю его, – ответил Иисус.

– Нет, Великий Человек, – произнес кентурион, – не достоин я, чтобы Ты вошел под кров мой. Скажи лишь слово – и выздоровеет слуга мой. Хотя я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «Пойди», – и он идет; другому: «Приди», – и тот приходит, а слуге моему: «Сделай то», – и он делает.

Иисус, услышав такие слова, ласково улыбнулся:

– Я рад буду, если и в Израиле найду веру такую. Говорю же вам, – обратился Он к ученикам Своим, – что многие придут с востока и запада, севера и юга и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царствии Небесном. – Затем Он снова обратился к кентуриону: – Иди и как ты уверовал, да будет тебе. Твой слуга теперь здоров.

– Благодарю Тебя и Бога Твоего, – сказал кентурион и, еще раз поклонившись Иисусу, удалился.

В Капернауме Иисуса уже заметили и вскоре вокруг Него собралось много людей.

– Как ты думаешь, – Симон Петр схватил Андрея за руку, – слуга сотника уже здоров?

Андрей удивленно взглянул на Симона.

– А ты как думаешь? – сказал он, и легкий укор послышался в его вопросе.

– Я думаю, здоров, – ответил сияя Симон Петр. – Сомнений нет. И ты не сомневайся.

Тем временем они проходили мимо Симонова дома, и Симон, бросив на ходу Андрею: «Я сейчас», – быстро вошел в дом. Он застал жену в первой комнате, где она разжигала очаг. В доме было тихо, и, казалось, эта тишина зазвенела в ушах после шумной улицы. Видимо, дети спали в другой комнате.

– Радуйся, любимая, – вскричал Симон.

Жена сделала ему знак, чтобы он говорил тише, но шепот

все равно у Симона не получился.

– Пойдем со мной – поделишь радость нашу, – он поцеловал ее в губы и, как была она у очага простоволосая, такую и потащил ее за руку из дому; она едва успела захватить накидку и уже на ходу убирала волосы.

– Симон, где же улов? – торопливо бормотала она.

– Некогда, любимая. Идем, – орал он.

Пробиться сквозь толпу к Иисусу было весьма трудно. Но жена Симона разглядела в толпе Иисуса.

– Ой, Симон, это Он, – шепнула жена ему.

– Он, – ответил Симон радостно.

– А ты не верил мне, даже до слез довел. Значит, Он встретился с тобой, как обещал, когда исцелил мою мать... И все же, Симон, где улов?

– А нет улова. Выпустил я пескариков, пусть живут.

– Как, «пусть живут»? Как наши дети будут жить?

– И пескарики будут жить, и мы заживем совсем по-другому, – орал Симон, потому что в толпе уже иначе и говорить было нельзя. – Теперь я с Ним.

– Вот хвастун, – засмеялась жена.

– Мир тебе, жено, – заметил ее Иисус.

– Мир и Тебе, Равви, – вся вспыхнула женщина. – Моя мать, я и мой муж просим Тебя посетить наш дом.

– Благословенна ты, жено, – сказал Иисус. – А отпустишь ли ты своего мужа со Мной? – Он ей улыбался, и ответ Его улыбки был на ее лице.

– С Тобою – куда угодно, – сказала она.

В эту минуту подошел к Иисусу бывший прокаженный. Он все еще был в лохмотьях и был бледен.

– Господи! Помоги мне еще раз. Священник отказывается мне выдать свидетельство, если я не принесу жертву за грех и всесожжения. Где мне взять овнов? Я сроду ничего не крал.

– Верю тебе, и Я пойду с тобой к священнику, – сказал Иисус и, обратившись к ученикам Своим, произнес: – Вы идите к Петру и ждите Меня там.

Ученики удалились, а Иисус и бывший прокаженный в сопровождении внушительной толпы пошли к синагоге, которая находилась недалеко, через две улицы.

Священник, услышав шум, вышел на середину синагоги и остановился в ожидании, увидев вошедших.

– Этот человек нуждается в разрешении на жительство, – сказал Иисус, указав на Своего спутника.

– Я ему уже объяснял, что, по Моисееву закону, – проговорил маленький священник, – так как он был болен проказой, а не какой-нибудь другой болезнью, он должен принести жертву за грехи и жертву всесожжения.

– Сказано: «Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений», – ответил Иисус.

Священник не знал, что ответить на это Иисусу. Уличенный в плохом знании Закона, он побоялся, что его неосторожный ответ подорвет его авторитет среди уже засомневавшихся в нем жителей Капернаума. Он отчужденно посмотрел

рел на Иисуса и пошел выписывать свидетельство.

Через пятнадцать минут Иисус уже был у дома Петра. Но сразу возлечь за столом со Своими учениками Ему не удалось. Больные и увечные жаждали исцелений. Иисус принимал их в саду Петрова дома. И так было до самого вечера. Когда солнце вновь утонуло в Галилейском море, Иисус наконец вошел в гостеприимный дом Симона Петра. Кто-то маленький и мягкий толкнулся под ноги Иисуса, когда Он входил. Тихо смеясь, Иисус поднял на руки маленького сына Петра, черноволосого и кудрявого, как отец, мальчика двух лет, и ребенок доверчиво и крепко обнял шею Иисуса.

– Мир дому сему, – сказал Иисус, нежно и бережно обнимая ребенка.

– Ой, – вскрикнула смутившаяся жена Симона Петра, – я же его уложила спать. Вот непоседа.

– Ничего, – сказал ей Иисус, – теперь он проспит до позднего утра, ведь сегодня он так и не пожелал уснуть.

– И Ты, Равви, о таких мелочах знаешь! – удивилась женщина и, взяв уснувшего ребенка из рук Иисуса, отнесла его в другую комнату.

Симон поднялся из-за стола и, как хозяин дома, приветствовал дорогого Гостя по обычаю, то есть целованием, омовением ног и помазанием елеем головы. Когда Иисус возлеж за столом, вошла жена Симона.

– Мне прямо неудобно, как хозяйке. Петр, – она называла мужа по прозвищу, когда сердилась на него, – не принес

сегодня ни улова, ни денег. А что было, эти обжоры почти все съели, – указала она на учеников. – Мне почти нечем угостить Тебя.

– Это не страшно, – сказал Иисус улыбаясь, – дайте Мне то, что осталось.

Жена Петра дала Иисусу хлеб, выскребла в блюде остатки меда и налила в чашу остатки вина.

– Этого на всех хватит, – сказал Иисус и, преломив хлеб, раздал каждому по большому куску хлеба, затем, взяв Свое вино, наполнил чаши каждого до краев, а блюда хозяек и учеников наполнил медом из Своего блюда.

Никто не ожидал от Иисуса этого. Тут просто все рты раскрыли от изумления. А затем, весело смеясь, принялись за трапезу. Симон веселил всех своими рыбацкими рассказами, и сам же первый и хохотал громче всех, поэтому жена останавливала его, знаками указывая на вход в другую комнату, где спали дети. Все насытились и еще много на столе осталось еды и питья.

Иисус встал из-за стола. Он поблагодарил хозяйку и ее мать за приглашение и угощение и сказал ученикам, что им пора уже идти.

– Уже уходить? Ночью? – удивились ученики. – Дай нам время, Равви, хотя бы собраться в дорогу.

– Со Мною вы ни в чем не будете нуждаться, поэтому не берите с собой ни сумы, ни посоха, ни двух одежд, ни двух смен обуви.

– Неужели, Равви, Ты уже уходишь? – расстроилась жена Петра.

– Я часто буду приходить в Капернаум, – утешил ее Иисус. – Ибо здесь есть дом, где Меня любят и ждут.

Иисус и ученики вышли на ночной берег моря, над которым золотился серп молодой луны, но ученикам показалось, будто две полные луны изливали свет на землю – так светла была ночь рядом с Иисусом. Петр, которого все стали так называть вслед за Иисусом, Которому очень понравилось прозвище Симона, отвязал свою лодку. Все вошли в лодку и отправились в Гадару, город Десятиградия, расположенный на восточном берегу Галилейского моря.

Сначала море было спокойным, поверхность его была гладкой, как мраморные плиты в Храме, ветра совсем не было, поэтому добрую треть пути лодка прошла на веслах. Но внезапно стало темно, пропал куда-то с неба золотистый серп луны и подул сердитый холодный ветер. Море взволновалось и вспенилось. Вскоре волны набрали такую силу, что они поднимали лодку к черным небесам и бросали ее вниз. Плыть дальше стало невозможно, поэтому Петр и Иаков быстро соорудили из мачты, весел и паруса плавучий якорь и бросили его за борт, закрепив его на носу веревкой, чтобы он удерживал лодку носом к ветру и ее не захлестнуло волной. Андрей и Иоанн энергично работали черпаками, в безумной спешке вычерпывая воду из лодки. Вскоре к ним присоединились Петр и Иаков. Буря безжалостно терза-

ла и швыряла лодку, которая становилась почти вертикально, опираясь попеременно то на нос, то на корму. Долго так продолжаться не могло, и любой из следующих валов мог принести смерть.

– Никогда не слышал, чтобы на нашем озере был когда-то такой шторм. Темно так, что я себя не вижу, – орал все преувеличивающий Петр.

– Где наш Учитель? – орал Иаков.

Иисус в это время спал на корме. Устав за день, Он уснул, когда лодка лишь отплыла от берега, и теперь даже разыгравшаяся в море буря не смогла разбудить Его.

– Учитель, Учитель, – стали кричать ученики. – Спаси нас, мы тонем.

Иисус тут же открыл глаза.

– Что же вы так боязливы, маловерные? – мягко упрекнул их Иисус. И сказал: – Море и ветер, успокойтесь.

Волны обрушились вниз и исчезли, и стала поверхность моря ровной и чистой. Ветер улетел, словно и не было его, небо стало чистым и снова появился на нем голубовато-золотой серп молодой луны.

Многое узнали ученики за день и в эту ночь о Своем Учителе: исцеление безнадежных больных, насыщение огромной семьи малыми кусками хлеба, остатками меда и вина, а теперь, оказалось, что и море, и ветер подвластны Ему. Ученики боялись даже глаза поднять на своего Учителя.

– Говорю вам, – сказал Иисус им, – если имеете веру с

горчичное зерно и скажете горе: «Сойди с места и войди в море», то исполнится по вере вашей.

Так как во время бури лодка дрейфовала против ветра, ее снесло к юго-западу и она сбилась с курса. Иисус указал ученикам, куда плыть; в это время подул попутный ветер, Петр и Иаков поставили парус, и через полтора часа лодка пристала к берегу...

Восточный берег был весь залит слабым светом восьмидневной луны, вдали чернела огромная гора – это был город Гадара, а слева угадывалась группа высоких деревьев. Берег был тих и казался таинственным.

– Учитель, – обратился Иаков к Иисусу, потому что его очень интересовал этот вопрос, так как он по-детски искренне любил природу, – если можно приказывать морю, ветру, горе, значит, они живые?

– Бог – Отец живых, а не мертвых, – ответил ему Иисус. – Все, что создано или рождено Им – живое. Сними обувь свою – и ты ощутишь, как живая земля ласкает и целует подошвы ног твоих, обними камень, лежащий на пути твоём, и ты услышишь его дыхание, скажи ветру что-нибудь, и ты поймешь, что он услышал тебя.

В эту минуту тихое лунное очарование берега было нарушено диким взвизгом. Ученики вздрогнули и похолодели. Так не кричит ни зверь, ни птица, но трудно представить себе, чтобы это был голос человека. Крик повторился и размножился.

– Не бойтесь, – сказал Иисус ученикам. – Это сумасшедшие. Их двое.

– Я слышал от других рыбаков, – сказал Петр ученикам, – что в Гадаринской окрестности люди боятся выходить ночью из города и близ лежащий селений. Да и днем ходят не в одиночестве, поскольку здесь бродят двое бесноватых, весьма свирепых, которые одежды не носят и нападают на людей, жестоко их избивая.

Две белеющие фигуры, одетые в лунный свет и кричащие что-то невразумительное и страшное, наконец приблизились к Иисусу и остановились.

– Это Ты? – сказал вдруг один из них низким, утробным голосом. – Что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Зачем Ты пришел мучить нас?

Два последних вопроса были заданы многоголосым хором, и ученики подивились тому, что один человек может говорить сразу сотней согласных голосов, правда, очень неприятных и жутких.

– Я пришел, и Мои ученики слышали ваши голоса. Теперь они знают, кто разъедает души и умы этих несчастных. Исцелитесь, – сказал Он тихо, и это последнее слово было обращено уже к самим сумасшедшим.

– Да здесь люди! – воскликнули лунные фигуры нормальными человеческими голосами. – Не подходите, мы без одежды, – и вскоре они исчезли в черной группе деревьев и кустарников.

– Вы все здесь, – обратился Иисус к черной копошащейся массе у Его ног. – Скажите, чтобы слышали Мои ученики, – сколько вас?

– Легион. [Легион – триллион (матем. введено в XII в.); легион как военная единица в римской армии – 5000 человек. – В.Б.] – Это был тот же многоголосый хор низких, утробных голосов.

– Уходите к себе, здесь нет для вас пищи, – приказал им Иисус.

Черная масса бросилась в море и утонула в нем.

Ученики не могли поверить ни своим глазам, ни своим ушам. Учитель приказывает бесам, и те бегут от Него!

– Учитель, – обратились к Иисусу ученики, – объясни нам, что это было?

– Вы только слышали о бесах, – сказал им Иисус, – но никогда не слышали их голосов и не видели их. Бесы – обитатели других миров, и они для большинства людей невидимы и неслышны. Я сделал так, чтобы вы их слышали и увидели. Я открыл на минуту ваши вторые слух и зрение.

Иисус взглянул на черные высокие городские стены.

– Ночью нам все равно ворот не отворят, – сказал Иисус. – Отдохнем до рассвета здесь, на траве.

Расположились на ночлег, но ученикам, переполненным впечатлениями минувшего дня и этой ночи, не спалось и хотелось еще поговорить. Они лежали на траве рядом и шепотом обменивались впечатлениями. Вспоминали всё – с са-

мого начала. Андрей упрекал Петра, что он ему не поверил тогда, в лодке, а Иоанн спрашивал брата Иакова, почему тот, собиравшийся жениться и жить отдельно от родителей, вдруг, не раздумывая, пошел за Иисусом.

– Как видишь, в выборе я не ошибся, – отвечал тихим голосом Иаков.

Затем они вспомнили и прокаженного, и еще нескольких, поразивших их, исцеленных. Вспоминая ужин у Петра, они тихо засмеялись, припомнив его рассказы о диковинных морских животных, которые ему попадались в сети.

– А что? – возмущался басом Петр. – Действительно попался – голова и одни ноги.

– А сколько ног-то было? – смеялся Иаков.

– Не считал.

– Да врет он все, – говорил Андрей. – Ему об осьминогах рассказывал в распивочной средиземноморский рыбак.

Затем серьезно, снизив свой голос, как только они могли, говорили о преломлении хлеба Иисусом.

– А вино-то совсем уже другой вкус имело, – шептали восхищенно.

– Я никогда не пил такого вкусного вина, – пробасил Петр.

– Тише, – зашикали на него.

– А бесы? – громче, чем нужно, сказал Петр. – Мне один знакомец рассказывал, что в северных странах водятся такие животные – свиньи называются. По описанию его очень похожи. Говорил он, не морда, а сплошные ноздри.

– То у него – голова и ноги, то – сплошные ноздри, – заметил Иаков.

– Снова неправда, – сказал Андрей.

Тут вмешался в разговор Иоанн, много путешествовавший вместе с Андреем.

– Да, неправда. Мы с Андреем видели этих животных – очень симпатичные, милые и умные. А бесы... – Иоанн помолчал, подбирая в уме выразительное слово, – они жуткие.

– Не говори о бесах, – заметил ему Иаков, – а то еще присятятся. Мерзость какая! – передернул он плечами.

– А буря? – вспомнил кто-то...

Так за разговором и не заметили, как уснули.

Петр проснулся оттого, что яркое солнце било ему прямо в глаза и еще оттого, что слышал возле себя громкие крики людей. Открыв глаза, он увидел, что перед Иисусом стоят люди: стражники, служители синагог, другие жители Гадары. Некоторые из них были вооружены палками. Поднявшись на ноги, Петр ощутил, что его кто-то ударил в спину кулаком. Он обернулся и увидел разгневанную старую женщину.

– Убирайтесь отсюда, – строго говорил стражник Иисусу. – Народ волнуется. Это непорядок.

– Прогоните этих повелителей бесов, – кричали в народе. – Мы не пустим их в город.

– Мы уходим, – тихо сказал Иисус.

– Что случилось? – спрашивал Петр у других учеников, проснувшихся раньше него.

– Видишь, нас гонят, – ответил Андрей. – Наши ночные знакомцы рассказали в городе, что пришли волхвы, которым покоряются бесы.

Иисус и ученики Его пошли к лодке.

– Куда теперь, Учитель? – спросил Петр, когда они немного отплыли от берега, на котором еще волновались и кричали угрозы люди.

– В Вифсаиду, – сказал Иисус. – А в Гадару мы еще вернемся.

– После того, как они нас выгнали? – спросил Петр с сомнением.

– Да, после того, как они нас выгнали, – улыбнулся Иисус.

Вифсаида совсем не изменилась с тех пор, как оттуда выселились сыны Ионы. Всюду они встречали знакомое и родное. Всюду они встречали знакомцев и друзей. Петр важно говорил им, что он тут «по делу и очень занят». Когда же его спрашивали, указывая на Иисуса: «Кто Он?», он таинственно им отвечал:

– Приходите на *наш* холм за городом, узнаете.

И Петр сделал-таки свое дело. На известном жителям Вифсаиды холме собрались несколько тысяч человек. Они слушали Иисуса до позднего вечера. Многих, как и в Капернауме, Он исцелил. Покоренные вифсаидяне даже не захотели возвращаться на ночь в город. Тогда Иисус взял два хлеба, преломил их и накормил весь народ, бывший на холме и у его подножия. Жители Вифсаиды вскричали: «Будь нашим

царем!»». Но Иисус исчез, и никто не заметил, куда Он ушел и когда. Даже ученики Его не могли разыскать.

– Как вы думаете, где наш Учитель? – спросил Иаков у остальных учеников.

Те пожимали плечами, но напряженно думали, куда им теперь идти.

– Может, Он пошел в Гадару? – предположил наконец Петр. – Помните, Он сказал, что вернется в Гадару?

– Он сказал, что *мы с Ним* вернемся туда, – отмахнулся от этой версии Иаков. – Да и как бы Он пошел? По воде, что ли? Лодка-то здесь...

– А в обход по берегу?.. – сразу нашелся Петр. – Мы Его там и перехватим, а?

– Да, с нашим Учителем не соскучишься, – напряженно морщил свой красивый лоб Иаков. – Впечатлений на десять жизней хватит. Ну, куда Он девался?словно в воздухе растворился. У меня уже голова кругом идет. Нет, я предлагаю, ждать Его здесь. Он Сам нас найдет.

Но Андрей и Иоанн согласились с Петром, что нужно плыть в Гадару. Сидеть и ждать – это было им не по силам. Они жаждали действий. И все поплыли к восточному берегу моря, несмотря на ночь. Плыли они уже несколько часов, чувствовался скорый рассвет, но другой берег был неосязаем. Море было спокойным и гладким. Вдруг ночь начала таять, и они заметили, что к их лодке кто-то приближается. «Не может быть!» – подумали они, протирая глаза.

– Это призрак, – догадливо крикнул Петр. – Говорят, в море такое бывает.

Вокруг них было только море, ни одного берега не было видно. Кто же может идти по воде, как по твердой земле? Только призрак. Глубина моря им, как рыбакам, была известна.

– Кто из вас слышал о призраках? – тихо спросил Иаков. – Что нам нужно делать теперь?

– Ободритесь, это Я. Не бойтесь. – Они узнали голос Иисуса.

– Все-таки по воде, – тихо шепнул Иаков.

Ученики решили, что уже нечему удивляться и обрадовались.

– Господи! – сказал Петр, и сам не заметил, что назвал Учителя Господом; это как-то получилось само собой. – Если это Ты, повели и мне прийти к Тебе по воде.

– Иди, Петр. Ты можешь это, – сказал Иисус.

Петр вышел из лодки и пошел по воде навстречу Иисусу. Он сам себе не поверил, что идет по воде. Но как только эта мысль, эта мысль-чувство, коснулась его, сердце его сжалось – и он провалился в воду.

– Господи! Спаси меня, – вскричал Петр, захлебываясь.

Иисус протянул ему Свою руку, и Петр вновь оказался стоящим на воде.

– Маловерный! – сказал Иисус с легким укором. – Зачем ты усомнился?

Иисус и Петр вошли в лодку.

– Господи! Куда теперь? – спросил Петр.

– Туда, куда вы плыли, – в Гадару, – ответил Иисус.

– Ты и это знаешь, Господи! – удивился Петр. – Но... они же нас выгнали?

– Теперь примут, – был ответ.

И ученики без лишних слов налегли на весла.

Солнце поднялось высоко, когда они приплыли в Гадаринскую окрестность. Их встретили на берегу жители Гадары как самих долгожданных гостей. Ученики были поражены, еще слишком уж живо было воспоминание о том, как эти люди вышли на них с палками.

– И тут, выходит, я усомнился, маловерный, – сам себе весело сказал Петр. – Как же это?

А всё оказалось просто. Жители Гадары жили в постоянном страхе, даже стражники боялись лишний раз отворить ворота, чтобы как-нибудь те двое сумасшедших не проникли в город. Как только рождается страх, он распространяется на всё. Мало было жителям Гадары двух сумасшедших, так теперь еще и бесы будут бегать по окрестности. Ранним утром стражники с башни западных ворот города увидели двух голых людей, прикрывших свои срамные места зелеными ветками. Они просились в город и утверждали, что они его жители и здесь живут их родные, и, чтобы их все-таки впустили, наговорили стражникам о своем страхе перед пришедшими волхвами, покорителями бесов. И их впусти-

ли. А слух о бесах распространился в городе в самое короткое время. Люди взволновались и вооружились, чем могли. Затем, прогнав «волхвов», они успокоились и заметили, что окрестность больше не оглашается дикими криками. По указаниям стражников были найдены и те двое. Их и родных их обо всем подробно расспросили и узнали, что не было никаких «вождей бесов», а были люди, которые смогли исцелить этих двух сумасшедших и, таким образом, освободить всю окрестность от постоянного страха. «Уж не пророк ли какой приходил?» – тут же возникла у многих мысль. А тут еще и весть из Капернаума подоспела о многочисленных исцелениях. Вот почему и встретили гадаряне Иисуса и учеников Его с ликованием.

А Петр всё дивился такой перемене в настроении гадарян, но вывод сделал:

– Всё, что говоришь Ты, Господи, истина.

Глава 7. Господь

Третьего дня Иисус сказал Своим ученикам, чтобы они называли Его просто по имени, но уже через час они все стали называть Его Учителем, а через тридцать шесть часов они вслед за Петром стали обращаться к Нему: «Господи». Иисус не смог скрыть Свою Божественную природу, как солнце не может скрыть свой свет. Как солнце встает над землей и все живое, имеющее зрение, видит его свет, а растения чувствуют его свет и тянутся к нему, так и Иисус, как только пошел в мир, все, имеющее *зрение*, увидело Благодать – Божественный Свет, исходящий от всей Его личности. Даже исцеления не удалось совершать втайне. Были случайные свидетели, как тот кентурион, у исцеленных были родные и знакомцы и т.д., и т.д. Люди подходили к Иисусу, и Он тут же приходил к ним на помощь, можно даже сказать, бросался помочь каждому, кто Его об этом попросит. Да даже не попросит: ведь не просили есть вифсаидяне, слушающие Его у холма. Ему стало жалко проголодавшихся людей, и Он преломил имеющиеся два хлеба. И был доволен, когда они все – тысячи – насытились и еще много еды у них осталось. Правда, они соблазнились о Нем, и Ему пришлось незаметно уйти из тех мест.

Вот и теперь, как только Иисус и Его ученики вновь вошли в Капернаум. Его сразу же окружила толпа народа. Лю-

дей было так много, что стало ясно, как здесь много людей, прослышавших об Иисусе и пришедших в Капернаум – Его город – из других городов и селений Галилеи, Переи и Десятиградия. Были здесь и встревоженные народным энтузиазмом служители синагог и книжники, сновал в толпе и тот священник, которому уже «посчастливилось» побеседовать с Иисусом и который заверял других служителей, что «это очень опасный Человек: Сам язычник, а суется в дела нашей иудейской веры».

Иисус исцелял прибывших в Капернаум больных и увечных. А уже ближе полудню, когда к Нему поднесли одного расслабленного, Иисус вдруг сказал ему:

– Прощаются тебе грехи твои.

Служители синагог и книжники, до сих пор молчавшие, стали перешептываться.

– Он богохульствует. Кто смеет прощать грехи, кроме Бога. Он богохульствует.

Шепот их в толпе слышали. Люди терялись и настораживались. Обвинение было очень серьезное. Никому не хотелось, чтобы Иисуса обвинили в преступлении богохульства и закидали камнями, но также никому не хотелось быть исключенными из общины, так как это влекло за собой потерю имущества. Люди наклоняли головы и пытались затеряться в толпе, чтобы их не запомнили в лицо присутствующие здесь служители синагог.

– Почему вы мыслите худое в сердцах ваших? – обратил-

ся к служителям и книжникам Иисус. – Что легче сказать: «прощаются тебе грехи» или «встань и ходи»?

Книжники и служители молчали. Часто они говорили людям, приходившим в синагогу, если те приносили жертву, что им Бог прощает грех, а если не приносили жертву, что Бог еще «не простил грех». В вопросе Иисуса они усмотрели опасность для своего авторитета среди народа.

– Но чтобы вы знали, – продолжал Иисус, – что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, Я говорю: «Встань, возьми постель свою и иди в дом твой».

Расслабленный встал, взял свою постель и пошел, пройдя совсем близко от книжников и служителей. Некоторые, видевшие это, в душе посмеивались над посрамленными служителями, но в основном народ был в восхищении и кричал:

– Слава, слава нашему Богу! Слава нашему Богу, давшему такую власть человекам!

Книжники и служители молчали, понимая, что в эту минуту молчание самая лучшая тактика. А маленький священник несколько затравленно огляделся вокруг и медленно побрел к синагоге.

Иисус отпустил Своих учеников, чтобы они повидались с домашними своими, и сказал им, что через два часа Он ждет их возле известной в городе старой-престарой смоковницы. Сам Иисус пошел в центр города, где располагалась городская площадь.

Через два часа первыми на место встречи пришли сыны

Зеведеевы. Беглого взгляда на них было достаточно, чтобы заметить их взволнованность и раздражительность. Вскоре подошли и Петр с Андреем. Петр шел очень довольный и нес под мышкой какой-то огромный закрытый сосуд, но нес его легко, словно сосуд ничего не весил; Андрей чему-то смеялся и что-то рассказывал Петру, а тот хитро улыбался. Не успели сыны Ионы и сыны Зеведеевы обменяться между собой и словом, как со стороны центральных улиц подошел Иисус, но не один, а в сопровождении толстого круглолицего молодого человека с темными волосами и бородой. Так как в Капернауме все всех знали, то Петр, взглядевшись в спутника Иисуса, воскликнул:

– Никак это Левий Матфей, мытарь! Вглядишься, Андрей, это он? Глаза меня не обманывают?

– Не обманывают, – сказал Андрей.

– И ты с нами, Матфей? – сказал ему Петр, думая, что говорит тихо. – Помнишь, какое скверное вино мы пили у Самуила десять дней тому назад?

– Конечно, помню. Меня всю ночь потом тошнило, – ответил смущенный Матфей. – Но теперь у меня есть чудесное вино, Петр, десятилетнее, купил у Вениамина в Тивериаде.

– Ну, Вениамин – другое дело! – воскликнул Петр и добавил чуть тише: – Но врет он, что десятилетнее, два года – не больше.

– Прошу Учителя и вас всех посетить мой дом, – сказал Матфей громко, – если не побрезгуете домом и угощением

мытаря.

– Побрезгуем?! – воскликнул Петр. – Вот ты сказал! То ли мы с тобой не пили! И знаешь, я еще Филиппа позову. – И дружески похлопал Матфея по круглому мощному плечу.

Матфей, привыкший к ежедневным многократным оскорблениям со стороны книжников и служителей синагог, несколько боялся, что ученики будут относиться к нему с предубеждением из-за его, теперь уже бывшего, занятия. Одно дело находиться в заведении Самуила, где все навеселе и готовы целовать и врагов своих, называя их братьями, другое дело – стать учеником Пророка и стать братом другим Его ученикам, которые знали его как сборщика подати в пользу римского кесаря. Конечно, Петр очень добрый человек да и брат его Андрей – человек широких взглядов, но вот красавцы сыны Зеведея стоят в стороне, молчат и отворачиваются.

А молчали они и отворачивались совсем по другой причине. Волновавшаяся с того самого часа, когда Зеведей пришел с моря один, Саломея встретила сынов слезами и упреками. Она никаких объяснений не хотела слушать и твердила только одно: чтобы они остались и, как все люди, завели свои семьи. Иоанн совсем не думал о женитьбе. Одно дело повеселиться с девушками вечером, рассказать им что-то умное или забавное, совсем другое дело взять на себя ответственность и стать отцом семейства. У Иакова, хотя он и говорил родителям о женитьбе, были свои на то причины. Теперь же и он мыслил о женитьбе с отвращением. Поэтому, прослы-

шав о внуках, они оба, будучи характерами несдержанными, вспылили и наговорили матери всяких грубостей. Особенно отличился по-отрочески горячий Иоанн. Затем оба ушли из дому, оставив мать в обиде и слезах.

Вот почему, когда подошел Иисус, оба брата вдруг залились краской до самых корней темных волос и опустили глаза, хотя Иисус им не сказал ни слова, лишь взглянул на них.

Дав возможность наговориться Петру и Матфею, Иисус сказал тихо и ласково, обращаясь ко всем ученикам:

– Идемте к Матфею. Нам немного нужно задержаться в Капернауме. Затем пойдем в Тивериаду.

У Матфея был небольшой, аккуратный домик в три комнаты, окруженный старыми смоковницами. Слепая стена дома, обращенная на улицу, была вся увита виноградом. Виноград вился также по деревянному навесу, установленному на уровне крыши дома. Во дворе у Матфея было шумно, к нему пришли товарищи по ремеслу. Каждый захватил с собой некоторое количество вина и еды. Окончив свою работу, они пришли к Матфею и ожидали его под навесом в тени виноградника, шумно беседуя.

– А вот и Матфей! – крикнул кто-то из них и запнулся. Тут все ожидавшие хозяина увидели Иисуса и Его учеников. Все они узнали Великого Учителя и были удивлены, что Он пришел в дом одного из «грешников-мытарей». Но вскоре нашлись и приветствовали Иисуса и Его учеников. Матфей, как хозяин дома, приветствовал Учителя и новых братьев по

обычаю.

Гостей у Матфея было так много, что в доме не хватало для всех места. Тогда решили вынести столы и лавы в сад и расположились среди смоковниц. Пока возились с обстановкой, Петр, оставивший один сосуд на столе, пошел куда-то и вернулся еще с двумя такими же сосудами, в одном из которых было вино, а в другом – мед, да еще и привел с собой Филиппа, как обещал, сильного, мощного, как и Петр, высокого молодого шатена. С ними вернулись и сияющие братья – Иаков и Иоанн. Дело в том, что они, когда начались только приготовления в доме Матфея, подошли к Иисусу и сказали:

– Позволь нам, Господи, пойти домой. Мы с матерью были грубы и теперь тяжело у нас на сердце.

– Идите, – улыбнулся им Иисус.

Во второй раз Саломея сыновьям все, конечно, простила и отпустила их идти по дорогам Галилеи. Вот почему они и вошли довольные и счастливые.

Еще не сели за стол, как проходившие мимо ограды двое книжников заметили Иисуса и Его учеников в обществе мытарей. Они остановились и крикнули:

– Зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Ты, Врач и Пророк, как Ты мог войти в дом мытаря, чтобы разделить с ним его трапезу?

– Снова вы мыслите худое, – ответил кротко Иисус. – Не здоровые нуждаются во враче, а больные. Пойдите, научитесь тому, что значит: «милости хочу, а не жертвы». Я при-

шел призвать не праведников, а грешников к покаянию.

– Хорошо покаяние! – возмутились они далее. – Теперь следует поститься. А Твои ученики не постятся, а едят и пьют!

– Можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но *если* придут дни, когда отнимется у них жених, тогда в те дни они будут поститься. Никто не приставляет заплат к ветхой одежде, отодрав от новой одежды, а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплат от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие, а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут. Молодое вино должно вливать в мехи новые, тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорят, старое лучше.

Книжники хорошо поняли эти образы и ничего не смогли сказать в ответ; они стали проталкиваться сквозь толпу, образовавшуюся во время этого разговора. Некоторые люди искали Иисуса, чтобы исцелиться (они только что прибыли в Капернаум из других городов), а другие просто были привлечены криками книжников и остановились послушать из любопытства.

Пробивая себе дорогу сквозь толпу, книжники вдруг увидели начальника местной синагоги Иаира. Они переглянулись и остановились посмотреть, что будет дальше. Иаир был очень расстроен и взволнован. Было видно, что он выбежал из своего дома в чем был, волосы его были всклокочены. Он

подошел к Иисусу и упал Ему в ноги. Слезы потекли по его бледным запавшим щекам.

– Дочь моя умирает, – сказал он тихо и страшно. – Приди, возложи руки Свои на нее, и она будет жива.

– Он безумец, – сказал один книжник другому.

– Я иду к тебе, Иаир, – сказал Иисус.

За Иисусом и Иаиром последовали ученики и люди, свидетели просьбы начальника синагоги.

Из переулка на улицу вышли две женщины, одна молодая, другая намного старше. Вторая женщина опиралась на руку молодой.

– Мама, ты устала, – сказала молодая. – Мы два часа блуждали улицами города, пока искали Великого Врача. Отдохни. Видишь, Он пока занят.

– Рахиль, я ведь проделала такой путь из Афека. Двенадцать лет я страдаю кровотечением. Нет, я не буду отдыхать. Я не потревожу Великого Врача, я лишь прикоснусь к Его одежде и стану здоровой; я верю в это. Помогите мне, Рахиль.

И обе женщины пошли за толпой и вскоре настигли ее.

Когда до дома Иаира оставалась одна улица, Иисус вдруг обернулся и улыбнулся старой женщине из Афека, которая прикоснулась к Его одежде.

– Дерзай, дочь! – сказал Он ей. – Вера твоя исцелила тебя.

– Господин, – в это время кто-то обратился к Иаиру. Это был его слуга. – Не утруждай Учителя. Я принес плохую весть.

Иаир пошатнулся, но устоял на ногах.

– Что? – хрипло спросил он.

– Дочь твоя... умерла.

Иаир стал совсем белым и как бы в одно мгновение похудел, силы ему изменили. Слуга подхватил его, чтобы он не упал на камни настила.

– Веруй, Иаир, – строго сказал Иисус. – И она спасена будет. Веди, – сказал Он слуге Иаира.

В дом вошли Иисус и Его ученики, Иаир и его слуга.

– Сюда, наверх, – указывал дорогу слуга.

В доме было тихо, слышался из дальней комнаты женский плач и завывания. В конце длинного коридора светлел дверной проем.

– Сюда, сюда, – указывал слуга.

Иисус и пришедшие с Ним вошли наконец в комнату, где на ложе лежала маленькая покойница. У ложа на коленях стояла мать девочки; она прижалась щекой к холодной руке дочери, она не двигалась, она не плакала, она была бледна так же, как ее мертвое дитя, а страшно открытые глаза ее неподвижно глядели в пустоту. Тут же у ложа уже стояли и приглашенные кем-то плакальщицы в черных изодранных одеждах. Они в голос завывали.

– Зачем плакальщицы? – сердился Иаир. – Моя дочь уснула, она не умерла.

– Выйдите все, оставьте Меня одного с нею, – сказал Иисус, посмотрев на девочку.

Плакальщицы тут же прекратили плач и тихо вышли. Слуга увел Иaira. Тогда Петр подошел к матери девочки, чтобы помочь ей подняться и выйти из комнаты. Женщина пошевелилась и тихо сказала:

– Кто смеет смеяться над горем матери?

– Я помогу тебе, жено, – сказал Петр.

– Что? – спросила она. С трудом понимала она происходящее; она с удивлением поглядела на Петра. – Кто ты?

– Надо выйти, – сказал растерявшийся Петр.

Женщина вскрикнула и с громкими рыданиями упала на грудь девочки.

– Не пущу! – кричала она. – Не отдам!

На глазах Иисуса выступили слезы. Иаков пришел на помощь Петру, и они вдвоем, подхватив ее под обе руки, кое-как вывели ее, хотя она билась и кричала:

– Пустите! Не отдам!..

Когда все вышли, Иисус подошел к девочке. Длинные черные ресницы ее отбрасывали тень на ее белые худые щеки, а еще недавно розовые губы были бледны. И если бы не эта мертвенная бледность, действительно, можно было подумать, что ребенок просто уснул. Иисус взял ее правую руку и сказал тихо:

– Девица, проснись!

Краска мгновенно вернулась в ее лицо: заалели губы, появился румянец на щеках. Длинные ресницы дрогнули и она открыла глаза.

Увидев Иисуса, она спросила:

– А где мама?.. Ты Бог?

При звуке ее голоса комната тут же наполнилась людьми.

Иисус отошел от ложа, уступая место матери девочки. Она бросилась целовать свою дочь и, как безумная, одновременно рыдала и смеялась.

– Я знала, знала, что ты не умерла, мое солнышко, моя радость!

Иаир, все еще бледный, стоял некоторое время прислонившись к стене. Видно было, что он сильно ослаб.

Пораженные ученики Иисуса остановились у входа в комнату.

Иаир наконец нашел в себе силы подойти к Иисусу. Он буквально рухнул Ему в ноги, склонился низко, почти касался он лбом своим пола. Иисус помог подняться ему.

– Как, как мне Тебя отблагодарить, Великий Человек! – Затем он повернул искаженное сильной радостью, дрожащее лицо к жене и сказал ей:

– Жена, благодари этого Человека. Он – наш Спаситель!

Женщина бросилась благодарить Иисуса.

– Благодарите не Меня, – ласково сказал Иисус. – Это Отец наш Небесный дал жизнь вашей дочери.

– Сегодня же принесу жертву Господу нашему! Эй, – крикнул он слугам, – приготовьте для жертвы овец.

– Не надо, Иаир, – тихо сказал Иисус. – Отцу нашему Небесному не нужны жертвы. Ему не нужны ни смерть тво-

ей дочери, ни смерть невинных животных, Ему лишь нужно, чтобы *все Его дети пребывали в радости и счастье*. Он возвратил жизнь твоей дочери, так не отними жизнь у подвластных тебе животных. Тем ты и отблагодаришь Отца нашего Небесного.

– Все сделаю, как Ты говоришь. Не надо жертв, – крикнул он слугам. – Отныне всякая жизнь для меня священна. Это обещает Иаир, начальник синагоги, которому Бог вернул дочь. Отныне в нашей синагоге не будет литься кровь.

Петр первым выбежал во двор и ошалело закричал ожидавшему народу:

– Девица здорова. Смеется, попросила есть! – Его шатало от сильного волнения. – Слава, слава Богу, Сущему в Небесах! – закричал он, и его славословие подхватили в народе:

– Слава, слава Богу, давшего такую власть человекам!

На следующее утро Иисус и ученики Его отправились в Тивериаду.

О Тивериада, Вифсаида, Магдала, Мадон, Геннисарет, Хоразин, Давраф, Наин, Кана, Ефраим, Сихем, гордый Иерусалим и многие, многие города и селения земли Ханаанской! Радуйтесь, ибо к вам пришел Сын Божий, наш Господь! Только те, кто страдали, поймут радость сию. Радуйся, Земля! Радуйтесь, народы! Слышите, как торжественно и радостно поют песни Ангелы? Радуйтесь все, все! Ликуй, Земля!

И было собрание множества народа.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное, – говорил Иисус. Люди сидели на склоне горы и у подножия ее не шевелясь, как бы боясь каким-нибудь движением своим помешать Учителю. – Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют Землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попираание людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы видели они ваши добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного. Вы слышали, что сказано древним: «Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я вам говорю: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его, ни головою твоею, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Да будет слово ва-

ше: «да, да», «нет, нет».

Вы слышали, что сказано: «око за око, зуб за зуб». А Я говорю вам: не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я вам говорю: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Да будьте детьми Отца нашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец наш Небесный.

Не придет Царствие Небесное приметным образом, и не скажут: «Вот оно здесь» или «Вот там». Ибо вот, Царствие Небесное внутри вас есть.

Вы спрашиваете чему подобно Царствие Небесное и чему уподоблю его?

Царствие Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастает, бывает деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.

Еще подобно Оно закваске, которую женщина, взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все.

Еще подобно Царствие Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое найдя человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то.

Еще подобно Царствие Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел и купил ее.

Вы спрашиваете чему подобно слово Божие и чему уподоблю его?

Слово Божие подобно семени, которое сеятель сеет на поле своем. И когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его. А иное упало на камень и взойдя засохло, потому что не имело влаги. А иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его. А иное упало на добрую землю и взойдя принесло плод сторичный.

Вы спрашиваете, что значит притча эта?

Упадшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись.

Упадшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают.

Упадшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими

подавляются и не приносят плода.

А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении.

Не плачьте, когда врагами разрушены храмы и истреблены их священные сосуды. Бог не имел в виду храмов, построенных руками человека, но понимал под ними сердца людей, которые представляют истинный храм Божий. Войдите в ваш храм, в ваше сердце, озарите его добрыми мыслями, терпением и упованиями непоколебимыми, которые вы должны иметь к вашему Отцу. И ваши священные сосуды – это ваши руки и глаза; думайте и делайте приятное Богу, ибо делая добро своему ближнему, вы исполняете обряд, украшающий храм, обитель Того, Кто дал вам день. Бог сотворил вас по Своему подобию, невинных, с чистой душой, наполнил добротой, предназначил быть не местом зарождения злых намерений, а святилищем любви и справедливости. Не оскверняйте же вашего сердца, говорю Я вам, ибо Вечное Существо постоянно в нем обитает. Если вы хотите совершать дела, отмеченные благочестием или любовью, делайте их со щедрым сердцем, и ни одно ваше действие да не будет исходить из надежды на прибыль и торгового расчета. Такого рода дела не приблизят вас к спасению, а доведут до нравственного падения, при котором воровство, ложь и убийство считаются отважными действиями.

Так придите ко Мне все изможденные и страждущие в

раздоре и несчастье! Ибо мир Мой даст силу вам и утешит вас. Ибо мир Мой переполнен радостью. Потому Я всегда так приветствую вас: «Да будет мир вам!». И вы приветствуйте так друг друга, чтобы в тело ваше мог снизойти мир вашей Матери-Земли, а на дух ваш мир Отца Небесного. И тогда вы обретете мир и меж собой, ибо *Царствие Бога в вас*. А сейчас возвращайтесь к вашим братьям, с которыми вы доселе были в разладе, и дарите им также ваш мир. Ибо счастливы, кто стремится к миру, ибо обретут они мир от Бога. Идите и не грешите более. И дарите каждому мир свой, как Я подарил Свой Мир вам. Ибо Мир Мой есть Бог. Да будет мир вам!».*

—

*[Мат. 5, 3-16; Мат. 5, 33-45; Мат. 5, 48; Лук. 17, 20,21; Мат. 13, 31-33; Мат. 13, 44-46; Лук. 8, 5-8; Лук. 8, 11-15; Тибет. Ев. 9, 10-17; Ев. От ессеев.]

Глава 8. За чашею вина

Поздно вечером во вторник накануне пасхи иудейской, приходившейся в этом году на четверг, в трапезной в доме бывшего первосвященника Анны в Иерусалиме находились двое: сам хозяин дома – маленький сухонький старичок Анна, одетый попросту, по-домашнему, и его зять Иосиф Каиафа, ныне действующий первосвященник, – огромный, нестарый мужчина с длинною черною бородою, облаченный в эфод, но бывший без головного убора. На коротких толстых пальцах последнего были большие перстни с разноцветными сверкающими камнями, которые вызывали на тонких длинных бесцветных губах Анны ироническую усмешку. Ни музыкантов, ни рабынь, ни слуг не было в комнате, но чувствовалось, что несколько минут назад здесь была вся многочисленная семья Анны, играла музыка, суетились слуги, подавая закуски и вино. Но теперь домашние Анны ушли: стол обновлен яствами, новое вино принесено из погребов, разлито по чашам, а незаметные, точные, молчаливые слуги неслышно удалились. Все двери заперты, за окнами черная ночь, а в комнате светло от множества светильников, и сверкают, дробясь разноцветными искрами, камни в перстнях Каиафы. Анна был скромен: на нем не было ни одного украшения и одет он был в простой таллиф, но пил вино из золотой чаши, украшенной крупными кровавыми рубинами.

Анна держал чашу в руках, ни на мгновение не выпускал ее из рук, любуясь ею, и пил вино маленькими глоточками, смакуя его. Это была та самая чаша, которую Анне недавно подарил при вступлении своем в должность прокуратора иудейского Понтий Пилат. Подарок этот должен был стать символом сотрудничества и мирного сосуществования римских властей и синедриона, хотя на самом деле Анна и Пилат с первого же взгляда не понравились друг другу и с каждым днем неприязнь росла между ними, доходя до ненависти, а в иные минуты даже до отвращения. Анне не нравился гордый, еще молодой и умный римлянин с выправкой легионера, с которым приходилось считаться и делить с ним власть над иудеями. Но еще более не нравилось Анне, что Пилат был из рода эквитесов (всадников), – так называли в Риме кельтских и сарматских аристократов. Пилату же был просто лично неприятен маленький, сморщенный, лысый, хитрый Анна, который лишь формально отошел от дел, но которому на самом деле принадлежала высшая религиозная власть в Иудее и который не брезгал никакими средствами и методами в достижении своих целей.

Анна очень дорожил этой чашей в кровавых рубинах и пил вино только из нее, до того любил он эту чашу. И любил он ее потому, что для него она была не символом сотрудничества, а наоборот, – символом вражды. Она напоминала ему о надменном римлянине и, может быть, в ту минуту, когда он отпивал из нее красное виноградное вино, он воображал,

что пьет самое кровь своего врага. «Всегда нужно помнить о враге», – любил говорить Анна.

Каиафе бросилась в глаза игра огней в красных рубинах, и перед ним мелькнул образ Понтия Пилата и тотчас погас.

Каиафа нервничал, ему не сиделось. Не хотелось ни пить, ни есть. Он встал и несколько раз прошелся от стола к окну и обратно. Анна наблюдал Каиафу и пил вино, причмокивая вялыми бесцветными губами, чтобы тоньше распробовать вкус вина и уже в который раз подносил чашу к своему маленькому крючковатому носу, чтобы еще раз ощутить его аромат.

– Превосходное вино. Сорок лет тому назад хороший урожай винограда был в долине Изреельской, – первым заговорил Анна. – Каиафа, как ты находишь вино?

– Что? – Каиафа был задумчив. – А? Вино? Мне больше нравится «Фалерно».

– Любимое вино римских кесарей? – усмехнулся Анна.

Каиафа вздрогнул и остановился. Анна недолюбливал римлян, вернее, ненавидел их, и было неосторожностью со стороны Каиафы, который всеми силами старался расположить к себе старого бывшего первосвященника, этого хитрого, всех подозревающего старца, своего тестя обмолвиться в его присутствии о том, что Каиафе нравится что-нибудь римское. Так думал Каиафа. Он всегда мечтал о первосвященническом месте, но с тех пор, как Иудея лишилась своего царя – Архелай, сын Ирода Великого, был лишен трона еще

императором Августом и отправлен в изгнание – она, Самария и Иудея были присоединены к римской провинции Сирии; в Иудее появилась должность прокуратора (по-еврейски – игемона), а должность первосвященника стала как бы выборной. И прокуратор, и первосвященник подчинены были императорскому легату в Сирии, который и назначал на эти должности, кого хотел, дав предварительно императору лестную характеристику очередной кандидатуре. Таким образом, Каиафе приходилось угождать и Анне, так как именно из его рода назначались первосвященники, и римлянам – легату и прокуратору, так как первый обладал властью назначать первосвященников, а второй мог написать на него жалобу легату или самому императору. Тиверий же был непостоянен, капризен, подозрителен, а потому и доверчив к доносам и даже к анонимкам. Именно он на четвертом году своего правления одним своим истерическим словом лишил Анну формальной власти. Каиафа, благодаря своей услужливости, умению угождать и вашим и нашим, удерживал эту должность за собой уже несколько лет и, конечно, терять ее не собирался. Не для того он стал зятем Анны, старался поддерживать хорошие отношения с Валерием Графом, а теперь с Пилатом и столько лет льстил императорскому наместнику в Сирии Люцию Виттелию!

Теперь Анна уже любовался Каиафой, этим огромным детиной, склонного к истерике всякий раз, как только мелькнет перед ним опасность – настоящая или мнимая – поте-

рять первосвященническое место. То, что Каиафа всячески угождал римлянам да и по своему внутреннему убеждению склонен был считать, что римляне несут высокую культуру иудеям и старался им подражать в некоторых мелочах, для Анны не было тайной. Каиафа был слишком труслив, чтобы нанести какой-нибудь вред Анне и его семье своими увлечениями, тем более, что Анна и меры предпринял, сумев поставить своего зятя по отношению к себе раз и навсегда в положение подчиненное, зависимое, несамостоятельное.

Но Каиафа не на шутку испугался, что теперь потеряет доверие Анны. Хотя он тревожился напрасно: уж что-что, а доверие никогда не было в числе недостатков Анны. Тот никому не доверял, но поиграть в доверие любил.

– Каиафа, разве я против фалернского? – сказал Анна. – Что плохого в том, что ты предпочитаешь вино римлян? Посмотри на стол: вот устрицы из Бретонии, дыни из Египта, ливийские приправы к мясу. А этот прекрасно зажаренный моим поваром ягненок питался сочными травами галилейских долин, поэтому его мясо так мягко, нежно и сладко. Если мой зять предпочитает «Фалерно», то вот сосуд с вином. Наполни свою чашу. Не будем же мы призывать сюда слуг. Ведь наш разговор очень важен, не правда ли?

Каиафа был смущен. Он большими шагами подошел к столу, взял свою чашу, но не успел еще отпить и глотка, как его рука дрогнула и галилейское [Изреельская долина находится в Галилее. – В.Б.] вино пролилось на его эфод. Он ше-

потом выругался, посмотрел с досадой и некоторым сожалением на свою испорченную одежду и отпил немного вина.

– Да, прекрасное вино, даже лучше «Фалерно», – без энтузиазма сказал он.

Каиафа возлег. Он вдруг как-то обессилел.

– Вот видишь, мой милый зять, – рассмеялся Анна, – дело не в названии вина. Главное для вина из какого винограда оно сделано, способ приготовления и его возраст.

Намек был настолько прозрачным, что Каиафа сразу его понял и побледнел.

– Ну-ну, мой милый, не обижайся. Так что ты мне приготовил? Какие факты? Что Он там натворил? Насколько Он опасен?

– Именно этого я и не могу понять, – сказал Каиафа. – Народ называет Его Мессией.

– Мало ли кто в Израиле называл или называет себя Мессией! – отмахнулся Анна. – У нас чуть ли не каждый третий объявляет себя Мессией. Я помню, при императоре Августе был один Христос, тоже из Галилеи – Иуда Галилеянин. Тогда до бунта дело дошло. Бунт был подавлен императорским легатом Публием Сульпицием Квиринием и прокуратором Копонием, помнишь таких? Кажется, и теперь существует эта секта, основанная этим мессией, а? А Этот никак не связан с сектой Иуды?

– Н-нет, никаких нет сведений, что Он связан с этой сектой, – ответил Каиафа. – Хотя некоторые Его ученики могли

быть связаны когда-то с ней.

Каиафа взял один из принесенных им пергаментов и стал его просматривать, щурясь и вода кончиками толстых пальцев по строчкам.

– Вот нашел, – сказал он. – Есть у Него ученик Симон из Каны, так этот, возможно, входил в Иудину секту. Сам Иисус нигде и никогда не называл Себя Мессией. Так Его называет народ, вот где опасность...

Анна поддал знак Каиафе, подняв указательный палец левой руки кверху, чтобы тот немного помолчал. Анна, закрыв манюсенькие глазки свои от наслаждения, медленно пережевывал кусочек жаренного ягненка, помазанного приправами и обильно политого лимонным соком. Каиафа покорился и замолчал: он очень нуждался в поддержке Анны.

– Это великолепно, – сказал наконец Анна, опуская руку. – Мой повар заслужил похвалу. Не правда ли, Каиафа?.. Да, этот Иисус умнее Иуды. А связи с сектой все-таки надо проверить. Хотя вряд ли. Но это один из путей... Римляне еще, надеюсь, помнят Иуду. Если связать этого Мессию с сектой, то синедрион будет в стороне. Его арест, казнь или убийство не должны быть связаны с судилищем, иначе народ может восстать против власти синедриона, вступаясь за этого Мессию. Мы не должны допустить той же ошибки, которую совершили эти глупые бабы в деле Иоанна Крестителя. Что о Нем известно? Скажи все, что знаешь.

Каиафа придвинул все пергаменты к себе, чтобы в нуж-

ных местах своего рассказа освежать по записям свою память, и начал так:

– Стало известно, что Он из Галилеи, из города Назарета, сын некоего плотника Иосифа и какой-то Марии. Но родился Он будто бы в Вифлееме...

– погоди, мой милый, – сказал Анна, взяв из блюда устрицу. – Известно, что Он хорошо знает Закон и пророков иудейских и вдруг – сын плотника?.. Да еще галилеянин, выходит – язычник? Он, что ли, из тех новых иудеев, которые приняли иудейскую веру?

– Да, знает Закон, – подтвердил Каиафа. – Знает так хорошо, что целыми кусками цитирует Священное Писание по памяти и ни разу не ошибся ни в одном слове. Служители синагог по книгам тут же, на месте, проверяли. Галилея – страна языческая, но ходят слухи, что покойный Иосиф-плотник был иудеем, а еще ходят слухи, – Каиафа понизил свой голос до шепота, – что Он не сын плотника.

– А кого же? – заинтересовался Анна.

– Слухи разные, не подтвержденные, – так же тихо сказал Каиафа.

– Говори всё.

– По одним слухам, Он сын римского солдата некоего Пантера, сирийца.

– Хорошо. Это может пригодиться, – сказал Анна. – Дальше.

– По другим... – Каиафа запнулся. – Он – Сын Божий.

– Что-что?..

Анна и Каиафа некоторое время молча смотрели друг другу в глаза. Тишина звенела в их ушах.

– Говорят многое, – продолжал торопливым, несколько испуганным шепотом Каиафа, – что Он – Илия воскресший или Иоанн Креститель или пророк Иеремия...

– Ну, все это чепуха, – сказал Анна, нахмурившись. – Мы – саддукеи, и все эти вымыслы о воскрешениях, о сынах Божиих... Нет, это чепуха, вздор. Это пусть фарисеи сомневаются. Это по их убеждениям. Здесь дело простое, природное. Если не этот плотник Его отец, то либо этот сириец, римский солдат, либо еще кто-нибудь. Но мне сириец больше нравится... Хотя это и не объясняет Его знания пророков.

– Говорят, что Он и есть Тот Сын Человеческий, о Котором писал пророк Даниил, что Ему дана власть, слава и царство.

– Власть и царство? – ухватился за эти слова Анна. – Поймай, ты говорил, Он родился в Вифлееме?.. А не метит ли Он на опустевший престол? Для сына плотника это довольно дерзко и нахально.

– Есть такие слухи, что Он – потомок царя Давида, – сказал Каиафа. – И потому-то, видите ли, Он и родился в Вифлееме, что Бог указать хотел. Но Он никогда Сам не говорил об этом, и о Своем Рождении в Вифлееме не распространяется.

– Интересно! Да, Он, действительно, не сын плотника. Но

кого же? Надо проверить, не приглянулась ли мать Его кому-нибудь из людей богатых, образованных? Какому-нибудь фарисею, а? Он знает Писание... Это бы объяснило... Хотя... римский солдат очень удобен.

– Хорошо, проверим.

– Ты, Каиафа, переоделся бы, что ли. А то – словно кровью обрызган, – вдруг брезгливо сказал Анна.

– Это всего лишь галилейское вино, – сказал удивленный Каиафа, но весь съежился и словно постарел. – Чтобы переодеться придется позвать слуг...

– Не обращай внимания, мой милый, – сказал Анна. – Я, видимо, очень устал в эти дни. Еще пасха эта...

У Каиафы потемнели глаза, губы его задрожали и он произнес:

– Это страшно сказать... – начал он нерешительно, но таинственно.

– Говори, говори, мой милый, нас никто не слышит, – ободрил его Анна и выпил глоточек вина.

– А вдруг Он действительно Мессия, Которого ждут? Ведь теперь семидесятая седьмина со времени восстановления Иерусалима. Пророк Даниил указал это время появления Христа Владыки. [Дан. 9, 25. – В.Б.]

Анна прямо и жестко взглянул на Каиафу, и тому показалось, что из маленьких черных глаз Анны полыхнуло огнем; он даже физически ощутил, будто чем-то острым ударили его в грудь. Но это лишь показалось. Анна снова шурился,

пил вино, наслаждаясь напитком.

– Опасно то, что народ за Ним идет, народ темен, невежественен, – сказал смущенный и немного сбившийся Каиафа.

– Он в самом деле исцеляет больных, воскрешает мертвых? – с усмешкой спросил Анна. – В чем заключается эта комедия? Как Он мошенничает?

– Если Он – мошенник, то весьма искусный, – сказал Каиафа. Он поднялся с ложа и стал расхаживать по комнате, то ли для того, чтобы размять затекшие ноги, то ли под воздействием мучившей его мысли. На его лысеющем лбу отсвечивали блики огней, и Анна некоторое время был прикован взглядом к этим бликам. – Он лишь касается больного или мертвого Своей рукой. Больной тут же выздоравливает, а покойник встает – жив, здоров, словно смеется над нами. Это проверяли. Больные действительно были больны, у них и свидетели есть, и что обидно – надежные. Относительно же покойников – то хотя мы, саддукеи, и не верим в воскресение... Да вот, в Наине. Уже вынесли покойника – какого-то мальчишку, чтобы нести его к месту погребения, а этот Иисус остановил похороны, и мальчишка встал, как ни в чем не бывало. Свидетели – наши люди. В Капернауме настолько плохо обстоят дела, что этот город уже называют Его городом. А после воскрешения дочери местного начальника синагоги, сей последний совсем с ума сошел. Он закрыл жертвенник! Пришлось снять его с должности. Мир перевернулся. Я не понимаю этого! – вскричал Каиафа, и в

отчаянии снова возлег напротив возлежащего тестя.

– Вздор, мой милый: мир не перевернулся. Мир такой же, каким создал его Бог Яхве за шесть дней. Он его создал, Ева, прародительница наша, сглупила, вот с тех пор мир и не менялся и не переворачивался, лишь одежда на телах наших изменилась да жить мы стали удобнее: не в райских садах, хе-хе, не в хижинах, а уже и дворцы себе можем позволить. Пей вино, Каиафа. Ты очень бледен. Или налей себе «Фалерно», – усмехнулся Анна.

Анна уже во второй раз позволил себе намекнуть на то, что должность Каиафы – пустая формальность, и самолюбивому первосвященнику снова стало немного не по себе, что, вероятно, опять отразилось на его лице, потому что Анна шире раздвинул в усмешке свои длинные тонкие губы и сказал:

– Ты очень волнуешься, Каиафа. Первосвященник должен быть всегда спокоен. Пей вино!.. Ну что там еще натворил этот Мессия? Почему столько шума в Иерусалиме из-за одного проходимца?

– Он еще до Иерусалима натворил, – немного сбивчиво начал Каиафа, но потом поправился и стал говорить ровнее, вполголоса: – А в Иерусалим вошел и начал сразу со скандала. Торговцы толпами идут жаловаться в синедрион. Говорят, Храм грозился разрушить, если они не уберутся, а некоторые говорят, что чуть ли бичом их не избил. Бунт, не иначе. Столы опрокинул, деньги рассыпал. Скот ревет, а торгов-

цы и слов лишились: глаза закрыли, уши заткнули и бегом из Храма. Кто по дороге опомнился, а кто уже и дома у себя. Жалобы, свидетели. Такой гам, что я велел уже никого не пускать.

– Как интересно! – сказал Анна.

Вино красное, как кровь, отразило огонь светильников, и Каиафа, взяв чашу, выпил его залпом.

– Вот и хорошо, – одобрил Анна, наблюдавший за действиями Каиафы.

– Не успел утихнуть этот скандал, так Он пошел в купальню Вифезда, где источник целебный, в этот «дом милосердия», и там чуть ли не всех исцелил. Владелец купальни потерпел убытки, тоже жалоба от него. Потом у этого Иисуса так закружилась голова от успеха, что Он пошел еще и в купальню Силоам. И от владельца этой купальни есть жалоба. Там Он исцелил одного слепорожденного. Тот прозрел, теперь стал зрячим и наглым в придачу. Его взяла храмовая стража. Начали допрашивать – а он в крик. Родителей его допросили, свидетелей – соседей, и в купальне он известен. Действительно, он слепорожденный. А этот слепорожденный так раскричался, что его чуть ли не палками выгнали на улицу, а он и там еще возмущался. Мол, он Его не видел, потому что, когда он умылся в купальне, как сказал ему Иисус, то Того уже поблизости не было, но если бы и видел, то все равно бы служителям Храма ничего не сказал, поскольку Иисус очень хороший человек, а мы все – донос-

чики и палачи. Так и сказал.

Анна, казалось, не обратил внимания на эти слова. Ни одна черта в его маленьком сморщенном лице не двинулась.

Каиафа, помолчав немного, продолжал:

– А вот еще: Иисус и ученики Его срывали колосья в субботу где-то в Галилее. Один из фарисеев сделал Ему замечание: мол, не благочестиво это. Так Иисус вспомнил Давида, как тот, когда взалкал, вошел в Храм и ел хлебы предложения, которые нельзя есть никому, так что и Ему и ученикам Его теперь позволено срывать колосья в субботу. Тут же добавил, что священники сами и едят хлебы предложения, и в храмах нарушают субботу, но считаются, по Закону, невиновными. А через полчаса после этого в синагоге взял и исцелил сухорукого. И всё это в субботу! Как только есть хоть малейшая возможность напасть на Закон, Он нападает, как лев на лань.

– А Его можно сравнить со львом?

– Я хотел сказать: как собака на кость, – поправился Каиафа.

– Ну-ну, ты уже уподобил Закон кости... Оставим уподобления. Каков Он из Себя? Стар или молод и-и-и... вообще?

– Я Его не видел, – продолжал Каиафа. – Говорят: молод, высок, строен, очень красив. Еще говорят: очень поражает.

– Плохо! – вздохнул Анна. – Человек опасный, это очевидно.

– Он опрокидывает Закон, учит народ обратному. Сам не

моет рук Своих и посуды Своей, и других тому учит. Говорит: бойтесь грязи внутренней, а не внешней. При этом Он всегда чист, и одежды Его чисты, а благоухает Он так, что Ему завидуют хорошенькие женщины. Что это, как не колдовство, которое мы встречаем у недоразвитых народов?

– Очень плохо! А о подати Он что-то говорил?

– Вроде бы нет.

– Странно, если у Него такая сила, что Он нападает на Закон, а наш твердый, верующий народ всё же идет за Ним, а не прогоняет прочь, почему же тогда Он опасается римлян? Иуда Галилеянин восставал именно против римлян, но Закон он чтит. А Этот все делает наоборот.

– Народ не везде Его принимает. Он несколько раз уже приходил в Назарет, но Его и слушать там не хотят; из Гадары Его тоже сначала прогнали, но во второй раз, когда Он пришел в Гадару, Его приняли и Его словам поверили. Еще в нескольких селениях Его не приняли.

– Как долго Он занимается целительством да проповедями?

– Уже полгода. Он побывал во многих городах и селениях. Обошел всю Галилею, был в Десятиградии, в Перее, в Кесарии Филипповой. Он не был лишь в Идумее и Самарии. Вот на праздники пришел в Иерусалим и, вероятно, надеется обойти всю Иудею. В Иерусалиме Он всего пять дней, но познакомился уже со многими жителями других городов иудейских и, вероятно, что они пригласят Его погостить у

себя.

– Где Он остановился?

– Его видели в шатрах паломников под городскими стенами, а также в Виффагии. В городе Он не ночевал.

– С Ним много людей, – учеников, что ли?

– Около сотни. Есть также женщины. Они пришли с Ним из Галилеи и других мест. Но когда Он появляется в городе, Его сопровождают несколько учеников, человек восемь-девять.

– Сила! – усмехнулся Анна. – Ну а как Его принимают вообще в городе: Им больше довольны или не довольны?

– Торговцы и менялы – в обиде, богатые люди – оскорблены; чернь лишь Его слушает, и то не вся. Мне думается, в городе не знают, Кто Он и какие планы у этого Иисуса. Его слова здесь, в великом городе Закона, непонятны и оскорбительны.

– Вот и хорошо. Значит, у нас еще есть время. Главное, синедрион должен быть ни в чем не замешан. Мы – за народ. Это наш девиз, который синедрион должен провозглашать на всех площадях, улицах и переулках. Поэтому нам нужно направить взор римских властей на этого проходимца, смущающего народ. Ты что думаешь делать с жалобами торговцев?

– Я думал дать им ход...

– Ни в коем случае, Каиафа, – предостерег его Анна и налил себе еще вина. Это уже была третья чаша, и Анна был воодушевлен; мелкие полупьяные глазки его горели ковар-

ством. В такие минуты, за чашею вина, он всегда обдумывал свои страшные планы, и эти планы были всегда удачны, что знал Каиафа. – Мы разговоры о разрушении Храма Ему простим. Пока. – Анна немного растягивал слова. – Торговцам пусть передадут, что они будут торговать как торговали, пусть не волнуются. Но несколько жалоб – а нам нужны только два свидетеля – отложи, тщательно отбирая людей. Выдели человек пять-шесть торговцев, это про запас. Хорошо надо изучить их: кто они, откуда, их знакомства, взгляды – всё.

– Неужели нужен такой тщательный отбор? Да любой торговец нам даст свидетельство, какое нужно и когда нужно!

– Не нам, а народу. Поэтому любой – не нужен, – внушительно сказал Анна. – Нужен такой, чтобы молчал до поры, а когда надо – говорил. И говорил то, что нужно. И верил в то, что он говорит.

– Если хорошо заплатить...

– Заплатить?! – перебил его Анна и еще раз насмешливо посмотрел на сверкающие перстни Каиафы. – Не торопись, мой милый, разбрасываться деньгами налево и направо. Они, то есть деньги, этого не любят. Уж лучше убить, когда он нам станет не нужен. Так дешевле и надежнее.

– Ты шутишь, Анна?

– Шучу? А когда сыновья Иакова за бесчестие их сестры Дины избili жителей Сихема, разве они не волю нашего Бога творили? А то ли – поруганная вера! Что больше, мой ми-

лый: чистота веры или честное имя девы?

– Одно дело приговорить к казни, отомстить, но просто убить? И причем свидетелей, а не виновного? – не понимал Каиафа. – Я просто хочу получше уяснить себе твою мысль, мудрый Анна.

– А мысль такова: ты должен подыскать надежных людей, которые и без всякой платы будут держать язык за зубами. Тот, кто продается, ненадежен, мой милый. Преданности, преданности ищи, Каиафа. Нужны свидетели, преданные Закону, для которых Закон – и отец и мать. Задача очень трудная, поскольку придется искать свидетелей среди торговцев и менял. Служителей же Храма не трогать! Даже привратников. Все служители синагог должны вести себя очень осторожно. Следить за Ним тихо и незаметно. Вопросы, которые Ему будут предлагать, не должны вызывать подозрений ни у Него, ни у народа, тщательно их отрабатывать. Сведения об Его ответах, словах, поступках собирать и тщательно изучать. Повторяю, молва народная не должна ни в коем случае связывать Его арест или убийство с синедрионом. Казнить Его должны римляне и наш народ, а отдать приказ о казни – Пилат, именно он. Но ни римляне, ни народ не должны ничего заподозрить. Тогда твое первосвященство, мой милый, будет защищено как бы толстыми крепостными стенами. Ты удержишься у власти еще многие и многие годы, а я тебе помогу.

Огромный Каиафа как бы весь уменьшился из почтитель-

ности, и он преданно во все глаза смотрел на своего тестя.

– Но как это сделать? Я не понимаю: Его поддерживает народ, Он даже у некоторых знатных людей в почете. Если Его казнят римляне, народ пойдет под римские мечи, чтобы защитить Его.

– Народ не пойдет под римские мечи, мой милый. Бунта не будет. Народ должен сам потребовать от римлян суда над Ним и казни Его.

– Но как это сделать?

– План пока сырой, приблизительный, – усмехнулся Анна. – Исходит он из такой мысли: если Его оплюет народ и потребует Ему казни, а римляне Его казнят, и синедрион окажется в стороне, то наша вера как истинная и справедливая восторжествует и воссияет с новой силой, а значит, и укрепится власть и значение синедриона в Иудее. В этом увидят перст Божий, указующий на единственно правильную, несправедливо поруганную веру и наказывающий лжепророка, самозванца, посмеявшего в гордыне своей восстать на нее. Веру защитит сам народ, а римские власти выступят в качестве карающего меча в руках Божиих.

– Красиво! – задумчиво сказал Каиафа. – Но как подговорить народ и остаться при этом незамаранными? А римские власти никогда и не интересовались нашей верой. Им, выходит, не за что Его казнить. Пойдет ли Пилат на это?

– Так уж и не за что! – вновь усмехнулся хитрый Анна. – Но об этом – после. Подготовить народ трудно, но возмож-

но. Нужно создать *определенное народное мнение*. А мнение таково: это не тот Мессия, Которого ждет народ. Настоящий Мессия, предсказанный пророками, еще грядет для поддержания веры нашей (тут цитатки пропустить из пророков: мол, настоящий Мессия явится при таких-то и таких-то знамениях и должен сказать то-то и то-то; в этом книжники помогут), а Этот – обыкновенный проходимец, бродяга, смутьян, оборванец, фокусник из глупого Назарета, выросший в нищете, и поэтому очень любящий власть и деньги, но для видимости, чтобы одурачить наш доверчивый и искренний в своей вере народ, проповедует против государственной власти и богатства, а Сам прокладывает Себе дорогу к иудейскому престолу, чтобы, обладая властью и богатством, надругаться над верой и создать препятствия настоящему Мессии и таким образом погубить народ и его великую миссию, установив на земле власть дьявола через отрицание Закона. Религиозных фанатиков среди народа достаточно, они-то и подхватят этот слух и разнесут его среди народа. Они первые возмутятся. Пусть этот Иисус беспрепятственно ходит по всей Иудее, ибо чем известнее во всех землях становится Иисус, тем быстрее распространится и нужный нам, то есть народу, слух. Но, конечно, это дело не нескольких дней, сам понимаешь, мой милый. Но когда возникнет такое *мнение*, когда в каждом почти доме начнут думать и мучиться, Мессия Он или нет, тогда и время будет действовать, но опять же – тайно. Что же касается римских властей, то они пре-

выше своей веры ставят государство. Государство – их Бог, помни это всегда, Каиафа. Вот зацепка. Вспомни, что Он говорил о государственной власти вообще? Нужны люди... хотя достаточно и одного человека, который предаст Его в руки римских властей как человека, посягающего на их владычество в Иудее и выступающего против государственной политики Рима и лично против кесаря Тиверия, потому-де Сам Иисус желает владычествовать в Иудее. Этот человек должен к нам не иметь никакого отношения и, желательно, чтобы он был из близкого окружения Иисуса: родственник, сосед, друг или, может, даже один из Его учеников. Тогда народ получит поддержку в своем возмущении, если этому Назаретянину не верят даже близкие Его. У нас еще есть время. Нужно ждать благоприятного случая, когда найдется такой человек, и тайно подготавливать народ.

А теперь иди отдыхать. Слуги тебе уже приготовили комнату. Но завтра мне предоставишь план твоих действий по этому делу. Впредь во всем, что касается этого Галилеянина, советуйся со мной лично. Другим же не говори ни слова, даже своей жене, – усмехнулся Анна.

Глава 9. «Кто Он?»

Великий город Иерусалим вырос на почве не благодатной: в каменистой местности Иудеи, бедной растительностью, среди гор и безводных долин. Его бедные кварталы и вовсе были лишены зелени. Из серого, грубо обработанного камня, имеющегося в тех местах в изобилии, были выстроены лачуги бедного люда. Эти серые, унылые кварталы с узкими проходами, называемыми словно в насмешку улицами, не были украшены даже чахлым деревцом. Немного чище, аккуратней и веселее выглядел Греческий квартал, где жили потомки некогда переселившихся сюда мелких греческих торговцев. Греческие лавки, в которых продавались расписная посуда, пестрые ткани и ковры, были окружены палисадниками, где пытались выжить два-три измученных дерева, а на грядках даже были цветы из наиболее непривередливых и живучих. Слишком уж плоха была почва, на которой был расположен великий город. Тем не менее все пространство от дворца Ирода Великого до высокой каменной ограды было залито великолепным, буйным, радующим глаз, зеленым морем. Шум тихо и затейливо поющих фонтанов, щебетание птиц в ветвях деревьев и кустарников, освежающее дыхание прудов довершали картину. В саду Иродова дворца росли фиговые деревья, низкорослые пальмы, гранатовые деревья, смоковницы, маслины, финиковые пальмы, лимонные дере-

вья, строгие и надменные раины, кипарисы, тисы, самшиты, кусты махровых магнолий, благородного лавра, сладко пахнущих роз и греческой сирени; на многочисленных террасах, кроме того, возвышались огромные вазы, в которых росли разноцветные цветы. Сад был устроен с большим вкусом и над ним потрудились немало садовников, чтобы вырастить на привезенной издалека земле такую красоту. Ирод Великий денег не жалел. Да и теперь его холили и лелеяли опытные, заботливые руки.

Не лишены были некоторой зелени и цветов садики при домах богатых фарисеев, саддукеев и знатных горожан. Все это, конечно, росло не на Иерусалимской земле, а было высажено в вазонах, которые вкапывали в землю.

Центральные улицы и площади были выложены не грубым серым булыжником, как бедные кварталы, а хорошо обработанным цветным камнем. Ирод Великий приложил немало усилий, чтобы украсить великий город. Был перестроен не только его дворец, расположенный у западной стены города, но и перестроен Храм, находящийся к северо-востоку от дворца на горе Мориа, у Золотых ворот, а также построено, вернее, выдолблено в огромных обломках скал немало украшенных рельефами гробниц за стенами города. Все это было построено и перестроено из дорогущих материалов с некоторым сохранением иудейского грубоватого стиля в сочетании с элементами изящного греческого стиля. Это соединение двух стилей, иногда безвкусное, было тяже-

ло и неприятно и для греков, обладавших обостренным чувством прекрасного, и для патриотов-иудеев, которые были менее чувствительны к красоте, но которые очень трепетно и ревниво относились ко всему исконно иудейскому, и для римлян, уже немного привыкших радовать свой глаз греческой красотой. Но все же заново перестроенный и еще незавершенный Храм с многочисленными двориками и портиками, сверкающий белизной паросского мрамора, с сияющей золотом чешуйчатой крышей, был по размерам своим грандиознее любого сооружения в Риме, и это тоже было неприятно римлянам.

На севере серо-черным призраком возвышалась над городом страшная башня Антония, наполненная теперь римскими кентуриями. С нее был виден весь город со всеми дворцами, лачугами, подворьями, площадями, базарами, купальнями и окрестность его. Римские караулы денно и ночью вели с нее наблюдения за тем, что происходило и в каменном городе, и на двориках Храма, и за стенами Иерусалима.

Северные и восточные ворота выводили из душного города в Гефсиманию. К северу тянулся огромный Гефсиманский сад с заброшенным маслиничным имением, а на востоке на другом берегу Кедронского потока высилась Елеонская гора. В Гефсиманском саду росли преимущественно (были еще и смоковницы) непривередливые к почве «раскоряки» – оливковые деревья. Точно сотни уродцев сошлись сюда когда-то, подняли множество длинных и корявых рук своих и

так одеревенели, где кто стал, – таков был сад Гефсиманский. И это было чуть ли не единственное место в окрестностях Иерусалима, где можно было вдохнуть чистого, напоенного запахами трав и цветов, а не отравленного пылью и камнем, воздуха, где можно было отдохнуть в прохладной тени маслин и редких смоковниц, где слышалось тихое журчание освежающего потока. В основном же долины вблизи города были безводны и безжалостно сожжены солнцем. Такова была и расположенная на западе от Иерусалима большая долина Еннома, на которую с севера грозно глядела имеющая сходство с человеческим черепом гора Голгофа, ставшая местом публичных казней, на подобие Сессорского поля [Место казней в окрестностях Рима. – В.Б.] за Эсквилинскими воротами Рима.

В предпраздничные дни Иерусалим, насчитывающий чуть меньше миллиона жителей, принимал иногда до двух-трех миллионов паломников, стекавших сюда из всей Иудеи, а также Идумеи, Переи, Галилеи, Батанеи, Гавлонитиды, Десятиградия. Улицы, площади, переулки были заполнены народом, животными, товарными лотками; в городе был постоянный шум, слагавшийся из криков, разговоров людей, ржания и фырканья лошадей, блеяния овец, мычания волов и телят, игры музыкальных инструментов, песнопений, молитв, речей, споров и ссор. Римские патрули, которые в дни празднеств увеличивались, с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу и сердито кричали зазевавшимся. Люди

смеялись и обнимались, толпились и ругались, предлагали товар и отчаянно торговались. Праздники выливались и за пределы города: на Елеонской горе у двух могучих кедров, купавших вершины свои в глубокой синеве неба, устраивалась ярмарка. Но и в такие дни местом покойным, несуетным, где можно было прогуляться по дорожкам, отдохнуть от городского шума и послушать песни соловьев, был Гефсиманский сад.

По Иерихонской дороге Иисус, Его ученики, которых было уже числом восемьдесят один человек, женщины и мужчины, следовавшие за Иисусом, пришли к стенам Иерусалима. Было утро – солнечное, весеннее, теплое, яркое. Иисус долго стоял на небольшой площадке на Елеонской горе и смотрел на каменное скопление строений, обнесенных высокой толстой стеною, и буйную зелень Гефсимании у подножия горы. Наконец Он сказал Своим ученикам, которые были с Ним в ту минуту: «Идемте». Они спустились вниз по отлогому склону, где была узкая тропинка, петлявшая меж камней, перешли Кедронский поток, и по дороге меж гробниц вышли к Золотым воротам. Тут Иисуса и учеников Его немного задержала большая отара овец. Погонщики сердились, пихали и хлестали овец, так как те шли медленно, громко блеяли и стремились разбежаться. Иисус нахмурился, но ничего не сказал погонщикам и терпеливо ждал, когда можно будет войти в город. Нахмурился Он потому, что знал почему так беспокоились овцы. Этих овец гнали в Храм, что-

бы их продать как жертвенных животных. Когда ворота стали свободными, Иисус вошел в город и осмотрел Храм, находящийся тут же, по правую руку. «Какая нелепая архитектура», – произнес Иисус вполголоса. С Ним было несколько учеников; другие ученики, а также женщины задержались на ярмарке на Елеонской горе и в гефсиманском селении Виффагии, чтобы приготовить все необходимое для пребывания в столице. Иисус, Петр, Иоанн, Иаков, Андрей, Матфей и Филипп вошли в Храм.

Храм был заполнен людьми. В первом дворике женщины стояли в специально отведенном для них месте, огороженном деревянным заборчиком, а мужчины толпились на свободном пространстве: они слушали какого-то оратора, который кричал что-то сердито в толпу, размахивая сжатым в правой руке свитком пергамента. Под большими арками было отведено место для торговых и меняльных лавок. Здесь всюду шла торговля, и торговцы и покупатели мало внимания обращали на оратора. Иисус и ученики Его прошли дальше и через другие дворики, где также выступали ораторы, прошли к месту у входа в Скинию собрания, где устроен был золотой жертвенник. Иисус, взглянув на это место, побледнел. Плиты под жертвенником потемнели, были грязно-бурого цвета от проливаемой здесь крови. Золото жертвенника теперь было обрызгано свежей темной и ярко-красной кровью, стекавшей тонкими ручейками по стенкам. Ею же был обрызган и мраморный пол. В воздухе стоял тошно-

творный запах пролитой крови. К жертвеннику стояла очередь, и при каждом из стоявших в ней было две-три овцы, козлята, тельцы или голуби в клетках. Люди надеялись омыть чужой кровью свои грехи или освятить ею свою радость. У животных глаза были влажные от слез, они беспокоились, кричали, порывались убежать, голуби тревожно билась в клетках. Служитель Храма в залитой кровью одежде и с большим ножом поджидал следующего. Мертвых животных с растерзанной шеей тут же подхватывали два-три служителя и куда-то уносили. Эти жертвы были ужасны: животному перерезали горло и выпускали всю кровь его из хрипящего и умирающего, наполняли чаши и относили их за завесу в святилище.

Когда священник взмахнул рукой, чтобы чиркнуть ножом по горлу очередной жертвы, Иисус схватил его за руку, остановив ее смертоносное движение. Присутствующие здесь и видевшие это, ахнули от удивления. Священник был крупным, сильным мужчиной, его обнаженные по локоть руки были толсты и мускулисты. Он в недоумении поглядел на Иисуса. Их взгляды встретились. Они некоторое время глядели в глаза друг друга. Нежная белая рука Иисуса сжимала запястье бревноподобной руки священника. Наконец в глубоко посаженных глазах священника мелькнул испуг, смешанный с недоумением, его пальцы судорожно разжались и нож, звякнув, упал на жертвенник.

– Не надо, – тихо сказал Иисус, отпустив руку священни-

ка. – Ибо диаволу служите, проливая кровь, сами себя губите. И о вас сказано у Исайи: «ваша ноша сделалась бременем для усталых животных».

– Я исполняю лишь то, что повелел нам Господь, что записано в книге Левит, – ответил священник. – Кто Ты?

Народ, находящийся в Храме, привлеченный скандалом, столпился вокруг.

Здесь нужно сказать, что со стороны Иисуса и Его учеников никаких криков, никакого бунта не было, а также не было никаких бичей, как впоследствии описывали происшедшее торговцы и служители Храма.

– Я Тот, Кого послал к вам Отец наш Небесный, – ответил Иисус. – Разрушьте этот Храм, который вы превратили в вертеп разбойников, и Я в три дня воздвигну новый, чистый и светлый Дом Отца нашего.

Иисус говорил тихо, но Его голос был слышен во всем Храме в наступившей тишине. Даже животные вдруг притихли.

– Кто позволил вам устраивать здесь торговлю? Кто позволил вам обратить Дом Отца нашего Небесного в бойню? Заберите животных, уберите торговлю, уберите деньги и выйдите из Храма.

– Он говорит как власть имеющий, – слышался шепот в толпе.

– Кто Он?

– Этот Храм строился сорок шесть лет. Как так, «в три

дня»?

Но понемногу люди с животными, приготовленными для жертвы, стали отступать. Торговцы и менялы тоже, как бы устыдившись, стали убирать столы свои и собирать деньги, не понимая, что с ними происходит и почему так воздействует на них голос и весь облик Незнакомца. Рядом с лавками расхаживал Петр, торопя растерявшихся торговцев.

– Давай, давай, борода, пошевеливайся. Храм не то место, которое можно поганить такими делами, – басил он.

Торговцы и менялы второпях роняли деньги, опрокидывали, случайно зацепив их, столы. Скот ревел, пугался и разбегался. Уже потом возникла в воображении торговцев картина бунта; врезались в их сознание и слова о разрушении Храма; опрокинутые столы, рассыпанные деньги, испуганные животные, разлетевшиеся голуби – весь вдруг поднявшийся шум и гам привели их к уверенности, что был и бич, которым их разгоняли. В этот бич и торговцы, и менялы, и служители Храма поверили настолько, что они могли поклясться Престолом Божьим, что видели его.

Когда Иисус в сопровождении Своих учеников направился из находившейся поблизости от Храма купальни Вифезда в купальню Силоам или «С неба дар», так переводилось название купальни с древнееврейского, первые жалобы уже поступили в синедрион. Потревоженный по случаю происшедшего первосвященник Иосиф Каиафа был озадачен и растерян. Послав туманную и тревожную записку своему тестю, в

которой он умолял его о встрече и мудром совете, Каиафа приказал служителям Храма все разузнать о Пришельце и перевернуть все архивы, дабы разыскать имеющиеся о Нем сведения. В тот же день был схвачен слепорожденный, ставший зрячим, и многие другие люди, которые видели Иисуса, говорили с Ним или которых Он исцелил. В архивах были найдены сведения о месте рождения Иисуса, месте Его проживания, о Его земной семье, а также были извлечены многочисленные уцелевшие жалобы фарисеев и священников из других городов и селений. Этим жалобам почему-то нерадивые, обленившиеся служащие синедриона не дали ход и не доложили о них Каиафе, считая все это делом пустым, несерьезным, а Иисуса одним из сумасшедших, которых в Израиле и Иудее немало. Анна, который согласился встретиться с зятем во вторник за ужином, очень лукавил с Каиафой в тот вечер. В отличие от своего зятя, почивавшего на лаврах, Анна имел достаточно своих осведомителей по всему Ханаану, а также Финикии. Несколько месяцев тому назад первые сведения об объявившемся в Галилее Мессии поступили к Анне. С тех пор Иисус и Его ученики находились под наблюдением бывшего первосвященника, оберегавшего свою неформальную власть в Иудее. Но перед Каиафой Анна решил разыграть неосведомленного в этом вопросе человека. Играл он, конечно, свою роль даже не вполсилы, а в четверть силы, зная, что теперь встревоженный да и обычно невнимательный и рассеянный Каиафа, твердо и наивно ве-

рующий в Закон, что не подобает истинному саддукею, и верующий в высокое предназначение иудейского народа и его прямую дорогу к ведущей роли в ряду других народов, не обратит внимания на некоторые слова, обороты и поведение. Действительно, Каиафа не обратил внимание на некоторые слова тестя, из которых явствовало, что он осведомлен об Иисусе куда лучше, чем желает представить. Например, слова его о том, что Иисус знает хорошо Закон и пророков, были произнесены им до того, как сообщил о том же не заметивший этого Каиафа или, например, то, что Анна знал, что говорил Иисус о государственной власти и вообще о государствах, а также о богатстве. Даже потом, когда Каиафа лежал в приготовленной для него комнате на ложе в темноте, обдумывал все случившееся, дальнейшие свои действия и вспоминал разговор с тестем, он так и не припомнил этих фактов и был уверен, что он первым принес тревожную весть Анне.

Надо сказать, что у престарелого бывшего первосвященника было особое отношение к предсказанному пророками Мессии. О Законе, вере, иудейском народе мало заботился Анна, вернее, совсем не заботился. Единственно, что было для него ценным и важным, – это власть. Вначале его еще волновало продолжение династии первосвященников Воэтузим, которая правила в Иудее около полувека. Именно тогда, когда был установлен протекторат Рима, почти шестьдесят лет тому назад, Симон, сын Воэта из Александрии, был возведен в первосвященническое достоинство влюбленным

в Симонову дочь, прекрасную Марианну, Иродом Великим. Теперь же его заботила только его личная власть. Поэтому приход даже настоящего Мессии, посланного Самим Богом, был не желателен для Анны. Пусть Мессия придет как можно позже, пусть придет во времена, когда не будет в живых самого Анны, пусть не мешает Анне. Но если Таковой придет, Анна, не смутившись ни на секунду, вступил в борьбу за свою власть даже и с Богом. Но все это сентиментальный бред, который даже не к лицу Анне. Он уже давно не верил в Бога, не верил он и в Мессию. По его глубокому убеждению, никто не должен был прийти, никто не должен был помешать ему, а если и объявляются какие-то мессии, то это либо дошедшие до безумия религиозные фанатики, такие как Иуда Галилеянин, либо мошенники, играющие на вере и упованиях народа, такие как этот Иисус. И тех и других нужно переиграть, и от тех и от других нужно избавиться. Анна уже пять месяцев следил через своих тайных осведомителей за Иисусом, но пока слабого места Его не мог найти, и это его приводило в бешенство. Иисус на выпады отвечал остроумно, а также ссылался на иудейских пророков в подтверждение слов Своих и действий, Его любил народ, шел за Ним и слушал Его, восхищаясь Им и веруя, что Он – или Мессия или один из воскресших пророков. Даже происшедшее в Храме не давало в руки Анны ничего, ибо действия Его соответствовали словам многих пророков, таких как Осия, Иезекииль, Иеремия, Исая, Даниил, да и самая торговля в

Храме была делом не законным. Но то ли вино из винограда Изреельской долины было особенным, то ли наступила такая минута озарения, но Анна наговорил такого Каиафе, что, когда прошло некоторое опьянение и Анна уже на трезвую голову припомнил весь разговор и хорошенько проанализировал свой внезапно придуманный за ужином план, то он и сам на себя подивился, как он не додумался до этого раньше. Словно кто-то незримый пришел и все факты и мысли в голове Анны разложил по порядку и нашептал ему по секрету весь план. «Если бы существовал Бог, то, можно было подумать, что Он Сам против этого Мессии. Но так как Бога нет, то значит, я – гениальнейший ум, – думал Анна, радостно потирая сухие руки. – Как все это я ловко придумал!».

Совсем другие мысли томили в ночь вторника первосвященника Иосифа Каиафу. Какое-то сомнение затаилось в груди его. Не безразличны (так он думал) для него народ иудейский, вера его, Закон его, и сам он вместе с народом ожидал Мессию. Не одна жажда власти толкнула Каиафу на первосвященство. Он искренне думал, что он призван Самим Богом Яхве к власти над иудеями, чтобы спасти свой народ. Именно он, Иосиф Каиафа, в силах сделать дорогу к счастью народному и прямой и короткой. Потому-то Каиафа так и тревожился за свою должность, потому так раболепно заискивал у римлян, чтобы им не пришлось как-нибудь в голову лишить его власти, через которую он имеет возможность осчастливливать народ, призванный к власти над всеми дру-

гими народами. И когда придет Мессия, посланный от Бога, Он придет к Каиафе-первосвященнику, обвинит его в радости и будут они вместе, Мессия и Каиафа, править не только иудейским народом, но всеми народами мира, которые узнают, наконец, как велик народ, Бог которого Яхве, – и поклонятся ему и Богу его.

И в то же время Каиафа, мечтавший о величии иудейского народа, искренне поклонялся римлянам, как уже упоминалось выше, ратовал за «высокую» римскую культуру, восхищался красотой, ясностью и простотой их языка, подражал им, ценил римские изделия, обильно наполнял римскими дорогостоящими безделушками дома свои и верил, что уж кто-кто, а римляне сейчас, до прихода Мессии, приносят много пользы для иудейского народа и для Израиля. Кроме того, Каиафа искренне не замечал противоречия этих двух сошедшихся идей внутри себя, как не замечал многих других внутренних своих противоречий.

Так, Каиафа, боясь римлян и восхищаясь ими, принимая от Рима средства для проведения в Иудее нужных им мероприятий для торжества их идей и в ущерб своему же народу, искренне мыслил себя спасителем народа, верил, что служит счастью народному и ожидал Мессию со всем нетерпением своей несколько неуравновешенной натуры.

Но объявившийся Мессия почему-то не торопился обвинять верного, любящего народ и пекущегося о благе его первосвященника, а бродил где-то по городам и селениям ни-

щим и, по мнению Каиафы, смущал народ, оскверняя в глазах его веру его, оскверняя синагоги, субботу, омовения, жертвоприношения, Храм. Нет, прав все-таки мудрый Анна: не Мессия Иисус, а посланник диаволов, и бесовскою силою врачует и воскрешает. Но... «почему же тогда Ему верит наш великий народ?». Так и не разрешив этого вопроса, Каиафа незаметно для самого себя погрузился в сон и спал он почти до полудня, как всегда, не видя никаких сновидений.

Глава 10. Ночной гость

В тот же вечер двенадцатого числа месяца нисана, когда Каиафа встретился с Анной и когда Анна излагал перед зятем «свой план», множество костров пылало у стен Иерусалимских, озаряя своим светом разноцветные шатры паломников. В небе высоко над землей висела почти полная луна, словно золотое яблоко в звездном саду Божьем. Пасха праздновалась именно в весеннее полнолуние, вечером в четырнадцатый лунный день, сразу же после равноденствия. Паломники грелись у костров, ибо ночи нисана еще были холодными, некоторые готовили себе ужин и жадно прислушивались к словам, мягко льющим над пылающими кострами. Иисус говорил о любви и милосердии, о молитве и милостыне, о том, как приблизить Царство Небесное. Еще в начале проповеди к кострам подошел один молодой человек, вид которого паломникам, заметившим его, показался странным. Его никто из присутствующих не знал и видел впервые, но тем, кто его заметили, бросилось в глаза несоответствие между его манерой держаться и той нищенской одеждой, которая была на нем. Видно было, что он человек богатый, привыкший повелевать и что он впервые был в такой одежде и не умеет ее носить. Сам же незнакомец считал, что он ловко замаскировался и что паломники принимают его за своего. Он сел недалеко от Иисуса в черной тени шатра, чтобы быть

как можно неприметнее, но в то же время не пропустить ни одного слова Иисуса. Он внутренне вздрогнул, когда Иисус, повернувшись к нему, улыбнулся ему и кивнул, как хорошо знакомому. «Наверное, у них таков обычай», – решил он.

– Не судите, и не будете судимы, не осуждайте, и не будете осуждены, прощайте, и прощены будете, – слышался мелодичный ласковый голос Иисуса.

– Как ты думаешь, кто это? – шепотом спросил Петр у Иоанна.

– Когда его лицо осветилось костром, он показалось мне знакомым, – ответил тоже шепотом Иоанн. – Но я не могу вспомнить, где его видел. Он похож на переодетого фарисея.

– Вот-вот, – вскрикнул Петр, но затем перешел на шепот: – Личность подозрительная. Мало мы натерпелись от этих лицемеров.

– В городе беспокойно, – сказал нахмурившись Иоанн. – Но мы с Иисусом, и нам бояться нечего.

Подозрительная личность сидела не шевелясь и внимательно слушала.

– Как ты скажешь брату: «Дай, я выну сучек из глаза твоего», если в твоём глазе бревно? Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь **как** вынуть сучек из глаза брата твоего.

Может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму? Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его.

Окончив говорить, Иисус поднялся и вошел в шатер, устроенный специально для Него заботливыми женщинами, пришедшими с Ним, и учениками Его. Женщин должно было быть числом пять, но с Иисусом пришли только четыре: уже известная нам Саломея, мать Иакова и Иоанна, Сусанна, Иоанна, жена Кузы, домоправителя Антипы, и Мария Клеопова. Марию из Магдалы задерживали в своем городе некоторые дела и к празднику в Иерусалим она не успевала. Иисус, безразличный ко всяким материальным удобствам, редко пользовался устроенным для Него шатром и то лишь для того, чтобы порадовать женщин, которые так старались. Ночи Иисус проводил в молитве либо в Гефсимании, либо на Елеонской горе, и в шатре ночевали некоторые ученики. Днем же Иисус иногда отдыхал в нем несколько минут и принимал некоторых лиц или Своих учеников, пожелавших говорить с Учителем наедине.

Когда Иисус вошел в шатер, Петр шумно, быстро поднялся и тоже пошел к шатру. Его движение было так стремительно, что огонь в костре зашумел и лег на короткое время. Но как Петр не торопился, а подозрительная личность все же его опередила.

– Мир Тебе, Равви, – сказала личность, войдя в шатер.

– Мир и тебе, учитель Израилев, – ласково ответил Иисус. – Я ожидал тебя сегодня.

Глаза гостя на мгновение расширились от удивления. Петр, услышав эти слова, тоже изумился и несколько поте-

рялся.

– «Не судите, и не будете судимы», – услышал Петр отроческий шепоток Иоанна у самого своего уха.

– Что ты хотел, Петр? – спросил Иисус.

– Я... то есть мы, – сказал Петр сбивчиво, – то есть нас пригласили в Виффагию...

– Идите и не беспокойтесь, – сказал Иисус.

– А, мы пошли, – сказал Петр и, выйдя к ученикам, перевел дух. – Идемте, чего стали? Сейчас потушим костер. У Иисуса очень важный разговор. Иисус его знает, не беспокойтесь.

– Мы думали, и Учитель пойдет с нами, – сказал кто-то...

– Я останусь, – вдруг сказал Иоанн. – Не надо тушить костер.

– Мы все приглашены. Почему ты не пойдешь? – не понял Петр.

– Так, – неопределенно ответил Иоанн.

– Ты его, – кивнул Петр в сторону Иисусова шатра, – вспомнил? Кто это? Ты ему не доверяешь? Тогда мы все останемся.

– Никого я не вспомнил. Я просто хочу остаться. Неохота идти в гости. Оставь меня, Петр.

– Хорошо, оставайся, – задумчиво сказал Петр и, повернувшись, стал догонять остальных учеников, которые прошли немного вперед и уже спускались в Кедронскую долину.

Иоанн, оставшись один, прилег у костра, бросил несколь-

ко сухих прутьев в огонь. До него долетали из шатра некоторые слова, а то и целые фразы. Разговор Иоанну показался очень интересным, и он понял, что Иисусу ничего не угрожает от этого фарисея, когда он услышал имя «Никодим». Иоанн вспомнил, что видел его год тому назад в Иерусалиме в большой свите первосвященника, тогда он и услышал это имя.

– Так значит, это и есть фарисей Никодим, один из богатейших людей Иерусалима, член синедриона и очень уважаемый человек в народе...

...Шатер был освещен лишь одним светильником, но света было достаточно, чтобы собеседники хорошо видели друг друга. Ночной гость Иисуса был двадцатисемилетним молодым человеком, был высок, плечист и строен. Его лицо, обрамленное длинными, пышными темными волосами, было красиво и приятно. Большие карие глаза его светились умом и добродушием пытливого, образованного человека и смотрели на собеседника прямо, неподвижно. Когда он задумывался, он опускал глаза свои, когда же говорил или слушал, то смотрел прямо в глаза собеседнику. Лицо его было строго и казалось малоподвижным. Не близко знавшие его с трудом могли представить улыбку на его лице, а домашние его видели лицо его и грустным и веселым, но чаще всего задумчивым, словно какая-то мысль постоянно, неотступно мучила его. Слуги очень любили своего хозяина. Суровая складка у его губ в сочетании с добродушием его взгляда говори-

ла о том, что этот человек понимал власть свою над людьми как ответственность за них, а не как привилегию. Фарисеев народ не любил, и за спиной их над ними потешался, сочиняя о них всякие анекдоты, высмеивающие их кичливость, гордыню, формальное исполнение религиозных обрядов, но Никодим пользовался уважением в народе. Нередко беднейшие семейства или те, кто претерпел горе и лишения по воле капризной судьбы, в Иерусалиме и близ расположенных селениях получали от неизвестного значительную материальную помощь. Никогда имя подающего не произносилось, но в народе уже пошла молва о доброте фарисея Никодима. Тем более в глазах народа выглядели комично остальные фарисеи, которые, подавая милостыню, какую-нибудь мелкую монету, чуть ли не через плечо оглядывались, чтобы узнать, достаточно ли зрителей их высокого богоугодного поступка и достаточно ли поражены зрители их доброю. В гордыне своей они считали себя настоящими служителями Господа, что только они достойны будущего воскресения в жизнь вечную, а все остальные обречены шеолу и ни на что другое и не годны. Как же они возмутились притчей Иисусовой о фарисее и мытаре, тогда как мытарей, то есть последних людей и страшных грешников, почитали своей святой обязанностью ругать и проклинать, как, впрочем, и других грешников. Вот эта притча:

«Два человека вошли в Храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей молился сам в себе так: «Боже!

Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю».

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо и, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! Будь милостив ко мне грешнику!».

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится». [Лук. 18, 10-14]

Притча настолько понравилась, что ее, хотя и в несколько искаженном виде, но сохранившей суть свою и главную мысль, пересказывали в народе, и настолько не понравилась священникам, что они записали ее дословно на пергаменте и отправили, как улику, в синедрион, где она и была обнаружена подчиненными Каиафы. Понятно, что и осведомители Анны ее не пропустили мимо ушей, и Анна, перечитывая наедине имеющуюся у него копию, посмеивался над фарисеями, которых сам, будучи саддукеем, недолюбливал и которых так больно задето в притче, но, читая последние строки, где уже Иисус разъяснял притчу, Анна хмурился и говорил сам себе: «Очень остроумен, очень умен, очень опасен!».

Итак, Никодим вовсе не походил на своих собратьев, но старался, будучи среди них, ничем не выдать своего образа мыслей, был тих и молчалив. Тем более, что в иерархии синедриона он был не в первых рядах, а занимал место поскромнее. На собраниях он был мало инициативен, и поэто-

му думал, что он почти незаметен.

Сейчас Никодим был несколько озадачен и некоторое время смотрел куда-то в сторону, но, подняв глаза, он сказал так:

– Равви! Я *знаю*, что Ты – Учитель, пришедший от Бога, ибо того, что делаешь Ты, никто не может сделать, если с ним не будет Бог.

– Тот, кто не рожден свыше не может увидеть Царствие Небесное. Я очень рад встретить тебя, Никодим, – сказал Иисус с тихим горячим чувством.

– Учитель, Ты говоришь так, словно знаешь меня и встречал меня прежде. Почему именно сегодня я должен был прийти к Тебе?

– Ты пришел.

– Да, я чувствовал, что должен прийти. Ноги сами меня привели сюда. Я не мог противиться этому чувству, – сказал Никодим задумчиво.

– Наша встреча здесь, под стенами Иерусалима, должна была состояться. Сегодня ей срок. Тебе предстоит еще одна встреча. Встреча с твоим близким и давним другом.

– С близким и давним другом? – удивился Никодим. – Этот человек из моего детства или юности? Можешь ли Ты, Равви, сказать мне его имя?

– Его имя тебе ничего не скажет. Ты вспомнишь все, когда вы с ним встретитесь. Он придет с севера в Иерусалим и отыщет тебя.

– Когда же он отыщет меня, Равви?

– Скоро, – последовал короткий ответ.

– Равви, меня мучают многие мысли. Я бывал в других землях, искал жадно ответа и у наших пророков, и у пророков других верований, изучил математику и астрономию, пытался понять, уяснить себе, как устроен Божий мир, каково место человека в этом мире, почему человек так много страдает, коли мир Богом создан для любви всеобщей и радости великой? Но я не нашел ответа, который бы устроил меня и успокоил бы. Ты можешь помочь мне.

– Я знаю сердце твое, Никодим, – начал Иисус. – Оно видит неправду, ищет истину, но оно же и знает истину. Но твой разум мучает тебя. Ты хочешь *знать*. Благо твое стремление. Я говорю, блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Наступает время, когда все узнают истину и будут счастливы. Спрашивай, учитель Израилев.

– Как устроен мир? И в чем ошибка мира?

– Истина сама в себе так высока и так глубока, что непостижима даже для лучших умов Земли. На человеческих языках ее не передать. Ее лишь можно представить в приближенном, сниженном виде. Я скажу в тех понятиях, которые знакомы тебе, как одному из образованнейших людей. В греческой философии есть такие понятия, как «Демииург», развитое философией Платона как понятие о Творце Вселенной, Создателе Мира, и «Логос», по-арамейски «Слово», понимаемое как Всеобщий Мировой Закон, основа и свет

Мира, его гармония. В начале было Слово, Логос Вселенной, и это Слово было у Бога, и Слово было Бог. ***Всё через Него стало быть, а без Него ничего бы и не было.*** Это Свет и Жизнь. Бог един и Он был и есть, и будет начало начал. Он имеет три ипостаси, три проявления в Мир: Бог-Отец, Великий Женственный Дух – Приснодева и Бог-Сын, Логос или Слово. Я пришел от Отца Моего и выражаю, как выражает слово говорящего, одну из ипостасей Бога – Бога-Сына, Логоса Вселенной; именно откровение Бога-Сына, свидетельствующего об Отце, Я принес людям. А для свидетельства о Приснодеве еще не наступило время. Ваши знания о Мире очень скудны. Вселенная огромна неизмеримо, и создать такую человеческую плоть, такой мозг, способный вместить в себя Самого Логоса Вселенной невозможно. Наша Земля – маленькая песчинка в песке морском. Люди ученые ее называют планетой. И таких планет во Вселенной неисчислимое множество и все они ***без исключения*** предназначены для жизни на них, так же, как и звезды. На Солнце тоже есть разумные существа, но человек этого мира с ними никогда не встретится: слишком различны условия жизни на Солнце и на Земле в этом мире. Но в Царствии Моем такие встречи происходят. Я же Планетарный Логос Земли, выражаю Собою Логоса Вселенной.

Бог есть Дух и Он творит дух. Он ***рождает*** и ***создает*** дух. В той же греческой философии есть удачное понятие – монады – духовные единицы бытия. Монады – духи, рожденные

или творимые Богом, то есть они различны: есть Богорожденные и Богосотворенные. Богорожденные монады от рождения видят Бога, обладают большими масштабами и предназначены изначально для водительства мирами. Богосотворенные меньше по масштабу своего «я», но и они имеют великие цели. Все вы рождены свыше и всем суждено – кому раньше, кому позже – увидеть Царствие Небесное и Бога.

– Но разве не из утробы матери мы, люди, рождены? – удивился Никодим. – Не хочешь ли Ты, Учитель, сказать, что человек живет до утробы матери? Как же он, уже живущий, входит в утробу матери?

– Человек или животное прежде чем родиться здесь живут в других мирах. Рожденное от плоти есть плоть, рожденное от Духа есть дух. Монады есть ваши и животных высшие «я». Перемещаясь из мира в мир по нисходящей монада каждого вместе с другими Великими Духами создает себе тела. Они различны и облачают монаду, как одежда облачает плоть. Когда человек или животное находится в утробе матери создается плоть. Монада же прежде создает шельт – низшее «я», сознание, которое при помощи Великих Духов, творящих в Лоне Духовной Земли, облачается астральным и эфирным телами, а затем уже в утробе матери – плотью. Когда человек или животное уходят из этого мира в Царство Небесное, то поднимаются из мира в мир, и там сливается наконец шельт со своим высшим «я» – монадой, голос которой вы слышите даже живя на земле, как внутренний голос.

Его вы называете еще совестью.

– Монада принимает участие в создании плоти. Какие же Великие Духи помогают ей?

– Дух Солнца, Дух Матери-Земли и Лилит, ваятельница плоти, ее родовых признаков.

– Лилит, – встрепенулся Никодим. – Это первая супруга Адама, первого человека?

– А был ли человек Адам? Божественное откровение обратилось в легенду разумом человеческим, которую человек объясняет так, как он ее понимает.

– Но ведь об Адаме сказано в Писании, – всё более удивлялся Никодим.

– Лилит – стихийный дух, и она была Моей духовной супругой, с ней вместе Я создал человечество, то есть плоть, вмещающую душу, и населили землю.

– Но, по нашему преданию, Лилит связалась с сатаной? – недоумевал Никодим.

– Прежде чем говорить о Лилит, нужно рассказать историю возникновения зла. Это произошло очень давно, когда не было еще ни Земли, ни Солнца, и в таких Высоких Мирах, что в человеческих словах эта история невыразима. Я скажу так, чтобы было понятно. Я уже говорил, что есть монады Богорожденные и Богосотворенные. Всем монадам, Своим детям, Бог дал три великих дара: свободу выбора, любовь и творчество. Монады вместе с Богом творили лучезарные миры по законам любви, дружбы, радости, счастья, но одна

из самых крупных и сияющих Богорожденных монад, имеющая мужское начало, Люцифер (то есть «несущий свет»), – так он, следуя закону свободы выбора, который заключается в том, какой вид творчества избрать, заявил, что он не хочет любви всех ко всем как закона и основы миротворчества. Люцифер признал любовь только к самому себе как принцип, служение только себе самому, творчество во имя свое. С тех пор он не нуждается в любви других к себе, он довольствуется своею любовью к себе. Это он заявил Богу и отошел от Него, чтобы создать свою вселенную на основе своего принципа, в которой он будет богом. Это было Великое Восстание на Небесах. К Люциферу примкнули и другие монады, и все они были Богосотворенные. Люцифер – единственная Богорожденная монада, отошедшая от Бога. Они создали свою вселенную, но вскоре она распалась и погибла, ибо в ней отсутствовал созидающий закон любви. То, что построено на Божественной Любви, никогда не погибнет, оно – вечно, как и наш Родитель и Создатель. Но любовь к себе обладает разрушительной силой, и миры, созданные Люцифером и его соратниками, сами разрушились. Люцифер не захотел отказаться от своей идеи. Тогда он решил захватить Божественную Вселенную и установить в Ней свой принцип любви к себе. Все восставшие монады стали называться демонами, а Люцифер – главный демон – сатаной; все же остальные стали их потенциальными жертвами.

Сатана без закона любви стал творчески слабым, он не мо-

жет придумать ничего своего и поэтому крадет идеи у Бога, подражает Богу, но с поправкой на свой принцип. Он тоже имеет три ипостаси: великий мучитель противостоит Любящему Богу-Отцу, великая блудница – Приснодеве, анти-логос – Логосу Вселенной, Богу-Сыну. Демоны, руководимые Люцифером, стали захватывать планеты, звезды, галактики и искажать на них Божественные Законы. Тем самым они вступили в борьбу с Силами Божественного Света. На некоторых планетах демонам удалось полностью захватить власть и победить Силы Света, и те планеты вскоре гибли, становились мертвыми, необитаемыми, как, например, Меркурий и Марс, а так как демонам нужны жертвы, то они покидали мертвые планеты и вторгались на другие планеты, где строилась или уже была жизнь, и уже на них искажали Законы. Когда Земля в этом мире была еще полурасплавленным шаром, лишь формирующейся планетой, она еще не была твердью, один из демонов (Богосотворенная монада) с небольшим отрядом меньших демонов вторгся в нее. В одном из миров Земли Мне тогда уже удалось создать первое человечество. В человеческом сердце есть и живет такая легенда – легенда об Эдеме. Это воспоминание о том первом человечестве. Теперь вы называете их Ангелами и Архангелами. Но здесь, в этом мире, Я и Мои друзья только приступили к творчеству жизни. С какими усилиями Мы создавали жизнь в этом мире! Этот демон оказывал Нашему творчеству всяческое сопротивление. Жизнь развивалась медленно. Разви-

тие затянулось. Полтора миллиарда лет ушло на то, чтобы жизнь появилась на земле. Наконец появились живые существа более сложного строения, но они не были способны к разумной жизни. Они обитали исключительно в воде. Нужен был выход на сушу. Демон за это время захватил несколько миров и обратил их в адовы – шеолы. Земля нуждалась в укреплении Сил Света. Тогда Я и Мои друзья в одном из миров Земли создали человечество, которое греки называют человечеством титанов. У многих народов есть эти воспоминания как легенды об огромных людях. Они, конечно, жили не в этом мире. Здесь только начиналась жизнь. Демон, искажая Законы, затормозил в своем развитии те существа, которые Мы здесь создали. Это животные. Здесь царили законы выживания, взаимопожирания, болезней и смерти. Титаны должны были спуститься в этот мир, на землю, просветить его и помочь животным развиваться в человечество; но они не смогли выполнить свою миссию, ибо решили, что справятся с нею и без помощи Бога. По демоническим законам возмездия они этим совершили грех, и демон забрал их в шеол, где они находятся до сих пор. Все Наши силы были обращены на этот мир, на его развитие, так как он был отягощен уже демоническими законами болезни, смерти, разрушения. Создаваемые виды животных демонизировались и гибли. Развитию они не поддавались. Тогда Я и Мои друзья решили развить хотя бы один вид животных. Название этих животных не о чем тебе, Никодим, не скажет. Это Нам уда-

лось. Стало развиваться человечество, но часть этого вида животных стали называться обезьянами, они не развились и даже откатились назад в своем развитии. Человечество жило в этом отравленном демоническими законами мире, и законы эти были бы еще тяжелее, если бы не постоянное сопротивление демону Сил Света. Миссия, которую не выполнили титаны, теперь миссия человека – помочь подняться также своим братьям животным, просветить мир, преобразить землю, спасти Природу. К сожалению, на заре создания человека как помощника Бога, в мир, где обитает Лилит, вторгся демон и подчинил ее себе. Поэтому все люди несут в себе первородный грех – дьяволово семя яйцехоре. Я пришел, чтобы обновить мир и уничтожить это семя в человеке. [Подчинение Лилит – это изменение генетического кода человека. Искаженный генетический код, которым объясняются склонность ко злу, боль, болезни, старость, смерть физического тела, – это и есть дьявольское семя, первородный грех. Миссия Иисуса – восстановить первоначальный Божественный генетический код в человеке (новое тело), затем и в других обитателях нашего мира. – В.Б.] Я пришел спасти всех, над кем произдевался и издевается этот демон и его рабы. Я пришел ко всем страждущим, чтобы утвердить завет для многих в семь лет [Дан. 9, 27. – В.Б.], чтобы изменить плоть человека, чтобы отменить закон смерти. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным

от Духа. Никто еще не восходил на небо, *минуя смерть*, как только спешивший с Неба Сын Человеческий, Сущий на Небесах. И как Моисей вознес змея в пустыне, так *вознесен будет и Сын Человеческий, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную*. Ибо так возлюбил Бог мир, что послал Сына Своего в этот мир, чтобы каждый верующий в Него не погиб. Верующий в Него не судится и *не умрет смертью, а будет вознесен на небо*.

– Господи, да неужели же всё так! – воскликнул Никодим.

– Истинно говорю тебе: мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства нашего не принимаете. Я говорю тебе, Никодим, не только о небесном, но и о земном, а ты и тут сомневаешься.

– Нет-нет, но как же Адам и Ева?

– В этой легенде всё перепутано. Тексты Моисея – великого пророка, получившего хорошие знания как царский сын в Египте, были искажены еще грозным, суровым, не совсем чистым духом горы Синай. Адам и Ева – это не люди. Адам – это «первый», а ева – «жизнь». Можно понять так: «первый» – это первая монада на Земле – а это Планетарный Логос, Который не сотворен, но рожден Богом – Логос создает планету, а ева – это жизнь, исходящая из Него на планету. Всё же остальное в этой истории настолько запутано, перевернуто, искажено, что лучше вообще не обращать внимания на нее. Искажены в Писании и многие места в текстах других пророков – и Бог стал грозным судьей, истребителем

человеков, а не Отцом, Любящим и Заботливым. Князь тьмы лжец и отец лжи, и он не дремлет.

– Но Моисей – пророк Бога?

– Истинно так, – сказал Иисус. – Законы Моисея Я стараюсь восстановить в сердцах людей. И Я говорю, что люди не понимают их истинного смысла, ибо не мести, а прощению они учат, только смысл этих законов извращен. Что касается его объяснения мира, то Моисей жил в далекие времена, когда представления о мире, знания о нем, были туманны, неясны. Он записал так, как смог понять Божественное откровение, данное ему, но оно в его сознании преломилось, одни виденные им образы наслоились на другие, исказились, снизились и перепутались. Трудно человеку понять Небесные Тайны, труднее выразить их словами, а еще труднее изложить их в письме.

– Поэтому Ты, Господи, говоришь с людьми притчами?

– Я говорю притчами, чтобы через живые образы стали понятны людям Законы Отца нашего Небесного.

– Господи, Ты говорил греческими понятиями и многое, что Ты сказал, я находил в легендах других народов. Неужели наша иудейская вера не единственная правильная?

– Откровения от Бога получают и другие народы. И то, что сказано в других писаниях, тоже истина. Но иудейский народ, именно его пророки, услышали истину об Едином Боге и Голос Его. Поэтому Я родился здесь, в Израиле, и здесь начал Свой труд. Если бы не помешали Эхнатону или Зо-

роастру, Я родился бы в Египте или Персии. Эти пророки тоже слышали Голос Единого. Истинно говорю тебе, Никодим: нет большей силы, чем Любовь. Бог открыл это одному из великих людей, греческому философу Платону, и он записал, что Бог есть Любовь. А также записал, что от Бога идет только Благо, а страдания исходят от кого-то другого. Эта истина была запечатлена и в погубленных здесь на земле религиях, пророками которых были Эхнатон и Зороастр. Пора и иудейскому народу познать ее. Иудейский народ славен тем, что познал истину Единого Бога и хранит ее. Теперь нужно прибавить истину о Его Всеблагости, о Его неиссякаемой, бесконечной Любви.

Небо светлело. Синие облака темнели на красно-оранжевом восточном небе. Солнце посылало весть о том, что начинался новый день. В шатрах еще спали, костры давно погасли и выглядели сиротливо. На траве, недалеко от входа в шатер, где беседовали Никодим и Иисус, тихо спал Иоанн и улыбался во сне. Близок час пробуждения...

Глава 11. Двенадцатый

Вдали на склоне зеленого холма, обращенного к Мертвому морю, показалось среди зелени финиковых пальм небольшое скопление плоских крыш. Именно туда, в селение Вифания, «дом фиников», направлялся сейчас Иисус с небольшой группой учеников. Шумный Иерусалим остался позади, и новое селение манило новыми людьми, встречами, историями, своей тихой незатейливой жизнью.

Иисус намеревался идти в Вифанию один. Перед путешествием Он сказал несколько напутственных слов ученикам и разослал их по другим, еще не пройденным, неизведанным дорогам Ханаана, и семьдесят учеников ушли. Ушли также и женщины, чтобы выполнять свой долг в других местах. Марию из Магдалы тогда так и не дождались. Помощь нуждающимся, раздача имущества задерживали ее в родном городе, без этого она не могла уйти по новой, выбранной ею дороге. Но двенадцать учеников не пожелали оставить Учителя.

– Учитель, позволь нам остаться, – пробасил Петр.

Ученики стояли тихо, не шевелясь.

– Мы не хотим оставлять Тебя, – произнес и отрок Иоанн.

– Что же, идите со Мной, – был ответ.

Пыльная, нагретая весенним солнцем, дорога вилась меж иудейских серых камней, скрывавших таинственную жизнь ящериц и предпочитавших сырость под камнями насекомых.

Но ученики не замечали унылости пейзажа. Солнце в небе, чистом и глубоко-голубом, и Солнце рядом с ними согревали их душу, и весело глядели они вдаль, где виднелся зеленоющий холм. Они шутили, играли по дороге, но задумчиво и странно глядел на них и их игры самый старший из них – рыжий иудей, случайно прибившийся к ним в Иерусалиме. Он шел, как бы немного сторонясь остальных, тихий и угрюмый, немного усталый и серый, как камни его родины, думая какую-то свою думу.

В Иерусалиме, в один из предпраздничных дней, когда улицы города уже были наполнены тысячами паломников, в толпе он увидел Иисуса и трех Его учеников. Забыв о том, что он пришел купить немного пряностей и вина к обеду, не замечая того, что торговец звал его, чтобы тот забрал либо товар, либо деньги, он ринулся сквозь толпу, спотыкаясь, толкаясь, не обращая внимания на ругательства, сыпавшиеся ему вдогонку, впивавшиеся колкими шипами в его спину. Весь мир перестал существовать для Иуды, все звуки утонули, как камни в воде. Не стало у него ни дома, ни прежних забот и обязанностей. И неотступно, упрямо, настойчиво он шел за этой небольшой группой галилеян. И его наконец заметили.

– Зачем ты идешь за нами? – удивился красивый Иоанн. – Тебе что-то нужно от Учителя?

Иуда молчал.

– Может, у тебя заболел кто-то? – вступил в разговор и

Петр. – Или ты сам болен?

А Иуда молчал.

И отступились от него Иоанн и Петр, лишь Андрей задумчиво, немного прищутив свои красивые синие очи, измерил взглядом фигуру угрюмого иудея.

Но Иуда молчал.

И вот обернулся Он. Мягкий свет, изливавшийся из очей Иисуса, обдал всего Иуду, как священное мирро. И он утонул в этом свете и растворился в нем, а душа его превратилась в пушинку, которая несется где-то в облаках в манящую и светлую даль, такую светлую, что было и страшно и сладко.

– Иди со Мной, – он не услышал этих слов, но всей душой ощутил их.

Воспитанный в строгом иудаизме, с самого младенчества Иуда ощущал, что рожден он для чего-то таинственного, может быть, даже великого. Еще ребенком он внимательно вслушивался в речи фарисеев и книжников, и особенно слушал те места, в которых говорилось о грядущем Мессии. Странно трепетала его детская душа от этих слов. Необъяснимое с точки зрения разума, настойчивое, даже навязчивое, ощущение того, что он рожден в великое время, необычное время, преследовало его всю жизнь. И слова из Писания о Мессии загадочно сливались с этим ощущением и превращались в странную мысль о том, что Иуда Его обязательно встретит, что в этом и заключено главное в его жизни, весь смысл ее и содержание. Никто не знал этого хмурого рыже-

волосого с серым лицом иудея и из какого города или селения он пришел в предместье Кариот. Не знали ни его происхождения, ни его мыслей, ни того, была ли у него семья. Жил он в предместье одиноко и замкнуто, ни с кем не общался, всегда молчаливый, он тихо разменивал деньги в Иерусалимском Храме, где держал меняльную лавку. Говаривали, что он был в Вифаваре на Иордане в дни Иоанна Крестителя, но оттуда вроде бы вернулся как бы сам не свой. А в чем это заключалось, сами рассказчики не могли объяснить. Кто его знает этого замкнутого нелюдима.

Нет, не мог Иуда открыться людям, не мог сказать им то сокровенное, глубоко личное, пламенем горевшее в его душе.

В тот день, когда Иисус вошел в Иерусалимский Храм, Иуды там не было. Занятый какими-то мелкими заботами, он не пришел в тот день в Храм разменивать деньги для посетителей. А когда Иуда пришел в Нижний город на следующий день, чтобы кое-что купить к обеду, его слуха коснулись какие-то туманные разговоры об излечении неизлечимых болезней, о скандале в Храме и чуть ли не драке. Но Иуда, занятый своими мыслями, не обратил на эти разговоры должного внимания. Сердце же Иуды сразу узнало и различило Его из тысячи, в многолюдной толпе, когда Он шел куда-то по Своим делам. Вот Иуда встретил Того, о Ком он мечтал долгие годы, с Кем он говорил в ночной тиши, из-за Кого он не замечал ни жизни, ни красок ее, Кому он посвя-

тил всю свою жизнь.

Уже седьмой день, как он числился учеником Иисуса, и так как он прибился к Нему последним, то есть к оставшимся одиннадцати ученикам, то и стал считаться – двенадцатым (так его стали называть, когда ушли посланные Иисусом по дорогам Израиля и Иудеи семьдесят учеников). Это ему не нравилось, но он молчал. Тридцатилетний, он казался лицом чуть старше своих лет, был хорошего роста, но не такой высокий, как Фаддей или Филипп, широкоплечий, с пышной вьющейся шевелюрой, оставлявшей открытым красивый высокий лоб, и короткой жиденькой бородкой, с прямым красивым носом с развитыми ноздрями, с широко расставленными глазами, задумчивыми и большими – такой он вдруг появился среди всей этой молодежи. Иуда много молчал и с учениками, словно не замечал их. Взгляд его серых с легкой зеленью глаз, окруженных густыми рыжими ресницами, неотступно следовал за Иисусом. Ученики тоже, как бы чего стыдясь, сторонились Иуды, но особенность эту его заметили и недоумевали.

– Ты заметил, что наш новенький из Кариота не сводит глаз с Учителя? – прогудел на ухо Иоанну Петр.

– Искарриот?[Получился каламбур, поскольку «искарриот» означает «воитель». – В.Б.] – не понял Иоанн, ослышавшись.

– Ну, Иуда, – сказал Петр.

– Заметил, – кивнул Иоанн. – Но теперь он наш брат. И нехорошо, что он с нами чувствует себя одиноким.

– Да я так, – смутился Петр. – Просто подумал, может, он чего задумал. Кто их знает – иудеев. Они нас не очень-то принимают. А этот еще и похож на какую-то хищную птицу.

– Снова нехорошо говоришь, Петр.

Но Петр прозвище «Искарриот» запомнил, и чтобы показать Иоанну, что он ничего не имеет против иудеев, с той непосредственностью, которая была Петру свойственна, он двинулся к новому ученику.

– Иуда, если не возражаешь, мы будем называть тебя Искариот. Ну чтобы различать. У нас уже есть два Иуды – Иуда Фаддей и Иуда Фома, а ты будешь Искариот. Ну как, ты не против?

– Отчего же – называйте, – согласился Иуда. – Все-таки лучше, чем «двенадцатый»... Можно было подумать, что у *вас* двенадцать Иуд.

– Может, присоединишься к нам. Мы играем – силами меряемся, – предложил Петр.

– Играйте. Я буду тут.

– Отчего ты не хочешь играть с нами? Мне, кроме Филиппа, не с кем и силой меряться. А ты, я вижу, крепкий. Матфей тоже здоровяк, но его от калама и пергамента не оторвешь. А ты хоть не такой, как Матфей или мускулистый Филипп, но жилистый. Труд видел.

– Нет, Петр, – отказался Иуда, – теперь не хочу. В другой раз померяемся силой.

– Тогда в другой раз, – согласился Петр. – Но скажи, Ис-

кариот, ты рад, что ты теперь с нами, что ты тоже ученик Иисуса?

Иуда вскинул на Петра глаза и посмотрел на него прямо, и Петру показалось, что глаза у него совсем зеленые, как у египетской кошки, которую он однажды видел, когда был в гостях у заезжего египтянина.

– Рад, – коротко и серьезно ответил Иуда.

Иуда был старше других учеников, и вскоре он показал свою опытность, практичность, выносливость и смекалку, поэтому ему и был поручен денежный ящик для пожертвований. Исполнял он свои обязанности точно, четко и незаметно, что и оценили другие ученики и считали его по хозяйственной части уже человеком как бы и незаменимым. Постой, доставка провизии, приготовленные пицци, раздача милостыни – вот круг обязанностей Искарриота, двенадцатого ученика.

В Вифанию они вошли к полудню, когда яркое солнце, светившее в безоблачном небе, заливало своим светом безлюдные улицы селения. У одного из домов они увидели женщину, набиравшую воду из колодца. Она обернулась и задумчиво посмотрела на Иисуса и группу учеников.

– Мир вашему дому, Марфа, – обратился к ней Иисус.

Она встрепенулась, и от неожиданности чуть не обронила кувшин в колодец, затем поставила его на землю и торопливо отворила ворота.

– Проходите, проходите, – говорила она. – Брат еще рабо-

тает, а вот Мария куда-то с утра упорхнула. Видно, пошла в долину за цветами, чтобы украсить дом.

Когда уже все гости обмыли ноги по обычаю, вбежала девушка лет четырнадцати с черными распущенными волосами, босоногая, смеющаяся. У нее, действительно, в руках было много разноцветных цветов. Увидев, что дом полон гостей, она вдруг весело рассмеялась, бросила цветы на стол и убежала.

– Красивая девушка, – отметил Петр и взглянул на своего брата Андрея.

Андрей удивленно посмотрел на брата:

– Что?

– Женил бы я тебя, брат мой любезный, – мечтательно-язвительно сказал Петр.

Петр любил поддразнить Андрея.

– Видите, – всплеснула руками Марфа, – снова убежала, а мне одной по хозяйству работать. Нет никакой от нее помощи.

– Марфа – хозяйка знатная, – вошел в дом высокий чернобородый мужчина и приветствовал гостей. Это был Лазарь, брат Марфы и Марии.

Иуда, не спускавший глаз с Иисуса, видел, что Он и Лазарь после трапезы куда-то ушли вместе. Воспользовавшись тем, что остальные ученики заняты разговором с молодыми привлекательными сестрами, Иуда незаметно покинул дом. Никто и не обратил внимания на то, что Иуда отсутствовал

где-то два часа, и вернулся незадолго до возвращения Иисуса и Лазаря.

В Вифании Иисус и ученики Его пробили несколько дней. Исцеления, помощь нуждающимся, проповеди поглощали все время. Иисус беседовал наедине с Лазарем или Марией. Марфа взяла на себя все хозяйство и часто досадовала на сестру, что та не помогает ей. И Иуда стал ей помощником.

– Пусть беседуют, – говорил он ей, когда она начинала ворчать. – Его слова, словно золотые айвы. Говорил тебе Учитель, что ты, Марфа, о многом заботишься, а Мария выбрала благовую часть, которая у нее не отнимется. А я помогу тебе. Ты только скажи.

Так говорил Иуда. И Марфа была рада помощнику. Он уходил за провизией, но ходил что-то очень долго. Когда Иисус беседовал с Марией во дворе, то и Иуда вертелся рядом, находил во дворе какую-нибудь работу. Другие ученики уходили с утра проповедовать и исцелять, а Иуда был только рядом с Иисусом, и когда Иисус покидал дом Лазаря, то и Иуда, прихватив с собой денежный ящик, шел вслед за Ним, не заботясь о том, что Марфа тщетно ждет мха для очага или соли из базара.

Ученики так и не поняли, почему Иисус так стремился в Вифанию. Когда Иисус проходил через другие селения или города, Он хотя и посещал все дома, куда Его приглашали, но всегда останавливался в тех домах, которые избирал Сам, то есть Иисус наведывался к определенным людям, тем бо-

лее, что с ними Иисус подолгу разговаривал наедине. Первым среди учеников это отметил Иоанн и решил, что если Учитель намеренно посещает Лазаря, встречается с фарисеем Никодимом, то на это есть очень важная причина, а значит, эти люди имеют особое значение.

Но всё же Иоанн был несколько озадачен, когда Иисус согласился зайти к местному фарисею Симону, прозванному Прокаженным. Иоанн видел, что Учитель не хотел идти в этот дом и пытался обойти его стороной. Запыхавшийся от бега слуга настоятельно просил посетить дом его хозяина. И Иисус согласился.

У самого входа, где они пробивались сквозь толпу любопытных, пытавшихся хотя бы через ограждение заглянуть на чужой праздник, Иисус обернулся к ученикам и сказал:

– Побудьте здесь. Я войду в дом.

Действительно, у Симона Прокаженного был праздник, а вернее, званый вечер. В его доме было много гостей, возлежащих вокруг огромного стола, уставленного изысканными яствами и кувшинами с винами. Когда вошел в сопровождении слуги Иисус, Симон даже не двинулся навстречу, лишь рукой указал Ему на свободное ложе рядом со своим. Симон был немолодой человек, крепкого сложения, немного тучный, со следами былых язв на толстом обрюзгшем лице. В этот вечер он пообещал гостям, что зазовет к себе этого пресловутого Целителя и покажет им эту диковинку из Галилеи вблизи. Вечеринка была спланирована Симоном тщательно:

сначала обильный ужин с вином и музыкой, затем, как развлечение, Пророк-Галилеянин, а потом прелестные блудницы пожелают спокойной ночи гостям в отведенных для каждого из них отдельных комнатах.

Иисус прошел через всю огромную комнату, сопровождаемый любопытствующими жадными взглядами гостей, и возлег на предложенное Ему ложе.

– Говорят, Ты пророк из Галилеи? – спросил Симон, обращаясь к Иисусу. Он говорил надменно и сильно растягивал слова.

Иисус с улыбкой посмотрел на жующего мясо Симона и уже хотел ответить ему, но вдруг произошло неожиданное. Из той комнаты, где находились блудницы, приготовленные для ночных утех гостей, ворвалась в пиршественный зал светловолосая девушка в богатом наряде, звеня всеми своими браслетами и массивными подвесками. Она ворвалась так стремительно, что ее никто не успел задержать. Ее красивое лицо пылало негодованием, из глаз струились слезы обиды и оскорбления. Быстро схватив один из сосудов, в которых находилось дорогущее мирро для почетных гостей, она бросилась к Иисусу. Гости были поражены. Наступило молчание, музыканты перестали играть, лишь слышались всхлипывания девушки. Симон сначала сделал движение, чтобы позвать слуг и убрать неприличную для этого зала особу, но передумал и даже с любопытством стал следить за действиями блудницы и выражением лица Иисуса, найдя в этом для

себя какое-то особое развлечение.

«Я Его спросил, пророк ли Он. Да если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему. Это же презренная грешница, а Он позволяет ей омыwać Себе ноги», – думал Симон Прокаженный.

– Симон! Я имею нечто сказать тебе, – произнес Иисус.

– Скажи, Учитель.

– У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но как они не имели, чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?

Симону не хотелось отвечать, но все-таки он ответил:

– Думаю, тот, которому более простил.

– Правильно ты рассудил. Видишь ли ты эту женщину? Я пришел в твой дом, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал, а она мирром помазала Мне ноги. А потому говорю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много. А кому мало прощается, тот мало любит. – Обращаясь к девушке, Он сказал: – Прощаются тебе твои грехи. Вера твоя спасла тебя. Иди с миром, Мария.

– Как это, что Он и грехи прощает? – тихо спросил один из гостей другого.

– Дерзок и самонадеян, – ответил шепотом тот.

– Имя-то ее угадал...

– Что в том, что Он имя ее угадал. Знает Он ее. Водится с блудницами, пьяницами, мытарями, а то и с разбойниками, вот и знает Своих.

– Жемчужина, если она брошена в грязь, – сказал Иисус, и шептавшиеся гости, подняв глаза, увидели, что Он обращается к ним, – не станет более презираемой, и, если ее натрут бальзамом, она не станет более ценной. Но она всегда ценна для ее обладателя. Подобным образом дети Бога, где бы они ни были, они всегда имеют ценность для их Отца.

Иуда был силен и ловок, как шестнадцатилетний юноша, и, когда нужно было, мог стать незаметным. Одним движением он перепрыгнул через ограждение и незамеченным пробрался к открытому окну. Все, что произошло в зале у Симона, он видел и слышал, о чем говорили там. Когда Иисус направился к выходу, Иуда так же незаметно для охраны пробрался к ограде и через несколько секунд был уже на улице. Обойдя ограду, он увидел группу учеников и услышал, как Иисус спросил их:

– А где Иуда?

Но никто ничего ответить не мог. Иуда стоял бледный, тяжело дышал, сердце его стучало так, что, казалось, грудь его разорвется и оно выпрыгнет из груди.

– Ты вышел победителем, – шептал он. – Но Тебя ли я ждал, Тебя ли я жаждал?

Иуда кусал побледневшие губы.

Глава 12. Ученики

Понемногу стал Иуда присматриваться и к ученикам. Всё это народ был молодой, зеленый, а некоторые из них были даже непозволительно юны. Их Иисус избрал Сам, и Иуда этого не понимал. Зависть точила его, и, несмотря на некоторую долю презрения к «юнцам», Иуда страстно захотел разгадать эту загадку: чем же они лучше, достойнее прочих смертных, за что их избрал Иисус и почему ему, Иуде, пришлось напрашиваться в ученики, если он так ждал Мессию.

Второй день месяца ияра [По нашему календарю – середина апреля. – В.Б.] выдался особенно жарким в этом году. Прячась под навесом из плаща от ослепительного, палящего солнца, Иуда глядел, как в каменистой долине Иисус и несколько учеников играли с местными детьми. Самых старших из учеников, – а это Петр, Филипп и Левий Матфей, – в долине не было. Те ушли по каким-то своим, неизвестным Иуде, делам. Да они сейчас не очень интересовали Иуду, их он уже немного рассмотрел, особенно первого и третьего. Левий Матфей был родом из Назарета, в возрасте десяти лет переехал в Капернаум, где продолжил учебу в школе для мальчиков при синагоге, а в пятнадцать лет стал мытарем; он был человеком ученым, рассудительным, но казался Иуде слишком сухим, педантичным, строгим и категоричным. Иуда его сторонился, но однажды очень удивил-

ся, когда услышал его добродушный, почти детский, громкий смех. Чем так Петр развеселил Левия Матфея для Иуды так и осталось тайной. Но смех Левия Матфея Иуда про себя отметил, немного подумал и махнул рукой: «Двадцатипятилетнее дитё, которое что-то все время пишет или сыплет цитатами из книги Соломона, почитая и себя мудрым, и любит полакомиться вкусеньким, что видно по его толстенькой фигуре». И на этом Иуда поставил точку. Петр, хотя человек и бывалый, был слишком шумным, громко смеялся и говорил, и для семейного человека, по мнению Иуды, был несколько наивным и несерьезным, иногда до того, что даже самый юный из учеников – пятнадцатилетний Иоанн Зеведеев – поглядывал на него снисходительно. Иоанном же совсем не заинтересовался Иуда: «совсем ребенок, еще глупый и самонадеянный, а Иисус детей любит».

Филипп заинтересовал Иуду. Было в нем что-то основательное и твердое. Филипп был ровесником Петру, Левию Матфею и Симону из Каны. Но в отличие от первого был немногословен, ироничен, в нем был виден практический ум и *усвоенный* жизненный (и, может быть, очень непростой) опыт, а в отличие от второго он мало записывал, больше размышлял и на вещи смотрел с разных сторон. С Симоном из Каны Иуда не мог сравнить Филиппа, так как еще не изучил его, поскольку тот был слишком молчаливым, любил не высываться и больше любил слушать других. Иуде еще не было известно, как и где именно призвал Иисус Своих уче-

ников, он только слышал кое-что, но очень удивился, когда узнал, что Филипп привел Нафанаила бар-Толмея, которого прозвали Варфоломей, к Иисусу, и что они – Филипп и Нафанаил Варфоломей – очень дружны и дружат еще с детства. Они были настолько разными, что Иуда просто терялся, размышляя об этом. То, что Филипп и Петр – друзья, было понятно: они одноклассники, с опытом, оба из Вифсаиды, оба любители пошуметь за чашею вина, но Нафанаил... Юный красавчик Нафанаил, сын Толмея, у которого даже бороды нет, такой же юный, как Андрей, брат Петра, Иаков Алфеев, Иуда Иаковлев по прозвищу Фаддей, Иуда по прозвищу Фома и Иаков Зеведеев – все эти семнадцати-двадцатилетние, еще безбородые юнцы. Правда, последний выглядел несколько постарше из-за своей серьезности и молчаливой сосредоточенности.

Иуда из-под навеса наблюдал за играющими в долине, но взглядом снова и снова останавливался на Нафанаиле, рассматривал его стройную высокую фигуру, блестящие на солнце темные длинные, до плеч, прямые волосы, разгоревшееся во время игры щеки. Милый, очень красивый мальчик с темными глазами, похожий на девушку-гречанку. Что общего у него может быть со светлородым насмешливым атлетом Филиппом? Иуда припомнил свой вчерашний разговор с Филиппом. Дело в том, что Иуда решил спросить Филиппа прямо, что может связывать такого серьезного мужчину, каким он считал Филиппа, с таким наивным ребенком,

каким ему казался Нафанаил.

– Филипп, а правда, что Нафанаил твой друг или так языком треплют? Еще говорят, это ты его к Иисусу привел, и Иисус его с радостью принял в ученики?

Насмешливая улыбка появилась на губах Филиппа. Иуда немного смутился, но виду не подал, молча смотрел в серые глаза Филиппа.

– Если интересно... что друг – не треплют, а что я привел – треплют...

– Вы такие разные... – продолжал Иуда.

– Учитель его раньше увидел под смоковницей [Нафанаил придерживался взглядов ессеев, и поэтому молился под смоковницей. – В.Б.] и избрал. Лучше ты с ним сам поговори, он человек интересный.

Филипп хотел пройти, но Иуда стал на его пути.

– Но что у вас общего? У вас большая разница в возрасте. Да еще – он из Каны, а ты из Вифсаиды.

– Общее – дружба, а возраст... – Филипп снова улыбнулся насмешливо. – Просто он так выглядит. Он мой ровесник – ему двадцать четыре года.

– Ты шутишь? Он такой наивный...

– Он очень добрый человек. Он настолько верит в добро, что любую неприятность считает злом, и возмущается этим. Не принимает. Хочет, чтобы всё было справедливо и хорошо. Поговори с ним, не пожалеешь. – Филипп снова тронулся с места, но Иуда сказал:

– И борода еще не растет? Может, он переодетая в мужскую одежду девица? Например, твоя бывшая...

Филипп удивленно поглядел на Иуду, а затем громко расхохотался.

– Ну, Искарriot, ты удивил меня. Пойду Нафанаила рассмешу. Ну, Искарriot... Воображение у тебя!.. А ты веселый человек... Борода-то у него растет, но он бреет ее, как римляне, потому что она идет ему, как пескарю конская упряжка. – И хохоча пошел от Иуды, но, пройдя два шага, остановился и сказал Иуде:

– Знаешь, Искарriot, что об Нафанаиле сказал Учитель?

– Нет, этого еще не слышал.

– Учитель сказал: «Вот, подлинно израильтянин [После смерти Соломона единая Иудея распалась на северное царство – Израиль и южное – Иудею. В 722 г. до н. э. северное царство Израиль было завоевано Ассирией. – В.Б.], в котором нет лукавства»...

...Иуда вздрогнул от неожиданности. Рядом с ним присел на камень Нафанаил. Он светло улыбался и его глаза еще светились азартом после игры.

– Немного устал. А ты, Искарriot, почему не играешь? С детьми так весело.

– Стар я играть да так веселиться, – тихо сказал Иуда.

– Какой же ты старик? А с детьми всегда нужно общаться, они чистые. И нам нужно быть чистыми как дети, так Учитель говорит. Тогда не будешь себя в тридцать лет стариком

называть, – усмехнулся Нафанаил.

– Э, – махнул рукой Иуда, – чистые, пока взрослые да мир не пробудят в них яйцехоре. [В иудаизме – дьявольское семя. – В.Б.]

Теперь Иуда, разговаривая с Нафанаилом, рассматривал его вблизи и любовался им, не находя ни одной неправильности в его лице и во всей внешности. Иуда любил и ценил красоту – красоту человека или животного, красоту природы или какой-нибудь вещи, созданной человеком, – и получал духовное удовольствие, созерцая ее. Приятно было смотреть в темно-коричневые большие глаза Нафанаила, окруженные длинными темными ресницами, отмечая детскость его взгляда, любоваться тонкими его бровями и правильностью формы его прямого носа, пухлыми губами красиво очерченного рта, его светло-смуглой чистой кожей. Лицо Нафанаила светилось такой детской добротой, что, несмотря на четкую правильность черт его лица, оно не производило впечатления маски и не походило на лицо статуи. Наоборот, оно было очень живое и милое, сильно привлекательное. «Да, хорошо, что он бреет бороду, – думал Иуда, прикидывая мысленно бороду к лицу Нафанаила. – С таким юным лицом, с таким нежным румянцем да с таким детским, наивным взглядом он выглядел бы, как мальчик с бородой. А это против природы, и поэтому некрасиво». Нафанаил был одет со вкусом, щеголевато, как и подобает образованному купцу (о том, что Нафанаил был в прошлом купцом, хотя и

неудачливым, Иуда узнал сегодня утром), под одеждой его чувствовались крепкие и сильные мускулы, не такие, как у Петра или Филиппа, но как у здорового мальчика-отрока. Он не носил шнурка на голове, и поэтому волосы его свободно рассыпались, а передняя длинная прядь иногда закрывала половину его лица и он кивком головы отбрасывал ее. Пробор в волосах его был сделан не как у большинства – по середине головы, а немного сбоку от середины. Иуда с некоторой завистью залюбовался и руками Нафанаила с тонкими пальцами и коническими аккуратными ногтями. «А он следит за своим внешним видом!» – сделал вывод Иуда. Слушать Нафанаила было так же приятно, как и смотреть на него. Голос его был негромким, с приятным тембром, мелодичным.

– Мрачный ты, Иуда, – заметил Нафанаил. – Мы, взрослые, должны правильно растить ребенка и направлять его помыслы только к добру. Когда пробуждается яйцехоре, надо всё правильно объяснить ребенку. Пока в мире много зла...

Тень упала на Нафанаила, и Иуда, подняв глаза, увидел, что подошли Филипп и Симон из Каны, высокий, худой брюнет с короткой бородой и очень светлыми глазами.

– Да, мир несовершенен, – произнес Филипп.

– Пока много зла в мире, – продолжал Нафанаил, – и главное зло – это боль.

Иуда удивленно поглядел на Нафанаила, перевел взгляд на Филиппа, посмотрел на Симона из Каны и снова обратил-

ся к Нафанаилу.

– Боль? – переспросил он. – Да, это очень неприятно... Но как же без боли ты узнаешь, что у тебя с зубом что-то не так или ты ногу занозил или тебя ударили и кость тебе сломали? Надо же знать, что с нами случилось и что лечить нужно. Иначе и умереть можно. Загноится рана...

– А ты не задумывался, Искарriot, почему знание о том, что в нашей плоти или душе что-то случилось, дается нам с таким страданием? Ведь могло быть так, что в поврежденном месте мы чувствовали бы легкий холод или потепление, и знали бы, что нужно вылечить. Зачем же страдание да еще такое, что выть хочется и не знаешь, куда деваться? Если боль – *только* сигнал о повреждениях, то она глупа, нелепа и бессмысленна и более ничего. Значит, наши страдания кому-то нужны. Кто-то из наших страданий имеет пользу.

Иуда переглянулся с Филиппом, но тот молчал, и лицо его было бесстрастным. Он слушал.

– Страдания... – замялся Иуда. – Как без страдания познаешь мир, себя?.. Я слышал мысль, что страдания – это тоже хорошо. Человек совершенствуется, учится испытывать сострадание. Страдания необходимы, чтобы знать, что хорошо, а что плохо. Если есть радости, должны быть и страдания, если есть день, то должна быть и ночь...

К разговаривающим подошел один из тезок Иуды по прозвищу Фома, что значит Близнец, так как он родился в месяце сиване [Родился под зодиакальным созвездием Близне-

цов. – В.Б.], рыбак из Панаеды, красивый шатен с юношескими усиками, с большими серыми глазами с прямым взглядом. Он остановился в стороне и, покусывая стебелек растения, внимательно слушал, по-детски переводя взгляд с одного говорившего на другого.

– Если продолжить твою мысль, – сказал Нафанаил, – то получается: если есть свет, то должна быть и тьма, если есть Бог, то должен быть и сатана. *Должен быть!* Значит, по-другому и быть не может. Но это ложь. В Писании сказано: «Бог создал свет», но не сказано: «Бог создал тьму», а также в другом месте сказано: «Бог не создал смерть». Значит, Бог не создавал противоположностей. Он создал свет, жизнь, радость, счастье, а тьма, смерть, горе, страдание – это деятельность кого-то другого. Эту мысль и Платон, греческий философ, высказывал. И Бог не создавал сатану. Он создал Ангела, который сам, позже, отвернулся от Бога. В жизни, которую создал Бог, не было места для болезней, старости и смерти, а значит, и для боли. Всё это возникло потом, когда начал действовать сатана.

– Да, когда он соблазнил Еву, – продолжил Иуда.

– Нет, причем здесь жизнь? [Ева – по-древнееврейски «жизнь». – В.Б.] Ты, Искарот, слишком буквально понимаешь тексты. Ева – не жена, а образ земной жизни. Тут следует понимать так: в жизни не было ни страданий, ни смерти, но после каких-то действий сатаны в нашей жизни возникло и то и другое. Вот ты говоришь, страдание, боль – сигнал о

повреждениях плоти, болезнях, а ведь боль существует и сама по себе. Подтверждение тому наши жены. Здоровая, благополучная жена живет постоянно с болью. В первый раз с мужчиной ей больно, перед тем, как освободиться от нечистот и во время освобождения от нечистот она испытывает постоянную, не прекращающуюся ни на миг, сильную боль каждый месяц и днем и ночью. И производит на свет человека в муках. А животные рожают новое без боли. Значит, боль при родах не обязательна.

– А ты откуда знаешь, что без боли? – засомневался Иуда.

– Животные, как и человеческие маленькие дети, не принимают боль. Если им больно, они не терпят боль, они громко кричат, а наши дети рыдают. Это всё оттого, что их душа возмущается против действий сатаны. Ибо боль – это его действия. А животные производят на свет потомство тихо, значит, им не больно.

– Но зачем это всё сатане? Боль, страдания, болезни?

– Вероятно, это – его источник существования, как для нас пища, воздух, солнце. Иначе в боли нет смысла.

– А почему ты думаешь об этом? – спросил Иуда. – Зачем искать какой-то смысл в боли?

– Ты же сам говорил, что нужно познавать мир, себя, только пытался это делать через страдания, – усмехнулся Нафанаил. – Если есть в мире боль, нужно познать, что она такое и откуда взялась. Предвечен только Бог, всё остальное откуда-то получилось. Когда ребенком я впервые испытал

боль, я был очень возмущен и глубоко обижен. Даже не обижен, а глубоко оскорблен ею. Испытывая ее вновь и вновь, я чувствовал это оскорбление, и даже чуть ли не взбунтовался против Бога, если это Его закон. Я стал думать, познавать, и вот, наконец, пришел к тем мыслям, которые и изложил тебе, как умел. Но меня мучает мысль, что большинство людей думают, что, если боль – закон нашей теперешней жизни, то она от Бога, как когда-то думал и я. А есть еще мнение, что боль – это наказание за грехи, а за что страдают младенцы, ведь они безгрешны, ты думал об этом?

– Хорошо, боль – не закон Божий, но ведь все-таки боль – закон нашей теперешней жизни. Мы живем с нею и вынуждены с ней считаться, – возразил Иуда. – Что толку рассуждать: нужна она или нет?

– Да, мы живем в боли, и страдает всё живое без исключения, одни меньше, другие больше. И всё живое стремится только к одному: избежать боли и получить больше радости. Но радостей в нашей теперешней жизни мало, а боли много. Самое страшное, что в попытках избежать боли иные люди совершают ужасные преступления. Отсюда – лжесвидетельства, предательства, убийства, мучительства других...

– А герои, – перебил Иуда, – которых мучают, а они умирают, но все-таки остаются верными и Богу, и народу, и себе? Получается, что боль оттеняет высокие чувства. Не было боли, не было и такой силы подвига.

– Таким людям, которые прошли через мучения в подвиге

своим, я всегда готов ноги целовать. Но подвиг не измеряется исключительно болью, подвиг более широкое понятие, и подвигом проникнуто всё создание Божие. Подвиг – это отдача себя другим и за других. Поэтому все, созданные Богом, способны на подвиг. Сколько мы знаем случаев даже с животными. Собака, умирающая у гроба своего хозяина, конь, вытаскивающий воина из поля боя, животное, защищающее своих детей, иногда ценой своей жизни, – все они совершают подвиг. Способность к подвигу заложена во всех нас так же, как и способность к трусости. Последняя заложена сатаной. Чтобы избежать физической или душевной боли, человек или животное проявляет и трусость. Видишь, снова боль – причина.

– Но что мы можем поделать, если боль – один из законов жизни? – возразил Иуда.

– *До времени* – закон жизни, потому что боль не создана Богом, значит, она будет уничтожена. Наш Учитель пришел к нам, чтобы упразднить старые законы жизни и утвердить новые. Скоро не будет боли, болезней, старости и смерти. Как сказано у пророка Исайи: «поглочена будет смерть навеки». А до этого времени мы прежде всего должны осознать, что боль есть зло и бороться с нею. Уже известны напитки, убивающие боль, в Индии, например, есть практики, с помощью которых человек входит в такое состояние, когда он не чувствует боли. Иисус научил нас исцелять болезни, и научит воскрешать мертвых. С болью нужно бороться и ее

побеждать, а не безропотно терпеть.

Иуда окинул удивленным взглядом фигуру Нафанаила.

– Да ты – мечтатель.

– Все мечты сбываются. Нет несбыточной и пустой мечты. Любая мечта – светлая или темная – сбывается, если не в этой жизни, то в беспредельности других пространств и времен. Каждый получает по вере своей.

– А если я мечтаю летать, как птица? – засомневался Иуда.

– Значит, когда-то будешь летать.

– А если мечтаю стать царем Иудейским?

– Значит, когда-то будешь царем или кем-нибудь подобным, если не Иудеи, то еще чего-нибудь. По крайней мере, во сне увидишь себя царем Иудейским, вот и сбудется твоя мечта. Но надо не забывать, что человек страдает прежде всего от своих желаний. И желания человека – это слабая его сторона, на которой очень умеет играть князь тьмы. Мир и мы в мире несовершенны, и желания наши несовершенны, поэтому, чего мы боимся, то с нами и совершается, а что боимся потерять, то и теряем.

– Выходит, нужно ничего не бояться и ничего не желать? – спросил Иуда.

– До поры – пожалуй так, а бояться вообще ничего не стоит. Страх – чувство нехорошее, и исходит оно от незнания. Знающий человек понимает, как поступить благоразумно и избежать опасности.

– Так вот чем забита твоя красивая голова! – усмехнулся

Иуда. – А ты, Филипп, с ним согласен?

Насмешливые искорки мелькнули в серых глазах Филиппа, но ответил он твердо и серьезно:

– Согласен.

– Со всем согласен? – уточнил Иуда.

– Со всем.

– А ты, Фома? – обратился Иуда к стоящему неподалеку Фоме.

Тот отбросил в сторону стебелек и сказал:

– Не знаю. Много сказано, мне надо обдумать всё. Раньше я об этом не думал, а теперь буду думать.

– А о чем ты, Фома, мечтаешь? – поинтересовался Иуда.

– Я о многом мечтаю. Так сразу не могу сказать.

– Тогда главную мечту скажи. Что ты всё говоришь «не знаю», «не могу»?

– Я не знаю, – неуверенно сказал Фома, и все засмеялись. – Главная... Чтобы добро победило зло.

– А ты, Кананит, [Прозвище «Кананит» указывает не на город Кану, а на принадлежность к группе zelотов или кананитов, вернее, канаитов – подборников веры, ревнителей. – В.Б.] о чем мечтаешь? – обратился Иуда к сидевшему на камне Симону.

– Я, пожалуй, соглашусь с Фомой, – лениво ответил Симон. – Чтобы добро победило зло.

– А ты, Филипп, о чем мечтаешь? – спросил Иуда.

– О вкусном обеде, – ответил Филипп. – По крайней мере,

если ты, Искарriot, будешь поменьше спрашивать и побольше действовать, то моя мечта сбудется не только в этой жизни, но уже и сегодня.

– Сразу видно практического человека, – заметил Иуда под смех учеников. – Мечта – конкретная и легко исполнимая. Пойду в то селение, что-нибудь достану.

Иуда поднялся и взял денежный ящик.

– И мехи с вином не забудь, – вдогонку ему крикнул Филипп, – жарко очень.

– Ну это уж не забуду! – на ходу крикнул Иуда.

Иуда имел настоящий талант обеспечивать Учителя и учеников всем необходимым в дороге. Из селения он принес столько еды и питья, что хватило не только на обед, но предполагался еще и приличный ужин. Именно перед самым ужином и решил Иуда отыскать Фому и Симона из Каны, чтобы продолжить утренний разговор, а заодно и рассмотреть их получше. Вечером ученики разбились на группы, было время отдыха, и каждый занимался кто чем. Фома оказался совсем не настроен на разговор с Иудой, он торопился присоединиться к младшим ученикам – Андрею, Иакову Алфееву, Иуде Иаковлеву, прозванного Фаддеем, Иоанну (с ними в группе был и Нафанаил), – лишь бросил Иуде на ходу, что все обсуждаемое утром очень серьезно, он еще ничего не обдумал, а для мышления нужны тишина и покой, и если он ни до чего не додумается, то, скорее всего, обратится к Учителю за разъяснением. Иуда лишь посмотрел вслед уходив-

шему Фоме и окинул взглядом группу «младших» – крепкую стройную высокую фигуру Андрея, невысокого мальчика с вьющимися темными волосами и немного вздернутым носиком Иакова Алфеева, крепкого высокого светловолосого Фаддея, очень красивого отрока Иоанна. Первым троим было по семнадцать-восемнадцать лет. Иуда еще раз подивился, что двадцатичетырехлетний Нафанаил прекрасно ладит с этими «детьми», сам выглядит ничуть не старше их. Сейчас они все смеялись, что-то друг другу рассказывали, и веселья у них прибавилось, когда к ним подошел двадцатилетний Фома. Иуда еще раз подивился и тому, что наблюдал и раньше: живому характеру Нафанаила, быстрым переходам в его настроении от веселья к грусти и наоборот; если он смеялся, то смеялся весело, от души, заразительно, если шутил, то метко, искрометно и добродушно, если плакал, то так трогательно, что сразу находились у него утешители. Потерпев неудачу с Фомой, Иуда пошел разыскивать Симона из Каны. Он прошел мимо отдыхающих за чашей вина Филиппа, Петра, Левия Матфея и Иакова Зеведеева. От них он узнал, что Симон Кананит только что был здесь, но куда-то отошел. Наконец после недолгих блужданий среди камней он наткнулся на Симона. Тот с удивлением остановился.

– Я тебя искал, Кананит, – сказал Иуда.

Симон был одного роста с Иудой, но из-за своей худобы казался каким-то длинным. Слишком светлые глаза его при смуглой коже и темных волосах уже смотрели на Иуду с

обычным ленивым спокойствием.

– А зачем меня искать? – спросил он.

– Мне все покоя не дает тот разговор утром, – пояснил Иуда, пристально разглядывая Симона и отмечая, что тот был бы даже очень приятной наружности, если бы не эти слишком светлые глаза под широкими бровями и острый нос с легкой горбинкой. – Ты ничего утром не сказал, слушал молча, ничем не выдавая своей заинтересованности, как-то лениво слушал.

– А что говорить? – спокойно спросил Симон.

Они шли по каменистой долине в сторону, где собралась группа с Филиппом. Взглянув туда, Иуда заметил, что к ним присоединился Нафанаил. Он о чем-то говорил с Филиппом, и лицо его было озабоченно и даже несколько печально, а Филипп очень внимательно и серьезно его слушал.

– Нафанаил говорил о том, что болит ему, что нажил в себе, к чему пришел, и говорил хорошо. Люблю умные разговоры послушать.

– Так ты считаешь Нафанаила умным? – спросил Иуда. – И согласен с ним?

Симон немного подумал, поджав нижнюю губу, затем сказал:

– Пожалуй, согласен. Мне нечего возразить. Нафанаил – умный человек, и остроумный, но очень впечатлительный и ранимый. Я очень люблю его смех.

– Ты утром отмахнулся от моего вопроса. А все же, о чем

ты мечтаешь?

– Отмахнулся? Я в самом деле хочу, чтобы добро победило зло. Разве ты этого не хочешь? Все этого хотят.

– А лично ты чего хочешь?

– Жить, – просто ответил Симон. – Я жизнь люблю, пусть она пока несовершенна, как говорит Филипп, но я ее люблю. Это солнце люблю, Галилею люблю, даже эти камни Иудеи мне нравятся. Все люблю.

– Ты всегда говоришь так, словно ты хочешь отмахнуться от всех вопросов, и тут же говоришь, что любишь умные разговоры послушать. Значит, есть в тебе эти вопросы?

Симон ничего не ответил.

– Скрытный ты, – заметил Иуда. – Ну а что ты думаешь о Фоме?

– Думающий человек. Во всем ищет твердую основу. Очень любит красивое законченное высказывание. Мысль любит.

– А о Филиппе что думаешь?

– Да ты, Иуда, так всех переберешь. Хочешь с нами со всеми хорошо познакомиться, говори с нами сам. Тут все хорошие и в каждом есть что-то интересное.

– А где плохие, Кананит?

– Мне все хороши. Есть несчастные, обиженные, запутавшиеся, но все хорошие...

– Странно ты рассуждаешь, – засомневался Иуда. – А наказывать кого, если все хорошие? Как же тогда вершить

справедливый суд?

– Ах, ты о справедливости... – усмехнулся Симон.

– А справедливость, – сказал Иуда, – я понимаю так: достойный получит свою награду, а недостойный должен быть наказан.

– Эх как ты поделил всех! – тихо засмеялся Симон.

– А разве ты не согласен? – спросил Иуда, задетый смехом Кананита. – Тогда скажи, что, по-твоему, справедливость?

– «По-твоему», «по-моему»... Да все мы достойны, потому что мы – дети Бога, и все мы недостойны, потому что в сравнении с Ним все мы – еще глупые младенцы, так как не знаем, что правильно, а что – неправильно, и часто ошибаемся. Так кого награждать, а кого наказывать? И Бог никого не наказывает...

– Нет, постой, Кананит, – взволновался вдруг Иуда, – это что же, – грехи, дорогой, Бог тебя не накажет? Так получается? Мы, люди, как любим детей своих, а чуть что, промах какой, то наказываем их, чтобы уберечь их в дальнейшем от нехорошего. Меня отец мой любил, но бил за малейшую провинность...

– А исправляло тебя наказание? Не творил ли ты и во второй раз то же самое?

– Если честно, то творил и во второй, и в третий раз, – смутился Иуда.

– Видишь, наказание еще никого не исправляло, а вот обиду в душе наказанного копило. Бог мудр, а наказание –

это глупость.

– Но наказание есть, и шеол есть. И за грехи люди несут наказание.

– Вот кто создал шеол, тот и наказывает. Кто создал грех, тот за него и казнит. Наказание, месть – это зло, и принадлежат они отцу зла.

– Но что тогда исправит грешника? И что же тогда справедливость?

– Любовь, – коротко ответил Кананит.

– Что – «любовь»? – переспросил Иуда.

– Любовь исправит грешника. Когда человек что-нибудь или кого-нибудь полюбит, тогда весь мир перед ним меняется, и он многое в другом свете видит. Только любовь нужна настоящая, исходящая от Бога, а не ее фальшивые образы, которыми нас обманывает дьявол.

– А как же отличить настоящую от фальшивой?

– По делам влюбленного. По делам все видно.

– Ну а справедливость тогда в чем?

– А справедливость в том, чтобы все дети Бога пришли к Богу, а для нашего несовершенного мира справедливость заключена во *всеобщем спасении*: несчастного сделать счастливым, обиженного обласкать и успокоить, заблудшего найти и вернуть, запутавшемуся помочь разобраться в себе...

– А если человек не хочет, чтобы его спасали, он любит зло и сознательно избрал его, а в любовь он не верит?

– И такого можно спасти, потому что изначально все мы

хорошие – все мы дети Бога, но если человек так сильно запутался, то для спасения его понадобится очень много сил и времени, но рано или поздно все мы будем спасены.

– Ты в это веришь?

– Верю, – просто ответил Симон Кананит.

Иуда лишь молча заглянул в светлые глаза Кананита да руки развел в стороны, как zelot, [Зелоты, или поборники веры, отличались религиозной и национальной нетерпимостью. – В.Б.] пусть и бывший, мог так рассуждать? Чем это объяснить, как не влиянием Иисуса?

– Вот за разговором не заметили и времени, – чуть улыбнулся Симон. – На ужин собираемся.

Когда они подошли к столу, за которым до этого возлежали «старшие» ученики, то увидели всех остальных десятерых учеников. Нафанаил говорил, все смеялись, а Филипп буквально лежал от смеха на столе, держась за свой живот рукой; Иуда услышал только часть последней фразы: «...и толстяк Zenon говорит: «Не научился я танцевать корибантум. [Военный фригийский танец с оружием или факелом. – В.Б.] Дома пробовал: три шкафа с посудой разбил, шмякнулся о пол – и перестал. Но летать научился»

Ужин прошел весело, все смеялись, шумели, по-доброму подшучивали друг над другом. Затем собрались на вечернюю беседу с Иисусом. Но сегодня Он не учил, и беседа была общей и непринужденной. Вспоминали Галилею, а затем все попросили Иакова Алфеева спеть галилейскую песню.

Он достал из своей сумы самодельную набу. [Предок гитары. – В.Б.] (NB: Первым инструментом в его жизни была лира: в детстве он учился в музыкальной школе при Храме, готовясь стать храмовым музыкантом.)

Пел он очень хорошо, очень. Его сильный, богатый интонациями красивый голос с приятным, завораживающим тембром звучал просто волшебным, магически. Иаков Алфеев с легкостью брал как низкие, так и самые высокие ноты; его голос звенел, вибрировал и переливался всеми оттенками какой-то звуковой радуги. Иуда никогда не слышал ничего подобного. Манера исполнения Иакова казалась исключительной и неповторимой. Иногда Иаков понижал голос, пел тихо, с придыханием и дрожью, со слабыми сладким стоном: тут слышалось ласковое мягкое журчание маленького ручейка, заявляющего и о своем праве на жизнь, – и теплые, светлые чувства теснились в груди слушателя, щекотали душу и глаза тихой слезой, но вдруг происходил неожиданный взрыв, и его голос силою взрыва взлетал в поднебесье и парил там гордо, как парит в небесном океане сильный, отважный орел, а затем опускался звук, обращая смелого орла в нежную, трогательную бабочку, порхающую над самыми головами слушателей. Красивая мелодия, драматизм и лиричность слов песни и волшебный голос Иакова Алфеева – все это было настолько гармонично переплетено и слито в единый живой образ, светлый, чистый, высокий, что Иуда, никогда опытно не переживавший в своей жизни того, о чем

поется в этой песне, вдруг это все пережил сейчас и здесь, пережил остро, со всею палитрою чувств – от сладкого мучения до острого экстатического наслаждения.

Когда Иаков окончил песню и отложил наблу, все долго молчали, а Иуда, оглядевшись вокруг, увидел в глазах учеников слезы. Слезы были и в очах Иисуса...

Все легли спать, но Иуда долго не мог уснуть, он думал, слушая дыхание спящих учеников: «Но чем же они лучше меня и других? Почему Он их избрал? Чем их идеи лучше моих, а моя мечта хуже их мечты? Разве не достойнее и не лучше я их? Вот загадку себе загадал».

Глава 13. Обещанная встреча

Многие фарисеи и саддукеи, от самых именитых до менее значительных, вдруг получили приглашение от первосвященника Каиафы посетить его дворец в Иерусалиме. Приглашения были отправлены заблаговременно, чтобы, не приведи Господи, адресаты не получили послания в субботу, а также и встреча была назначена на будущий четверг, чтобы даже из отдаленных мест Израиля можно было добраться в столицу, не нарушив субботы ни одним действием.

Вечером в четверг дворец Каиафы сиял сотнями светильников, но обстановка была строгая. Всё говорило о том, что это не званый вечер, а некий съезд, собрание, и обсуждаться будут вопросы даже чрезвычайные. Но все же в углу в одном из залов был накрыт стол с легкими закусками, уже разбавленным вином и различными фруктами, свежими и сушеными. В зале, где собрались в ожидании собрания фарисеи и саддукеи из различных городов, местечек и селений, сновали чернокожие слуги-ливийцы, подавая для утоления жажды фруктовые воды. На балконе под колоннадой был небольшой фонтан, а внизу за оградой балкона шумел небольшой сад – всё это хоть немного облегчало и смягчало летнюю жару, которая была в тот четверг. Съехавшиеся не скучали в ожидании. Многие здесь не виделись несколько лет, поэтому поговорить было о чем. Но в основном обсуждался в неболь-

ших группах вопрос о вдруг появившемся Мессии.

– Откуда Он пришел? – говорили в одной из групп.

– Вроде бы из Галилеи.

– Но разве приходит пророк из Галилеи?

– Я согласен, из Галилеи ничего хорошего и выйти не может.

В другой группе:

– Говорят, Он грозился Иерусалимский Храм разрушить.

– Вот пакостник.

– Нет, говорят, что Он говорил, будто бы в три дня построит Храм.

– Если Он из Галилеи, то может только разрушить. – Смех, но тут же спохватились.

В третьей группе:

– Мне доводилось Его видеть. Молод, дерзок, а главное, остер на язык. И всё это при поражающе красивой внешности.

– Я слышал, Он Писание наизусть знает, и даже будто бы многих наших собратьев посрамил, уличив в невежестве.

– Я тридцать лет служу, а какой-то дерзкий красавчик-мальчишка посрамил кого-нибудь из мудрых фарисеев или начитанных книжников? Стыдно тебе и говорить это, стыдно пересказывать такие нелепые слухи.

– Но все же Он имеет дар исцеления. Только от Бога такой дар дается.

– Я говорю: стыдно. Бесовскою силою Он бесов изгоняет.

Откуда дар такой изгонять бесов, как не от самого владыки бесов.

– Но мне доводилось Его видеть, и, если Он враг нашей веры, то, поверь, враг очень сильный. Действовать надо, ибо погубит Он Иерусалим.

– Прости, но ты, как всегда, преувеличиваешь: Иуда Галилеянин тоже называл себя Мессией – и где он? Самозванцы только смуту умеют сеять. Это тоже опасно. Его надо арестовать и убить.

– А народ? У нас и без Него, что ни год, то десять восстаний.

– Иоанна Крестителя, что на Иордане был, помнишь? Сколько к нему народа ходило, а казнили его и восстаний по этому поводу никаких не было.

– Ой, убереги, Бог, Иерусалим и нашу веру!

Никодим приехал одним из последних, так что его появление заметили лишь немногие. Тут же к нему подскочил слуга-нубиец, и Никодим взял чашу с ананасной водой и с жадностью всю ее выпил. Он сильно страдал от жары, тем более, что в этот день ему немного не здоровилось. Если бы не это собрание, то Никодим и не вышел бы никуда из своего дома, а возлежал бы на ложе с прохладным сосудом на лбу и пил бы отвары из целебных трав, приготовленные старухой-персиянкой, служившей еще у его отца, которую он вывез из Персии, когда та вылечила его от неизвестной, но опасной болезни, которую не брались лечить лучшие врачи.

Никодим огляделся и у ближайшего слуги взял чашу, но уже с гранатовой водой, которую тоже быстро осушил, и отошел поближе к балкону, где веяло свежестью и прохладой от маленького фонтана. Фарисеи и саддукеи были одеты торжественно, по форме. Много было знакомых лиц, которых он встречал на праздниках и собраниях, но были и незнакомые, видимо, прибывшие из отдаленных мест. Его взгляд привычно и устало скользил по лицам собратьев. Он завидовал тем, кто в такую жару настолько себя прекрасно чувствовал, что у них хватало сил что-нибудь обсуждать. К нему было подошел один знакомый фарисей из Хеврона, но разговора не получилось, и тот ушел и присоединился к какой-то группе. «Так нельзя, – подумал Никодим, – нужно взять себя в руки. Ведь впереди еще скучное собрание. Еще немного – и я потеряю сознание». Он вошел в зал, где был накрыт стол. Слуга, стоявший у стола и наполнявший чаши напитками для желающих, подал ему чашу с разбавленным виноградным вином. Никодим выпил вино и почувствовал облегчение настолько, что смог вернуться в зал ожидания. Там он отыскал место на длинной лаве вдоль мраморной панели и сел, обратив лицо к балкону, где завораживающе пела прозрачная вода в фонтане.

– Мир тебе, уважаемый Никодим.

Никодиму стало досадно, что его потревожили, но все же у него хватило сил улыбнуться и повернуться к заговорившему.

– Мир и тебе, уважаемый Феофил.

– Сегодня только и говорят о новом Мессии, – сказал Феофил из Фары и присел на лаву рядом с Никодимом. – Ты ведь был в Иерусалиме на празднике пасхи?

– А ты, Феофил, разве не был?

– Был, но что-то я не стал свидетелем тех страстей, которые тут обсуждают. Кое-что слышал – и только.

– Я тоже только слышал, – ответил Никодим, не желавший обсуждать с этим фарисеем то, что было для него так дорого. – Лучше скажи, кто тот фарисей со светлой бородой? Он мне незнаком.

«Очень интересное лицо, – подумал Никодим. – Как странно, мне кажется, что я его уже видел. Но я его не знаю».

– Тот со светлой бородой? – переспросил Феофил. – Да это же Иосиф из Аримафеи. Он обычно избегает собраний, под различными предлогами отказывается, а тут вдруг приехал. Вероятно, исчерпал все причины для отказа.

– Веселый ты человек, Феофил.

– У нас в Фаре новый Мессия еще не появлялся, так что нам грустить нечего.

– Познакомил бы ты меня с этим Иосифом.

– Если желание твое таково, то нет ничего легче. Пойдем. – Они встали, но остановились, потому что Иосиф, оглянувшись на Никодима, вдруг сам направился к нему.

Иосифу уже было за тридцать лет. Он был не слишком высок, со скуластым мудрым лицом. Большие серые глаза

его словно пронизывали собеседника, как два острых меча. На вид строгий и непрístupный; необычайного ума, умеющий вести беседы на любую тему, прочитавший много книг, изучивший многие науки, почитатель Платона, Зороастра и древних еврейских мистиков, в душе он был очень добр и мягок. Он любил уединение, но был и активно деятелен, когда кто-то нуждался в его помощи. Ненавидел отрицательные стороны в движении фарисейства, поэтому и избегал собраний. В Аримафее он был человеком очень значительным и уважаемым, к его мнению прислушивались. Поэтому на этот раз Каиафа лично от себя прибавил убедительнейшую просьбу быть на этом собрании. Иосиф сначала отбросил от себя пергамент, но, подумав, все-таки решил посетить дворец Каиафы.

Иосиф подошел к Никодиму и Феофилу и приветствовал последнего.

– Иосиф, – обратился к нему Феофил, – знаешь ли ты фарисея Никодима, прославленного в народе иерусалимском за добрые дела и верно служащего Закону и вере нашей?

– Мир тебе, Никодим, – ответил Иосиф. – Я много слышал о тебе и рад, что теперь узнал тебя.

– Мир и тебе, Иосиф, – ответил Никодим.

Они смотрели друг другу в глаза, и этот взгляд сказал им двоим о многом, словно искра прошла между ними.

Но они не смогли далее продолжить беседу, потому что в эту минуту вышли два служителя Храма и, отворив двери

в круглый зал для собраний, пригласили всех присутствующих войти. Когда все заняли места, вошел первосвященник Каиафа в праздничной эфоды в сопровождении нескольких служителей Храма. Он был бледен, глаза его сверкали. Один из служителей подал ему свиток с печатью. Каиафа развернул его, пробежал глазами, свернул его и ткнул в сторону, где его принял один из служителей.

– Вы знаете, какие беспорядки произошли в Иерусалиме и других городах и селениях земли Ханаанской, – начал Каиафа. – Враги нашей веры грозят нам несчастьями и бедствиями Иерусалиму...

«Что это? – не понимал Никодим, вслушиваясь в слова первосвященника. – Кто грозит? Какими бедствиями? Вздор какой-то».

Иосиф Аримафейский сидел рядом с Никодимом и, не глядя на Каиафу, молча и неподвижно слушал первосвященника. Каиафа говорил туманно, общими фразами. Ясно было одно, что он растерян и чем-то испуган. Не называя имен, он говорил о беспорядках, опасности, но тут же предупреждал, чтобы никаких действий ни фарисеи, ни саддукеи, ни служители Храма и синагог не предпринимали. Один из служителей подал ему чашу, и все заметили, как дрожали руки Каиафы.

– Пусть враги нашей веры, – продолжал Каиафа, – грозят нам, пусть. Они бессильны. Бог защитит нашу веру и святой Иерусалим. Встанет народ на защиту нашей веры. А мы,

верные служители Закона, должны с презрением, с глубоким презрением, смотреть на врагов наших...

Собравшиеся совсем не того ожидали, поэтому стали скучать, вспыхнули стихийные разговоры на местах, Каиафу уже никто не слушал.

Наконец Каиафа назвал имена нескольких фарисеев и саддукеев, а также членов Малого синедриона. Те вышли, и он удалился с ними для тайного совещания. На этом общее собрание и было закончено. Все стали расходиться, обмениваясь впечатлениями от нелепого, на первый взгляд, собрания.

– Зачем нас собрали? – недоумевал один из фарисеев. – Ты заметил, общие фразы – и ничего конкретного. Ничего не было сказано о новом Мессии. Я был уверен, что нас собрали, чтобы посоветоваться, как нам сообща защитить нашу веру.

– Я думаю, – ответил ему другой фарисей, – сказано немало. У Каиафы есть план, мы же должны делать то, что делали до сих пор – собирать факты против этого Мессии.

– Ты думаешь, Его хотят судить? – сказал третий. – Нет, Его тайно хотят убить. Но это между нами. Главное, чтобы служители Закона ни в чем не были замешанными. Вот об этом нас и предупредил первосвященник...

После тайного совещания, где действительно обсуждался вопрос о том, как тайно убить Иисуса и свалить это убийство на каких-нибудь бродяг, Каиафу вызвал к себе Анна.

– Не расскажешь, зятек, что задумал? – прищурился Анна. Слуга подлил горячей воды в ванночку, в которой старый Анна грел ноги перед сном.

Каиафа смотрел на ванночку, на Анну и молчал.

– Что за собрание за моей спиной? Ответь мне, Каиафа.

– Его надо убить.

– Ага, – сказал Анна и движением руки прогнал слугу, и тот вышел из комнаты. – Мне так и донесли. Каиафа, все-му свое время, имей терпение, и пока твои доверенные лица еще здесь, в Иерусалиме, отмени всё. Это не просьба.

Каиафа заскрежетал зубами и вышел...

...Была ночь в начале, когда Никодим и Иосиф шли пешком к дому Никодима. Слуги шли рядом с ними и освещали светильниками дорогу в эту безлунную ночь. Иосиф остановился в иерусалимской гостинице, но в гостиницах сейчас было шумно, так как народ готовился праздновать иудейскую пятидесятницу, [50-й день после иудейской пасхи, день вручения 10 заповедей Моисею. – В.Б.] да и вообще неудобно, поэтому Никодим предложил своему собрату по службе свой дом и своих слуг.

– Странное собрание, – сказал Никодим. – Что ты думаешь о нем, Иосиф?

– Пока не знаю, что сказать тебе, Никодим. Но я думаю, у них ничего не выйдет.

– Почему ты так думаешь? И что не выйдет?

– Это ясно, они хотят Его убить.

Никодим задумался, и несколько шагов прошел в молчании.

– Я знаю, ты видел Его, – сказал Иосиф.

– Тебе кто-то сказал об этом? – обеспокоился Никодим, он постарался припомнить, кто бы мог быть свидетелем *той* встречи.

– Нет, это видно по твоим глазам. В них есть свет, который я видел у тех людей, которым довелось Его видеть и узнать. Этот свет – отражение Его света.

– Но и многие из Его противников – наших же фарисеев и саддукеев – видели Его.

– Видели, но не увидели, ибо глаза их слепы, и не отражают свет, слышали, но не услышали, ибо уши их заткнуты ветошью.

Никодим немного помолчал.

– А ты, Иосиф, видел Его?

– И да и нет, – ответил Иосиф. – Я видел Его не здесь, не на земле. Я это знаю, хотя и не помню. Здесь же встретиться еще не довелось.

– Знаешь ли, Иосиф, Он мне сказал, что я скоро встречу своего друга, которого знал еще до того, как вошел в утробу своей матери, и который придет с севера в Иерусалим и найдет меня сам.

Иосиф немного помолчал, затем произнес:

– Он сказал так?

– Да. – Затем Никодим добавил со значением: – Ты понял?

– Да, – тихо ответил ему Иосиф.

Глава 14. У Закхея

– Закхей, спускайся скорее. Сегодня Мне надо быть у тебя в доме.

Иисус, улыбаясь, глядел вверх, всматриваясь в густую зеленую бездну старой смоковницы. Многолюдная толпа тесно обступала Иисуса и Его учеников. Они должны были пройти через Иерихон – войти в южные ворота, выйти из западных – и направиться в Самарию. Теперь стало очевидным, что Иисус решил задержаться в этом городе и посетить (об этом с ужасом и некоторой брезгливостью думал Иуда) начальника мытарей. Иисус и Его ученики в Иерихоне были впервые, но, видно, слава о Великом Учителе каким-то образом проникла в этот красивый город. Толпа их сопровождала от самых южных ворот и возрастала с каждой минутой. Тридцатидвухлетний, светловолосый, несколько полный, а главное, невысокий ростом начальник мытарей Закхей чуть не сторел от нетерпения, любопытства и предчувствия радостного необычного события, когда ему сообщили слуги о Великом Госте города. Его же попытки пробраться сквозь толпу поближе к проходившим через город гостям не увенчались успехом. Закхей слышал Его голос и шел за этим Голосом, видя перед собой лишь спины высоких счастливиц, которые могли, благодаря своему росту, видеть Обладателя Голоса. Закхей бежал за Голосом, сам не зная, на что надеясь. Вдруг впереди

он заметил высокую смоковницу. Решение родилось мгновенно. Он побежал к ней и быстро взлез на нее по толстым, крепким веткам, дрожа от радостного нетерпения. В эту минуту он не думал о том, что подумают о нем его подчиненные и остальные горожане, послушные плательщики подати. Да его и не видно было в густой листве, а вот дорога, ведущая к западным воротам, просматривалась прекрасно. Наконец он увидел Иисуса...

Обращение к нему Иисуса застало его врасплох. Никак не думал он, что его заметят в такой густой листве, тем более, что Учитель захочет с ним заговорить. Закхей быстро спустился вниз на землю и предстал перед Иисусом, растерянно и восторженно улыбаясь. Его небольшие серые глаза не отрывались от лица Иисуса, сияли счастьем и трепетным восторгом.

– Благодарю Тебя, Господи, что позволил мне недостойному увидеть Посланника Твоего, – наконец произнес Закхей с волнением. – Значит, в доме... Позволь мне проводить Тебя, Равви, в мой недостойный дом.

«Недостойный» дом оказался вполне достойным – трехэтажным с многочисленными балконами и террасами, находящимся в глубине большого пальмового сада.

Ступив на террасу дома, Иисус сказал:

– Ныне пришло спасение дому этому, потому что и он сын Авраама. Ибо Сын Человеческий пришел найти и спасти погибшее.

После приветствия по обычаю Закхей провел гостей в трапезную, где оставил их на короткое время без своего общества, чтобы дать указания слугам. Сразу весь дом пришел в движение: слуги, привыкшие в этом доме повиноваться по первому знаку хозяина, очень быстро накрыли огромный стол для гостей. Сам Закхей словно был в лихорадке: метался по всему дому, не зная уж как лучше принять, угостить, приветить и развлечь столь Высокого Гостя, подгонял слуг, досадовал, что, может быть, что-то не так, а затем замирал в блаженстве и обмякал под ласковым взглядом Иисусовых очей.

Иуда был недоволен. Почему так благосклонен Иисус к неиудеям, а из иудеев избирает «не тех». Вот Закхей иудей, но мытарь, а значит, предатель. Иуда лучше его – он бывший меняла, а значит, заботился о том, чтобы изображения кесаря не оскверняли Храм. Но даже для Закхея у Него нашлось слово, и для каждого из учеников у Него нашлось тайное, только им сказанное слово, а для Иуды ничего. Вот недавно Фома похвалялся, что Иисус сказал ему три тайных слова – целых *три!* – но таких, что он не может их произнести вслух, так как ученики, услышав их, умрут. Эти слова всегда будут пламенеть в душе Фомы, заключил он тогда. Неужели нет никакой тайны, которую бы Иисус доверил только ему, Иуде? Он перевел ревнивый взгляд с Закхея на Иисуса. И тут вздрогнул так, что рукой задел стоящую перед ним пиалу. Та упала на пол, звеня и подпрыгивая, а ее содержимое обпач-

кало Иудин хитон. «Ничего страшного», – донеслось до сознания Иуды, словно издалека. Кто-то заботливый, бывший рядом, отряхивал его хитон, но Иуда не видел его. Иуда ощутил внезапный холод в лице и понял, что побледнел: прямо на него ласковыми глазами смотрел Иисус. Иуде показалось, что душа его голая, вся наизнанку, вся до самых потаенных глубин озарена проникновенным светом Иисусовых очей так, что не осталось ни одного атома ее не освещенного, притаившегося. Иуда вдруг вскочил с ложа от сильного, невыносимого желания броситься к ногам Иисуса и в судорожном мужском рыдании покрыть Его сандалии, край Его хитона и каждую кисточку Его таллифа жгучими, больными поцелуями. Но он не посмел... Он не Нафанаил и не Петр, сохранившие ребенка в себе, и не Иоанн, который сам ребенок по естеству своему. Велика и бездонна тайна Иисуса, но у Иуды нет перед Ним тайн – и он не смеет.

Казалось, лишь на мгновение Иисус задержал Свой взгляд на Иуде, теперь Он смотрел на других учеников, смотрел на Закхея и смеялся, слушая Закхеев рассказ. Смеялись все, кроме Иуды. До него не доходил смысл слов Закхея. Он пожирал глазами Иисуса. Какой у Него голос! Он говорил тихо, ласково, словно пел, и все слова Его, словно звенья в драгоценном ожерелье, были подобраны одно к одному и проникали глубоко в сознание слушателей, в самый мозг, в самое сердце – от центра Вселенной в центр человека. Что за чудо Его улыбка, Его смех! Иуда часто слышал Его смех. Оказа-

лось, что Нафанаил обладал очень развитым чувством юмора. Он умел рассказывать смешные истории, как и Закхей, и умел в беседе вставить острое словцо, которое заставляло смеяться не только учеников, но и Учителя. Его смех! Так чисто, лучезарно и заразительно смеются младенцы, только что пришедшие в мир из рая, так смеется Солнце, дарующее нам жизнь. И невольные, безмолвные, счастливые слезы хлынули из глаз Иуды; но кто-то раздирал его рот – и Иуда засмеялся...

И *смех* Иуды утонул в общем веселом добром смехе...

Трапеза окончена...

Где-то вдали слышатся слова Закхея:

– Теперь я вижу, что очень грешен. Господи! Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо...

...Хмурый и как бы разбитый Иуда вышел на террасу. Был десятый час дня [По нашему времени – около 17.30; летом дневные часы были длиннее на несколько минут, чем в дни равноденствий. – В.Б.] и горячий воздух медленно струился, лениво омывая предметы и жителей Земли. Месяц ав только начался, [Ав – (июль-август) – здесь: середина июля. – В.Б.] было очень жарко, но в Иерихоне из-за изобилия деревьев это не так чувствовалось. Многие ученики ушли гулять по городу, на террасе сидели только Левий Матфей с вечными каламом и пергаментом и Симон Кананит, который с аппетитом ел сочный померанец.

– Скажи, Кананит, ты был зелотом? – строго спросил его Иуда.

Симон и Матфей недоуменно переглянулись. В глазах Матфея мелькнула тревога. Матфей, полный, добродушный ученик, поэт в душе, любитель притч и стихов, который совсем недавно восхищался гениальностью строк молитвы-стихотворения «Отче наш», автором которой был Сам Иисус, так любил мир и спокойствие, что нередко брал на себя роль миротворца в спорах и недоразумениях, умиряя противников то мудрым словом Соломона, поклонником которого он был, то своей простой логикой.

– Что с тобой, Искарот? – усмехнулся Симон.

– Ты был зелотом? – нахмурился еще более Иуда.

– Да что с тобой? – удивился Симон. – Фома так устал ловить за трапезой посуду вокруг тебя, что теперь приходит в себя – в саду гуляет. Да, Искарот, я не ожидал ни такой прыти от тебя, ни такой ловкости от него.

– Не смейся, Кананит. Ты зелот?

– Был зелотом, – спокойно ответил Симон и обратился к своему померанцу.

– Зелоты убивали всех, кто шел против веры, – сказал Иуда. – Убивали даже неверных иудеев.

Симон несколько задержал серьезный, задумчивый взгляд на лице Иуды.

– Кто не хочет освобождения своей земли от чужеземцев? Кто в нашей стране не хочет восстановления Израиля? – мед-

ленно сказал Симон. – Но убийство своих соотечественников, даже если они молятся другим богам, не по мне. Я сам не иудей, а израильтянин, но иудейской веры. Я был очень молод и хотел убивать только римлян. Зелоты обманули меня. Теперь я знаю, что кровью не купить власть.

– Ты перестал верить в кинжал и меч? – спросил Иуда, возлегая подле Симона.

– Кто возьмет в руки меч, от меча и погибнет, так учит нас Иисус. Разве две тысячи зелотов не были казнены на галилейских холмах?

– Как же купить власть, по-твоему?

– Если бы я не был когда-то зелотом, может быть, я и теперь думал бы, что власть – вопрос политики и права, а право определяется часто силой и оружием. Может, я до сих пор делил бы людей на хороших и плохих. Но я видел кровь израильтян, эллинов, иудеев. Мир обманут – власть понятие морали.

– Как так? – не понял Иуда. – Ты стал философом?

– Для людей до Иисуса власть и насилие были одно. То есть власть – это царство удовольствий для властителей и принуждение, несвобода для подчиненных. Один повелевает, другой вынужденно подчиняется. Такая власть – понятие права. Прав тот, кто властвует и неправ тот, кто в подчинении. Такое понятие о власти есть величайшее зло, ибо она покупает мерзкие удовольствия властителей за слезы и кровь угнетенных людей, у которых отобран один из вели-

чайших даров Бога – свобода выбора. Ни один человек не посмотрел на власть как на понятие нравственное. Поэтому все властители этого мира, даже те, кто вначале хотел блага, не осуществили истинной власти на земле. Человеческая природа, отравленная яйцехоре, и логика правовой власти быстро приводили к насилию как закону власти. Строгость, бич и меч, подкуп, запугивание, система наказаний – методы такой власти, чтобы добиться покорности и послушания. Даже мудрый Соломон, – добавил шепотом Симон, чтобы его не услышал Матфей, – ошибался. Он, например, утверждал родительскую власть на насилии: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его». Но любовь и насилие несовместимы, как несовместимы аромат и зловоние. Учитель наш сказал, что власть и любовь должны быть одно. Итак, власть понятие морали.

– Значит, Иисус должен стать нашим царем и восстановить Израиль, утвердить иудейскую веру, – сказал Иуда, проговаривая свои мысли вслух. – Почему Он отказался от трона в окрестностях Вифсаиды? Почему в Десятиградии Он накормил четыре тысячи греков семью хлебами? Почему не пойдет и не возьмет трон Давида?

– Учитель знает, что делает, – ответил Симон. – С Ним Бог-Отец, с Ним Истина.

Подшли троюродные братья Иисуса по плоти. Иуда Иаковлев по прозвищу Фаддей и Иаков Алфеев. Их юные лица были радостны. Они прошли в глубь террасы и как бы спря-

тались за кадкой с карликовой пальмой. Оттуда иногда доносился их детский шепот и взрывы негромкого смеха.

Иуда, когда они проходили мимо него, лишь скользнул невидящим взглядом по «этой зелени». В его мозгу вертелся вопрос, вернее, два вопроса, но его внутренний голос посоветовал ему поостеречься и продолжить разговор в прежнем русле. Но язык его подвел: хотя заветных вопросов с него и не слетело, но Иуда почему-то спросил Симона:

– А Иаков, сводный брат Иисуса, тоже Его ученик?

– Иаков, сын Иосифа-плотника? – уточнил Симон. – Да, можно сказать, ученик... Да и остальные его сыновья и дочери ученики Иисуса.

– А сколько у Иосифа детей от первой жены? – удивленно спросил Иуда.

– Четыре сына и две дочери – Иаков, Иуда, Иуст, Симон, Ассия и Лидия. Иаков самый старший. Он теперь уже старик совсем. Когда в мир родился Учитель, все дети Иосифа уже были взрослыми и жили отдельно. Иаков же с рождения был посвящен в назореи. [Назореи (ессеи) – представители одной из трех иудейских сект. Они не вступали в брак, не ели мяса, рыбу, ели пищу, приготовленную на жарком солнце. Учение их испытало сильное влияние зороастрийской религиозной мысли. В общине ессеев воспитывался и маленький осиротевший Иоанн Креститель. – В.Б.]

– Да, так ты утверждаешь, что власть и любовь должны быть одно?

– Не я утверж...

– Это неважно, – перебил Иуда. – Мне не понятно, что такое любовь?.. и что тогда власть? Вот Соломон любовь к сыну измеряет розгой. Точного бы определения, а то размыто всё как-то.

– Власть – это деятельная, ответственная любовь, сила любви, – сказал Симон и потянулся рукой к вазе за новым померанцем. – А вот любовь...

– Не тьяни, Кананит. Любовь – это...

– Понимаешь, Искарriot, любовь это, когда себе скорее руку отгрызешь, чем причинишь страдание ближнему своему, когда в геену огненную спускаешься, чтобы своим телом оградить ближнего от огня, когда, себя не жалея, радость и благо несешь ближнему... Вот Соломон розгой измеряет родительскую любовь к сыну, а чем измерена родительская любовь в Иисусовой притче о блудном сыне? Вернулся непутевый блудный сын и получил от родителя своего вместо упрёков и тумачков, слезы радости родителя о возвращении и роскошный обед как знаки любви. Любовь – это не намерения, а поступки. Вот назови мне хотя бы одного правителя, князя, царя, – сейчас или в прошлом, – который бы так относился к людям. Ибо людям мешают жить две ложные веры – вера в доброго царя и вера в жестокого Бога.

– Так вот я же и говорю об этом!.. – воскликнул громко Иуда, ударив себя в грудь кулаком. – Только Иисус...

– Мы только что такое видели! – воскликнул взбежавший

на террасу Нафанаил Варфоломей. Он прислонился к колонне, чтобы отдышаться. Щеки его горели.

Следом за ним подошел спокойный с виду Филипп.

– Что случилось? – спросили Симон и Матфей. За пальмой в кадке тоже притихли.

– Мы с Филиппом, – сказал Нафанаил, – гуляли в окрестностях Иерихона...

– Неужели взалкали? – перебил с усмешкой Иуда.

– От глотка холодного вина не отказались бы, – ответил Филипп, возлегая на скамейке террасы.

– ...не доходя до одного селения, – продолжал Нафанаил, – мы увидели мужчину средних лет, который нес на руках большого пса с окровавленной головой.

– А я было подумал!.. – разочарованно пробормотал Иуда.

– Мы его спросили, – продолжал Нафанаил, – что произошло и не требуется ли помощь...

– Ну и, конечно, ты вылечил пса, – усмехнулся Иуда.

– Легче исцелить пса, чем иного льва, – отмахнулся Нафанаил и продолжил: – И вот что он нам рассказал:

Он – одинокий человек, и уже несколько лет его дом стережет большой пес. Сегодня мужчина подумал, что пес его уже старей и плохо ему служит, поэтому решил утопить старого пса, а себе взять молодого. Повел он пса к реке, посадил в лодку и отплыл на середину реки, где глубже. Тут он выбросил пса в реку, а сам повернул к берегу. Увидев, что пес не собирается тонуть, а плывет за лодкой следом, он с силою

ударил пса веслом по голове, чтобы оглушить его, но вдруг сам потерял равновесие и упал за борт лодки, а лодку подхватило течение. Мужчина не умеет плавать. Первые мгновения он барахтался в воде, кричал о помощи, но понял, что это конец и смиренно отдался реке. Теряя сознание, он почувствовал, что кто-то схватил его за рукав одежды и тащит куда-то. Очнулся он на берегу, а рядом сидел его старый пес, только что спасший ему жизнь.

– История интересная, – равнодушно пробормотал Иуда. – Ну и что?

– Я поражен силой любви этого пса. Хозяин его предал, хотел убить, – мол, старый стал, плохо служит ему, – даже окровавил псу голову, а пес его спас. Редкий человек способен на такую любовь, – ответил Нафанаил.

– Какая там любовь? – отмахнулся Иуда. – Обыкновенная глупая собачья преданность. Собаку бьешь, а она тебе руку лижет. Животные глупые и не способны на чувства.

– К сожалению, многие люди не способны на чувства, – сказал со своего места Филипп. – Вот где были чувства этого хозяина, когда он решился на такое да еще и исполнил? Я тоже думаю, что псом двигала любовь, а не преданность раба. Животные – создания Божьи, и они достойны нашего уважения. В данном случае животное оказалось морально выше человека. Еще великий философ Платон говорил, что «нельзя допускать, чтоб птицы и звери имели нравственное превосходство перед людьми». Вот так он пристыдил людей.

Так что человеку есть над чем задуматься и над чем работать.

– Снова Платон, – устало-презрительно проговорил Иуда. – Конечно, он ведь тоже грек, как и ты.

– А ты, Искарот, имеешь что-то против эллинов? – ласково спросил Филипп.

Иуда одним беглым взглядом окинул мощную фигуру грека-ученика, рассчитал мгновенно, насколько милостив к его лицу будет кулак Филиппа, и благоразумно отступил:

– Я говорю, что каждый поддержит своего земляка, – промямлил Иуда. – Чувство родины – сильное чувство.

– Я с тобой согласен, – понимающе улыбнулся Филипп.

– А я не согласен, – вдруг сказал Симон Кананит. – Не согласен, что редко какой человек способен на такую любовь. Человек создан по подобию Божьему, а значит, каждый человек способен на сильную любовь. Другое дело, что человек забывает об этом Великом Подобии, ленится понять Бога и довериться Ему; для многих людей сейчас князь мира сего понятнее, а для чувства трудиться нужно. Животные, как дети, живут в полном доверии к Богу, поэтому и кажутся нам нравственно выше нас. Вот, Искарот, я говорил тебе о любви, много раз повторяя слово «ближний». Помнишь, как Учитель нам объяснял, кто такой ближний, когда Он рассказал нам притчу о добром самарянине? А у тебя, видно, ближний тот, кто иудей, а остальные люди – дальние. Да, я был золотом, видел рядом с собой людей, словно обезумевших от проливаемой крови, – им было мало крови. Они требовали

еще и раздражались, когда не было кого убивать. Я зарекся убивать даже римлян. И овода не убью, который из меня будет кровь сосать, а вежливо его отстраню. Для меня теперь все ближние, потому что все хорошие, просто несчастные – они Истины не знают.

– Твое право, – уклончиво сказал Иуда, немного помолчав.

– Тот, кто стал свободным из-за знания, – из-за любви раб тех, кто еще не смог подняться до свободы знания, – сказал Филипп.

Иуда с удивлением посмотрел на Филиппа, но скоро его взгляд стал презрительным.

«Значит, власть и любовь – одно, а любовь – это рабство? Тот, кто владеет Истиной, тот раб тех, кто не знает Истины, то есть тех, кто недостоин. Нет, тут что-то не так, ибо получается, что царь – раб недостойных. Софизм, как говорят греки, – думал Иуда. – Какие же тайные слова Он им наговорил, что они смеют так рассуждать?»

Иуда увидел шедших по каменной, аккуратно подметенной дорожке сада Иисуса и Закхея. Они шли рядом и беседовали. Ревность уколола Иуду. Если бы Иисус поговорил с ним, Иудой, наедине...

Но когда Иисус и Закхей приблизились к террасе, Иуда едва подавил в себе желание броситься наутек; ему захотелось как-то стушеваться, стать незаметнее. Он взглянул на Иисуса и теперь его бросило в жар, – Иисус задумчиво смот-

рел на Иуду. Затем Он отвернулся для того, чтобы что-то ответить Нафанаилу.

Подошли другие ученики и все вошли в трапезную, где по распоряжению Закхея уже был накрыт стол к ужину. Во время ужина Иуда еще раз поймал на себе взгляд Учителя. «Что это? – думал Иуда. – В гляделки мы с Ним играем, что ли? Может, Он готовит меня к какому-то важному разговору? Может, и я дождался тайного слова?»

Для кого на вечерней беседе говорил эти слова Иисус?

«Кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник. Входящий дверью есть пастырь овцам: ему придверник отворяет, и овцы слушают голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними, а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, а бегут от него, потому что не знают чужого голоса.

Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет. Я есмь пастырь добрый: и знаю Моих, и Мои знают Меня. Есть у меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести, и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь».

Часть вторая. Катастрофа. Выход

Глава 15. Гора Фавор

Милая их сердцам Галилея встретила Иисуса и Его учеников бушующей зеленью своих долин и холмов, и стали стираться в их памяти каменистые пыльные дороги Иудеи и Самарии. Много чего было. Но запомнилось им одно забавное приключение, взволновавшее учеников. Случилось это, когда Иисус и Его ученики, выйдя из Иерихона, где их порадовал своей верой начальник мытарей Закхей, направились через пустынное место в Самарию. Из зарослей, мимо которых проходили они, неожиданно вышла на тропинку львица. Может быть, она сбежала из римского цирка, а может, где-то неподалеку развлекались охотой римские аристократы. В глазах львицы сверкнула ярость, а морда ее была испачкана чьей-то кровью. Ученики, по правде сказать, струхнули, растерялись и отступили на шаг, не зная, что им делать. Но тут выступил вперед Петр.

– Позволь, Господи, я придушу ее своими руками.

Иисус взглянул на Петра, и Петр понял этот взгляд и, смутившись, отступил.

– Не бойтесь, – сказал ученикам Иисус. – Она не причинит вам зла.

Затем Он обернулся к львице и сказал ей:

– Я помогу тебе. Веди.

И тут только ученики увидели, что никакой ярости в глазах львицы не было, и она глядела на Иисуса, как преданная собака смотрит на своего хозяина. Львица повернулась и вошла в заросли. Иисус последовал за ней. Ученики немного постояли и тоже прошли в заросли вслед за Учителем. Они увидели, что на примятой, обрызганной бурой кровью, траве лежал окровавленный мертвый львенок-подросток, пронзенный стрелой. Львица обнюхала свое мертвое дитя и тоскливо поглядела в очи Иисуса. Он присел, сломал кончик стрелы и вынул ее из тела. Затем провел рукой от головы львенка до его хвоста, и ученики увидели, что кровь на его шерсти исчезла, львенок пошевелился, открыл глаза и поднялся на слабые еще, дрожащие толстенькие лапки. Львица лизнула своим широким розовым языком руку Иисуса, а затем стала облизывать свое ожившее дитя. Так их и оставили – мать и дитя, и пошли дальше по дороге в Самарию.

Теперь же, когда они шли уже по Галилее, ученики припомнили этот случай и немного посмеялись над Петром, который хотел тогда сразиться со львицей, чтобы защитить Учителя.

У подножия горы Фавор Иисус остановился.

– Скажите, – обратился Иисус к ученикам, – за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?

Ответил за всех Иоанн:

– Я слышал: что одни почитают Тебя за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков.

– А вы за кого почитаете Меня?

– Ты – Христос, Сын Бога Живого, – прогремел басом Петр.

– Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Суший в Небесах. И Я говорю тебе, ты – Петр, [Иисус дал прозвищу Симон Ионина новое значение. – В.Б.] и на этом камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. Я дам тебе ключи Царства Небесного. И что свяжешь на земле, то будет связано на Небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на Небесах. Но о том, что Я – Христос, никому не говорите. Скоро тот день, когда тайное стает явным. Будьте готовы и истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

И поняли ученики, что уже скоро, может быть, лет через двадцать-тридцать, начнется Великое Преображение Земли, которое обещал им Иисус.

Уже к вечеру ученики также поняли, что их целью и была гора Фавор. Но Иисус не торопился что-либо им объяснять, и ученики ждали. Так прошло шесть дней. В эти дни они не проповедовали, не исцеляли, и редко общались с другими людьми. Иисус часто удалялся от них, чтобы побыть наеди-

не, и ученики были предоставлены самим себе. Петр и Филипп нередко состязались в силе, но когда им это надоедало, то они шли в ближайшее селение, где можно было достать хорошего старого виноградного вина. Все остальные занимались кто чем, а часто попросту скучали или говорили между собой ни о чем.

– Мне кажется, – говорил, например, Фома, – что финики в Наине намного вкуснее, чем в Даврафе. – Кивал он головой в сторону горы Фавор, давая понять, что там, за горой, есть город Давраф.

– Ты в Тивериаде, вероятно, не был, вот где финики самые вкусные, – отвечал, например, Иаков Зеведеев...

И так далее.

А вот Иуда не находил себе места. От скуки и оттого, что он не видел теперь Иисуса, он ни с того ни с сего подружился с Фомой, и они стали вместе ходить за провизией. Но это еще ничего. Осторожный с учениками Иуда вдруг совершил ужасную глупость, в которой и упрекал себя: он поссорился с отроком Иоанном Зеведеевым. А случилось это так:

Иоанн был самым юным из учеников, но считал себя взрослым, и поэтому иногда позволял себе несколько резковатые выпады по отношению к другим ученикам. Но все ему прощали эти выходки, списывая такое поведение на его возраст. Ведь все были отроками. А Иуду это задело. Однажды они возлежали на траве и ужинали. Иоанн резко ворвался в разговор Иуды и Фомы и даже сумел сделать Иуде замеча-

ние, несдержанно и при всех. Иуда отвернулся и сделал вид, что не считает Иоанна достойным его ответа. В душе же решил проучить «мальчишку» наедине. Улучив минуту, когда Иоанн был один, он подошел к нему и сказал:

– Послушай меня, отрок, негоже встречать во взрослый разговор, в котором ты ничего не понимаешь. Ты в таком возрасте, что тебя еще, как младенца, можно по одному месту шлепать.

Сказал и хотел уже уйти, решив, что он достаточно обидел Иоанна. И действительно, черные глаза Иоанна обиженно блеснули и в них вспыхнул гнев.

– Я такой же ученик, как и другие, и имею право свое слово сказать, несмотря на мой возраст. И тебе, Искарriot, придется считаться и со мной, как и с другими.

Иуда обернулся и взглянул на Иоанна. Красота Иоанна вдруг резанула по сердцу Иуды. Как уже было сказано, Иуда любил красоту и уважал ее, но не такую, которой обладал отрок Иоанн. В общем, все ученики Иисусовы были, как на подбор, статны и красивы. Но особенными красавчиками считались Нафанаил и Иоанн Зеведеев. Но если первый обладал милой красотой, на которой отдыхал утомленный глаз и которая самому обладателю обходилась в жизни дорого и была в тягость, поскольку именно такие красавцы почему-то были неудачливы в личной жизни и часто оставались сами с разбитыми сердцами, то у Иоанна была иная красота – живая, пылкая, задорная, броская, волнующая и, если можно

так сказать, уже уверенная в себе, несмотря на еще нежный возраст Иоанна; красота, которая, если к ней добавить хорошую обеспеченность, разбивала много женских сердец и которая давала ее обладателю много преимуществ в жизни, как в личной, так и по линии карьеры. Иуда решил не просто обидеть Иоанна, а даже унижить его.

– Благодарю Бога, что ты из избранных и Иисус позвал тебя. Судьба капризна, и ты мог стать рабом в римском доме. А ты знаешь, что делают в Риме с такими красивыми, но бедными мальчиками твоего возраста? Вдруг бы тебя заметил не Иисус, а какой-нибудь богатый римлянин?

Иоанн весь вспыхнул от этих слов, он чувствовал, что краснеет, и злился не столько на Иуду, так обидевшего его, сколько на себя за то, что он молод и не может еще управлять своими чувствами. Дрожащими губами, плохо сдерживая гнев, но стараясь говорить гордо и насмешливо, он ответил:

– То, о чем ты, Искарот, говоришь, меня не касается. Я не «бедный мальчик», мой отец Зеведей – хозяин многих лодок; к тому же, я не язычник, я иудейской веры, а Писании сказано, что это мерзость перед Богом. Римляне уважают нашу веру.

Иуда тихо засмеялся.

– Если бы все соблюдали законы да оглядывались на всякое там уважение, то в мире не было бы преступников. Тем более, что ты не иудей, а галилеянин.

– Я твои слова о богатом римлянине тебе запомню.

Иуде вдруг стало смешно.

– Запомни, мальчик, запомни. Пока римляне на нашей земле, всякое может случиться с такими... красавчиками.

Иуда, договорив эту фразу, снова почувствовал приступ злобы, поэтому решил оборвать этот странный разговор и поторопился уйти от Иоанна. Иуда уже жалел о своей несдержанности, о том, что позволил себе связаться «с этим младенцем».

У Иуды остался осадок от этой глупой ссоры и на следующий день; и когда они с Фомой шли рядом по извилистой тропинке в долину, где виднелось какое-то небольшое селение, Иуда еще хмурился, морщился и плевался.

– Ты слышал, что об Иисусе сказал Петр? – вдруг спросил Иуда у Фомы.

– Ты о том, что Иисус – Христос, Сын Бога Живого? – сказал Фома.

– Об этом я тебя и спрашиваю. Ты всегда такой задумчивый. О чем ты думаешь?

– О чем и все.

– Но ты, именно ты, о чем думаешь? – допытывался Иуда. – Ты, вероятно, уже и позабыл, о чем я тебя спросил.

– Нет, не позабыл, – ответил Фома.

– А я задал тебе два вопроса, – Иуда насмешливо посмотрел в серые глаза Фомы. Но Фома невозмутимо выдержал этот взгляд.

– Тебе по порядку ответить? – серьезно спросил Фома.

– Сделай милость, не томи.

– Я слышал то, что сказал Петр, и он сказал правду. Вот об этом я и думаю.

– А как ты знаешь, что Петр сказал правду?

Иуда остановился. Остановился и Фома.

– Потому что его слова подтвердил Иисус.

– Но Иисус это сказал Сам о Себе. И ты веришь Иисусу?

Скажи, Фома.

– Иуда, я иногда тебя не понимаю, – сказал Фома, и стал рассматривать Иуду, словно видел его впервые.

– Иногда? Значит, в основном понимаешь?

Фома не ответил и пошел дальше по тропинке. Иуда нагнал его.

– Вот что, Фома, ты никогда не поймешь, что у меня здесь. – Иуда странно поглядел на Фому и ударил себя несколько раз крепким, жилистым кулаком по открытой, поросшей рыжим волосом груди: – И тебе я этого не скажу, слышишь?

Фома даже отступил на шаг назад и беззлобно, так как сердиться совсем не умел, задумчиво смотрел на взволнованного Иуду. Тот, когда горячился, очень размахивал руками, что завораживало, и жесты его были резкими, энергичными. Рыжие брови чуть приподнимались у основания и чуть сходились над переносицей, возле внешних уголков глаз собирались мелкие морщинки, нижние веки вздувались, глаза чуть

прищуривались и метали зеленые искры, причем смотрели с такой болью, словно Иуде наступили на мозоль, а верхняя тонкая губа болезненно змеилась. Наглядевшись на Иуду, Фома произнес с некоторым удивлением:

– Ты никогда раньше так не говорил!..

– Так ты веришь Иисусу? – грозно спросил его Иуда.

Фома молчал.

Иуда схватил Фому за плечо и в бешенстве прошептал ему в ухо:

– Веришь?..

– Ты сумасшедший, – сказал Фома и оттолкнул руку Иуды. – Конечно, верю.

– Точно веришь? – уточнил Иуда.

– Точно, – серьезно ответил Фома.

– Верь, Фома, верь, – вдруг усталым и тихим голосом сказал Иуда. – Пошли, чего стоишь? – И сам пошел дальше, не оглядываясь и не заботясь о том, идет ли за ним Фома. А Фома шел и размышлял о странностях Иуды.

– Жаль, что ты так молод, Фома.

– Что ты сказал, Иуда? Я не расслышал.

– Ты хотел бы съесть мяса? – вдруг спросил Иуда.

– А разве можно есть живых? – спросил Фома.

– Зачем есть живых? Их можно убить и съесть уже мертвыми... Пасху ты ешь, Фома?

– Когда-то ел. А теперь, когда мы с Иисусом, мы поняли, что всё живое создал Бог, и животные наши братья. Их есть

нельзя.

– Неужели вы в праздник пасхи не ели козленка?

– Нет, не ели... Но ты же, Иуда, на пасху уже был с нами.

Ты сам видел, что мы не ели козленка.

Иуда усмехнулся.

– Вот видишь, – загадочно сказал Иуда и поднял палец кверху. – Значит, только с Иисусом ты понял, что всё живое создал Бог. А до Иисуса что ты думал? Что всё живое создал дьявол? Поэтому и ел козленка на праздник? Я тебя правильно понял, Фома?

– Ты, Иуда, странно мыслишь, – отметил Фома.

– Это оттого, что я долго не ел мяса.

Фома молчал, и Иуда продолжил:

– Что мы будем есть вечером?

– Как обычно: хлеб, плоды и вино. Еще нужно достать меду.

– Тогда пойдем в то нижнее селение.

Вечером того дня ученики ужинали молча. Иисуса с ними все еще не было: Он молился на горе.

На следующий день Иисус взял с Собой троих учеников: Петра, Иакова и Иоанна Зеведеевых, и они пошли на гору. Все остальные ученики остались внизу, у подножия Фавор. Иуда завистливо смотрел вслед ученикам, ушедшим с Иисусом. Он не замечал прохлады раннего утра, не зяб, как другие. Он стоял неподвижно и думал о том, почему же Иисус его не взял с Собою, разве он, Иуда, не всю свою кровь до

капли готов пролить за Него, разве не он всю свою жизнь ждал Его и верил.

– Ты сказал неправду, Иуда, – вдруг подошел к нему Фома. – Ты сказал, что Иисус Сам о Себе говорил, что Он – Христос. Но об этом свидетельствует Отец наш Небесный и Он открыл правду Петру. Учитель лишь подтвердил слова Петра.

– Что? – очнулся Иуда и с недоумением поглядел на серьезного спокойного Фому. Потом он понял и кривая усмешка показалась на его тонких губах, а обычно серые глаза его сверкнули зеленью.

– И это ты, Фома, столько думал о том, что мне ответить?

Тем временем Иисус и ученики достигли вершины горы. Иисус обернулся к ученикам, и они увидели, что лик Его посветлел и стал подобен полуденному летнему солнцу, а Его голубой хитон стал такой белизны, какую и не встретишь на земле. Ни Петр, ни Иаков, ни Иоанн не могли и после объяснить своих чувств в эту великую минуту. Небо задрожало и поплыло, и рядом с Иисусом в вышине они увидели двух мужей. Никто не говорил им об этом, но почему-то они знали, что эти мужи – Илия и Моисей. Иисус разговаривал с ними на каком-то непонятном языке. Только это дошло до сознания учеников. Вдруг белое облако осенило их и в сердцах своих они услышали слова: «Это Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение. Его слушайте». Ноги их сами подогнулись, и они упали на землю...

Невозможно, немислимо передать человеческими словами разговор небожителей дословно. Можно лишь попытаться определить смысл его. На земном языке разговор Иисуса с великими мужами был таков:

– Воля демона государственности Иудеи уже полностью подчинена воле черного исполина – сатаны Земли. Поэтому на земле среди вождей еврейства Ты, Господи, можешь встретить только убийц Своих. Демоны других государственных то же восстали и активно помогают Иудее. Черный исполин лично наблюдает за ходом событий, он попросил помощи у Люцифера – великого демона Вселенной, – сказал Моисей.

– Что можно сделать, друзья Сердца Моего? – спросил их Иисус.

– Силы наших братьев истощены, – сказал Илия. – Сил Света Земли не хватает, чтобы сдерживать натиски демонов из преисподних. Твоя, Господи, Миссия может оборваться в любую минуту. Ты знаешь, Господи, что Отец наш Небесный даровал всем нам свободу выбора, и поэтому Он не может сковать волю демонов, которые, к сожалению, стали таковыми, когда предали Отца своего и нашего.

– Итак, у Меня нет времени, – сказал Иисус. – Мне нужно еще хотя бы четыре десятка лет земной жизни, чтобы подготовить Свою плоть к трансформе и на глазах мира вознестись на небо, как Я обещал многим. Только так Я могу победить закон смерти и освободить от него людей, затем жи-

вотных и растения. А теперь Мне и Самому придется умереть. Вот почему Мне тревожно было в последние дни... Я могу отдалить час Моей смерти?

– Господи, берегись Иерусалима. – Это были последние слова Илии.

Небо замкнулось.

– Встаньте и не бойтесь, – сказал Иисус ученикам, всё еще лежавшим на земле.

Иисус уже был прежним, таким, каким Его знали ученики. Петр, Иаков и Иоанн были молоды и не искушены, они и не заметили тени печали в лице Иисуса.

– Господи! – восторженно вскричал Петр. – Хорошо нам здесь было. Если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илие.

– Никому не говорите, что здесь видели, пока Сын Человеческий не воскреснет из мертвых, – сказал Иисус и пошел по узкой тропинке вниз.

Ученики тогда не поняли этих слов. Ведь Учитель много раз говорил им, что *Он не умрет, а вознесется на небо через много лет*, да и они, как Его ученики, не вкусят смерти, а вскоре и все люди не будут знать ее, ибо изменятся законы на земле. Для этого и пришел Христос на землю. Они лишь поняли одно: что говорить о том, что они видели на вершине горы Фавор, никому не следует.

Ученики догнали Учителя и Иоанн спросил:

– А вдруг кто-нибудь из селения фаворского видел то, что

видели мы?

– Никто, кроме вас, *этого* не видел.

– Учитель, почему книжники говорят, что Илия должен прийти прежде Тебя? – спросил Иаков.

– Правда, Илия должен прийти прежде и устроить всё, – ответил Иисус. – И Я говорю вам, что Илия уже пришел, но не узнали его, а поступили с ним, как хотели, так и Сын Человеческий пострадает от них.

Во второй раз Иисус сказал ученикам о Своей печали, но и теперь они не слышали Его. Сейчас им было хорошо, как всем ученикам, которые дали верный ответ учителю своему: ведь они поняли, что Илия, которого они только что видели, – это Иоанн Креститель. «Да, воскресение, – думал Иисус, спускаясь с учениками с горы Фавор. – К этой трансформе Я буду готов только через год. Тогда будет возможно и вознесение, но уже не на глазах всего мира. И закон смерти еще будет долго царить на этой земле. Но только так Я смогу хотя бы что-нибудь сделать для этого несчастного мира. Один год нужно избегать Иерусалима».

Когда они спустились с горы, к Иисусу подошел Матфей:

– Учитель, там пришел из Даврафа человек и привел к нам своего бесноватого сына, который то в огонь, то в воду бросается. Мы попытались изгнать бесов, но у нас ничего не вышло.

– Снова бесы! – тихо и устало произнес Иисус. – О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду

терпеть вас? – И громко сказал: – Приведите его сюда.

Мальчика привели, больного, худого, взъерошенного, с ожогами на щеке и руках.

– Выйди вон, – сказал Иисус бесу.

Мальчик задрожал, изо рта его побежала пенистая слюна, затем он вздрогнул и осмысленным, ясным взором взглянул на Иисуса. После ученики спросили Учителя, почему же у них ничего не вышло, почему они не смогли изгнать этого беса.

– По неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас. Но этот род бесов изгоняется только молитвой и постом. И вот что еще хочу сказать вам, – в третий раз заговорил Иисус о печальном, о страшной трагедии, о катастрофе, – Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, но в третий день Он воскреснет.

Ученики переглянулись. Но и в третий раз смысл этих горьких слов вполне, по-настоящему, не дошел до сознания учеников, так как эти слова *противоречили* всему тому, что раньше говорил Иисус.

– А где Иуда? – вдруг спросил Иисус.

Ученики огляделись, но Иуды с ними не было. Поглядели на Фому.

– На меня не смотрите. Я не знаю, где он, – ответил на взгляды Фома.

А Иуда ушел еще до возвращения Иисуса с Петром и сынами Зеведеевыми с горы Фавор. С горькой злобой он поглядел на гору, погрозил ей зачем-то кулаком и, пользуясь тем, что прочие ученики были заняты безуспешными попытками изгнать беса из мальчика, незаметно для них подался в город Анахараф, находящийся в двух часах ходьбы к юго-востоку от горы Фавор. В город он вошел к полудню, усталый и злой. Приобретя на базаре большой сосуд с вином, он удалился в безлюдное место за городской стеной и впервые в жизни напился пьян. Дальнейшего он сам потом не помнил. Но когда он очнулся, то увидел рядом с собой спящего оборванца, от которого сильно разлило вином. Иуда попытался приподняться, но почему-то деревья вдруг запрыгали и затанцевали: они сдвигались влево, а затем возвращались на свое место, и Иуда понял, что у него страшно болит и кружится голова. Он брезгливо тронул оборванца за руку.

– Просыпайся. Ты кто?

Тот промычал что-то во сне. Но Иуда был настойчив, и все-таки разбудил его. Тот поднялся, несколько раз поморгал и сел на траве. Волосы на голове его и борода были всклокочены.

– Ты кто? – повторил свой вопрос Иуда.

– Еще вино есть? – хриплым голосом спросил тот.

– Ты – пьяница? – спросил Иуда.

– Я – нищий, – почему-то с гордостью ответил тот.

– Ясно, что нищий, если ты пил мое вино, – сказал Иуда. –

Назови свое имя.

– Ты сам мне предложил вина. А имя мое Вефиль.

– У тебя не может быть такого имени. Вефиль означает «дом Божий». А ты – нищий и бродяга.

– Ты сам нищий и бродяга, – ответил Вефиль.

– Может, ты и прав, – задумчиво сказал Иуда и, с трудом поднявшись на ноги, пошел, пошатываясь, мучимый ужасной головной болью, прочь от Вефиля. Когда Иуда оглянулся, то увидел, что Вефиль, как бездомная собачонка, бежит за ним, странно подпрыгивая при каждом движении. Иуда остановился и стал его рассматривать. На том была одета какая-то неопределенного цвета рванина, что и одеждой назвать было грешно. Ноги босые и черные, волосы серые от пыли, а лицо до того грязно, что цвет кожи определить было очень трудно и даже черты лица казались неопределенными, размытыми.

– Сколько тебе лет? – спросил Иуда, так как не смог определить его возраста.

– Пятьдесят, – ответил Вефиль. И тут только увидел Иуда, что его маленькие глаза – голубого цвета. Почему-то Иуде его стало жалко.

– Пойдем, куплю тебе вина, – сказал ему Иуда.

Они вошли в какую-то гостиницу и Иуда купил к вину бедному Вефилю немного хлеба и жаркого. Самого Иуду тошнило и он, не привыкший к большому количеству вина, с отвращением смотрел и на вино и на еду, которую с жадно-

стью поглощал вновь охмелевший и повеселевший Вефиль.

– Выпей вина, и тебе весело станет, – говорил Вефиль с набитым ртом.

Иуда все же сделал несколько глотков, хотя ему и было противно. Вскоре серый туман перед глазами рассеялся, и головная боль прошла, и Вефиль уже казался Иуде забавным и некоторое время он слушал его болтовню с интересом.

Но после он сказал, почувствовав, что нужно прекращать такие развлечения:

– Мне надо возвращаться и я не могу тебя таскать за собой.

Вефиль так жалко посмотрел на Иуду, что последний пожалел, что вообще связался с этим нищим.

– А как же я?

– Сегодня ты поел, и монеты звенят у тебя в суме – не пропадешь. А мне пора, – Иуда поднялся и пошел к выходу.

Но Вефиль шел за Иудой, бедный и несчастный. И так уже час они шли.

– Ты живешь в Анахарафе? – спросил его Иуда.

– Я нищий, у меня нет дома, – ответил Вефиль.

– Может, ты врешь, что ты – нищий. Что тебе нужно от меня?

– Я ни разу в жизни не солгал, – просто сказал Вефиль.

– Ты знаешь, куда я иду? – спросил Иуда.

– Знаю...

Иуда остановился и с новым любопытством осмотрел Ве-

филя.

– Ты пророк? – усмехнулся Иуда. – Я вчера что-то сказал тебе?

– Ты вчера много говорил и бранился, и мне тебя стало жалко...

– Тебе – меня? – удивился Иуда. И, помолчав, спросил вдруг: – Я о Нем говорил?

Вефиль смотрел на пыльную дорогу и блеклую траву, выжженную солнцем и истоптанную ногами.

– Я Его видел, но только издали, – наконец сказал он.

– Забудь всё, что я тебе вчера говорил, – строго сказал Иуда. – И не ходи за мной.

Окрик Иуды подействовал, и Вефиль остался один на дороге, а Иуда пошел дальше, и шел он быстро, шагая широкими шагами. Разные неясные мысли роились в голове Иуды, он шел, не замечая дороги и жаркого, палящего в этот день солнца. Через час пути он увидел вдали учеников, идущих – рядом с Иисусом – по дороге, и вдруг он ощутил невыносимую тоску. Расстояние между ним и учениками быстро сокращалось, а тоска росла и гнула его к земле. Иисуса он не видел за спинами учеников: Он шел впереди. Но вот появился просвет, и Иуда увидел Его голубой хитон. Иуду что-то кольнуло под сердцем, он уменьшил шаг и теперь плелся сзади, тревожа усталыми ногами горячую, липкую пыль, как виноватая собачонка, ожидающая наказания, как бедный Вефиль, который пожалел его, Иуду.

– И я плетусь за Тобой, и мне жалко Тебя, Иисус, – шептал Иуда, даже не осознавая этих слов, не задумываясь над ними. Они сорвались с его губ и улетели, уносимые тихим ветром. И этим же ветром был унесен из памяти Иудиной бедный нищий по имени Вефиль. Остался только Он, Идущий впереди, и Иуда, волочащий тяжелые ноги свои по пыльной дороге. Над Иисусом сияло ослепительное полуденное солнце, над Иудой тучей висела страшная, ноющая, как больной зуб, но соблазняющая его тоска.

Глава 16. Магдалина

Наконец они пришли в Капернаум, где ожидали их из путешествия женщины, чтобы в дальнейшем следовать за Иисусом. Среди женщин была и Мария Магдалина, которую Иисус исцелил, изгнав из нее несколько месяцев тому назад семь бесов.

Мария была единственной дочерью богатых родителей и ни в чем никогда она не знала нужды. Училась она легко и уже в детстве знала многие науки. Но, рано оставшись без матери, Мария замкнулась в себе. Свою мать она очень любила, и смерть матери для нее стала таким ударом, что она на несколько недель слегла в горячке. Отец Марии приглашал для нее лучших врачей, каких только мог сыскать в Галилее. Но девочка так и не смогла поправиться. Горячка, конечно, прошла, но Мария была нездорова. С ней стали случаться иногда припадки, а потом, когда Мария уже стала девушкой, эти припадки стали происходить все чаще и чаще. Отец уходил в другие комнаты, оставляя дочь на попечении служанок и рабынь. Тоска изъедала его изнутри, он сильно сдал, постарел. Затем уже и он нуждался в уходе, но недолго он пролежал в болезни, за ним пришла смерть. Мария осталась в огромном доме одна, измученная болезнями. Она плохо уже осознавала новую потерю, и на похоронах смотрела на отца равнодушно, как на чужого. На улицу она выходила редко,

лицо ее пожелтело, осунулось, и трудно было предположить, что девушке только двадцать три года. Соседские мальчишки, увидев ее в саду, взбирались на каменное ограждение и дразнили ее, а когда она иногда шла по улице, то бросали в нее камешки. Такова была жизнь Марии, пока Иисус не пришел в Магдалу и служанка, старая и преданная семье, вырос- тившая девочку, силком не потащила ее к Учителю.

Совсем другая Мария встречала теперь Учителя и учени- ков вместе с другими женщинами в Капернауме. Небольшо- го роста, стройная, светловолосая красивая девушка с ру- мянцем на щеках, улыбаясь, встречала путешественников. Теперь скромно одетая, она выглядела совсем юной, и труд- но было узнать в ней ту желтолицую старуху в богатых одеж- дах, какой она была всего несколько месяцев тому назад.

В Магдале Мария благополучно уладила свои хозяйствен- ные дела. Имение и всё имущество были разделены между служанками, слугами, рабами и рабынями, ставшими воль- ными людьми, и другими многочисленными бедняками и нищими. Многих бывших своих рабынь и служанок Мария с удовольствием выдала замуж и радовалась их счастьем. Ведь у нее, из-за болезни, не было и надежды быть любимой и лю- бить самой. Но она уже твердо выбрала свою дорогу и, ула- див все дела, отправилась в скромном платье пешком в Ка- пернаум.

За стенами города в маленьком, но вместительном доми- ке на берегу моря собрались женщины, и прожили в нем

несколько дней общиной. По приходе Иисуса и учеников быстро был накрыт стол и приготовлены были сосуды с мирро для приветствия.

Когда трапеза была закончена, и ученики вышли на улицу, к Петру подошли собиратели дидрахм.

– Учитель ваш не даст ли дидрахмы?

Петр растерялся, но сказал, что спросит у Учителя. Войдя в дом, где отдыхал Иисус, Петр уже хотел задать вопрос, но Иисус опередил его:

– Как тебе кажется, Симон, цари земные с кого берут пошлины или подати? С сынов ли своих, или с посторонних?

– С посторонних.

– Итак, сыны свободны, – сказал Иисус и добавил, так как знал, зачем пришли соглядатаи, посланники Каиафы. – Но чтобы не соблазнять их, пойдя к морю и на берегу его найдешь статир, возьми его и отдай им за Меня и за себя.

Петр кивнул и вышел. Всё случилось так, как сказал Иисус. Петр отдал собирателям статир, и те удалились. Не успели те скрыться из виду, как к ученикам тихо приблизилась Саломея.

– Что-то наш Учитель грустным и усталым вернулся. Как вам показалось? – спросила она у учеников и, снизив голос до шепота, она добавила: – Я даже подсмотрела, что Он плакал наедине. И горько так! – Саломея покачала головой. – Вы с Ним были, что случилось?

Ученики были поражены этой новостью, но, припомнив

всё, отметили про себя, что действительно после посещения горы Фавор Учитель стал Сам не свой. Иоанн же, найдя среди камней маленькую смешную голубенькую ящерицу, решил развеселить Иисуса. Вместе с умиленным, улыбающимся Иоанном вошли и другие ученики и женщины. Иисус взял в Свои тонкие белые ладони ящерицу и улыбнулся. Ученики облегченно вздохнули. Но Иисус вновь стал грустен и, глядя на ящерицу, сказал присутствующим:

– Когда-то на земле, когда еще не было на ней человека, жили одни ящерицы, но размерами они были, как Галилейские холмы. Они ели листья огромных деревьев. Но вскоре князь тьмы разделил их, и появились среди них хищники. Сначала они только попробовали мясо своих собратьев, но чем дальше, тем больше эта пища привлекала их, и наконец они стали есть только своих собратьев. Началась на земле большая охота, когда травоядные ящерицы не могли спокойно попить воды из озер и рек, чтобы не подвергнуться нападению хищников. Развитие ящериц замедлилось и остановилось. Одни из них искали, кого бы съесть, а другие думали лишь о том, как уберечься самим и сберечь своих детенышей. Наконец хищники стали страшными демоническими существами, и демоны властвовали над миром ящериц. Взволновалась и затревожилась земля; моря и океаны бушевали. Владычество демонов на земле привело к множеству катастроф, землетрясений, небывалых бурь и ураганов. Огромные волны затопляли целые острова, и они уходили на

морское дно вместе с жителями земли – ящерицами. Нарушилось самое движение планеты, Земля столкнулась с большим камнем, тьма наступила по всей земле – и огромные ящерицы погибли. То же самое князь тьмы думает сделать и с людьми. Когда он человечество полностью подчинит себе, и оно обратится в дьяволочеловечество, тогда неизбежно произойдут на земле какие-нибудь мировые катастрофы, таково уж следствие деятельности демонов, и человечество вымрет, как вымерли огромные ящерицы, а души людей будут затянута в ад, где плач и скрежет зубов и где отнята надежда навсегда, потому что оттуда нет выхода.

Ученики испуганно слушали Иисуса и молчали. Марии стало плохо, и она прислонилась к стене, чтобы не упасть.

– И все ящерицы были затянута в ад? – спросил наконец кто-то.

– Не все, – ответил Иисус. – Были взяты только хищники, они стали помощниками демонов, а другие живут теперь в другом мире, светлом и прекрасном, и они разумны, эти радостные дети Божьи. Но ад создан для мучения людей, и князь тьмы постарается забрать почти всех, и люди-хищники станут не помощниками демонов, а будут в аду вечно мучиться, ибо там плач и скрежет зубов.

– И что же нам делать? – спросили ученики.

– Вам делать то, что Я вам скажу, ибо Сын Человеческий затем и пришел на землю, чтобы не допустить власти князя тьмы над человеком.

– Ну, Иоанн!.. – шепнул Андрей. – Развеселил ты Учителя.

– А теперь идите. Я устал, – сказал Иисус. – Иоанн, отнеси эту милую ящерицу к тем камням, где ты взял ее.

Иоанн бережно принял ящерицу из рук Иисуса и все ученики вышли из дома.

Ближе к вечеру Иуда наткнулся на Иоанна. Тот лежал на траве и за чем-то наблюдал, тихо смеясь. Иуда лег рядом с ним и приблизил свои глаза к тому, что наблюдал Иоанн. Иуда увидел, что Иоанн наблюдает за двумя крохотными мушками. Они то подбегали одна к другой и тыкались мордочками друг в друга, то более мелкая отбегала на некоторое расстояние, а та, что побольше, как бы наблюдала за меньшей, и ждала, когда меньшая вновь прибежит к ней и растопырит перед ней свои крылышки.

– Они общаются, как люди, – шепотом сказал восхищенный этим открытием Иоанн.

– Да, как люди, – сказал Иуда. – Но знаешь, Иоанн, что в этом самое интересное?

Иоанн повернул лицо свое к Иуде и ожидающе посмотрел в его серые глаза своими черными, еще умиленно смеющимися глазами.

– Самое интересное, – отвечал Иуда, – что всё счастье, вся радость этих мушек, вся их жизнь находится под кончиком твоего пальца.

Иоанн не понял этих слов, но лицо его омрачилось.

– Что ты хочешь сказать, Искарriot? Я не понимаю тебя.

– А ведь ощущение соблазнительное для таких великанов, как мы с тобой, – продолжал шепотом Иуда. – Вот сбегутся мушки вместе, и одним нажатием пальца задавить их обеих.

Густая тень легла на лицо Иоанна, и он чуть сдвинул свои красивые брови.

– Ну что, не забыл еще богатого римлянина? – совсем тихим шепотом произнес Иуда, усмехаясь.

Губы Иоанна задрожали.

– Послушай, Искарriot...

Но Иуда поднялся, шлепнул на прощание Иоанна ниже спины и ушел, бесшумно ступая по траве.

Вечером всё было, как обычно. Иисус уже не был грустен и учил Своих учеников. Его слушали и женщины. Мария Магдалина сидела у ног Иисуса и внимательно слушала Его, а широко раскрытыми глазами смотрела в лицо Иисуса. Недалеко от Него сидел и немолодой художник Ананий из Эдесы, которого послал к Учителю царь Остроенского царства Авгар V Уккама, чтобы тот написал портрет Иисуса, с помощью которого он хотел излечиться от проказы. Иуда стоял у самой двери, и странный огонь блистал в его глазах, а ноздри его чуть приметно иногда вздрагивали. Когда же Иисус говорил о заблудшей овце, Иуда тихонько выскользнул из дома, но этого никто не заметил. Все слушали Иисуса, затаив дыхание, лишь Матфей что-то чертил в своем пергаменте, часто взглядывая на Учителя.

А Иуда ходил в темноте по песчаному берегу. Он не замечал вечерней прохлады и как чудесно пахнет ветерок с моря.

– Кто я – блудный сын или заблудшая овца? Нет, мы с Тобой знаем, что я – Твой лучший ученик. Я много знаю. Почему же «сыны громовы», прозванные так Тобою за свою вспыльчивость и горячность, Иаков и Иоанн, сидят рядом с Тобой, почему Мария Магдалина сидит у ног Твоих? А не я, не Иуда? Я знаю, что Ты – Сын Божий, Христос, но Петр опередил меня, и теперь он сидит так близко от Тебя. А если я скажу Тебе, что я люблю Тебя, простишь ли блудного сына? Примешь ли с радостью?

Иуда вошел, когда Петр задавал какой-то вопрос. Иуда не расслышал вопроса, но он услышал, что ему ответил Иисус:

– Не говорю тебе «до семи», но до семижды семидесяти раз нужно прощать всякого.

Ранним утром Иисус, ученики, художник Ананий и женщины отправились в Вифсаиду. По дороге Филипп поддразнивал Анания.

– Ну как? Снова не получается?

Ананий уже несколько дней ходил за Иисусом, но Его портрет ему не удавался.

– А ты хотя бы хороший художник? – допытывался Филипп, посмеиваясь себе в усы.

– Откинув скромность, скажу, что я – один из лучших художников, которые пишут портреты, потому-то меня царь и выбрал. Но у вашего Учителя лицо необычное, не такое, как

у прочих людей, какое-то неземное. Тут другая школа нужна. Я никак не могу передать в портрете тот Свет, ту Силу, которые исходят от Его лица. Вот это именно мне и не удастся. А без этого Света и этой Силы и портрета никакого нет. Понимаешь, Филипп?

Иисус слышал этот разговор и, войдя в ближайшее селение, Он попросил у вышедшей навстречу женщины чистое полотенце и воды из колодца. Та вынесла из дома всё требуемое. Иисус умылся и вытер полотенцем Свое лицо. Потом подал его Ананию. Свидетели ахнули: на полотенце был портрет Иисуса. Ананий был поражен, и он упал на колени.

– Да это же вероника! [Verum icon (лат.) – истинное изображение. – В.Б.] – прошептал он.

Иисус тронул его за плечо, а когда тот встал, Он вручил ему еще свиток пергамента.

– Отнеси полотенце пославшему тебя и передай ему также это послание от Меня...

Вскоре Мария Магдалина стала ученицей Иисуса, и ей была открыта сила исцелять и изгонять бесов. Теперь она не занималась хозяйством, как прочие женщины, идущие за Иисусом, а, поднявшись ранним утром, до позднего вечера ходила по ближайшим селениям и оказывала помощь нуждающимся. Постоянное присутствие на вечерних беседах и в походах красивой девушки несколько беспокоило горячие головы молодых учеников. Но они говорили себе, что у них другая теперь дорога, не будет у них ни жены, ни детей. Вот

Петр оставил же свою семью, а им и начинать не стоит. Мария им, как сестра, как на сестру и нужно на нее смотреть. Мария Магдалина никогда и не привыкала к мужскому вниманию, поэтому и видела в учениках лишь братьев своих, которых раньше у нее не было.

Однажды Иуда подошел к Иакову Зеведееву, когда тот сидел на вершине холма и смотрел, как Мария собирает цветы в долине, чтобы принести их Иисусу.

– А когда она купается в реке, ты за ней еще не подглядывал? – начал Иуда.

Иаков резко обернулся и так сверкнул на Иуду черными глазами, что Иуда подумал, как верно его с Иоанном Иисус назвал «сынами громовыми». Две молнии «ударил» Иуду, но он и виду не подал, что удивлен чем-то, а тихо захихикал, когда Иаков пробасил:

– Ты мерзость говоришь.

Иуда присел рядом.

– Да ты погоди: у многих из нас есть прошлое. Это Андрей да Иоанн, да Иаков Алфеев, еще Фаддей – юнцы: им – что цветок, что женщина – безразлично. Но как у них плоть волнуется, поверь! Но они отвергают плоть, найдя идеал в Иисусе. Подражают Ему. Да и Варфоломей с Фомой всё в облаках летают. Первый влюблен в правду, режет ее налево и направо, за что его еще побьют, и больно, так как он не скрывает ни своих мыслей, ни своих чувств, что в мире опасно, а второй влюблен в свою мысль и ходит по земле лунатиком.

А вот Петр горячо любимую жену с детьми оставил, а некоторые из нас и с блудницами знали. Ты, я слышал, тоже сильно влюблен был.

– Что мое, то мое, – начинал вскипать Иаков, которому этот разговор не нравился. – Где ты слышать мог?

– Имеющий уши да слышит.

– Мария – сестра наша. Почему ты, Иуда, мерзости про нее говоришь? Почему ты ее не любишь?

– «Не любишь»? – усмехнулся Иуда. – Филипп совсем из-за нее голову потерял. Ведь знает, что она ему, как сестра, а ревнует так, что весь дрожит и ноздри у него вздрагивают. И знаешь, к кому он больше всего ее ревнует?

Иаков уже с отвращением глядел на Иуду.

– К Иисусу, представляешь? Просто кричит на всех углах, что Он ее, приветствуя, целует в губы. Чуть не считает их любовниками. Во как!

– Не хочу слушать мерзости, – разозлился Иаков. – Иуда, еще слово – и я тебя поколочу.

Иуда тихо засмеялся.

– А я подсмотрел. Все-таки Он ее целует в щеку, как и прочих. Но Филипп ослеплен. Да, Иаков, Мария мне не нравится. И даже если бы она была моей родной сестрой, то и тогда бы я ее недолюбливал. Семь бесов из нее Иисус изгнал, а она все равно юродивая. Такого парня, как Филипп, мучает. А с его характером любовь – гиблое дело. Разве тебе не жалко нашего брата? Петр тоже, как и я, ее не жалуется.

Он возмущен, что женщина с нами. Помнишь, когда на днях Мария рассказала нам о том, что ей говорил наедине Иисус о жизни после смерти, Петр себе места не находил, кричал и буянил. Матфей чуть ли за руки его не держал. Еще станет главной над учениками, к тому идет, как ты думаешь?

– Петр слишком гневлив и ревнив, а она чистая, – уже спокойно говорил Иаков, залюбовавшись девушкой. – Она такую веру имеет, что нам у нее еще поучиться. И людей любит так, что одною любовью исцеляет. А ты, Иуда, кого-нибудь любишь?

– Люблю, – коротко ответил Иуда так, что Иаков недоуменно посмотрел на него. Во-первых, Иаков почему-то не ожидал такого слова от Иуды, а во-вторых, Иуда сказал его резко и зло, даже судорога прошла по его вдруг потемневшему лицу.

– Это женщина? – смущенно спросил Иаков.

Иуда промолчал.

– А что у тебя там случилось? – вдруг спросил Иуда. – Расскажи. Расскажи, как это любить без взаимности.

Иуда просил, и Иаков не смог ему отказать.

– Это было три года тому назад. Я полюбил деву, очень полюбил, и хотел взять ее себе в жены. Мы жили недалеко друг от друга. С детства друг друга знали, дружили. И вдруг я понял, что ни говорить не могу с ней, ни смотреть не могу. И не видеть ее тоже не могу. За каждое свое слово, за каждое свое движение боюсь. Лишь смотрю на нее и слушаю, что

она говорит. И так мне хорошо с ней рядом! А не вижу ее – задыхаюсь, воздуха мне не хватает, огнем все тело горит, работа из рук валится. А она что-то поняла, избегать меня начала. А потом я узнал, что выходит она замуж за другого, его и любила.

– И что?

– Тут для меня и начался ад кромешный. В любви ей признался, уговаривал, даже убить хотел.

– Кого?

– Ее. – Иаков был бледен.

– Как, ты ее любил – и хотел ее убить?

– Не знаю. Видно, любить я не умел. Нежность и желание разорвать ее на части быстро сменялись во мне тогда.

– Что же потом?

– Убить я ее не убил, но ударил. Сильно. С того моего поступка мы и не виделись. Я заболел, а она тем временем уехала с мужем. А я еще два года мучился, не мог ее забыть. Даже жениться хотел на первой встречной, чтобы заглушить свою боль, и родителям сказал о женитьбе. Те обрадовались, а у меня – горе.

– А теперь забыл?

– Теперь я и мой брат с Иисусом. У меня другая жизнь. А ту боль я хочу забыть.

– Ты сказал, что не умел любить. А как – уметь любить?

– Любовь – самая большая сила на свете. Этой силой мы живем, живут планеты, звезды, силою любви исцеляют и вос-

крешают. Там, где любовь, там только свет, а в моей любви появилась тьма, ибо я думал не об этой девочке, но о себе. Вот ты говоришь, мой брат – юнец, а он мне вдруг сказал: «Бог – это любовь». Любовь только создает, а не разрушает, отдает, а не берет, думает о другом, а не о себе, и любви нужно учиться, а Мария Магдалина умеет любить. Так умеют любить женщины, хотя их жизнь очень нелегка. Мария теперь с нами и она наша сестра, и это хорошо для нас, мужчин, еще не научившихся любви. Женщины – пример для нас, они смягчают наши сердца и разум. И мы, мужчины, должны беречь их, радуясь их присутствию. Как говорит наш Учитель: «Почитайте женщину, мать вселенной; в ней лежит вся истина Божественного творения. Она – основание всего доброго и прекрасного, нравственная и естественная опора в трудах мужчины. Покорствуйте женщине; ее любовь облагораживает мужчину, смягчает его ожесточенное сердце, укрощает зверя и делает его ягненком. Женщины – наилучшее украшение вселенной, и от них рождается всё, что населяет мир. Как некогда Бог отделил свет от тьмы и сушу от вод, так женщина владеет Божественным даром отделять в мужчине добрые намерения от злых мыслей. Вот почему Я говорю вам, что после Бога ваши лучшие мысли должны принадлежать женщинам. Всё, что вы сделаете своей матери, жене, вдове или другой женщине в скорби, сделаете для Бога». Помнишь, Искарот, эти Его слова?

Иуда не успел ответить: Мария вдруг очутилась рядом с

ними.

– Правда, красивые цветы? Я их отнесу Учителю.

Мария внимательно посмотрела в их лица и тихо отошла от них.

– Вера без любви мертва, – тихо проговорил Иаков. – Ибо в какой мере вера истекает из любви, в той мере она и образует жизнь.

– Я понял, *что* ты мне рассказал, – сказал Иуда и уже собирался уходить прочь, даже сделал два шага, но вдруг обернулся и спросил:

– А правда, что Иисус исцелил слугу кентуриона? Ты ведь был при этом?

– Правда, – ответил Иаков.

– Он же римлянин, – усмехнулся Иуда.

– Но он просил Иисуса о помощи, – просто ответил Иаков.

– То-то же! – загадочно сказал Иуда. – То-то же! – И ушел.

А Филипп действительно был влюблен в Магдалину, и это замечали многие из учеников. Одна Мария не замечала, она думала, что Филипп ее невлюбил за то, что она – женщина – стала ученицей Иисуса.

– Почему ты такой грустный, Филипп? – спросила Мария Филиппа в тот же вечер, когда его встретила во дворе дома, где они остановились. – Посмотри, какие красивые цветы.

Филипп вздрогнул.

– Я напугала тебя, Филипп?

– Нет.

– Ты ведь теперь брат мой, правда? – спросила Мария и заглянула ему в глаза. Но он отвел свой взгляд.

Близость Марии его волновала. Запах цветов, которые она сорвала своими руками, и запах ее волос и всего тела, пробившего на солнце среди трав, смешались, и стали для него невыносимы. Филипп сделал попытку уйти.

– Брат? – спросила она еще раз. – У меня никогда не было ни сестер, ни братьев. А теперь есть. Я могла бы после исцеления остаться в Магдале. Может быть, вышла бы замуж и у меня были бы дети. Но я не могу не идти за Иисусом. Я избрала этот путь.

– Ты любишь Иисуса? – спросил Филипп, и теперь сам заглянул в ее глаза. Солнце уже было у самого горизонта и светило Марии в спину; ее глаза теперь казались темными, а на солнце или когда свет светильников отражался в ее глазах, они были прозрачно-голубыми, как полуденное чистое небо.

– Да, очень. Мы с тобой счастливые люди, Филипп. Мы не просто видели нашего Спасителя, Сына Божьего, мы – Его ученики.

– Ты любишь Иисуса как Учителя?

– Как Учителя, как Отца, как старшего Брата, – быстро ответила Мария.

– А если бы ты встретила мужчину, который полюбил бы тебя и ты его любила бы, ты кого выбрала бы: Иисуса или того мужчину?

– Я не знаю, что значит любить мужчину. Может, в этом

и есть мое счастье, а может, и несчастье. Ведь мой выбор не труден. Тебе лучше знать. Ты любил женщину?

– Нет.

– А кого бы ты выбрал?

Филипп долго молчал, он боролся с собой. Сейчас Мария была близко, рядом, и ревность, которая мучила его, отступила. Это немного облегчало борьбу.

– Любовь мужчины и женщины – это большое счастье, – наконец заговорил он. – Видно, сколько радости она приносит двум любящим. Но я не могу оставить Иисуса. До встречи с Ним я никого из жен не любил, но у меня были женщины. А вот теперь мне трудно. Тебе, Мария, опасно подходить так близко ко мне.

– Если я так мучаю тебя, то я больше не буду тебя тревожить, – ответила Мария.

– Я... постараюсь... быть тебе братом. Я должен идти, – и Филипп быстро исчез за деревьями сада.

Мария была поражена разговором, она и не думала, что Филипп... А, может, ей показалось? Нет, он говорил ясно.

– Магдалина, – окликнул ее Иуда.

Она обернулась и вопросительно посмотрела на него. Видно было, что она еще растеряна.

– Не срывай для Учителя цветов, – сказал Иуда серьезно. – Он тебе этого не скажет, но Ему больно на них смотреть, и Он их вновь высаживает в землю и оживляет. Не отнимай у Него драгоценного времени. Ему бы с людьми разобраться.

– Ты шутишь, Иуда? Но если так, как ты говоришь...

Иуда оставил ее и тоже пропал в саду, как Филипп.

Мария посмотрела на цветы, и все же внесла их в дом. Жалко ей стало выбрасывать их, чтобы они погибли в пыли, под ногами. Иисус спал на ложе. Свет светильника падал на Его лицо, и Мария переставила светильник в другое место, затем в сосуд с водой опустила цветы. Тихо и мирно было в доме: женщины спали в другой комнате, а ученики ушли на крышу. Мария вышла во двор. Она улыбалась. Ведь любой женщине приятно быть любимой, и для Марии эти ощущения были новыми, поэтому она чувствовала их остро. Она так долго была больна. Болезнь отобрала у нее именно те годы, когда в девушке по законам природы просыпается женщина. Мария и в болезни осознавала, что ее никто и никогда не полюбит, и она смирилась с этой мыслью. А теперь она была благодарна Филиппу за его любовь, но она не хотела его мучений. Любовь без продолжения, которая родившись должна умереть? Так думала Мария, и ей стало грустно от этих мыслей. Но выбор должен сделать сам Филипп, а она его уже сделала. С этими мыслями и ощущениями Мария просидела на крыльце до наступления ночи.

Вдруг кто-то в темноте оказался впереди нее. Она узнала Филиппа, хотя его лица она не видела, а видела лишь темный силуэт мужчины, но как-то сразу угадала, что это он. Она встала и пошла к нему навстречу.

– Мария, я прошу тебя... – он не сказал, о чем просит,

но быстро и нежно взял ее за плечи и, наклонившись, поцеловал ее в щеку. Ее щека тут же запылала под его горячими мягкими губами. Она не видела и не слышала, куда он исчез. Вне себя, ощущая сильное биение сердца, Мария вбежала в дом. Иисус все еще спал. Она тихонько приблизилась к Его ложу и легла прямо на пол у ног Его.

Глава 17. Праздник кущей

Прошло более года с тех пор, как Иисус и ученики Его восходили на гору Фавор. За это время младшие ученики заметно возмужали, особенно расцвел уже шестнадцатилетний Иоанн, а Фома и Иаков Зеведеев даже обзавелись бородами, но пока брили их, чтобы они позже росли погуще. Весь этот год они не покидали пределов Галилеи даже в праздники, и ученики заметили это, то есть то, что Учитель *намеренно* избегал бывать в Иерусалиме. До праздника кущей оставалось три дня, но Иисус ничего не говорил им, и они занимались привычными делами. Но через четыре дня, когда праздник кущей уже начался (а длился он семь дней), утром ученики обнаружили, что Иисуса нет. Это был восемнадцатый день месяца тишри. [Тишри – по нашему календарю сентябрь-октябрь. – В.Б.] Ждали Его весь день, полагая, что Иисус, по-видимому, ушел куда-то в уединенное место, чтобы помолиться. Но и к вечеру Иисус не вернулся.

А Иисус в это время приближался по Иерихонской дороге к Иерусалиму. Уже стемнело, и Он не вошел в город, а взшел на Елеонскую гору, где и заночевал меж двух кедров.

Праздник кущей или скиний отмечался осенью, когда погода еще была теплая, почти летняя, и установлен был в честь перехода древних евреев через пустыню. А так как древние евреи ночевали в пустыне в шалашах или кущах, то

все иудеи в этот праздник сооружали шалаши из веток олив и пальм и семь дней жили в них. Веселье в городе царило и днем и ночью да и сам каменный город выглядел теперь веселее из-за зеленых шалашей. Они были везде, даже за стенами города – в Кедронской долине и повсюду в Гефсимании.

На следующий день ближе к полудню, когда чешуйчатая крыша горела и плавилась под солнцем, Иисус вошел в Иерусалимский Храм. Здесь, как всегда, а особенно в праздники, было очень многолюдно. Иисуса узнавали, но никто не подходил к Нему, а многие даже отворачивались от Него. И Он, минуя всю эту громогласную, суетливую толпу, прошел в портик Соломона – единственное безлюдное место в этом огромном Храме и единственное древнее, соломоновское, нетронутое ни первым разрушением, ни самолюбивым Иродом. Весь день Он провел в молитве, а ночевать пошел снова на гору. Первый день в Иерусалиме прошел для Иисуса тихо и спокойно, и никто Его не потревожил. Но во второй день, когда Он вновь вошел в Иерусалимский Храм и прошел в портик Соломона, Он увидел, что к Нему направляется большая процессия. Когда люди приблизились к Иисусу, они вытолкнули перед собой молодую женщину и обратились к Нему:

– Равви! Эта женщина взята в прелюбодеянии, а Моисей в Законе велит таких побивать камнями. Что Ты на это скажешь?

Толпа стояла полукругом и вопрошала, настороженно

ждала приговора. Лишь немногие в этой толпе знали истинное значение происходившего. То были фарисеи и книжники. Остальные пришли взглянуть, как накажут провинившуюся. Иисус сидел на ступенях портика и молчал, и вопрос повторили:

– Что скажешь на это, Равви?

Несчастливая жертва человеческой жажды справедливости, с одной стороны, и фарисейского коварства, направленного против Иисуса, – с другой стороны, стояла смиренно, бессильно свесив обе руки вдоль туловища, с бледным лицом. Казалось, все чувства умерли в ней, да и она самое уже умерла. Глаза ее были опущены, лицо грязно, одежда изодрана. Видно было, что ее тащили за одежду, за волосы, пинали ногами, и она падала под ударами лицом вниз, в пыль и грязь, но ее поднимали и снова тащили и били. На праздник кущей много вольностей происходило, но этой замужней женщине не повезло: ее застали, схватили и потащили в Храм. Такие казни, то есть забрасывание грешников камнями, были в Израиле и Иудее, особенно в прошлом их, обычным и довольно частым явлением. Римляне в таких случаях не вмешивались, считая всё это делом внутренним, религиозным, главное, чтобы не было каких-нибудь массовых выступлений. Это была медленная, мучительная казнь. Старались сделать эту казнь нагляднее, зрелищней – конечно же, не столько в назидание другим, сколько для какого-то странного чудовищного удовольствия разбушевавшейся толпы ви-

деть мучения и смерть себе подобного – камни бросали не сразу в голову жертве, а в грудь, спину, живот, чтобы отбить сначала внутренности осужденному, чтобы насладиться стонами и криками преступника.

В случае с прелюбодеянием всегда избивали женщину, и хотя Закон гласит, что мужчину и женщину, взятых вместе в прелюбодеянии, надлежит забросать камнями, мужчину не трогали, о нем даже и речи не велось, и отвечать за прелюбодеяние приходилось одной женщине. Вот и сейчас она стояла одна, одинокая, истерзанная и измученная, бледная и отрешенная уже от жизни, преступница не только перед людьми, но и отвергнутая Самим Богом Иеговой – ведь это Бог велел записать Моисею слова Свои: «и побейте их камнями до смерти» – так ведь записано в Законе. Все лица в толпе пылали негодованием, требуя крови несчастной грешницы. Грешные в таком же преступлении, но не пойманные, они жаждали наказания грешнице, ибо им было противно жить с ней на одной земле. Да, человек не любит свой грех в другом человеке и громче всех вопит о справедливости, требуя возмездия тому, другому человеку, но не себе. И бывает, чем он громче вопит и возмущается, чем больше он негодует, тем более он и грешен. Поэтому не удивительно, если в этой толпе стоял и тот мужчина, с которым обвиняемая и согрешила, да, может быть, здесь были и другие мужчины, с которыми она грешила ранее. И толпа, желая убить, закидать камнями свой собственный грех, убивала человека. Но «не убий» –

тоже сказано.

Была в данном деле и другая сторона. Зачем, казалось бы, тащить грешницу к Иисусу и спрашивать Его мнения, когда дело и так для иудеев ясное и решенное? Потащили бы ее в синедрион, свидетели дали бы показания, утвердили бы приговор и казнили бы ее, как до нее казнили многих и многих. Повторяю: в толпе были фарисеи и книжники. Хорошо бы, думали они, и женщину казнить, как велит Закон, и Иисуса обличить в богохульстве, чтобы подвергнуть Его такой же казни, так как забрасывание камнями была именно иудейская казнь за любое преступление.

Иисус склонился к земле, чтобы не видеть людей, истребляющих друг друга с каким-то даже наслаждением. Он чертил что-то на земле перстом правой руки.

– Кто не имеет греха, пусть первым бросит в нее камень, – произнес Иисус тихим голосом, но Его слова услышали даже те, кто не мог видеть Иисуса за стеной спин и голов, впереди стоявших.

Женщина вздрогнула и вновь застыла, ожидая мучительной и неминуемой смерти. Так она стояла минуту, другую, третью, но камни не летели. Был только слышен топот многих неуверенно ступавших ног, хруст мелких кремней и песка под ногами. Шаги удалялись. И наступила тишина. И стал слышен далекий гул утреннего города за стенами Храма. И легкий ветерок взлохматил растрепанные, разметанные по плечам волосы женщины и обдул ее истрепанную, рваную

одежду.

– Где же твои судьи? – тихо и ласково спросил Иисус.

Женщина вздрогнула и несмело огляделась вокруг. И увидела она, что опустел портик Соломона. Есть только она, живая, но побитая, особенно ныло правое плечо, которое повредили, когда тащили ее, – и есть этот неизвестный молодой и красивый Человек, сидящий на ступенях и только что спасший ее, но нет никого, кто обвинял ее, кто требовал казни ее, кто бил ее.

– Иди и больше не греши, – ласково сказал Иисус.

Вдруг женщина упала на плиты и зарыдала громко, забилась в истерику. Только теперь она осознала, что спасена, что смерть, уже сжимавшая все ее тело, вдруг отпустила ее и куда-то ушла, и вся недавняя мука, все страдание прорвались целым водопадом слез. Иисус коснулся ее головы, и женщина затихла мгновенно, а ее горе, истерика и слезы вместе с недавно пережитым страхом ушли в землю.

Анна не стеснялся в словах и ругался так, что его самого можно было обвинить в богохульстве, если бы в этой комнате нашлись два человека, посмеявшихся свидетельствовать против него. Но в комнате был только зять Анны первосвященник Иосиф Каиафа. Его лицо было нахмуренным и строгим. Он молча выслушивал бранные слова тестя, но твердо оставался при своем мнении.

– Какой дьявол потащил фарисеев и служителей в этот

портник, спрашивается? – наконец Анна заговорил более приличными словами. – Кто придумал для Него такую глупую ловушку с этой глупо попавшейся бабой? Разве ты не знаешь, Каиафа, что при римлянах наши нравы настолько изменились, что этот Закон сейчас применяют лишь в глухих забитых крохотных селениях? Ты думаешь, Он этого не знает? Он прекрасно это знает. Если применить этот Закон сегодня, то большую часть населения Израиля [Тут Израилем названа вся Палестина. Так говорили, чтобы подчеркнуть былое величие страны. Название «Палестина» до 136 г. н. э. было неофициальным, которое употребляли греки и римляне. – В.Б.] пришлось бы забросать камнями, начиная с членов синедриона и четвертовластников. Ох, как прекрасно Он это знает! Это тебе не Иоанн Креститель, который обвинял Антипу и Филиппа за их племянницу Иродиану. [Иродиана – племянница тетрархов (четвертовластников) Филиппа и Антипы, была женой сначала Филиппу, затем Антипе. – В.Б.] Он не младенец, и хорошо знает, что во всех наших крупных городах процветают множества блудилищ. Ведь ни одного не нашлось среди этих рака, потащившихся к портику, без греха. Со стыдом бежали! Кто затеял этот поход?

Каиафа молчал, ему ничего не хотелось объяснять тестю. Он по-прежнему строго и прямо глядел в маленькие слезящиеся глазки Анны. И тот понял это молчание.

– Понятно, – сказал тихим уставшим голосом Анна. – Он всего лишь второй день в Иерусалиме, а ты ведешь себя, как

беременная женщина. На что ты надеялся?

Каиафа молчал, и его молчание выводило Анну из последнего терпения. Ему захотелось вдруг вскочить с кресла, затопать ногами, закричать на зятя, объяснив ему в самых грубых словах, что он глупее и упрямее осла, ибо тот и умнее его и покладистей. Но Анна, хотя он весь внутренне дрожал от негодования, сдержал себя.

– Ты надеялся, что Он отвергнет Закон, и тогда синедрион Его будет судить за богохульство? Зачем ты уже после утреннего приключения послал к Нему храмовых стражников? В чем ты хотел Его обвинить? В непочтении к фарисеям? Смешно. И чтобы опять же таки синедрион судил Его! Синедрион! – Последнее слово Анна выкрикнул, подняв указательный палец кверху. – Не дорожишь же ты своим местом, первосвященник!

Каиафа вздрогнул и чуть прищурил свои большие черные глаза.

– А может, ты надеялся, – продолжал Анна, – что Он поддержит Закон, и этим накличет на Себя гнев Пилата за самосуд? Как всё это глупо! С самого начала было понятно, что Он Закон не поддержит, но и не выступит против него, а ответит как-нибудь по-другому. Так и надо этим рака, потащившимся к портику! Он посмеялся над ними – и поделом.

Анна был весь красный, так и пыхтел, белый пушок, где он был на его лысой голове, торчал и колебался в воздухе, губы его заметно дрожали.

– Он очень умный и опасный Человек, и прежде, чем идти к Нему, надо было хорошо это усвоить. Не по зубам Он тебе, Иосиф.

Каиафа, не проронив ни слова, повернулся к выходу.

– Храмовых стражников на Него наслал! – говорил уже тихим голосом Анна. – А те, развесив уши, внимали каждому Его слову. Не время еще, не время. Не Мессия же Он в самом деле, чтобы не совершить ни одной ошибки, за которую можно основательно зацепиться. Он обыкновенный человек, а как говорят твои римляне, *errare humanum est*. [(лат.) Человеку свойственно ошибаться. – В.Б.] Рано или поздно Он совершит ошибку. Ведь ты не веришь, Каиафа, что Он – Мессия, если пытаешься Его убить?

Каиафа обернулся, его глаза странно сверкнули и он тихо сказал:

– Он – не Мессия, Он – самозванец и губитель народа. Теперь я в этом твердо убежден.

Глава 18. Грусть и радость

Ученики все же отыскивали Иисуса в Иерусалиме. Долгое время они бродили по просторам Галилеи, спорили, куда идти, отмахиваясь от версии Иуды Искарюта, что Иисус пошел именно в Иерусалим.

– Учитель не мог пойти в Иерусалим. Он так сказал. Это не наш город, он враждебный нам, – раздавались, как гром, слова Петра. И все его слушали и соглашались. Все, кроме Иуды. Тот сердился, называл их несмышленными детьми, даже бранился совсем невозможно. Но от него отмахивались и лишь через три месяца, перед зимним праздником огней [Праздник огней приходился на конец декабря (по нашему календарю), был установлен Иудой Маккавеем в честь очищения Храма после осквернения его Антиохом Епифаном. В течении недели в домах оставались зажженными лампы, отсюда и название праздника. – В.Б.] они решили, что, может быть, Иуда и прав. Странное дело, но с Иудой была с самого начала согласна и Мария Магдалина, хотя между собой они, особенно в последнее время перед исчезновением Иисуса, не очень ладили, тем более, что свою неприязнь к Марии Иуда и не пытался скрывать. Но когда в данном вопросе, где искать Иисуса, Мария приняла сторону Иуды, он сказал ей такие слова, и голос его прозвучал неожиданно мягко:

– Ты, Мария, умная женщина. Жаль, что я раньше этого

не разглядел. Они говорят, что любят Иисуса, но кто любит, тот живет и дышит любимым и точно знает, где он находится и даже что чувствует в этот час.

В Иерусалим они шли, не останавливаясь ни в городах, ни в селениях, и, хотя ночи месяца тевета [Тевет – 10-й месяц календаря (декабрь-январь). – В.Б.] были очень прохладными, ночевали, где придется, укрывшись раздобытыми где-то Иудой верблюжьими шкурами, которые потом, когда они уже подходили к великому городу, ему удалось как-то очень выгодно продать. Практичность Иуды была непонятна остальным ученикам, но они были рады тому, что сыты и обеспечены всем необходимым в этом долгом путешествии да и в самом городе, где не жаловали галилеян и не упустили случая над ними позлословить или просто обругать.

Иисуса они нашли на Елеонской горе, измученного постоянными придирками фарисеев, саддукеев и спорами с ними. Весь город был заражен какой-то непонятливостью и упрямством, и даже те немногие люди, которые любили Иисуса, молчали и чего-то боялись. Даже Никодим примолк, когда ему сказали:

– А ты не из Галилеи? Почему ты Его защищаешь?

Уже прошло чуть больше года с тех пор, как Иисус восходил на гору Фавор, где узнал, что Его Миссия под угрозой срыва. Теперь, когда Иисус смог подготовить Свою плоть хотя бы к трансформе воскресения, Он прибыл в Иерусалим. Он нарочно пришел сюда один, оставив учеников в безопас-

ном месте. Всю осень и зиму до праздника огней Иисус тайно прожил в одном гостеприимном доме в Виффагии. Днем Он открыто приходил в Иерусалимский Храм и учил, и каждую минуту Он был готов к тому, что Его возьмут, но Его не брали, не находили, что отвечать Ему на Его слова, и отступали, хотя очень злились и негодовали. Иисус знал, что дни Его в этом мире сочтены и дальше скрывать Истину о том, Кто Он, было уже невозможно, несмотря на то, что умы и сердца многих иудеев еще не были готовы понять и принять Ее. Приходилось надеяться на то, что Истина, высказанная Иисусом вслух, прорвет духовные пробки в душах иудеев и они прозреют, и тогда *Миссия вновь станет выполнимой*, а черный исполин будет посрамлен. *Еще можно было спасти Миссию!* Разъясняя Свои притчи, Иисус прямо говорил, что Он – Христос, Сын Бога, что Отец в Нем и Он в Отце и что Бог и Он – одно. Эти слова взрывали иудеев:

– Ты безумец, – кричали они, обступив Его полукругом. – Не правду ли мы говорили, что бес в Тебе?

Иисус ответил им:

– Во Мне беса нет, но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня. Впрочем, Я не ищущу Моей славы: есть Ищущий и Судящий. Говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек.

– Теперь узнали мы, что бес в Тебе, – возмутились иудеи, – Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: «Кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек». Неужели

Ты больше отца нашего Авраама, который умер? И пророки умерли. Чем Ты Себя делаешь?

– Если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто. Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он – Бог ваш. Но вы не узнали Его, а Я знаю Его, и если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжец. Но Я знаю Его и соблюдаю слово Его. Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой, и он увидел его и возрадовался.

– Сколько Тебе лет? Ты, молокосос, утверждаешь, что видел Авраама, который умер две тысячи лет тому назад?

Иисус обвел взглядом разгневанные лица иудеев и сказал:

– Истинно говорю вам, прежде нежели был Авраам, Я есмь.

Камни, как по волшебству, возникли в руках иудеев. Видно, были припасены заранее. Заметив это обстоятельство, Иисус сказал:

– Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего: за которое из них хотите побить Меня камнями?

– Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом.

– Не написано ли в Законе вашем: «Я сказал: вы боги»? [Пс. 81, 6. – В.Б.] Если Отец Мой назвал богами тех, к которым было Его слово, – и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите «богохульствуешь», потому что Я сказал: «Я – Сын Бо-

жий»? Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне, а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.

Беспомощная ярость в ответ, камни упали на землю. Никто не посмел Его взять. Видно, у черного исполина не всё было готово, если он медлил...

...Когда все ученики подошли к Иисусу, Он встал с камня и сказал им, что сейчас они пойдут с Ним в Перею, к берегам любого Его сердцу Иордана. Хотя ученики устали и не успели еще отдохнуть с дороги, они ни словом не обмолвились, поняв, как тяжело сейчас Иисусу видеть этот город, эту белую грудку камней, увенчанную золотой рыбьей чешуей, эту страшно высокую черную башню Антония. Один за другим они молча спускались в Кедронскую долину, чтобы выйти на Иерихонскую дорогу, и замыкал шествие Иуда. Он шел сзади, брэнча своим денежным ящиком, и даже взглядом никого не упрекал за то, что ему не верили, а Иисуса они все-таки нашли в Иерусалиме. Теперь душа его была спокойна, и сам он выглядел спокойным, хотя совсем недавно суетился, бегал, что-то искал и находил, кричал и возмущался, был неутомим и торопил других. Теперь он шел медленно, даже немного отставал от остальных, и отдыхом для его уставших глаз был голубой цвет Иисусова хитона.

И все же Иисус оглянулся. Иерусалим еще был виден, еще пылала красным заходящим солнцем крыша Храма, а рядом с ней чернела верхняя часть Антониевой башни.

– Иерусалим, – тихо и задумчиво произнес Иисус, – Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели. И оставляется вам дом ваш пуст. Ибо говорю вам: не увидите Меня отныне, пока не воскликнете: «благослови Грядый во имя Господне!».

Селения, находящиеся вблизи Иерихонской дороги, и особенно сам Иерихон, принесли много радости, и ученики воспрянули духом, повеселели, увидев, как люди встречают их Учителя. И стерлись в их памяти те камни, змеи и скорпионы, которые иногда совали в их мешки озлобленные люди. Недоброжелатели были, конечно, и тут, но они терялись в общем ликовании и восторге. Богатый садами Иерихон с его милыми, приветливыми, простыми людьми составлял большой контраст с жестоким каменным мрачным городом. Останови здесь, в Иерихоне, незнакомого человека, чтобы спросить хотя бы дорогу, и разговоришься с ним часа на три, еще и в дом свой тебя пригласит и почетным гостем считать тебя будет. Так уж повелось, что городской ландшафт и характеры людей связаны между собой. Великолепные пальмы и благовонные сады Иерихона и людей смягчали, и люди здесь тянулись ко всему доброму, светлому. И зерно учения Иисуса падало здесь на благоприятную землю. Иисус и Его ученики снова остановились на ночлег в доме

Закхея, начальника мытарей, умилившего когда-то Иисуса своим по-детски наивным поступком. Теперь имение Закхея было куда меньше: большую часть своего имущества он раздал беднякам, да и сам он изменился к лучшему так, что знавшие его едва узнавали в нем прежнего Закхея.

Закхей и Иисус долго беседовали наедине, и ученики не мешали им и наслаждались предвечерней спокойной погодой, сидя на крыльце Закхеевого дома среди кадок с невысокими пальмами.

Еще солнце не ушло за горизонт, когда к ученикам вышел Иисус и сказал им, что их приглашает к себе в гости один Его давний друг. Ученики поднялись и пошли за Иисусом. Они прошли две улицы, и через переулок вышли к гостиничному двору. Гостиница была небольшая, в два этажа. Хозяин гостиницы, увидев Иисуса и Его учеников, сказал, что их ждут и позвал свою дочь, двенадцатилетнюю девочку, чтобы она проводила гостей к «чужеземцу». Девочка поднялась по узкой деревянной лестнице во второй этаж и свернула влево, в небольшой коридорчик, где постучала молоточком в первую же дверь, а затем ушла. Дверь отворила молодая, лет тридцати женщина, черноволосая, красивая и, как подумали ученики, очень сильно загоревшая под солнцем. Их также поразило ее яркое, необычное для Израиля, одеяние, которое плотно окутывало всю ее стройную фигуру от шеи до самых ступней. Она улыбнулась, к ней тут же подошел молодой мужчина, тоже красивый, черноволосый, без бороды и очень

смуглый. Он сказал несколько слов на каком-то непонятном для учеников языке, и они оба, мужчина и женщина, сложив свои руки ладонями одна к другой перед своей грудью, склонились к ногам Иисуса, по-своему приветствуя Его, а затем, отступив на шаг, пригласили гостей войти в комнату. Ученики были поражены и убранством комнаты, хотя она была временным пристанищем для чужеземной четы. Из мебели в комнате были лишь ложе и лава у стены, зато весь гостиничный желто-коричневый пол был устлан мягким, очень ярким узорчатым ковром. Таких ковров ученики не видели даже в греческих лавках, а стены были увешаны различными бусами и гирляндами из больших разноцветных цветов. В изголовье ложа были прикреплены странные рисунки, на которых были лишь линии и круги. В комнате пахло нардом.

Мужчина что-то сказал Иисусу и Он, обернувшись к ученикам, сказал им:

– Садитесь на пол.

Хозяин и Иисус присели первыми. Ученики, последовав их примеру, неуверенно опустились на ковер. Их руки ощутили насколько ковер был мягким, нежным, отзывчивым. Женщина куда-то вышла и вернулась скоро. Она внесла поднос, на котором было множество различных фруктов, и поставила его прямо на ковер, посередине в кругу сидевших. Затем она снова вышла, но вернулась не так скоро. В руках она несла второй поднос, на котором был большой разноцветный сосуд, из которого валил пар и множество неболь-

ших чаш. Этот поднос женщина тоже поставила на ковер и села сама. Она расставила чаши, и из большого сосуда наполнила каждую из них какой-то темно-зеленой горячей жидкостью. Пока женщина наполняла маленькие чаши и раздавала их ученикам, Иисус и мужчина о чем-то беседовали на том же непонятном языке и вдруг одно слово, произнесенное Иисусом, заставило вздрогнуть Петра и Андрея. Они переглянулись. Горячая жидкость из чаши Петра немного выплеснулась ему на левую руку и он слегка поморщился.

– Ты слышал? – шепнул Петр Андрею. – Или мне показалось?

– Кажется, «Патанджали», – сказал Андрей.

– А где мы слышали это слово? – спросил Петр и немного сморщил лоб, припоминая.

– Умелец драться, – шепотом ответил Андрей. – Помнишь, он сказал, что он ученик Патанджали.

– Верно, – удивился Петр. – Как же это я забыл. Но ведь слово вспомнил, как только Учитель произнес его.

– Учитель знает Патанджали, – догадался Андрей.

– Берите, – произнесла женщина по-арамейски с мягким акцентом и придвинула к ученикам блюдо, в котором было насыпано что-то желтое. Ученики подивились тому, какой мелодичный и звонкий был голос у женщины, затем с сомнением поглядели на блюдо. – Берите. Это саккара. [Санскритское слово, от него происходит русское слово «сахар». – В.Б.]

– Саккара? – перешептывались ученики. – Это какая-то

странная соль? Желтая, как луна, а не серая.

Мужчина тоже обратился к ученикам по-арамейски.

– Берите, это индийская саккара. Ее наши волшебницы собирают с рогов молодой луны. – Затем он взял из блюда две щепотки саккары и посыпал ею жидкость в своей чаше, приглашая тем самым и учеников последовать его примеру. То же сделали Иисус и женщина. Ученики взяли по щепотке саккары. Некоторые из них попробовали ее на язык и изумились, что она не соленая, а сладкая, «слаще меда». Напиток же сначала ученикам не понравился: он был горячим и, как им показалось, безвкусным, поскольку он не был похож по вкусу на разбавленное водой сладко-кислое виноградное вино, которым во всем Ханаане утоляли жажду. Одному Андрею понравился напиток сразу; затем он взял еще и фрукты и стал запивать их напитком, говоря другим ученикам, что так очень вкусно. Другие ученики тоже взяли фрукты и удивились, что они были намного слаще, чем у них в Израиле.

– Это фрукты в саккаре, – пояснил хозяин, заметив их удивление.

Приятная обстановка дома, приятное общение с чужеземной приветливой четой и напиток сделали свое дело: ученики чувствовали себя прекрасно – бодрыми и отдохнувшими.

После трапезы женщина внесла огромную посудину с водой, чтобы гости могли вымыть руки, и ученики с удовольствием воспользовались ее приглашением, поскольку руки их липли после засахаренных фруктов.

Когда они возвращались в дом Закхея темными улицами Иерихона, ученики стали расспрашивать Иисуса.

– Что это был за напиток? – спросил Иаков Зеведеев. – Это индийское вино? Из каких фруктов или ягод его делают?

– Этот напиток по-китайски называют тцай-ие, – ответил Иисус, – что означает «молодой листочек». Его впервые, еще три тысячи лет тому назад, стали готовить в Китае. Берут листья с куста тцай-ие и варят их в воде. Отец наш Небесный даровал человеку в этих листьях силу, бодрость, успокоение, молодость и здоровье. В Китае этот напиток принимают как лекарство от многих болезней и пьют его без сахара.

– Учитель, скажи, кто такой Патанджали? – спросил и Петр.

– Патанджали, – ответил Иисус, – Мой друг и индийский пророк. Отец наш Небесный открыл ему истину о том, что дух властвует над плотью, и Отец научил его побеждать плоть и ее несовершенства.

– Разве Патанджали иудейской веры, что он верует в нашего Господа? – спросили ученики.

– Нет, он не иудейской веры, – сказал Иисус, – он – индус. Но не говорил ли Я вам много раз, что многие придут с востока и запада, с севера и юга и возлягут вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царствии Небесном? Отец наш Небесный – Отец всему живому, и всё живое верует в Него, не зная Его, но Он знает всех Своих детей. Иудейский народ славен тем, что услышал не только Его голос, но и узнал Его

Имя. Но не все иудеи знают Его, – добавил Иисус с грустью.

– Учитель, а этот мужчина, Твой друг, у которого мы только что были в гостях, он – не Патанджали? – спросил Андрей.

– Нет, он ученик Патанджали. Он прибыл в Иудею, чтобы повидаться со Мной.

Иуда ни о чем не спрашивал, но внимательно вслушивался в слова Иисуса, скрежетал зубами и недовольно что-то бормотал вполголоса. Это заметил Фома, идущий рядом с ним.

– Неужели ящик такой тяжелый? – спросил Фома. – Позволь, я помогу тебе.

– Ящик легкий, – ответил Иуда Фоме, и добавил шепотом, чтобы никто не услышал: – Мысли тяжелые, и трудно мне их нести. А ты, Фома-галилеянин, слушай, слушай своего Учителя. Разве приходит Мессия из Галилеи?..

Утром они уже покидали город, чтобы идти дальше, на северо-восток, к Иордану, к тому месту, которое помнит Иоанна Крестителя. Именно там хотел остановиться Иисус.

Множество людей с самого утра их ожидали у ворот дома Закхея, и Иисусов выход из города превратился в целое торжественное шествие. А при выходе из города один нищий, сидевший у самых ворот и просивший милостыню, вдруг закричал, когда шествие проходило мимо него:

– Помилуй меня, Господи, сын Давидов! Помилуй меня, Господи, сын Давидов!

Иисус посмотрел на нищего и подошел к нему:

– Что ты хочешь от Меня, Вартимей?

– Чтобы открылись глаза мои, – ответил слепой Вартимей.

Иисус прикоснулся к глазам его, и он тут же прозрел. Люди, видевшие это, были в восторге и кричали: «Осанна! Осанна!» А Вартимей бросил свой пост у ворот и пошел вслед за Иисусом.

Да, за Иисусом сейчас шло много народа. Кроме двенадцати учеников-мужчин и ученицы Марии Магдалины, за Иисусом следовали несколько мужчин и женщин. И среди них теперь шел и Вартимей. Иуда искоса оглядывал его. Обычный нищий средних лет с серыми волосами и бородою. Ничем не примечательный, такими, как он, в Иудее пруд пруди. А вишь, и он крикнул: «Господи!» да еще добавил: «сын Давидов». Значит, действительно сильную веру имел, если прозрел.

А по поводу слов «сын Давидов» припомнился Иуде один случай, когда Иисус спросил донимавших Его фарисеев:

– Что вы думаете о Христе? Чей Он Сын?

И когда те ответили, что Давидов, Иисус сказал так:

– Как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»? Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?

«Вот как выходит, – думал Иуда, рассматривая Вартимея, – этот нищий ошибся, а Он не поправил, просто по-

дошел к нему и исцелил его. Что же это выходит? Зачем Ты убиваешь меня, Иисус? Зачем расточаешь Свою милость на недостойных? Зачем Тебе Самария, Финикия, Индия и Китай? Взгляни на меня ласково (ведь только я один точно знаю, Кто Ты!), и я положу всех врагов Твоих в подножие ног Твоих. Я, Иуда из Кариота. Только будь Богом Иудейским, «чтобы расцвела наша кость, как молодая зелень, а на все другие страны вылей гнев Свой».

И до того обидно стало Иуде, что он свернул с дороги и пошел в траву и камни. Глядя перед собой затуманенными невеселыми мыслями глазами, он шагал отчаянно, широко-ми шагами, не опасаясь ни змей, ни скорпионов, ни львов.

Глава 19. Сны и шаги

Иисус властвовал в душе Иуды, но он чувствовал, что в ней властвовал и кто-то другой – ужасный и враждебный, но соблазняющий; и этому другому вовсе не нужны мелкие кровавые жертвы, этот другой требовал от Иуды иной жертвы – страшной, огромной, немыслимой, невозможной – жертвы, которая стоит всех других жертв, кои были от века и до века. О своих дурных снах Иуда пытался не думать. Но тут он хитрил. Эти сны витали над ним, стояли где-то сбоку, пытаюсь напомнить о себе, словно человек, стоящий в стороне, но упрямо машущий руками, манящий куда-то, куда не хотелось идти, но и невозможно было не пойти. А сны были очень дурны, неприятны и вызывали тревогу.

Так, снилось Иуде, что он ест сырое мясо и не может никак им насытиться. Тогда он идет к огромному котлу, где варилось мясо, открывает его и видит большие сваренные куски и среди них голову умерщвленного животного. Эта голова производит на него жуткое впечатление. Он смотрит искоса на нее, замирает от страха. И вдруг веки в этой мертвой сваренной голове дрогнули и открываются глаза, живые, полные муки, страдания и ненависти к нему. Через минуту из котла выскакивает ягненок, сваренный, но почему-то обрызганный кровью и без одной ноги, бегают вокруг Иуды, дразня его. Он в ужасе ловит животное и вновь запикивает

его в котел, в кипящее варево, надеясь, что кипяток убьет в нем жизнь, и прекратятся страдания этого животного. Но ягненок снова открывает глаза и снова выскакивает из котла и бежит вокруг него. Иуду мучает его странная живучесть, он страдает, пытается прервать этот сон, и вдруг он видит, что это вовсе не ягненок, это его любимая собака, которая умерла давно, когда он был еще мальчишкой, и над которой – он вспомнил это во сне – он проливал тогда слезы. Сердце Иуды сжималось от боли и сострадания, от отвращения и ужаса, но он все же ловил животное и запихивал его в кипящую воду.

А то и другой сон. Он берет рыбу, и только заносит над ней нож, она открывает свой глаз, полный муки, и пристально смотрит на него, следит за ним. Иуда хочет ее уже резать, а она открывает рот и кричит так, что у Иуды закладывает уши от этого крика, и рука бессильна удержать нож. Дикие, ужасные сны, и Иуда успокаивал себя тем, что эти сны оттого, что уже почти два года он не ел ни мяса, ни рыбы. Но эта догадка не успокаивала его, он чувствовал, что всё не так просто и что в нем вызревает что-то страшное, какое-то решение, невозможное и жуткое, темное и бездонное.

Но в это же время он стал более внимателен к Иисусу. С того дня, когда Мария Магдалина высказала мнение, что Иисуса именно нужно искать в Иерусалиме, Иуда изменил свое к ней отношение. Он понял, что она любит Иисуса, и вера ее сильна. Это настоящее, что было в Марии, внуша-

ло Иуде некоторое уважение к ней, хотя он по-прежнему был невысокого мнения о женском роде. Марию он выделил. Иногда даже говорил с нею, а также она стала его посыльной к Иисусу. Через нее он передавал Ему то редкую ракушку, которую он отыскал на берегу, то красивый камешек, зацелованный рекой до гладкой поверхности, то полный кувшин первых весенних сочных сладких ягод земляничника крупноплодного, которые он собирал с рассвета до полудня. Как бы сопротивляясь тому темному и страшному, что жило в нем, вызревало, строилось, Иуда вдруг стал относиться к Иисусу с той трогательной заботливостью, с какой впервые влюбленный относится к своей возлюбленной, которую боготворит. Такое настроение у него было по утрам, а вечером, когда Иисус учил учеников Своих, Иуда наливался желчью. Причем желчь разливалась от вечера к вечеру всё сильнее и сильнее. И с этим Иуда ничего поделать не мог, а вскоре, разозлившись, и подарки свои Иисусу прекратил.

Но несмотря на большое внутреннее напряжение, которое доходило минутами даже до физической боли, Иуда по-прежнему всё замечал, что происходило вокруг него. Не было такой тайны или секрета, которых бы не знал Иуда. Он знал и видел всё, как старая сплетница. Например, он знал, что Филипп до сих пор равнодушен к Марии Магдалине, преследует ее и ревнует, и однажды в лунный вечер подслушал такой разговор между ними. Они сидели на берегу Иордана, и Иуде были смутно видны сквозь ветви кустарников

их облитые еще полной золотой луны силуэты, но хорошо слышны были их голоса.

– Мария, почему ты мучаешь меня? – говорил Филипп. – Я не могу понять, почему ты отказываешься от любви? Разве в этом есть что-то грешное, плохое?

– Я много раз тебе объясняла, Филипп, это не для меня. Я так решила. Мое дело – идти за Иисусом, куда Он идет.

– Потому что ты любишь Иисуса, – утвердительно и раздраженно сказал Филипп.

– Я не понимаю тебя, Филипп, – голос Марии стал жестким. – Ты как-то странно это сказал. Что ты думаешь?

– Ты сама знаешь.

– Какой же ты глупый. То, что ты сказал, это кощунственно, мерзко, низко, – в голосе Марии вдруг послышались слезы. – Какой же ты глупый...

– «Глупый»? Тогда почему ты отказываешь мне, если сердце твое для любви к мужчине свободно? Разве Учитель говорил что-то против брака? Разве Он осуждает любовь между мужчиной и женщиной? Наоборот, всякую любовь Он благословляет, если это любовь.

– Вот именно, Филипп. Я не хотела говорить тебе прямо, но если ты требуешь прямых слов, то я скажу их. Я не люблю тебя как мужчину, но очень, очень сильно люблю тебя как брата. И по-другому не могу к тебе относиться.

– «Как брата» – это жестоко. Это хуже ненависти, хуже римской казни. Любишь как брата, потому что любишь

Иисуса, – в отчаянии произнес Филипп.

– Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты знаешь, чувствуешь, Кто Он? Он – Христос, Господь наш. А твои мысли тебе внушил дьявол. Откажись от него, Филипп. Одна мысль такая о Господе нашем есть большой грех и кощунство, а ты смеешь ее высказывать вслух. Он не такой, как мы, люди. Пойми, Филипп, если бы я могла полюбить тебя... по-другому, я была бы рада осчастливить тебя.

– Значит, всё дело во мне? Чем я плох? Скажи, я исправлюсь.

– Ты не слышишь слов моих, Филипп, – устало вздохнула Магдалина. – Нет, ты не плох, ты очень хороший, но так получилось. Прости меня, Филипп.

Послышались шаги: Мария ушла. А Филипп с досадой ударил ногой по дереву и пошел в другую сторону. Но и о том, куда пошел Филипп, Иуда узнал. Филипп пошел в ближайшее селение, где взял себе блудницу, которая продавала себя за гроши. Вначале он хотел вина и разврата, но ему почему-то стало жалко эту голодную женщину, которая с грехом пополам флиртовала с ним. Он повел ее в харчевню, накормил ее, угостил вином и дал денег. Брезгливо он покосился на сосуд с вином, и вдруг решил, что вино ему не поможет. Он вышел на улицу, поднял к небу глаза и прошептал:

– Благодарю Тебя, Отче наш, что образумил и остановил меня.

Умиротворение и покой сошли в его душу. Успокоенный,

он вернулся на стоянку, лег на свой плащ и тут же уснул...

Однажды ночью Иуда подслушал, как Иоанн рассказывал Андрею свой сон, приснившийся ему перед тем, как Иисус исчез на праздник кущей. Иоанн долго таил про себя этот сон, пытался разгадать, что он мог означать, а теперь решился поделиться своею заботою с Андреем, чтобы спросить его мнение. А сон Иоанну приснился такой:

Солнце вдруг закрыли низкие, тяжелые тучи; они покрыли весь небосвод. Иоанн оказался висящим на отвесной серой унылой скале. Крепко вцепился он в нее руками и ногами, потому что под ним зияла темная бездна, а вокруг были такие же скалы, скалы, скалы... Он знал одно: любой ценой он должен добраться до вершины скалы, а она была близка. Вдруг он остутился, маленький камешек полетел в бездну. Иоанну стало страшно. Страшно не за себя, а за «ребенка», [«Ребенок» – будущий великий труд Иоанна «Апокалипсис» (Откровение о будущем). – В.Б.] которого он имел в себе, словно женщина, и которого без него не будет. Он знал, что «ребенок» – не такое дитя, как бывает обычно. Он был уже совсем у вершины, небольшое усилие – и он достигнет цели. Он увидел, что на вершине, у самого края скалы по левую сторону от Иоанна стоит человек, Божий посланник, лицо которого было скрыто огромным капюшоном. Он поддерживал дух Иоанна и веру его на расстоянии. Иоанн не видел его лица, но чувствовал, что посланник очень сочувствует ему и печалится, что Иоанну выпал такой трудный

путь. Иоанн чувствовал его сильную поддержку. Иоанн приложил усилие и взошел на вершину. Посланник Божий оказался вдалеке, теперь позади Иоанна и по правую его сторону. Вершина оказалась плоской, ровной, круглой площадкой в диаметре около одной пятой стадии. [Стадия – греческая мера длины, равная 125 шагам. – В.Б.] В середине ее находился колодец, над которым шевелился, словно живой, пар, как над котлом с кипящей водой. Вдруг властный Голос из-за туч произнес:

– Подойди к колодцу и брось в него свои часы. Потом опусти руку свою в колодец. Если ты достанешь часы, ты получишь Благословение Бога.

Одно мгновение Иоанн был в недоумении: у него не было никаких «своих часов». Но, как и бывает во сне, он ощутил, а затем и увидел, что в левой руке он держит небольшую клепсидру. [Клепсидра – водяные часы, используемые в древности. – В.Б.] Он подошел к колодцу, до краев наполненного постоянно кипящей водой, и бросил в него клепсидру. Некоторое сомнение шевельнулось в его душе: ведь он почему-то знал, что этот колодец бездонный и проходит через центр Земли, поэтому вряд ли он уже увидит часы. Подождав немного, он решил опустить в воду руку, хотя и боязно было это делать: вода в колодце так и бурлила, а пар шевелился над ней, так что, казалось, опусти туда руку, она мгновенно сварится. Но когда Иоанн опустил руку в воду, он ощутил такое райское наслаждение, что ему хотелось оку-

нуть в эту воду и все свое тело. Как только он опустил руку в воду, он тут же почувствовал клепсидру в своей руке. Он вскочил на ноги с криком: «Я получил Благословение Бога» – и проснулся...

Выслушав, Андрей только протянул: «Да-а-а».

– Что скажешь? – спросил Иоанн.

– Даже не знаю, – неуверенно прошептал Андрей. – Я думаю, ты скоро всё поймешь. Жизнь твоя разгадает и сон твой.

– Хотелось бы раньше... – вздохнул Иоанн.

И они замолчали...

Многое, многое знал, слышал и видел Иуда, хотя живой огонь жег его изнутри. Такой огонь бывает, когда видишь горячо, безумно любимую женщину, смеющуюся и ласкающуюся к другому, обнимающую другого мужчину, дарящую ему любовь свою. Но это когда-то пережил Иуда. Но теперь... Пусть истоптали его мужскую любовь когда-то, его гордость – но веру, но душу... Темное дело уже жило в нем, росло, как растет сорняк среди золотой пшеницы. Но росло медленно, где-то глубоко внутри него, а теперь торопилось на свет. Что же в самом деле, – явиться к первосвященникам и откровенно ляпнуть: мечтал, любил, верил, плакал и жаждал, а обрел – и возненавидел?.. – но что первосвященники понимают в сердце, понимают в любви и ненависти, в вере? Нет, нужна причина мелкая, пустяковая, ничтожная, обыкновенная, понятная для самого грубого сознания, как

эти кремни под ногами, которые неприятны, раздражают, но стараешься не думать о них, отворачиваешься, ибо мелки они для внимания... В денежном ящике тихо позвякивали монеты: золотые, серебряные, медные. Все ученики видели с каким равнодушием Иуда смотрит на деньги, кто поверит, что Иуда жаден, что из-за денег он?.. А что, – они молоды, наивны, а ох, как молодости присуще бросаться из крайности в крайность, сплеча делить всё на белое и черное, не замечая других красок. Сегодня они не верят, что Иуда жаден, а завтра они будут кричать, что он – вор. Нужен мотив, а чем жадность – не мотив? Лишь бы никто не узнал правды.

Иуда вынул из денежного ящика горсть монет, сколько зачерпнулось, и тут же закопал их. Разровнял землю, еще немного поправил. Хорошо, ничего не заметно. Сел Иуда, прислонился головой к стволу дерева и застыл в неподвижности, лишь ветер трепал его желтые, словно выгоревшая трава на солнце, волосы.

На следующий день пропажа нескольких монет была обнаружена. Дело в том, что накануне Иуда пересчитал деньги и как бы невзначай сказал сумму Фоме – мол, вон как много пожертвовали. Фома в свою очередь тоже был этим горд и не смолчал, но на следующий день, утром, когда ученики остановились на перекрестке дорог, чтобы разделить сумму и взять с собою денег для раздачи милостыни, вдруг обнаружилось, что сумма в ящике была намного меньше ранее названной. Иуда молчал и отворачивался. Но тут выступил

Симон Петр.

– Я знаю, где деньги девались... – вдруг сказал он и, схватив Иуду за ворот хитона, поволок его к Иисусу.

Гремело в небе уже давно, но где-то далеко, но в это время раздался такой удар, что затряслась земля под ногами учеников, и тут же спустился такой сильный дождь, словно на небе опрокинули огромное корыто. Пока Петр тащил Иуду к дому, в котором остановились Иисус и ученики, они оба изрядно промокли. Петр одним ударом ноги вышиб дверь в доме и появился перед Иисусом при свете молнии. Он стоял на пороге, держа Иуду за ворот правой могучей рукой, и с них обоих ручьями стекала вода.

– Вот он – вор! Смотри, Учитель! – рявкнул Петр и швырнул Иуду к ногам Иисуса так, словно Иуда был не человек, а ворох ветоши.

Позади Петра собрались и остальные ученики, и так как им не очень хотелось мокнуть под весенним ливнем, то они осторожно проталкивались в дом, стараясь не задеть разгневанного Петра, который стоял прямо в дверях.

– В Писании сказано: «Не укради!», а он украл, – гремел Петр, но, встретившись взглядом с Иисусом, вдруг умолк.

Он стиснул зубы и, задрожав от гнева, шагнул прямо под упругие струи ливня, толкнув при этом нескольких учеников, которым посчастливилось оказаться на его пути.

Петр не запомнил, где он бродил под дождем. К вечеру, когда дождь прекратился и все ученики и Иисус грелись на

улице у костра, Петр вернулся и увидел, что Иуда – гордый, с прямой спиной – сидит возле Иисуса, смотрит на всех смело и улыбается. Злоба закипела в груди Петра, и эта злоба была ему неприятна и тяжела. Петр, не решаясь подойти к Иисусу и даже взглянуть на Него после своей вспышки, подошел к Иоанну, который сидел ближе всех к нему, наблюдал, как Андрей ломал хрупкие тонкие ветки и подкладывал их в тихо потрескивающий костер, и слушал Иисуса.

– Где веток сухих раздобыли? – спросил Петр Иоанна, не зная с чего начать. – Дождь ведь какой был.

Иоанн вздрогнул и обернулся.

– Ты вернулся, Петр. Это хорошо. А дров и веток в доме полным-полно.

– Иоанн, давай поговорим.

Иоанн встал и отошел вместе с Петром за старую смоковницу.

– Итак, злодеям первое место? – вдруг сказал Петр Иоанну и посмотрел на него испытующе.

– Ты извинился бы, – сказал Иоанн.

Петра раздражало, что Иоанн смотрел куда-то в сторону.

– Это перед кем? – удивился Петр. – Иуда – вор, а я оказался виноватым?

– Прежде всего перед Учителем. Ты был сегодня некрасив, Петр. А потом и перед другими.

– Может, и перед Иудой? – сыронизировал Петр.

– И перед ним, – невозмутимо ответил Иоанн. – Ты оби-

дел брата нашего...

– Хорош брат!..

– ...брата нашего, – так же невозмутимо продолжал Иоанн. – Деньги в ящике – это добровольные пожертвования людей для других нуждающихся людей. Почему ты знаешь, может, наш брат Иуда очень нуждался в этих деньгах и взял их, но не украл.

– Итак, злодейства оправдываем? – злился Петр.

– Нельзя обвинять, если точно не знаешь, злодейство это было или не злодейство. А если и злодейство, что еще нужно доказать, то Иисус простил его, и мы не должны обижать своего брата. Если Иуда сидит сейчас рядом с Иисусом, значит, он теперь более нас всех нуждается в Его близости.

– Ты прав, Иоанн, – устыдился Петр.

– Не я, а наш Учитель, Который так судил.

– А ты как думаешь, Иоанн? – спросил Петр.

– Я думаю, что Иуда невиновен. Это деньги не твои, не мои, не Фомы и не Филипповы. Эти деньги предназначены для помощи нуждающимся. И, следовательно, каждый может взять эти деньги, если в том будет большая нужда, о чем, конечно, Всеведущий Отец наш знает, читающий в наших сердцах.

– Но разве мы, ученики Иисусовы, в чем-либо нуждаемся? – снова запутался Петр.

– Мы – нет, и Иуда, вероятно, взял эти деньги, чтобы подать милостыню втайне от нас.

– А я у него спрошу, – вдруг решительно двинулся Петр к костру.

Иисус ласково поглядел на подошедшего Петра. Его взгляд вдохнул в Петра радость.

– Прости меня, Господи, за сегодняшнее, – произнес Петр. – И я хочу говорить с Иудой.

Иуда был невозмутим, тут же поднялся и отошел с Петром в сторону. Иуда молчал и был серьезен.

– Иуда, скажи, ты очень нуждался в деньгах, которые... взял?

– Не «украл»? – переспросил Иуда.

– Нет, взял, – твердо сказал Петр.

– Очень.

– Ты их взял, чтобы подать милостыню?

– Да.

– Тот человек очень нуждался?

– Очень.

– Ты прости меня, Иуда, – облегченно вздохнув, сказал Петр. – Мне надо было бы разобраться. Я ведь чуть не ударил тебя, пока волок к Иисусу.

– Надо было разобраться, – ответил Иуда. Видно было, что Иуда хочет прекратить разговор.

– Еще раз прости, – сказал Петр, и сам пошел вперед, к костру. Подошел и сел возле Иисуса, прикоснулся к краю Его одежды и замер.

А Иуда остался на месте. Прислонившись плечом к стволу

смоковницы, он глядел, не отрываясь, огненным взглядом на Иисуса. И перед мысленным его взором возник юноша, который тоже просился в ученики, но, когда Иисус сказал ему следовать за Ним, бросив всё, он отошел печален, так как был очень богат. И сказал тогда Иисус ученикам Своим:

– Видите, легче верблюду пройти в игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное.

Костер хорошо освещал Иисуса, и Иуда смотрел на Него, а сердце его билось громко и часто. Сам не замечая того, Иуда шевелил губами, проговаривая вслух те мысли, которые чередой неслись в его рыжей голове:

«Кожа Твоя белая и нежная. Каждое лето солнце сжигает меня до красноты, но любовно и бережно лучи его касаются Тебя. Твое лицо прекрасно, как Солнце, и слепнут глаза Иуды от Твоей Божественной красоты. Ты прекрасен, как пенная волна, поднимающаяся к небу, как белая роза в лучах восходящего солнца. Ты, Иоанн, со всею красотой твоею, от которой замирают и бешено бьются сердца юных дев, что кактус в пустыне в сравнении с Этой Лилией Всевышнего. С такую красотой можно быть Царем Земли. Но что Твое Царство без золота? На земле царство дано лишь золоту. И будь владелец золота горбат, плешив и покрыт язвами – его царство будет, а будь красавец нищ – и побьют его камнями и выбросят в яму, и вороны расклюют его красоту. Ты обманул Иуду! Если бы при Твоей Красоте у Тебя был трон из золота, раз уж Ты стал подобен человеку! Почему пренебрег

Ты тронем из золота? Почему не взял плату за Свою Красоту? Ты ведь мог родиться в богатстве. Ты ведь мог быть богатым, как десять тысяч Соломонов! И Ты призвал бы к Себе тогда сожженного солнцем рыжего иудея Иуду из Кариота, который столько лет тосковал о Тебе, ждал Тебя, обливаясь в ночной тишине слезами от любви к Тебе, и мы бы, обнявшись с Тобой, стали править миром, а все народы поклонились бы великому народу иудейскому, у которого есть такой Бог! Римляне уничтожили бы своими руками своих богов, греки оплевали бы своих богов, ассирийцы – своих, финикийцы – своих, персы, египтяне – все, все оплевали бы своих богов. И склонились бы у ног Твоих все народы, и лизали бы языками своими пятки Твоему народу, который верил и ждал Тебя... Но Ты обманул Иуду! Возьми же трон, прошу Тебя, пока не поздно. Не надо так шутить, не надо смеяться над любящим сердцем Иуды. Взойди на трон, покажи всему миру, что не зря народ Твой слезами и кровью измерял время до Твоего Прихода. Поставь народ Твой во главе всех народов. Нет, Ты предпочел обмануть Иуду. Твоя Красота стоит целого мира, а я возьму за нее столько, сколько даст мне скаред Анна. Как же я ненавижу Тебя, Иисус! Как лживая женщина, Ты высосал из меня всю кровь мою и надругался над моей любовью к Тебе. Ты мог быть грозой для земли, Своим Светом поразить умы и души человеков, камни обрушить на их тупые головы. А Ты Сам стал Сыном Человеческим, уподобился нам из любви к нам, нищим пришел на

землю и гордо отверг трон! Не хочу я Твоей любви! И не нужен мне такой Бог! Это говорю Тебе я, Иуда из Кариота, ученик Бога, унизившегося до человека».

Иуда ощутил, что лицо его мокро: слезы, не переставая, катились по его щекам. Он вытер лицо правой рукой, протер глаза кулаком и исчез в темноте сада.

Глава 20. Слава Божия

Когда Иуда проснулся, он, еще не открыв глаза, почувствовал, что рядом с ним кто-то сидит. Он повернул лицо свое к неизвестному и только тогда открыл глаза. Перед ним сидел прямо на голой земле в утренней тени зеленеющего сада, в котором заночевал Иуда, какой-то оборванец и видимо дожидался его пробуждения. Но так как оборванец не говорил ни слова, то Иуда привстал и, очень внимательно взглядевшись в него, ахнул.

– И что ты тут делаешь? – неприветливо спросил Иуда оборванца.

– Я пришел, чтобы следовать за Ним, – ответил тот.

– А зачем это тебе, Вефиль? И как ты тут оказался?

– Я давно слышал об Учителе, и когда тогда встретил тебя, обрадовался, что ты отведешь меня к Нему, а ты прогнал меня, как собаку. А теперь я прослышал, что мой друг Вартимей прозрел. Вартимей и сообщил мне, где искать Учителя.

– Вартимей – твой друг?

– Да, он был слепой. Ему подавали больше, но мы милостыню делили поровну, как братья, – ответил Вефиль.

– Да Вартимей из Иерихона.

– А я откуда? Тоже родился и жил в Иерихоне. Я Учителя искал, поэтому и пошел тогда в Галилею.

– Зачем тебе-то Иисус? Ты болен, что ли?

– Нет, Бог наградил меня хорошим здоровьем. Мне нужен Учитель, чтобы следовать за Ним, потому как Он наш Господь.

Иуда подпер голову свою правой рукой и с минуту с интересом оглядывал нищего Вефиля.

– Такая рвань – и он Иисуса называет Господом, – не выдержал Иуда.

– Зачем обижаешь меня? Но я не обижаюсь на тебя, Иуда...

– Так, еще раз скажешь, что тебе меня жаль, я придушу тебя. И я не шучу!

– Ты слишком горд, Иуда, – тихо и беззлобно сказал Вефиль. – Я тебе в отцы гожусь и говорю тебе: это может плохо, очень плохо быть для тебя. Вот ты рванью обругал меня. Эх, Иуда, неправильно ты смотришь на людей. Ты думаешь, остальные ученики – так: мытари, простые рыбаки из Галилеи. И в этом ты ошибаешься. Ты и представить себе не можешь, кто они такие и почему именно их призвал Господь. А на то, что я грязен телом да весь в рванине, не смотри, я ведь когда-то был учен и богат. Учен-то я и теперь, это у меня не отнимется, но нищий. Забрали мой дом, имущество за долги, торговля не пошла, а я ведь тоже горд был, как ты, а может, даже и больше. С тех пор я стал нищим, встретил Вартимея. Он уже был слепой, но как хорошо пел псалмы! У него чудесный голос. Так проникновенно у него выходит. Ты любишь псалмы, Иуда?

– Люблю, – как-то сухо ответил Иуда.

– Теперь он прозрел и письмо мне написал.

– Куда же он тебе писал, если у тебя нет дома?

– Он в гостинице оставил, у нашего знакомца, тот и передал мне, когда я по дороге в Иерихон зашел к нему.

Иуда усмехнулся.

Общее движение во дворе дома заставило их прервать разговор. Они пошли узнать, что случилось. Утро было раннее и было очень прохладно. Многие из учеников, собранные Иисусом во дворе, зябли.

Иисус сказал:

– Мы снова идем в Иудею.

– Учитель, – прогремел встревоженный Петр, – давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?

– Во дне двенадцать часов, и кто ходит днем, не спотыкается, потому что видит свет мира сего, а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним. Наш друг Лазарь уснул.

– Три дня назад Марфа присылала сказать, что он болен. Если уснул, значит, болезнь отступает, – сказал Фома и огляделся вокруг, как бы ища поддержки у других учеников. Все молча с этим согласились.

– Я иду разбудить его, – сказал Иисус.

Непонятны были эти слова ученикам.

– Лазарь умер, – тогда сказал Иисус и пошел в сторону Вифании.

Ученики стояли в нерешительности.

– Нет, мы не пойдём, там убьют Его, – растерянно бормотал Петр.

– Пойдем и мы умрем вместе с Иисусом, – твердо сказал Фома...

Утром в первый день нового года, первого нисана, они уже подходили к селению Вифания. В дороге Иуда, как всегда, держался несколько в стороне и наблюдал за странной, как ему казалось, парой, которая старалась держаться ближе к Иисусу. Это были Вартимей и Вефиль.

«Я – нищий!» – вспоминал Иуда с какой даже гордостью произнес эти слова еще хмельной Вефиль. «Он гордится тем, что он нищий! – с удивлением думал Иуда. – И носит свои лохмотья так, словно на нем золотые одежды!»

Тут надо сказать, что Вефиль уже был не в тех обносках, в которых Иуда его увидел в первый раз и в которых он видел его в Перее в саду. Теперь на нем был коричневый хитон, – правда, тоже поношенный, но не рваный, – и на ногах даже были сандалии; лицо свое он умыл и волосы свои с бородой привел в некоторый порядок.

И далее вспоминал Иуда пьяный разговор с Вефилом, тот, самый первый: «Что нужно человеку? – спрашивал тогда Вефиль и сам же и отвечал на свой вопрос: – Вот солнце, чтобы меня согреть и дать мне свет, вот дерево, чтобы мне укрыться от дождя или отдохнуть в его тени в жаркий день, вот плоды на дереве, чтобы мне было питание, вот земля, на кото-

рой я могу найти отдых. И всё это сделал Бог для меня, и жизнь мне дал, чтобы я жил».

Когда они совсем близко подошли к селению, то увидели одинокую женскую фигуру, стоящую у края дороги. Женщина пошла им навстречу, и они узнали Марфу. Хотя трудно было узнать ее: она почернела лицом, осунулась и была так худа, что, казалось, ветер ее мог преломить, как хрупкую ветку.

– Господи! – обратилась она к Иисусу. И голос ее был неузнаваем, он стал гнусавым и низким. – Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

– Воскреснет твой брат, – ласково сказал ей Иисус.

Марфа печально поглядела в очи Иисуса.

– Верую, что воскреснет в воскресенье, в последний день, но теперь уже его нет с нами.

– Я есть Воскресение и Жизнь, верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Веришь ли сему? – спросил ее Иисус.

– Так, Господи! Я верую, что Ты Христос Сын Божий, грядущий в мир.

Слезы выступили на ее глазах, и она, повернувшись, пошла назад, к дому, чтобы позвать Марию, сестру свою. В доме толпилось много народа. Лазаря любили. Человек он был очень добрый, никому не отказывал в помощи, даже если к нему приходили ночью. Мария была в дальней комнате. Она лежала на ложе и смотрела в потолок. В ее неполные шест-

надцать лет это было не просто горе, смерть брата была катастрофой. Она уже не плакала, слезы высохли и взгляд был ее застывший, отрешенный.

– Мария, Господь наш идет к нам.

Мария сначала не поняла ее, и Марфа повторила свои слова. Мария сразу же вскочила с постели, засуетилась, отыскивая свою накидку. Не найдя ее, махнула рукой и выбежала из дому. Многие, увидев Марию, пошли за ней, думая, что она пошла к гробу, а она бежала навстречу Иисусу. Она подбежала к Нему и упала в ноги Его.

– Господи! – шептала она сквозь хлынувшие слезы. – Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

Иисус помог ей подняться и обнял ее за трясущиеся плечи, чтобы ее утешить, и спросил у подошедшего народа:

– Где положили его?

На очах Иисуса были слезы.

– Господи! Пойди и посмотри, – ответил кто-то из мужчин.

Все двинулись к гробу. Гробы, небольшие каменные скалы, выдолбленные изнутри, находились за селением, внизу, в долине, где наливалась соком жизни молодая зелень. Гроб Лазаря, серый обломок скалы, вход которого был завален огромным камнем, был сейчас весь окружен зеленью и цветущими деревьями.

У гроба была также Марфа и несколько мужчин и женщин. Явились и скорбно завывающие плакальщицы.

– Отнимите камень, – сказал Иисус.

Плакальщицы примолкли, люди переглядывались, не понимая, зачем отнимать камень от гроба. Но несколько мужчин вышли. Пока мужчины отнимали камень, Марфа подошла к Иисусу и сказала встревоженно:

– Господи! Зачем это? Ведь смердит уже, четыре дня, как он во гробе.

– Не Я ли сказал тебе, что если будешь верить, увидишь славу Божию? – сказал ей Иисус.

«Глупая, глупая женщина», – шептал Иуда, а сам, как замороженный, смотрел только на Иисуса, пожирая Его глазами. Иуда весь дрожал, все внимание его поглотил Иисус. Уже Иуда не замечал ни Марфы с Марией, ни толпы вокруг, ни взволнованных учеников. Иисус был для него сейчас и светом, и воздухом, и землей – был для него самой жизнью.

Вход в гроб освободили, и мужчины отошли. Иисус прошептал слова молитвы и громко произнес:

– Лазарь! Выйди вон!

Эти слова прозвучали для всех громче небесного грома, небывалый свет вдруг ослепил всех на мгновение.

В гробе послышалось шуршание, и через некоторое время вход загородила странная, вся в пеленах фигура с платком на лице.

– Развяжите его, пусть идет, – устало сказал Иисус.

Но никто сразу не двинулся, все почему-то оказались на коленях. Один Иуда стоял, все еще пожирая глазами своими

Иисуса. Наконец люди опомнились и бросились к Лазарю, который пытался, но никак не мог самостоятельно распутать погребальные полотенца. А Иисус повернул в обратную сторону и потянулись за Ним ученики и те, кто пришел с Ним. Никто не знал, куда направлялся Иисус, но Он все дальше и дальше уходил от Вифании в сторону пустыни. Иисус обернулся и сказал:

– Мы идем сейчас в город Ефраим.

Затем, помолчав, Он спросил:

– Почему с нами нет Иуды?

Огляделись, но Иуды, действительно, не было.

– Может, он остался в Вифании? Я сбегая за ним, – предложил Фома.

– Не надо, – сказал Иисус и пошел дальше...

...Иуда, оставив под деревом в кустарнике свой денежный ящик, бегом пробежал те пятнадцать стадий, которые разделяли Вифанию и Иерусалим. Только у ворот дворца Анны он остановился, чтобы отдышаться. Несмотря на то, что на улице было еще прохладно, пот градом катился по всему телу Иуды, а его покрасневшееся лицо пылало жаром. Еще нормальное дыхание не возобновилось, а Иуда бешено застучал в ворота кулаком. Долго не отворяли и, когда Иуда в нетерпении стал бить в ворота ногами, наконец дверь в воротах отворилась и показалась приземистая фигура привратника.

– Мне нужно к первосвященнику Анне, – все еще задыхаясь, кричал Иуда. – Я – Иуда из Кариота. Немедленно до-

ложи, чего стоишь, как каменный.

Привратник медленно затворил дверь, оставив Иуду одного среди улицы, долго возился с запорами, и лишь некоторое время спустя Иуда услышал, что шаги его стали удаляться. Долго ждал Иуда. Уже устало небо, всё вокруг готовилось погрузиться во мгновенно наступающую ночь, когда Иуда вновь услышал шаги. Снова привратник долго возился с запорами, прежде чем отворить дверь. Он кивнул головой Иуде и отступил в сторону, пропуская его. Наконец Иуда вошел во дворец. Он не заметил, сколько галерей, балконов, ступеней и коридоров пришлось пройти. Он просто следовал за привратником, пока тот не привел его в большую комнату. Оставив его в одиночестве, привратник исчез. И тут Иуде пришлось долго ожидать. От нечего делать он рассматривал золотые и мраморные украшения комнаты, освещенные пляшущим огнем огромного треножника, стоящего в ее центре. Наконец за ним явился темнокожий слуга-ливиец, знаком указал следовать за ним и повел его каким-то темным длинным коридором, пока они не уперлись в низкую металлическую дверь, возле которой горел прикрепленный к грубой каменной стене одинокий факел. Здесь слуга поклонился и пропал в темноте коридора. Дверь отворили изнутри. Огромный детина, один из служителей Храма, пропустил Иуду, запер за ним дверь, а сам ушел в другую, которая была напротив. Эта комната была небольшой, даже тесной, и освещена двумя светильниками. Прохлада вместе с

многоголосым шумом большого вечернего города врывалась сюда через узкое высокое окно. Здесь также стоял тренажник, но совсем маленький, со скудным огоньком; кроме него здесь было кресло с мягкой спинкой и стол перед ним, а слева вокруг крошечного столика, на котором забыли кувшин, стояли почему-то два ложа, а не три, как принято.

Вскоре вошел и сам старый Анна. Он вышел из той двери, в которую перед тем прошел служитель Храма. Анна был одет по-домашнему и даже небрежно, а на его лице было написано недовольство, что его посмели беспокоить. Анна сел в кресло, затем взглянул на Иуду и произнес:

– Ты Иуда из Кариота?

– Да.

– Что ты хочешь?

– Видеть первосвященника Анну.

Тут взгляды их встретились – взгляд больших с зеленью Иудиных глаз и взгляд маленьких щелочек с припухшими красными веками Анны. Они сразу поняли друг друга. Иуда понял, что Анна прекрасно осведомлен о том, кто он, а Анна понял, что не зря он следил за Иисусом и сделал ставку именно на этого ученика, рыжего иудея. Но все же они продолжали странную игру, будто не понимают что и к чему.

– Зачем тебе, пес, понадобился первосвященник Анна? – грубо спросил Анна.

– Я хочу предать Иисуса, – сказал Иуда, несколько согнувшись перед стариком.

– Кто это? – безразлично спросил Анна. – И почему ты хочешь предать Его?

– Он говорит, что Он – пророк из Галилеи, – сказал Иуда.

– Пророк не приходит из Галилеи. Нас не интересует пустая болтовня и нам не нужен никакой Иисус. – Анна поднялся, чтобы уйти и прекратить тем самым «ненужный» разговор.

– Это тот самый Человек, Который два года тому назад грозился разрушить Иерусалимский Храм, – торопливо сказал Иуда.

Анна помолчал, делая вид, будто он силится вспомнить, но в памяти своей никак не может отыскать воспоминаний об этом случае.

– Разрушить Храм? Это невозможно, – наконец сказал Анна. – Уж не сумасшедший ли твой знакомец?

– Это тот самый Человек, Который смущал и сейчас смущает многих из иудеев, верных Закону, Который говорит, что Он исцеляет болезни и воскрешает мертвых. Многие считают Его Мессией, – продолжал Иуда.

– То пророк, то Мессия... Что ты путаешь меня? Кто Его считает Мессией? Он – иудей? – притворно сердился Анна, и все же снова сел в кресло.

– Разве иудей пошел бы против иудейской веры и нарушал бы он священную субботу? – ответил Иуда, заискивающе улыбаясь.

– Не иудей? – задумчиво сказал Анна. – Теперь припо-

минаю. Был какой-то небольшой глупый беспорядок в Храме. Замешан в нем был какой-то галилеянин Иисус, как ты говоришь, сын Иосифа-плотника из Бет-Лехема, [Бет-Лехем (евр.) – Вифлеем. – В.Б.] города Давида. Это так выяснилось, потому что мы на этот скандал большого внимания не обратили. А ты говоришь, не иудей. Иосиф, отец Его, – иудей?

– В Галилее есть небольшое селение. Оно тоже называется Бет-Лехем.

– Ты хочешь сказать, что Иосиф – галилеянин? Ну а мать Его? Кто она?

– Вот она-то точно не из иудейских дочерей. Достоверно мне ничего неизвестно, но говорили, будто она персиянка или халдейка. А может, она и из кельтов. Ты же знаешь, уважаемый Анна, что северные земли заселены очень пестро. Представителей какого народа там не встретишь!

Анна взглянул в глаза Иуды особенным взглядом: тот сделал рискованный шаг к более открытому разговору, назвав первосвященника по имени. Решился на риск и Анна.

– А правда ли, что Его отец – римский солдат сириец Пантер?

Иуда вовсе не ожидал такого вопроса, он вздрогнул и выпрямился. Все шутовство и игра спали с него. Он слегка прищурился и прямо, в упор, серьезно посмотрел на Анну. Иуда много раз слышал и в детстве в синагоге, и от учеников, и от других людей, что Мессия есть Сын Партеноса, то есть Сын Девы. Саддукей Анна не знает пророков, он признает

лишь Тору; фарисеи, следуя за своим учителем Шаммаем, так увлеклись различными обрядами и запретами, что редко заглядывают в книги. Так и возникло, стало быть, заблуждение, и «Партенос» превратилась в несуществующего римского солдата Пантероса или во множество существующих солдат, имеющих созвучные с Пантером имена. Иуда, впервые услышав здесь от Анны о Пантере, сделал паузу, а, подумав, решил пока не указывать Анне на его ошибку. «Ему почему-то хочется верить в солдата Пантера. Почему?!» – недоумевал Иуда. Тем более, – и это факт, – Иисус совсем непохож на Своих сводных братьев – сыновей Иосифа от первой жены и, как говорили знающие, на покойного Иосифа непохож, на которых и не мог Он походить, будучи Сын Божий и Девы.

– Кто знает, с кем делят ложе язычники, – осторожно произнес Иуда.

– Ты не ответил, пес. Правда ли, что римский солдат сириец Пантер – Его отец? – раздраженно спросил Анна. – Отвечай или ты желаешь, чтобы тебя подвергли пытке?

– Уж очень ты строг, Анна. Разве не затем я пришел, чтобы предать вам Иисуса? – тихо и серьезно сказал Иуда.

– Отвечай!

– Мне надо подумать, – ответил Иуда и улыбнулся.

– Что?..

– Ах да, припоминаю, – сказал Иуда с той же интонацией, с которой «припоминал» Анна, кто такой Иисус. – Постой,

постояй, Анна... Вспомнил! Верно, Его отец – римский солдат... как ты сказал его имя?

– Да ты издеваешься, мерзкий пес? – вскричал в гнев, настоящем гнев, Анна и даже с силой хлопнул сухой крошечной ладонью по массивному дубовому столу.

– Не сердись. Я забыл его имя, подскажи. Не может ведь старый, голодный Иуда помнить о таких мелочах.

– Пошел вон! – тихо прошипел Анна и побагровел.

Иуда немного растерялся, он подумал, что со стариком сейчас случится удар, до того страшное у Анны сделалось его маленькое личико, а это в его планы не входило. Но Анна встал с кресла и, топнув о пол ногой, закричал:

– Пошел вон! Иди к римлянам. Нам не нужен твой Иисус.

– Вот! – вскричал осененный Иуда. – Мы подошли к самому главному. Итак, благородный Анна желает, чтобы Иисуса, Который смеется над нашей верой, нарушает субботу, не моет рук Своих и посуды Своей, исцеляет больных и воскрешает давно, – повторяю, давно умерших, – ведь тебе, благородный Анна, уже доложили о воскресшем иудее Лазаре из Вифании – так, благородный Анна желает, чтобы Его судили римляне, поскольку Он – сын римского солдата и должен подчиняться римскому закону? А с другой стороны, сын-то незаконнорожденный...

Анна с неподдельным удивлением глядел на предателя и даже не нашелся, что сказать.

– Это возможно. Но бедному Иуде, которому пришлось

бросить свой дом, чтобы идти за Иисусом – и в этом доме уже живут другие люди – римляне не дадут денег, а без умного и хитрого Иуды они не найдут Иисуса. Он обидел многих из иудеев, но Он не обижал римлян. Наоборот, Своим ученикам Он говорил, что и языческие религии являются откровениями определенных Божественных сил.

Гнев Анны улетучился, он прищурился и усмехнулся:

– Что же, умный и хитрый Иуда, ты можешь сделать так, чтобы Им заинтересовались римляне?

– Конечно, – ответил Иуда, понимающе улыбаясь. – Иначе разве я позволил бы себе потревожить столь могущественного человека, как ты, благородный Анна. Но Иуде нужны деньги, – заключил Иуда.

– Деньги? И сколько ты хочешь?

– Разве мне, ничтожеству, решать это? Только тебе, Анна, дана такая власть.

Анна в третий раз опустил в кресло и, немного подумав, сказал:

– Если так, вот и цена – тридцать серебряников.

Иуда был настолько потрясен, что на мгновение потерял самообладание и, ступив шаг к Анне, сурово сказал:

– Как? Тридцать серебряников? За Иисуса? Да ты знаешь, Кто Он?

Но Анна злорадно глядел на Иуду, и Искарот опомнился и принял смиренный вид.

– Да, да, я понимаю. Пока дело не сделано, кто поверит

и заплатит деньги. А вдруг я обману? Это задаток. Остальные деньги после работы. Ведь так? Но Иуда не обманет. Ему очень, очень нужны деньги, чтобы купить дом, завести семью и прокормить ее.

– Ты, пес, думаешь разбогатеть на этом деле? – презрительно усмехнулся Анна.

– А разве служение Закону не стоит того, чтобы одним богатым человеком в Иудее стало больше?

– Тридцать серебряников – и ни оболком больше. Твой Иисус не стоит и того. Что же мне из-за тебя сокровищницу Храма разорить? Те, кто служит Закону, платы не требуют. Не согласен – убирайся. Мы найдем других, которые бесплатно послужат Закону.

Анна никак не мог обойтись в этом деле без Иуды, но, как всякий *по-настоящему* жадный человек, он всё мгновенно просчитав и взвесив в своем уме, знал, что какую бы малую сумму он не предложил бы Иуде за Иисуса, тот сделает свое дело. Если Иуда действительно жаден, каким он пытается выставить себя, то зачем Анне вообще платить деньги, Иуда пойдет тогда к римлянам и попытается продать им Иисуса подороже, а если Иуда фанатик Закона и у него личная обида на Иисуса, то он согласится продать Иисуса и за мизерную плату.

Иуда лишь «играл» жадность, опытно не зная ее, поэтому его уму были недоступны такие тонкости, и он согласился на тридцать серебряников, выдав себя с головой.

– Да, да, Анна, – заторопился Иуда, боясь, что не пройдет его игра в жадность, – ты прав. Других не надо. Меня просто немного удивила такая сумма, я рассчитывал получить несколько больше. Ведь самый дешевый раб стоит восемьдесят серебряников, а Иисус – свободный человек и знает Священное Писание наизусть. Но ты прав, ибо ты мудр. Если бы я вам продал какого-нибудь царя, имеющего богатые дворцы из мрамора и золота, – с тайным злорадством продолжал Иуда, – одетого в расшитые золотом одежды и вкушающего пищу из золотых блюд, вы мне заплатили бы много, много денег. Тридцать серебряников – самая цена за этого нищего. Он более не стоит, твоя правда. Удивляюсь твоей мудрости: так точно с первого слова определить цену. Соломону и не снилась такая мудрость. Когда я могу получить свои деньги?

– Когда сделаешь то, о чем ты говорил. – Анна уже понял, с кем он имеет дело.

Но ничего не подозревающий Иуда продолжал свою игру.

– Нет, нет, – Иуда совсем приблизился к Анне, – Иуде верьте, он не обманет. Он очень любит деньги, они вдохнут в него силу, и он сделает так, что римляне признают Его преступником, достойным казни. Верьте! – пламенно заключил он.

– Ты мне надоел, – устало и презрительно сказал Анна. – Хорошо, я дам тебе денег, чтобы больше тебя не видеть. Но если ты не выполнишь, что обещаешь, то... сам, думаю, знаешь.

Анна открыл кипарисовый ящичек, стоящий на столе и отсчитал тридцать серебряников. Иуда смотрел на эти деньги, и сердце его больно сжималось, и тесно было в груди, и дышать было трудно. То ли для того, чтобы продолжить свою муку, то ли для того, чтобы позлить старика Анну, Иуда взял деньги и стал их демонстративно пересчитывать.

– Этот серебряник за то, что Он красив, этот – за то, что Он исцеляет болезни, этот – за то, что Он воскрешает мертвых, этот – зато, что Он добр, а этот – за то, что Он молод... – так Иуда пересчитал все тридцать серебряников.

Анна действительно злился, перебивая счет словами: «Убирайся вон отсюда», но слуг не звал, опасаясь, чтобы те не увидели выплаченные деньги.

– Нет, благородный Анна, – отвечал ему Иуда, – я вам продал хороший товар: у Него много достоинств. Перечесать их – тридцать серебряников не хватит. Это ведь цена Его крови. За одну каплю и обола не выходит. Ах, если бы ты, Анна, только мог представить себе, Кого я тебе продал!

Анна устал и смотрел на Иуду с отвращением.

– Ну и кого же, по-твоему?

Иуда посмотрел в маленькие глазки Анны. Он чувствовал дрожь во всем своем теле.

– Кого? Иуда продал обманщика, мошенника и вора.

Анна прищурил и без того маленькие глазки свои:

– Ты, неблагодарный пес, кажется, недоволен, что тебе заплатили деньги, да еще и вперед?

– Нет, – строго и серьезно ответил Иуда, – теперь Иуда всем доволен. Иуда честный. Верь!..

Конечно, Иуда вышел из дворца Анны гордо. Но в ту ночь он плакал и корчился от невыносимой боли. Он то царапал ногтями свою поросшую рыжим волосом грудь, то утирал, прямо ладонями, как это делают маленькие дети или глубоко обиженные женщины, слезы со своего лица.

А Анна был настолько доволен своей сделкой, что тут же по уходе Иуды приказал подать себе обильный ужин с вином, который и съел весь с большим аппетитом. Пищеварение у Анны, несмотря на его возраст, было отличное.

Иуда и сам с трудом припоминал о том, где и как он провёл несколько дней после того, как закопал деньги в Гефсиманском саду. Голодный и измученный, исхудалый и почерневший он вернулся в Вифанию, чтобы забрать из кустарника спрятанный в нем денежный ящик. Где искать Иисуса, он и понятия не имел. Ум его мерк временами, и он и сам не мог разобраться, где сон, а где явь. Но ему повезло. Случайный прохожий, который увидел Иуду в таком плачевном состоянии и предложил ему свою помощь, оказался жителем Вифании, да еще и соседом Лазаря. Вглядевшись в Иуду, он узнал в нем ученика Иисуса и сказал ему, что «нашего Господа в Вифании нет», но его малолетняя дочка, собиравшая в тот день цветы в долине, видела Иисуса и учеников и случайно услышала, что они направились в город Еффраим, и теперь все в Вифании знают, что Он там. Иуда от помощи отказался

и, простившись с соседом Лазаря, пошел на север. По дороге он зашел в харчевню, чтобы чего-нибудь поесть и подкрепить свои силы. Там тоже видели Иисуса и подтвердили, что Он пошел в Ефраим. В город Иуда вошел к полудню. Он был спокоен и в нем видна была твердая решимость. Он без труда нашел дом, в котором остановились Иисус и ученики: городок был небольшим, и все жители в нем знали об Учителе. Во дворе дома в тени финиковых пальм на скамейке сидел Иоанн и что-то записывал на пергаменте, который держал у себя на коленях. Иуду он заметил и сказал ему:

– Наконец ты нашелся. Мы скоро идем обратно в Вифанию.

– Как скоро? – удивился Иуда.

– Да сейчас. Учитель хотел идти прямо в Иерусалим, но Марфа и Лазарь прислали сказать, что они очень ждут Господа в гости. А ты, Иуда, был в Вифании? Как там Лазарь?

– Нет, я был в другом месте, – ответил Иуда.

Больше Иоанн не расспрашивал Иуду, ведь у каждого из учеников могли быть дела, в которые не были посвящены другие ученики. Иоанн снова хотел обратиться к своему пергаменту, но в это время из дома вышли Иисус, другие ученики и следовавшие за Ним женщины и мужчины. Иуда увидел Иисуса, и кровь бросилась ему в лицо, даже в ушах зашумело, словно вдруг опала вся листва с деревьев: Он увидел Того, Кого он продал за тридцать серебряников, Кого он собирался предать на длительные предсмертные мучения. Иуда

смотрел на Иисуса и чувствовал, что он не в силах приказать себе отвести от Него взгляд. А Иисус будто и не заметил этого странного взгляда, да и самого Иуды будто не заметил. Он прошел мимо Иуды, всего в шаге расстояния от него, и даже не взглянул на него; Иисус торопился в Вифанию.

Глава 21. В Вифании...

Они шли тою же пыльною дорогою, которая скорее всего вела в Вифанию, тою дорогою, на которой пыль сухая и липкая, такая, что сандалии и ноги, покрываясь ею, становились темно-серыми – Иисус действительно торопился. Шли молча, и все были задумчивы. И задумчив был Иуда, идущий позади и немного отставший от группы. И видел он только голубое сияние хитона. Он не замечал сейчас ничего и никого. Он не замечал ни Вефиля с Вартимеем, ни Иоанна с Петром, старавшихся держаться поближе к голубому сиянию, ни задумчивого в своем духовном веселии Андрея, который шел, озираясь вокруг, и жадно вдыхал в свои могучие легкие молодой весенний пьянящий воздух. Иуда слеп от голубого сияния и прислушивался к тому, как больно ломило ему грудь и живот от сильного и частого биения сердца, как дурманилась его голова от этого биения, как слабли его колени. И удивляясь этим своим ощущениям, он думал так: «Остался всего один шаг мой – и Ты, Господи, будешь в руках палачей. Пусть не забросает Тебя камнями трусливый Анна. Он трус, я это понял. Но бесстрастные римляне казнят Тебя, распяв на кресте. Это даже лучше. Тогда посмотрит Иуда, что Ты, Господи, сделаешь. Ты сойдешь с креста перед глазами тысяч, и тогда все, *все* увидят Иудейского Бога. Ты не посмеешь не сойти и еще раз обмануть Иуду. Но если Ты не сойдешь,

тогда... тогда... – Иуда заскрежетал зубами и сжал кулаки, – тогда – умри! Я отрекаюсь от Тебя. Если Ты стал Сыном Человеческим, то Иуда унизит Тебя и человеческой смертью.»

И, разозлившись, Иуда сошел с пыльной дороги, скорее всего ведущей в Вифанию, и зашагал по другой, каменистой, чтобы избавить свои воспаленные утомленные глаза от голубого сияния.

Слух о воскрешении иудея Лазаря, который был три, чуть ли не четыре, дня во гробе, быстро разнесся по всей Иудее и Перее, а вскоре достиг и далекой Галилеи. Люди и днем и ночью всё прибывали и прибывали к дому Лазаря, чтобы увидеть своими глазами «чудесно воскресшего». Толпа размещалась за воротами, осаждая дом Лазаря: одни уходили, на их место приходили другие – и толпа не оскудевала. Оглядев Лазаря и перекинувшись с ним каким-нибудь словом, некоторые пожимали плечами, особенно те, кто не видел своими глазами самого воскрешения. «Обыкновенный человек, – говорили они, – живой, как ты или я. Зря только сандалии истоптал. Выдумки всё это – никакого воскрешения не было». Жители же Вифании, которые сами видели, как Иисус воскресил Лазаря, стали для пришедших добровольными гидами. Они водили любопытных к гробу Лазаря, показывали лоскутья погребальных полотенец (некоторые из свидетелей воскрешения разодрали их на лоскутья и взяли себе на память). Да всё же скептики были. «Что ты мне ветошь под нос

суешь, – говорил один, рассердившись. – Я сколько угодно тряпьев тебе насую. Это не довод. Лазарь не похож на бывшего в гробу. Где отеки, синяки? За четыре дня его должно было в гробу с гору раздуть».

Лазарь на бесконечные вопросы о том, «что там?» отмалчивался, а к любопытствующей толпе относился немного насмешливо. А иначе и относиться к ней нельзя было. Хотя толпа и состоит вроде из разумных взрослых людей, но она сама по себе порождает весьма глупые, бессмысленные и детски наивные поступки, такие, что от взрослого человека и ожидать невозможно. Можно сказать так: где толпа, там уже нет разума. Над толпой всегда образуются какие-то странные, невиданные стихийные чувственные вихри, поэтому-то толпой и может овладеть любая личность, потакаяющая ее подсознательным желанием, и повернуть ее всю целиком в какую-нибудь одну сторону. Но в данном случае толпой не управляла никакая личность, и она подчинялась различным внешним случайным влияниям и настроениям. Много здесь было забавного, смешного. Например, один из любопытствующих пробрался в сад к Лазарю, долго кружил вокруг него, как бы желая и подойти к нему, но всё же чего-то как бы и опасаясь. Он делал шаг к Лазарю, но тут же отступал на шаг назад. Тогда Лазарь сам протянул к нему руку и тронул его за плечо, говоря:

– Я такой же человек, как и ты. Можешь в этом убедиться и не бояться меня.

Но вряд ли бедняга что-нибудь расслышал из этих слов. Как только Лазарь дотронулся до него, он мгновенно побледнел и пошатнулся. Женщины в толпе ахнули. Лазарь поддержал его за локоть, чтобы он не упал, но тот тут же обмяк, лишившись чувств, так что Лазарю пришлось его подхватить на руки, отнести в свой дом и препоручить его заботам Марфы и Марии. Другой любопытствующий поступил совсем странно. Он тихонько подкрался к Лазарю сзади, когда тот пытался объяснить что-то подозрительно осматривающей его толпе, и одним махом, одним энергическим движением руки, разодрал на Лазаре одежды, чтобы только посмотреть, есть ли на теле его знаки, оставшиеся от пребывания Лазаря во гробе. Третий пошел дальше всех. Решив про себя, что Лазаря лучше всего можно ощупать, когда тот спит, он ночью пробрался в дом через крышу. Естественно, что в темноте он перепутал ложа и внимательно ощупал вместо Лазаря Марфу. Так, как кричала Марфа в ту ночь, наверное, никто никогда не кричал. Удивительно, что в Вифании никто не оглох. Смелчак, конечно же, был взят за шиворот Лазарем и выставлен из дома вон. Наутро Марфа, завидев у ворот толпу, вышла из дому, держа перед собой лопату, словно она собиралась сейчас вскопать землю возле порога.

– До какого времени это будет продолжаться? – обратилась она к толпе за воротами. – Вы боитесь моего брата и смотрите на него, как на дикого страшного зверя. Сами вы дикие после этого. Дошло до того, что один сегодня ночью

даже в дом пробрался, чтобы моего брата ощупать, как вещь какую-нибудь. Что вы, как не люди? Да вошли бы в дом, возлегли за столом и поговорили бы.

Из-за плеча Марфы робко выглянула Мария. Затем, осмелев, она выступила вперед и тоже обратилась к толпе.

– И вправду, – зазвучал ее юный высокий звонкий голосок, – помогли бы столы поставить прямо здесь в саду. Радость ведь у нас великая. Не бойтесь моего брата. Его воскресил наш Господь, потому как Он есть Воскресение и Жизнь. Вправду...

Первыми отозвались на призыв сестер жители Вифании, ближайšie соседи Лазаря, они и втянули в общее дело скептическую, недоверчивую, боязливую толпу за воротами. Мужчины быстро расставили столы и скамьи, соседи принесли со своих погребов мехи с вином и сосуды с медом, женщины помогли с кушаньем Марфе. Было восьмое нисана, суббота...

...Когда пиршество в саду Лазаря было в разгаре, к воротам подошел Иисус с учениками.

– Мир вам, добрые люди, – сказал Он.

Мария радостно вскрикнула; затем всполошились все. Мария же бросилась в дом, схватила сколько было денег и куда-то умчалась. Вернулась она скоро вся зардевшаяся и запыхавшаяся от бега. В руках она держала полкаба [Каб – мера, около 2 литров. – В.Б.] дорожущего нардового мирро. В эту минуту вслед за Марией вошел в дом и Иуда, который

пришел в Вифанию другой дорогой. На него никто не обратил внимания. Все смотрели на Иисуса и Марию. Эта девочка приветствовала Сына Божия, Бога Земли, омыв Ему ноги этим мирро и отерев их своими пышными черными волосами в знак наивысшего поклонения и чистой любви. В доме приятно запахло нардом.

Иуда стоял тут же, Иуда всё это видел, Иуда всё чувствовал. Зарытые под оливой в Гефсиманском саду серебряники ломали затылок и плечи Иуды и требовали продолжения спектакля о жадном до невозможности иудее Иуде Искарите.

Иуда, прищурясь, громко сказал:

– И зачем такое расточительство? Не лучше ли продать это мирро за триста динариев и раздать деньги нищим?

Иуда чувствовал всем телом, что все с возмущением смотрят на него. Но никто ничего не успел сказать, потому что заговорил Иисус. Не обращаясь к Иуде и даже не взглянув на него, Иисус сказал с тихой грустью:

– Оставьте ее. Мария сберегла это на день Моего погребения, ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня – не всегда.

Иуда поднял глаза и с любопытством осмотрел присутствующих. Глаза Иуды встретили сверкающий взгляд Иоанна; у того горели щеки и уши от гнева и возмущения. Иуда криво и неуверенно усмехнулся и вышел из дома...

...Он шел, не останавливаясь, всё ускоряя и ускоряя свой шаг. Наконец он побежал и – опомнился лишь тогда, когда

оказался за селением, в долине, где протекал небольшой поток. Голова у него кружилась, в глазах мгновениями темнел свет, словно черным покрывалом кто-то закрывал его глаза. Хотя он не ел со вчерашнего дня, он не чувствовал теперь голода и даже не подумал там, в Вифании, взять что-нибудь со стола и поесть. Но жажда его мучила нестерпимо: во рту пересохло и жгло, как огнем. Он подошел к потоку и с жадностью напился его безвкусной воды, подставив свой рот под бегущие струи, затем умылся, намочив при этом и свои кудрявые рыжие волосы и одежду вокруг шеи и на груди. Стало легче, он лег на камни лицом к высокому солнцу и закрыл глаза. Под веками вспыхнул оранжевый огонь, и Иуда, еле дыша, созерцал его. Вода быстро высохла на его лице и груди, и он ощутил, что солнце стало припекать с каждой минутой всё сильнее и сильнее. Опасаясь сгореть на солнце, он приподнялся и сел. Голова сильно закружилась, и Иуда оперся руками о камни, чтобы не упасть. Увидев впереди себя чахлое деревцо, дающее жиденькую тень, Иуда встал, подошел к нему и заполз в его неверную тень, как раненое, обиженное, сильно испуганное животное заползает в свою нору. Он переползал весь день до самого заката вокруг тощего ствола дерева вслед за скользящей тенью, физически ощущая свое внезапное одиночество как сиротство. Ему казалось, его оставили все – люди, животные, даже насекомые. Ему было страшно, он видел у ног своих разверстую черную пропасть. Там было тихо и глухо, и голова кружилась от ее

бездонности. Но никто не пришел к нему на помощь.

Всё же к вечеру он немного отдохнул и успокоился. Иуда вышел на дорогу, ведущую в Вифанию. Небо на закате позеленело, а через несколько минут землю окутает ночь с восьмидневной луной. Воздух стал прохладным и свежим. При дороге, уже у входа в самое селение, на огромном камне кто-то сидел, но еще издали Иуда узнал его. Это был Андрей. Когда Иуда приблизился к нему, уже наступила ночь, и на небе обозначились синие звезды и серп луны. Андрей, казалось, не заметил Иуды, он глядел в ночное, освещенное лишь полнеющей луной небо, иногда шевелил губами и улыбался чему-то.

Иуде нравился Андрей за то, что он принимал людей такими, какие они есть, со всеми их слабостями и недостатками. Он никогда ничего ни от кого не требовал и помогал каждому, кто его попросит о помощи. Общаться с ним любому было легко и просто. Он никогда никого не упрекал, как делали это, например, сыны Зеведеевы. Петр, брат Андрея, часто гневался и упрекал других, поддавшись влиянию младшего Зеведеева Иоанна, но сам к себе был нетребователен и многого за собою не замечал. Иуде сейчас припомнилась та минута, когда он после фразы своей о народном мире огляделся вокруг и увидел на себе возмущенные взгляды. Он еще тогда, в ту минуту, отметил, что Андрей даже не взглянул на него и вообще, казалось, не придавал никакого значения словам Иуды. Вот уж человек, который не гнуша-

ется чужими слабостями и грехами. Да, Андрей никого никогда не судил и не осуждал, а тот, кто не судит, не судим будет. У Андрея была удивительная способность: он весело принимал участие и в общей пирушке, и проказничал вместе со всеми и не меньше других, и в то же время, принимая в себя настроения и устремления других, он в высшей степени оставался самим собою, неся в себе какие-то высшие нравственные идеалы. Это внушало большое уважение к нему, несмотря на его юный возраст.

Иуда подошел к камню, на котором сидел Андрей, и присел рядом с ним.

– Андрей, ты смотришь на небо так, словно увидел там Бога, – шепнул ему на ухо Иуда и чуть отклонился, ожидая, что Андрей вздрогнет от неожиданности.

Но Андрей не вздрогнул, а повернувшись к Иуде, ласково и с улыбкой поглядел на него. Иуда понял, что Андрей заметил его чуть раньше.

– Смотри, Андрей, – строго сказал Иуда, – по нашей иудейской вере, кто увидит Бога, тот должен вскоре умереть.

– Неправда, – сказал Андрей, глядя в небо и улыбаясь.

– И что же, ты видишь Бога? – недоверчиво спросил Иуда, оглядывая вблизи его крепкое молодое тело жизнелюба, мягко освещенное луной.

– Вижу, – просто ответил Андрей, не отрывая своего взгляда от неба.

– И-и... какой Он?

– А ты оглянись вокруг или загляни в себя, и ты Его увидишь, – ответил Андрей.

Иуда пошевелился, чтобы оглянуться, но тут же пресек свое движение и, насмешливо улыбнувшись, сказал:

– Да здесь нет никого. Да и во мне, кроме меня, никого нет.

– Неправда, – качнул головой Андрей. – Даже человек живет в своих детях, внуках и так далее, но Бог прямо существует в своих творениях. Без Него ничто и никто не может существовать. Посмотри на этот вечер, на эту луну, на звезды, на деревья, на землю, на дорогу наконец. Всё создано Богом, и значит, во всем этом есть Он. Он же живет и в нас самих... И как же красив Божий мир! Красота разлита вокруг: в природе, в человеке, в творениях человека. Дух захватывает! Когда созерцаешь, слышишь, чувствуешь, ощущаешь Божью красоту, так хорошо душе, словно летаешь в облаках. Бога нужно познавать именно через красоту и любовь, которыми пронизан весь мир.

– А как же дьявольская красота? Что? Существует такая, по-твоему? – усмехнулся Иуда.

– Отчего же, существует, – согласился Андрей. – Чтобы обмануть человека, дьявол создал и свое подобие красоты. Только, когда наблюдаешь такую, чувствуешь, что лишаешься сил и воли, ощущения в душе неприятные...

– И ты смотришь на красоту этих мертвых звезд, прибитых гвоздями к небесной тверди, и надеешься на то, что в

них ты видишь Бога?

Андрей с сомнением покачал головой.

– «Мертвые» и «прибиты гвоздями к небесной тверди»? Где ты такую чушь подцепил?

– Неужто чушь? – слегка обиделся Иуда. – Так ученые люди рассуждают.

– Пусть рассуждают, а в Писании Бог по-другому человеку мир объяснил. Разве похоже, чтобы они были мертвыми и прибиты гвоздями? Там, – указал он рукой в небо, – чувствуется простор. Простор бесконечный. И вечный, как наша жизнь. У жизни и у этого простора есть начало, но им нет конца. И я люблю эти звезды в просторе так же, как свой родительский дом, в котором я вырос. Я их очень люблю. Они несказанно прекрасны. Знаешь, Иуда, когда души людей загрязняются грубым бытом, повседневными заботами, богатством и житейскими наслаждениями настолько, что они забывают о прекрасном, потому что перестают видеть прекрасное, тогда Бог посылает на землю Ангела, чтобы он своими песнями и музыкой напомнил людям о том, что они боги... Помнишь, Учитель говорил, что человек, умеющий петь, проходит большую подготовку на небесах и в прошлых своих жизнях на земле. И так с любым даром.

– Ты о чем? – не понял Иуда.

– О том, что нельзя забывать о красоте. О красоте звезд, Земли, людей, животных, деревьев, цветов, о красоте творений Бога и о красоте великих творений человека. Вот го-

воят, что добро и зло не делимы, они, мол, дополняют друг друга, и одно без другого якобы и существовать не может. Это великий обман. Неужели для того, чтобы любоваться и наслаждаться красотой, мы обязаны созерцать уродство, противное нашим чувствам? Чувство красоты в нас заложено изначально, и нам не нужно уродство, чтобы понять, что такое красота. Так и добро: нам не нужно страдать, чтобы понять, что такое добро.

– И как же это будет, когда будет только добро и красота? Что нам останется – одно сплошное любование? И никакой борьбы?

– Дел очень много, и когда будет только добро, наши силы, освобожденные от изматывающей нас борьбы, в которой мы лишь доказываем друг другу, что белое есть белое, а черное есть черное, уйдут в творчество. Мы будем творить новое прекрасное, продвигаясь от совершенства к еще большему совершенству и так далее, потому что совершенству нет конца. Это бесконечное совершенство присуще нашему Творцу и вечное стремление к бесконечному совершенству присуще Его творениям, то есть нам. Поверь, Искарот, что для таких дел нам вполне хватит нашей вечной жизни, в которой не надо будет отвлекаться от великих дел на поиски пищи, крова, на излечение наших болезней, на похороны близких и на переживание горя – то есть на всё то, что мы называем борьбой со злом, потому что его просто не будет. Да что говорить, если Учитель нам не раз рассказывал о планетах, на

которых никогда не было зла.

– Так ты считаешь, – сказал Иуда задумчиво, – что у нашей жизни нет конца? А смерть? Откуда она и как ты ее объясняешь?

– Смерти нет. Это только кажется, что она есть. Это один из великих обманов. «Бог не создал смерть», – сказано в Писании. Смерть – выдумка отца лжи и, значит, она есть ложь. Жизнь наша имеет много форм даже в этом мире. Детство, отрочество, юность, молодость, зрелые годы, старость – это всё формы, виды нашей жизни здесь, на земле. Затем мы переходим в другую форму. Этот переход должен быть радостным и восхитительным, потому что это наше совершенствование, это шаг к Богу. Но дьявол обманывает нас: в земной жизни отбирает у нашей плоти силу и красоту, а затем делает этот переход мучительным, отбирая у нас нашу плоть на тление. В нашей вечной жизни мы будем приближаться к этим звездам, ибо за ними нас ждет Творец и Наша Родина, Которая дороже нам всех мест, в которых мы живем в нашей вечной жизни. А что наша жизнь вечная, об этом нам говорит наше сердце, которое чувствует, где правда, а где ложь. Мы живем так, словно мы не умрем никогда, расточительно относясь к минутам нашим, часам и дням, заметил ли ты это? Если бы смерть была в самом деле, мы были бы более бережливы. Я об этом много думал. И вот что я еще думаю. Я думаю, что чувство этого простора, – Андрей снова указал рукой в небо, – познание его для человека очень и очень

важно, ибо это познание дает ему возможность определить его место и значение, смысл его жизни и цели каждого этапа жизни.

– Я не знал, Андрей, – усмехнулся Иуда, – что ты такой философ. Я думал, ты совсем еще юнец, тень своего брата Петра.

– А разве ты не согласен со мной? – серьезно спросил Андрей, не обратив внимания на характеристику, ему данную.

– Почему «не согласен»? Согласен. Я и сам что-то подобное ощущал, чувствовал, а может быть, даже и думал о чем-то таком. Ты себя чувствуешь окруженным любовью, ты словно находишься в самой сердцевине любви, в которой плавают и эта луна, и эти звезды, и наша Земля, и Солнце. Ведь так?

– Так, – улыбнулся Андрей. – Как верно ты передал мое настроение! Иуда, ты очень умный человек и очень много перечувствовал, много жизни через тебя прошло. Но мне всё кажется, что тебя что-то смущает, чем-то ты недоволен, что ты чего-то большего хотел и обижаешься, что в твоей жизни его, этого большего, нет.

Иуда искоса и с некоторой опаской взглянул на Андрея.

– Ты сказал: «тебе кажется», – ответил Иуда и встал.

Иуда жадно вдохнул в себя прохладный вечерний воздух и голова его приятно закружилась, как от глотка хорошего вина.

– Ты всегда мне нравился, Андрей, – вдруг признался

Иуда, удивляясь тому, что выговорил эти слова.

– Не обижайся на Иоанна, – сказал Андрей.

Иуда с удивлением взглянул на облитый лунным светом силуэт Андрея. Но Андрей уже глядел в небо, вбирая в свою душу его глубинную красоту и гармонию.

«А этот щенок очень много чувствует и замечает, – думал дорогою в Вифанию Иуда. – Какие изгибы доступны его уму! Петр, как на ладони, весь на поверхности, а этот, словно глубокий-глубокий колодец. Заглянешь в него – воды не видно, а бросишь камешек – и услышишь всплеск. Родные братья, а такие разные».

Иуда так задумался, что с размаху налетел на какого-то человека, стоящего на дороге, и несколько ушибся. При свете луны Иуда разглядел высокого, широкого в плечах человека.

– Смотри, куда идешь, – рассердился человек, и Иуда по голосу узнал Филиппа.

– Сам-то чего стоишь на дороге? – усмехнулся Иуда.

Филипп не ответил.

– Страдаешь? – спросил Иуда насмешливо.

Филипп молчал и в его молчании чувствовалось недоверие.

– Хорошая, красивая девушка, – продолжал Иуда. – Но разве стоит хоть одна девушка на свете, хотя бы и самая красавица, твоих страданий?

– Ты, Искарот, хочешь спросить: стоит ли любовь стра-

даний? – уточнил Филипп.

Иуда отметил про себя, что голос Филиппа чуть дрогнул.

– Я этого не хотел спросить, но ты интересный задал вопрос, – почему-то весело сказал Иуда (он сам удивлялся переменам своего настроения). – Ну так, стоит ли любовь страданий?

Филипп повернулся так, что луна осветила его лицо, и Иуда увидел, как тот тяжело, чуть прищурясь, поглядел на него.

– Любовь бесценна. Она стоит всего на свете и не стоит ничего. И это все равно, – неохотно ответил Филипп и тронулся с места.

Иуда пошел за ним. Они уже шли по улице в Вифании. Филипп вдруг остановился возле зажженного светильника перед дверью какого-то дома. Теперь собеседники хорошо видели друг друга.

– Не стоит любовь страданий, – твердо сказал Филипп. – Если бы это было так, то страданиями, определенным количеством страданий, можно было бы купить ее. А сколько я не страдай, Магдалина меня не полюбит. Она принадлежит Ему.

– Ему? Ты об Иисусе? – наострил уши Иуда. – Ты всё про то, что они – любовники?

Филипп с нетерпеливою досадой махнул рукой.

– Хуже, – сказал он.

– Я тебя, Филипп, не понимаю, – с каким-то намерением

продолжал Иуда этот разговор. – Хуже! Зря ты так волнуешься, ведь Иисус... в этом смысле... не мужчина.

– Я знаю, – со вздохом сказал Филипп. – Он – наш Господь, и Магдалина отказалась от земной любви, от плотской любви, ради Него. Она никого, кроме Иисуса, не замечает.

– Ну не совсем она отказалась от земной любви, – не понял его Иуда, – она любит людей, жизнь, ну много чего и кого она любит. Да она и тебя любит как брата.

– Не говори мне этого, – с болью сказал Филипп. – Лучше бы ненавидела меня.

– Чем же это лучше?

– Тогда бы у меня была хоть какая-то надежда. Если бы она умела ненавидеть, видно было бы, что она живой человек, а так она, словно Ангел, любит всех всеобщей любовью. Тут и тени надежды нет. Но почему всё так? Почему они такие, эти любовные переживания? Любые невзгоды, беды, горе, страдания, войны, несчастья, потери переносятся легче, чем неудачи в любви. Ничего вроде бы страшного не произошло: по-прежнему светит солнце, ты сам благополучен, здоров, силен, всё у тебя хорошо, тебя всё устраивает. Подумаешь, тебя отвергли! Подумаешь, тебя отвергла одна из многих и многих тысяч... Но всё! Это невыносимо, ужасно, нестерпимо. Желаеть только одного: пусть всё провалится, лишь бы она любила тебя. А иначе – мир рухнул и ты уже мертвец... С Нафанаилом тоже такое было в детстве.

– С Нафанаилом? – заинтересовался Иуда. Перед его мыс-

ленным взором мелькнул образ по-детски милого красавчика Нафанаила Варфоломея.

– Дружили мы с одной девочкой. Нам всем тогда было по пятнадцать лет. Он влюбился, она отвергла его, так он чуть не убил себя. Я тогда его утешал, уговаривал, слова какие-то находил, глупец. Я ведь тогда не знал, что это так больно. Мне уже кажется, что все муки ада меркнут перед этой мукой. А со стороны посмотреть, ничего страшного не случилось.

Иуда странно взглянул на Филиппа.

– Что же это получается? – начал он. – Выходит, ты ненавидишь Иисуса? Ведь Он – препятствие в твоей любви.

– Как можно быть влюбленным – и ненавидеть самое любовь? Я люблю Иисуса. Иисус – это любовь, нисшедшая с небес и облаченная в человеческую плоть. Да если бы не Иисус, я не знаю, что было бы сейчас со мной. Мало ли людей из-за неразделенной любви свои жизни загубили, а бывает, что и душу.

Иуда не ожидал такого ответа и не нашелся сразу, что сказать Филиппу. Он немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Вот как, – медленно произнес Иуда. – Хорошо, а если бы тебе, Филипп, предложили выбор. Но выбрать надо только одного. Магдалина или Иисус? Отвечай быстро, не раздумывая. Магдалина или Иисус?

– Оба, – выпалил Филипп, немного опешивший от напора Иуды.

– Не-е-ет, это не ответ, – настаивал Иуда. – Только одного, только одного! Кто тебе дороже? За кого ты душу свою положил бы, не раздумывая?

– Отвяжись, Иуда. Никто мне такой выбор и не предлагает. Люби себе обоих, сколько душе угодно.

– Ну тогда вырви свою любовь и Магдалину из сердца своего. Замени ее другим чувством. Люби ее тоже как сестру и не ходи бледной тенью по земле. Я вижу, что Иисуса ты любишь больше.

– Может, и так. Вернее всего, что так. Но зачем мне вырывать из сердца любовь к Магдалине? (Хотя мне это и не удастся, как бы я не старался.) Ведь минутами, когда вижу ее, когда слышу ее голос, я бываю необыкновенно счастлив. Ах, если бы она мне ответила на мою любовь! Тогда бы для меня наступил рай. От одной лишь этой мечты у меня мурашки по телу бегают, и я словно отрываюсь от земли и взлетаю.

– Но ты же знаешь, что она никогда не ответит.

Филипп приблизился к Иуде вплотную и прошептал ему в лицо:

– Знаешь, Иуда, что я заметил? Вот мы, мужчины, в любви, словно совы на солнце. Другое дело, женщины. Если жизнь не соединяет женщину с ее любовником, она выходит замуж за нелюба и по-честному живет только с мужем, хотя сердечко ее тоскует и ноет за любовником, то дети у нее рождаются подобные любовнику, хотя они и рождены от мужа. Отчего так?

Иуда ничего не ответил.

– Вот какие чудеса любовь творит, – сказал Филипп, отклоняясь от Иуды. – Нет ничего на свете сильнее любви и могущественнее ее. Всё принадлежит ей.

– И ненависть ей принадлежит? – спросил Иуда.

– Ненависть – ничто, ненависть уничтожается перед светлым ликом любви и сгорает в ее сиянии, – с каким-то упоением произнес Филипп.

– А не противоречишь ли ты сам себе? – заметил Иуда, зло усмехаясь. – Сам ведь говорил: если бы Магдалина тебя ненавидела, тогда бы у тебя была надежда и на ее любовь.

– Нет, не противоречу, – Филипп находился в каком-то восторженном настроении. – Там, где есть ненависть, тут же появляется любовь, чтобы в своем сиянии сжечь ее.

– А если в начале была любовь, а потом появилась ненависть? Может ли из любви рождаться ненависть?

– Нет, это обман. Не из любви рождается ненависть, а от несовершенства человека. Очень часто так бывает, что ненавидишь того, кого недавно очень любил, кому поклонялся, кому готов был слезами омыwać ноги. Но это всё от несовершенства человека. Человек должен стать совершенным. Он должен отречься от мира, ибо мир несовершенен – и стать совершенным.

– Да-а, вы с Магдалиной действительно пара, – с удивлением и со злобой сказал Иуда.

– Мы с нею еще соединимся в чертоге брачном, вот уви-

дишь. Потому что основа человека – это брак. Но здесь, в этом мире, этот образ существует в оскверненном виде. Женщина разделилась с мужчиной в этом мире. Оттого-то и большое горе, и страдания, и несчастья, что любовь в этом мире разделилась сама в себе. Человек должен стать совершенным, тогда женщина соединится с мужчиной в неоскверненном виде.

– А если Магдалина в этом чертоге соединится с Иисусом? – сказал Иуда, тщетно пытаясь разжечь в Филиппе чувство ревности.

– Иисус другой природы, ты сказал. Он соединится в чертоге с Церковью, со Своей Невестой. Он много раз это говорил. И даже если Магдалина в чертоге соединится с другим мужчиной, я все равно буду любить ее.

«Совсем с ума сошел из-за любви», – подумал Иуда и сказал:

– Странно всё это слышать от тебя, особенно зная твою прошлую жизнь. Ведь ты не брезгал даже блудницами. Неужели любовь к Магдалине так изменила тебя?! Стать совершенным... Как это, – отречься от мира? Убить себя, что ли? – недоумевал Иуда.

– Мир лежит во лжи, – сказал Филипп. – Первый шаг отречения от мира – это отречение от лжи, от всех ее видов и проявлений. Ложь кажется безобидной: что она в сравнении с предательством или убийством? Но это тоже один из великих обманов. Ложь и есть корень всякого зла. Из нее ро-

дятся и предательство, и убийство, и прелюбодеяние... Вернее, так: Ангел отверг Любовь и превратился в дьявола, породив ложь, из лжи родилось прелюбодеяние, – ты следишь, Иуда? – а из прелюбодеяния, то есть от несхожих друг другу начал, родились предатель и убийца. Одно маленькое слово лжи содержит в себе и самоубийство, потому что солгавший убивает часть своей души, и прелюбодеяние, потому что ложь и человек – несхожие начала, и предательство, ибо ложью человек предает и Бога, и себя, и другого человека, которому лжет, и убийство, потому что солгавший убивает в другом человеке веру, а значит, убивает и самого человека, брата своего, и воровство, так как солгавший крадет правду у себя и у брата своего. Ложь подобна нильскому крокодилу, лежащему неподвижно на поверхности реки, словно безобидное бревно, за которое кажется можно ухватиться спасаясь. Но крокодил тут же вцепляется в свою жертву и не отпускает ее, покуда не затянет ее на дно и по кусочку всю не съест...

– Филипп, ты увлекся, – заметил Иуда, слабо усмехнувшись. – Мы о любви говорили. Как несовершенство этого мира отражается на любви?

– Мир несовершенен – он отравлен ложью, пропитан ею во всех сферах, в том числе и в сфере любви. Не в одном лишь чертоге женщина и мужчина должны соединиться, они должны соединиться в одного человека еще здесь на земле, еще тогда, когда оба имеют плоть. Сказано: «И будут одна

плоть». Пока человек только мужчина или только женщина, это получеловек, он не совершенный человек. – Иуда понял, что Филиппа в некотором смысле понесло, и внимательно слушал. – Ибо первоначальный таинственный Божий образ, по которому создан человек, – это истинное единство двух основных сторон его, мужской и женской. Но истинное единство дается только любовью, потому что любовь торжествует над смертью: не отделяет смертное от бессмертного, а временное от вечного, а обращает смертное в бессмертное, а временное в вечное, не отрицает плоть, а ее перерождает, спасает и воскрешает. Но дьявол этого ужасно боится и не хочет. Он делает всё для того, чтобы любовь между мужчиной и женщиной не состоялась. Вот почему настоящая взаимная любовь двоих так редко встречается. Дьявол пропитал наш мир ложью, и люди в любовной тоске, измученные любовью и одиночеством, стали обманывать сами себя – либо просто сходятся без любви из-за потребности, либо (что приличнее) вступают в брак без любви. Но оба не соединяются, а остаются одинокими, что ведет к смерти, так как человек от рождения эгоист, а брак без любви ведет к процветанию эгоизма вдвоем, а когда появляются дети, то к эгоизму втроем, вчетвером и так далее. Дети, выросшие в браке без любви, сами несчастны и тоже вступают в брак без любви. И эта ложь повторяется из поколения в поколение.

Любовь многолика и многообразна. Кроме любви к себе, свойственной демонам, всякая любовь священна, ибо толь-

ко любовь заставляет человека, эгоистичного от рождения, то есть придававшему значимость только себе одному, не в рассудке, а в живом сильнейшем чувстве, в величайшем наслаждении или при неразделенной любви – в невыносимых муках переносить значимость с себя на другого или другое, даже мысль без любви бесплодна, но только в любви между мужчиной и женщиной выполняются два важных условия, которые полностью уничтожают эгоизм в человеке: во-первых, оба любящие равны, и равно и полно, и душой и плотью, взаимодействуют между собой, во-вторых, они дополняют друг друга необходимыми свойствами, которые у них абсолютно различны, до полного совершенства. Здесь полная и всесторонняя взаимность. Но любовь нужно воспринимать не пассивно, мало чувствовать, нужно знать, куда зовет любовь, что нужно делать, другими словами – любви нужно учиться...

«Учиться? Где-то я уже это слышал», – подумал Иуда, вспомнив Иакова Зеведеева, хотя тот и говорил несколько туманно, да и не об одной половой любви, а вообще о любви.

– Говорят, любовь слепа. Вот еще одна ложь. Любовь ужасно зрячая, можно сказать – она всевидящая. В любовном восторге человек видит в другом человеке (отсюда и такое восхищение любимым человеком, которое не понятно для посторонних людей) его истинный, идеальный образ, который просвечивает сквозь действительного человека со всеми его недостатками, о которых влюбленный тоже знает и

которые очень хорошо видит. Этот идеальный образ есть истинным Божиим образом человека, таким он не есть в этом несовершенном мире, но таким он станет в будущем, когда восполнит свой истинный образ. Каждый из любящих созидательно восполняет образ Божий в друг друга и тем самым через любовь друг к другу восполняет образ Божий в самом себе, но так как в себе силы для этого не имеют (а если бы имели, то не нуждались бы в восполнении своего образа), то силу берут у Бога. Так создается истинное единство мужчины и женщины, не теряющих при этом своей личной значимости, то есть соединение мужчины и женщины в неоскверненном виде, что и есть основной задачей половой любви.

– Ах, как всё это сложно. И трудно, – заметил Иуда.

– А жить в несовершенном мире вообще трудно, но любовь движет нами. Влюбляясь, мы чувствуем в себе огромные силы, чувствуем, что на всё способны и преодолеем любые препятствия. И это чувство истинно. Но когда человек не знает, не понимает задачи любви и не слышит, куда его зовет любовь, когда он просто наслаждается чувством и ничего не делает дальше, когда в случае счастливой, взаимной любви останавливается в браке как в завершенной, застывшей, несовершенной форме, считая при этом, что он уже сделал все, что можно сделать, и не идет дальше к истинному браку, который не от людей, но от Бога, тогда любовь умирает, а мужчина и женщина остаются несчастными, одинокими и смертными, и только руками разводят: куда же девалось то

первоначальное, такое сильное чувство? Тогда говорят, что оно обратилось в привычку, такова жизнь. А на самом деле всё в отсутствии деятельной веры в Бога, в любимого человека, нравственного подвига и труда, что вместе и есть творческой любовью.

Иуда, выслушав Филиппа, вдруг бросил его у светильника и в задумчивости пошел один к дому Лазаря.

Был тот вечерний час, когда Иисус обычно собирал Своих учеников и учил их. Гости уже разошлись по домам своим и были убраны столы в саду. В доме вокруг Иисуса собрались ученики и те, кто шел за Ним. Последними в дом вошли Филипп и Андрей. Иуда пропустил их в дверях, а сам остался у порога. В комнате было тесно, даже Марфе не было где сесть и она стояла у очага, прислонившись к стене. Рядом с ней стоял и фарисей Симон Прокаженный, а Лазарь, чтобы ученикам было больше места, вышел во двор, сел на скамью, оставленную возле порога, и оттуда приготовился слушать Иисуса. Обе Марии, Магдалина и сестра Лазаря, сидели на полу у ног Иисуса. Иуда стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он был бледен и угрюм, – никого не замечал из тех, кто окружил теперь Иисуса. Огненным взором, в котором сейчас потухли зеленые искры, но горел мрачный, жадный красный огонь, он глядел на светлый лик Иисуса.

«Бог сердца моего и изверг души моей, – думал он, – кому признаешься Ты в любви? Всем, только не мне. Ты сейчас и не глядишь на меня, но взгляни, прошу Тебя. Я весь мир от-

дам за один только Твой взгляд. Взгляни, как душа моя истекает кровью, какие тяжелые бурые капли со стуком падают на землю и заливают след Твой. Ты знаешь, что я – засохшая ветвь, которую отрубают и бросают в огонь. Ты, наверное, знаешь и об Анне, и о серебряниках, зарытых в Саду. Так возьми же Своими руками эту ветвь и брось ее в огонь. Но Ты не сделаешь этого. Даже засохшую ветвь Ты возьмешь в Свои Божественные руки, чтобы Своим благодатным прикосновением оживить ее. Но я не хочу Твоей жизни, я уже сам не хочу Твоей любви, ибо я устал».

– Если заповеди Мои соблюдете, – в это время говорил Иисус, – пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Любви Его. Радость Моя в вас пребудет и радость ваша совершенна. Сия есть Моя заповедь: любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит жизнь свою за друзей своих. Вы друзья Мои, и Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего не попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам.

Иуда судорожно перевел дыхание, резко обернулся, вышел из дома и тут же наткнулся на Лазаря, который сидел на скамье у порога.

– Куда же ты, Иуда? – спросил он, вскочив со скамьи и придерживав споткнувшегося Иуду за локоть, чтобы тот не

упал.

– Так, захотелось вечернего воздуха глотнуть, – хрипло ответил опешивший Иуда.

– Что же, иди, – ответил Лазарь, сел снова на скамью и повернул голову в сторону отворенной двери.

Но Иуда медлил уходить, он искоса оглядывал Лазаря. Тихий, спокойный и уверенный мужчина тридцати лет, привыкший брать всю ответственность на себя. Тихо живущий, но довольный своей непритязательной жизнью, потому что точно знает, что таковая жизнь ему и определена, и он идет этой узкой дорогой и не пытается даже заглянуть за горизонт. Что же, так и надо? Нет, все-таки Лазарь заглянул за горизонт, да еще за какой! Не своею волею, но так ему пришлось, так было суждено. Но кто же судил?

Иуда сел рядом с Лазарем.

– Я понимаю, Лазарь, – начал Иуда, потирая свою коленку, словно она у него болела, – как надоели тебе всякие расспросы. Но, может быть, ты что-нибудь скажешь Иуде?

Лазарь посмотрел на него с удивлением.

– Не вам ли, ученикам Иисусовым, известны все тайны жизни и смерти?

– Конечно, известны, – согласился Иуда. – Но мне интересно, что ты-то увидел, Лазарь. Тебе открыт один краешек, и ты его лучше рассмотрел. А нам, ученикам Иисусовым, открыты широкие горизонты и высоты безмерные. Глаза разбегаются и толком ничего увидеть нельзя.

– Что тебе, Иуда, мой краешек? – сказал Лазарь и, показав ладонью на сердце свое, он добавил: – Тут он живет и будет жить вечно. Понимаешь, Иуда? *Вечно*. Вот я уже тебе почти всё и сказал.

– Нет, Лазарь, не всё. И ты про то знаешь, – сказал Иуда.

Лазарь странно поглядел на Иуду и, пожав плечами, произнес:

– Что же... – Он протянул и опустил руку свою на колени Иуды. Его рука прошла сквозь Иудины колени, словно была не плотская, а состояла из клубов воздуха. Иуда заметно вздрогнул, отшатнулся от Лазаря и дико поглядел на него.

– У меня много различных способностей появилось, – как бы извиняясь, сказал Лазарь. – Об этом пока никто не знает, даже сестры. Не знаю, почему я открыл тебе?

Лазарь задумчиво поглядел на Иуду.

– Я понял тебя, – ответил Иуда хриплым голосом.

И отошел Иуда от Лазаря в глубь сада.

«Вечна мука моя, – подумал он. – Как же я ненавижу вечность!»

Глава 22. ...и в Иерусалиме

Утренняя весенняя прохлада будила радость во всем теле, пьянила голову, пробуждала в человеке неведомые силы и бодрость. Ученики легко шли теперь в Иерусалим и молодыми очами жадно вбирали они окружающую их молодость природы. Даже серые камни выглядели веселее. Впереди виднелась Елеонская гора, нарядно одетая в какой-то нежный зеленый дым, как невеста в свадебное платье. Утро обещало солнечный безоблачный день и первый в этом году теплый, мягкий вечер.

Дороги, ведущие в Иерусалим, сейчас были многолюдны: по ним шло много народа к празднику пасхи, поэтому Иисус и ученики Его не торопились, медленно продвигаясь к Иерусалиму в людском потоке. Иуда заметил Иуду Иаковлева, прозванного Фаддеем, и Иакова Алфеева, о которых говорили, что они братья Иисуса по плоти, хотя Иуда ничего общего у них с Иисусом не находил. Теперь они шли рядом по обочине дороги и что-то бурно обсуждали. Иуда припомнил, как они о чем-то спорили всю последнюю ночь в Вифании, мешая всем спать. Иногда им делал замечание какой-нибудь разбуженный ими ученик, они затихали на минуту и снова продолжали шептаться. Из всех их переговоров в сознание полуспящего Иуды врезались слова «великий обман». Эти слова накануне вечером говорили и Андрей с Филиппом, и

они настолько занозились в мозг Иуды, что и во сне он видел какую-то птицу, говорившую эти слова, эти же слова говорили камни и ручей, протекавший меж этих камней. И деревья им вторили: «великий обман», «великий обман». Утром Иуда проснулся со словами: «Но почему обязательно «великий обман», а не просто «обман»? Что они под этим понимают? Они сговорились все, что ли?» Иуда сейчас это вспомнил и, чтобы развлечь себя в дороге, он решил вмешаться в их разговор.

Оба они были из «младших» учеников (теперь Иакову было двадцать лет, а Фаддею – девятнадцать), были неразговорчивы, причем всегда настолько заняты, что толком Иуда их до сих пор не узнал. Иуда знал только, что Иаков Алфеев – сын Марии Клеоповой, то ли двоюродной, то ли названной сестры земной матери Иисуса Марии, и ее мужа Алфея или Клеопы, мальчик небольшого роста с шикарными вьющими темными волосами, обладал неимоверно красивым голосом, пел, как Ангел, знал очень много народных песен и псалмов, умел играть на нескольких музыкальных инструментах, серьезно относясь к этому делу, и что Иисус очень любил его слушать. Своего тезку – Иуду Иаковлева Фаддея – он знал еще меньше. Светловолосая высокая фигура Фаддея мелькала где-то на последнем плане перед глазами Иуды. Вместе со всей молодежью Фаддей шалил, смеялся, играл, а на вечерах был молчалив, внимателен и прилежен, с более старшими учениками в споры не вступал и к их мне-

нию прислушивался, сам же, казалось Иуде, яркими талантами не обладал; в последнем, впрочем, Иуда ошибался. Бесспорно, все ученики Иисуса обладали теми или иными талантами, по крайней мере, все они были религиозно одарены, легко поддавались науке и очень многое могли понять из тайных знаний, для чего требовались врожденный аналитический ум, восприимчивая душа и богатое воображение, то есть, говоря языком более позднего времени, требовалось иметь неплохие математические способности. Иуда же по-прежнему, несмотря на недавние увещевания Вефиля, недооценивал многих учеников Иисуса и многого в них не мог понять.

И вот Иуда решил вмешаться в разговор братьев Иисусовых. Он догнал их и сказал, перебивая при этом говорившего что-то Фаддея:

– Вы оба всю ночь не давали никому отдохнуть. Вы можете сказать Иуде, о чем вы спорите?

Фаддей и Иаков Алфеев обменялись удивленными взглядами. За два года, в течение которых Искарот был учеником, он и двух слов им не сказал, презирая их за младость лет, если не считать одного давнего случая, когда Иуда поинтересовался у Иакова Алфеева, укладывавшего в суму самодельную небольшую четырехструнную наблу, на которой тот только что играл, умеет ли он играть также на арфе, как царь Давид.

Теперь Иуда их мог рассмотреть получше. Фаддей ока-

зался очень красивым юношей с правильными чертами лица и пушистыми, волнистыми светлыми волосами. Изогнутые дугой брови над огромными голубыми глазами делали его взгляд мечтательным и мягким, что вызывало в собеседнике горячую симпатию к Фаддею. Его двоюродный брат Иаков Алфеев был в другом роде. Небольшого роста, быстрый, с живым характером, он, хотя и не имел правильных черт лица, был очень симпатичным.

– Мы не спорили, – сказал Фаддей, – просто говорили.

– Хорошо, просто говорили, – согласился Иуда, – но вы все время повторяли слова «великий обман». Что это? Почему «великий»?

Иуда вопросительно посмотрел на обоих братьев. Иаков Алфеев уже хотел ответить, но его опередил Фаддей:

– Великий обман – это обман, в котором человек так запутан, настолько человек с ним часто сталкивается и настолько этот обман для человека привычен, что правда кажется невероятной, невозможной.

– Я не понял, – сказал Иуда.

– Возьмем такие вещи, – пояснил Иаков Алфеев, – с которыми человек сталкивается каждый день, например, старость как дряхлость и немощь плоти и смерть...

– Так как наша плоть осквернена... – вставил Фаддей.

– Погоди, – попросил его Иаков Алфеев. – Итак, старость как дряхлость и немощь плоти и смерть – это великие обманы, тогда как правда – вечная молодость плоти, а старость

как многолетний опыт и вытекающая из него мудрость, и вознесение на небо с преображением нашей плоти соответственно. Об этом раньше очень много говорил Учитель, дня не проходило, чтобы Он нам этого не разъяснял.

– А теперь уже год и шесть месяцев прошло, как Он нам ничего такого не говорит, – сказал и Фаддей.

– Да, а до восхождения на гору Фавор Он нам об этом говорил каждый день, – сказал Иаков Алфеев.

– Погодите, – сказал Иуда. – Я уже понял, что вы друг друга разумеете с полуслова, но я-то ничего не могу понять. Я и сам помню, что когда-то говорил Иисус, Он только не говорил слов: «великий обман»... Вот Андрей говорит, что смерть – великий обман, Филипп утверждает, что ненависть – великий обман, хотя именно ложь считает корнем зла, а Нафанаил наибольшим злом считает боль... Я запутался. Тем более, вы оба одновременно говорите. Вот ты, тезка, объясни мне что-нибудь.

– Филипп прав, говоря, что ложь – корень зла, – сказал Фаддей. – Мир осквернен, наша плоть осквернена великими обманами, исходящими от отца лжи, князя тьмы. Великих обманов в оскверненном мире множество, куда ни взгляни, мы их находим. Рассматривая любую вещь, любое явление в нашем пока оскверненном мире, надо задаваться вопросом – перед нами великий обман или правда. Боль, болезни, старость как дряхлость и немощь плоти, смерть, ложь во спасение, гнев и многое другое – это великие обманы, которые

нам кажутся неотъемлемыми от жизни, обычными, привычными нам законами жизни.

– Но как стали возможны такие великие обманы? – спросил Иуда.

– Потому что наша плоть осквернена дьявольским семенем. Действуя через это семя, князь тьмы осквернил весь мир, – пояснил Фаддей. – Мы должны обличать великие обманы со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью.

– Это я уже уразумел, – сказал Иуда. – Но ты упомянул также гнев и ложь во спасение; что-то о последнем я уже у Филиппа слышал.

– Всякий человек должен быть скор на слышание, – сказал и Иаков Алфеев, – медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией, и быть не слышателем только слова, но исполнителем его, вникая в закон совершенный, закон *свободы*: чистое и непорочное благочестие перед Богом и Отцом есть то, чтобы заботиться о сиротах и вдовах в их скорбях и хранить себя неоскверненным, свободным от мира.

– О скорбях, – сказал Иуда. – Мать потеряла сына, его убили, но правда ее убьет, потому что у нее сердце слабое, не выдержит такой правды, тут-то и приходит на помощь ложь во спасение, пусть думает, что он жив и к ней вернется, или я что-то не так говорю и понимаю?

– Ложь во спасение – это тоже великий обман, – сказал

Иаков Алфеев, – ибо ложь и спасение – противные понятия. Не может смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы, также и один источник не может изливать сладкую и горькую воду. Правда во спасение, а ложь убивает. Сколько людей, которым солгали якобы во спасение, потом сокрушались и сетовали на то, что им солгали, и они прожили во лжи. *Ни один* не был благодарен за то, что его обманули. Матери лучше знать, что ее сын живет теперь на небесах и они когда-нибудь встретятся вновь, чем думать то, что не есть правда, и жить, надеясь на то, чего нет.

– Вы говорите, что на всякую вещь нужно смотреть – обман это или правда, на всякое явление. Тогда как вы разумеете искушения? – спросил Иуда. – Хорошо это или плохо? Вот Бог решил проверить человека, – ведь может такое быть? – и послал искушение...

– Блажен человек, который переносит искушение, – сказал Иаков Алфеев, – потому что, быв испытан, он получает венец жизни, который обещал Господь любящим Его; но нельзя говорить: «Бог меня искушает», потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью. [Похоть – здесь: любое сильное желание. – В.Б.] Похоть же, зачавши, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть. Не следует обманывать самого себя: всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Восхотев, ро-

дил Он нас Словом Истины, чтобы нам быть некоторым началом Его созданий.

– И ты с ним согласен? – повернулся Иуда к Фаддею.

– А как с этим можно не согласиться? – ответил тот.

– И я согласен, – кивнул Иуда. – Как с этим можно не согласиться? Но вот что скажите мне: теперь, когда существует старость как немощь плоти, ясно и когда наступает смерть. Плоть наша изнашивается, как одежда на плоти нашей, и когда она становится никуда не годна, наступает смерть. А когда существует вечная молодость и здоровье плоти, как же определить ту минуту, что уже пора и вознестись, нечего делать в этом мире?

– Вечная молодость и здоровье плоти возможны лишь тогда, когда наша плоть станет неоскверненной, совершенной, без дьявольского семени, – сказал Фаддей. – Тогда и мир будет неоскверненный и совершенен, ибо изменит наш Учитель законы на земле, о чем Он говорил до горы Фавор каждый день. Старость тогда будет мыслиться как богатый накопленный опыт и мудрость Божия, черпаемая из совершенного мира. Каждый учитель знает, когда ученик его прошел обучение, и может ему сказать, что ученик со своими знаниями может идти в мир, так и Бог даст нам знать, когда мы будем готовы вознестись на небо.

– А до этого времени, – добавил Иаков Алфеев, – всякий человек должен иметь терпение, имеющее совершенствующее действие, и если не хватает мудрости, попросить у Бога,

дающего всем просто и без упрека, – и дастся ему.

В это время ученики услышали голос Вефиля, звавшего их. Они обернулись и увидели, что Иисус очень отстал от них, идет ссутулившись и видимо устал.

– Как же это мы Учителя забыли? – удивились они.

Иисус присел на придорожный камень. Ученики подошли к Нему.

– Что-то силы покинули Меня, – сказал Он ученикам, виновато улыбаясь.

Тогда сыны Зеведеевы, заметив среди народа мужчину, идущего рядом со своей повозкой, к которой сзади были привязаны осел и ослица, подошли к нему и попросили его, чтобы он дал осла для их Учителя, так как Он очень устал. Мужчина посмотрел на Иисуса и, не проронив ни слова и не отрывая своего взгляда от Иисуса, он отвязал от своей повозки осла и отдал его братьям. Иаков и Иоанн подвели осла к Иисусу, Петр скинул свой плащ и набросил его на спину животному.

– Все это было, – сказал Иисус, усаживаясь на осла, – и сбудется реченное через пророка, который говорит: «Скажите дочери Сионовой, се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной».

Вефиль оказался прямо перед Иудой. Он глазами показывал куда-то вдаль и улыбался. Иуда повернул голову в том направлении, куда указывал Вефиль, и увидел, что мужчина, давший для Иисуса осла, остановил свою повозку и смотрит

на Иисуса.

– Видишь, Иуда, – сказал Вефиль, – он *почувствовал* Бога.

Иуда, сощурившись, поглядел на Вефиля, но ничего не сказал.

Снова вышли на дорогу, ведущую в Иерусалим через Кедронскую долину мимо Елеонской горы, на которой у двух могучих кедров уже раскинула свои пестрые шатры веселая предпраздничная ярмарка. Из города доносились шум и музыка. Кедронская долина и Гефсиманский сад были в этот час полны людей, вышедших из каменного города в эти оазисы бушующей весенней зелени. Многие люди из Вифании пришли в Иерусалим раньше Иисуса, так что Его уже ожидали у ворот с пальмовыми ветвями, и, когда Иисус въехал на осле в город, они закричали, приветствуя Его: «Осанна! Благословен Царь, грядущий во имя Господне!» К ним присоединились в этом славословии жители Виффагии, паломники, любившие Иисуса, и те немногие из иерусалимлян, которые любили Иисуса. Восторженные ученики тоже кричали эти слова.

И вдруг из толпы несколько голосов вскрикнули:

– Запрети кричать им.

Иисус обернулся на эти голоса и сказал с грустью:

– Если они умолкнут, то камни возопиют. – Затем Он поглядел на каменные стены города, на улицу впереди Себя и сказал тихо: – О, если бы и ты хотя бы в этот твой день, Иеру-

салим, узнал, что служит миру твоему!.. Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду. Разорят тебя и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне, *за то, что ты не узнал времени посещения твоего.*

В Иерусалиме Иисус с учениками пробыли недолго. Осел куда-то ушел и затерялся в большом городе. Ученики, видя печаль своего Учителя, и сами стали печальными. И когда возвратились все на Елеонскую гору, ученики, вспомнив Его слова в Иерусалиме, спросили Иисуса:

– Скажи нам, когда это будет?

И ответил Иисус ученикам Своим:

– Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить «я Христос» и многих прельстят. Также услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец, ибо встанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас, и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга. Многие лжепророки восстанут и прельстят многих. И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь. Претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет это Евангелие

Царствия по всей земле, во свидетельство всем народам, и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте, тогда все бегут в горы, и кто на кровле, тот не сходит взять что-нибудь из дома своего, и кто в поле, тот не обратится назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть, но ради избранных сократятся те дни. Тогда, если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там» – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: «Вот, Он в пустыне», – не выходите; «Вот, Он в потаенных комнатах», – не верьте. *Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого.* После скорби тех дней, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и силы небесные поколеблются, тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачут все племена земные и *увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою.* И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут. О дне же том и часе никто не знает, даже Ангелы небесные, а только Отец Мой один. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет.

Несмотря на то, что Анна всё устроил и обдумал, первосвященник Иосиф Каиафа, все время беспокоящийся и несдержанный в своих порывах и поступках, предпринимал новые и новые попытки изобличить Иисуса и предать Его суду. Анна старался сдерживать его, говоря ему, что скоро «и так всё разрешится» и намекнул ему о том, что уже предприняты весьма серьезные шаги, так что мараться в этом деле первосвященнику не стоит. И все же, когда Иисус вновь пришел в Храм, – а в Храм Он теперь приходил учить каждый день, – к Нему снова приступили фарисеи и книжники.

– Учитель! – говорили они. – Мы знаем, что Ты правдиво говоришь и учишь, и не смотришь на лицо, но истинно пути Божьему учишь. Скажи, позволительно ли нам давать подать кесарю или нет?

Иисус ответил:

– Покажите Мне динарий: чье на нем изображение и надпись?

– Кесаревы, – ответили они.

– Итак, отдайте кесарю кесарево, а Божие Богу.

И саддукеи, не веровавшие в воскресение, подошли к Нему:

– Учитель! Моисей написал нам, что, если у кого умрет брат, имевший жену, и умрет бездетным, то брат его должен взять его жену и восстановить семья брату своему. Было семь братьев: первый взяв жену, умер бездетным. Взял ее

второй и тоже умер бездетным. И так все семь братьев, взяв ее, умерли бездетными. После всех умерла и жена. Итак, в воскресении, которого из них будет она женою, так как все семеро ее имели женою?

– Чада века этого женятся и выходят замуж, – ответил им Иисус. – А в веке воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят. И умереть уже не могут, ибо равны Ангелам и суть дети Божьи, будучи детьми воскресения. А что мертвые воскреснут, Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама, Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо *у Него все живы...*

Только на Елеонской горе да еще в Гефсимании и Виффагии среди смоковниц Иисус немного отдыхал и продолжал учить людей и Своих учеников притчами. Постоянные нападки фарисеев, саддукеев и книжников подтачали Его силы. Иисус осунулся, часто сутулился и жаловался ученикам на усталость. По ночам Он не спал и молился. Грусть и печаль были в Его очах, так как Он знал, что уже страшный час близок и Ему оставалось всего несколько дней, чтобы дать последние напутствия Своим ученикам. Но они все же огорчили Его. Они вдруг невозможно и даже неприлично перебрались прямо на Его глазах, вовсе не стесняясь Его и не смотря на то, что Он нуждался сейчас именно в душевном отдыхе. А ученики продолжали спорить и браниться, исчисляли свои заслуги, даже пальцы загибали перед носом друг у друга. Спорили лучшие из лучших о первенстве. В этой пе-

ребранке не принимали участие только Андрей – он задумчиво лишь окинул спорящих взглядом и вышел из дома на улицу, Фома, который стоял у стены, прислонясь к ней плечом, и рассматривал спорящих, внимательно вслушиваясь в то, что они говорят, Нафанаил по прозвищу Варфоломей, не любивший предположений и загадываний на будущее и ищущий основательного и очевидного, и Иуда Искариот. Филиппа и Марии Магдалины в ту пору совсем не было в доме.

Петр гремел громче всех и как-то смешно обижался. Щеки и уши всех учеников пылали. Разгоряченные спором «сыны громовы» вдруг шагнули к Иисусу. Он поднял на них усталые очи, в которых были сейчас и страдание и великая скорбь. Сердце Иуды больно сжалось от Его взгляда, но в то же время он наслаждался каким-то странным, щекочущим торжеством. «Так, так, Иисус, погляди на Своих учеников, погляди на тех, кто считает себя первыми и любимыми учениками Твоими».

– Что вы хотите? – спросил Он их.

– Учитель, – заговорил Иоанн, – скажи, чтобы мы, сыны Зеведеевы, сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царствии твоём.

– Не знаете, о чем просите, – с грустью сказал Иисус. – Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?

– Можем, – не задумываясь, ответили братья в один голос.

Иисус поглядел на них таким взглядом, каким обычно

взрослый человек смотрит на глупо нашалившего ребенка-несмышленища. И сколько же любви было в Его взгляде! Иуду передернуло: «Как – им?», и он нахмурился.

– Чашу Мою *будете* пить, и крещением, которым Я крещусь, *будете* креститься. Но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим.

После этих слов братья устыдились, и они отошли в сторону. Но так как не любят, не терпят люди свой грех, прегрешения или проступки в других людях, то остальные ученики, участвовавшие в споре, возмутились поступком братьев и вознегодовали на них, хотя и сами думали до этого просить Иисуса о подобном же.

– Как так можно было просить? – гремел возмущенный Петр и пожимал плечами. Его поддерживали остальные.

– Поверьте, нам очень стыдно, – сказал Иоанн. Иаков молчал и прятал глаза.

Нафанаил вдруг заплакал, и все, зная его впечатлительность и ранимость, бросились его утешать.

Все же остальные ученики в душе порадовались тому, что они не пошли к Иисусу с такой просьбой.

А мрачный Иуда вышел из дома и побрел из Виффагии в Иерусалим. В этот же вечер он еще раз посетил бывшего первосвященника Анну. Иуду снова долго не принимали, а когда приняли, то встретили очень недружелюбно.

– Зачем ты снова пришел? – хмуро и надменно спросил

у него Анна. – Я сказал тебе, чтобы я больше тебя не видел. Тебе заплатили деньги, вот ступай и выполни, что от тебя требуется.

Иуда улыбался и кланялся. Чем больше оскорблял его Анна, тем ниже он кланялся. Он, всегда гордый и независимый, сам с первого взгляда возненавидел Анну, но Иисуса он ненавидел больше.

– Прости, Анна. Но Иуда так любит деньги, что ослепленный их блеском и оглушенный их звоном я забыл у тебя тогда спросить самое главное.

– Что? – коротко спросил Анна.

– Когда? – так же коротко спросил Иуда.

– Что «когда»? – недоуменно и с отвращением разглядывал Анна предателя.

Иуда еще шире улыбнулся, и Анне вдруг захотелось пнуть его ногой прямо в улыбающееся лицо.

А Иуда молчал и улыбался.

Анна повернулся к Иуде спиной и схватил со стола какой-то пергамент, видимо первый попавшийся и совсем ему в данную минуту не нужный.

– Я сказал тебе, что не получишь больше ничего. Ни обола сверху, – процедил Анна сквозь истлевшие зубы.

– А Иуда разве сказал что-либо о деньгах? Иуда все понял. Но в какой день?

Анна наконец понял, чего добивался Иуда. «До чего он все-таки ненавидит Его!» – мелькнула вдруг мысль в голове

бывшего первосвященника.

Тут у Анны был свой расчет. Его зять, Иосиф Каиафа, то-ропился и не раз говорил о том, что Иисуса должно убить до праздника. Дело в том, что он опасался, как бы в день праздника пасхи, в который принято миловать одного из преступников, таким помилованным преступником не оказался Иисус. Анна же знал, что у римлян назначены ближай-шие казни в день пятницы, а после заката солнца уже начина-лась суббота, праздник пасхи. Об этом знал и Каиафа, поэто-му и предлагал убить Иисуса тайно и не доводить Его дело до суда у Пилата. Но Анна на этот счет был спокоен. В пятницу римляне собирались казнить троих преступников. Двое из них убили нескольких римских солдат, поэтому помилован-ными они быть не могут. А вот Иисус Варавва мог быть по-милован. Если Иуда выполнит то, что обещает, то Иисус Га-лилеянин будет обвинен в государственном заговоре и, сле-довательно, из двух Иисусов выберут для помилования Ва-равву. Это во-первых. Во-вторых, римляне добивают обычно приговоренных к казни, если казнь приходилась в какой-ни-будь иудейский праздник, или если они могли остаться до субботы. Анне очень хотелось поскорее убить Иисуса, ибо он знал, что на кресте иногда умирали и по три дня. А вдруг кто-нибудь ночью снимет Иисуса с креста и вылечит Его? Иисус молод, силен, здоров, может долго прожить на кресте, а поклонников у Него много, даже из богатых людей. По рас-чету Анны, казнить Иисуса нужно только в канун праздника.

Ведь накануне праздника и в самый праздник синедрион не имел права присудить к смерти кого-нибудь. Значит, Иисус будет судим римлянами. Это уже в-третьих.

– В четверг вечером, – сухо сказал Анна. – И не при народе. Можно даже и ночью, но не позже...

...Иисус сказал вечером Своим ученикам:

– Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так. А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым да будет вам рабом. Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать жизнь Свою для искупления многих.

Спорящие днем ученики теперь всё поняли и устыдились самих себя.

Иисус каждый день приходил в Храм, а в среду, двенадцатого нисана, Он, уже выходя из Храма, вдруг задержался и некоторое время наблюдал людей, клавших в сокровищницу свои дары. Он обратился к ученикам и указал им рукой на одну бедную вдову, положившую в сокровищницу всего две лепты.

– Видите. Истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила. Ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила всё пропитание свое, какое имела.

Но Иуда не вытерпел и сказал:

– Вон какими камнями, золотом и вкладами украшен Храм. Что можно сделать за две лепты?

Иисус и теперь не повернулся к Иуде, а, обращаясь ко всем, сказал задумчиво и печально:

– Повторяю, что придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне. Всё будет разрушено.

Глава 23. Тайная Вечеря

В ту же среду вечером Иисус поведал ученикам Своим о многих народах и племенах, говорил, что всякий народ выполняет на земле свою миссию, которая благословенна от Бога, Отца Его. Он им рассказал о великом народе, живущем на востоке, где путешествовал Иисус до Своего тридцатилетия, народе, который сумел своею духовною силой и верой искупить и выкупить грехи многих и многих; также поведал им о тех людях, великих мудрецах, высоких духом, которых встретил там. Он многое рассказал им и о Своем друге Патанджали. Затем поведал и о других великих народах, которые когда-то были или будут в будущем.

Иуда не мог этого слышать, так как для него был единственный великий народ всех времен – иудейский, и он ушел в ночную Гефсиманию. «Какой же Ты – Царь Иудейский? – думал он, шагая по дорожкам Гефсиманского сада, украшенным кружевом из теней и лунного света. – Зачем Ты заставляешь страдать меня, зачем Ты заставил возненавидеть Тебя, зачем я, одинокий, теперь шатаюсь по этому темному саду, где лежит плата за Кровь Твою?» Иуда даже заплакал от досады. Выплакавшись, он заночевал прямо в саду, но спал беспокойно, часто просыпался от холода и мучивших его мыслей. Завтра он должен совершить то, что изменит и его судьбу, и судьбы всех живших, живущих и тех,

кто будет жить. Это он помнил все время, это вривалось в его беспорядочные, отрывочные сны, и представлялось ему то кошмаром, то его, Иуды, триумфом.

Ранним утром Иуда проснулся и почувствовал, что уснуть уже не сможет. Великий день наступил. Но Иуде было тошно. Молочно-белый туман стелился над землей, медленно, неустанно, упрямо, с тихим равнодушием укутывал он землю, и не видно сквозь него ни земли, ни домов, ни деревьев, ни людей, ни зверей, ни птиц, ни неба, ни восходящего солнца. И стоит Иуда один, укутанный этим липким и влажным туманом. Он бьет его руками, топчет ногами, кричит, надрываясь, и срывается в хрип, но туман сильнее, он непоколебим, и руки Иуды не могут его ухватить, и никто не слышит Иуду, ибо этот туман породил он сам, выбрал его и обрек себя на одиночество и отчаяние.

Так взошел он на Елеонскую гору и сел на росистую траву. Сначала у него совсем мыслей не было, до того он устал за последние дни, но потом он стал припоминать что-то важное, что-то странное, что-то такое, что накануне поразило его. Но припомнить он так и не смог, как ни старался. Был уже полдень, когда Иуда вернулся в Виффагию под тени смоковниц. Он вошел во двор дома, где они остановились, и прежде всех, раньше всех он увидел Иисуса. Он стоял к Иуде спиной и говорил Петру и Иоанну:

– Пойдите, приготовьте нам есть Пасху.

Иуда подумал, что он ослышался, всё еще оглушен и сво-

ими снами, и мечтами, и мыслями, и тем липким воздухом, который утром был вокруг него. Дотронувшись к своему лбу, он понял, что весь горит. Видимо, он простудился ночью в саду, если теперь у него жар. За последние два с половиной года, которые ученики были с Иисусом, они и сами ни разу не ели ни мяса, ни рыбы, ни какой-нибудь другой живности, но не видели, чтобы ел такую пищу Иисус. Две предыдущие пасхи они провели в молитве, в помощи другим людям, слушали учение Иисуса, ели хлеб и пили вино. Были в недоумении и Петр с Иоанном.

– Где велишь нам приготовить?

– При входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды. Последуйте за ним в дом, в который он войдет. Скажите хозяину дома: «Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть Пасху с учениками Моими». И он покажет вам горницу большую устланную. Там приготовьте хлеб, виноградное вино, соль...

Иуда дальше не слушал. Он чувствовал себя плохо, поэтому прошел в дом, дошел до ложа и потерял сознание...

Был четверг, тринадцатое нисана. Вечером следующего дня по всей Иудее будут происходить другие казни, миллионы казней, на которые не приходили зрители, которые оглашались шумом предпраздничной суеты и предсмертными криками приговоренных к казни. Их тела, которые совсем недавно были наполнены жизнью, ее радостями и являли собою чудо Божественного творения, превращались в

запеченные куски мяса, превращались в праздничную пищу для людей. И ослепленные люди не замечали этих ужасов. Ведь сказано в Законе, в этот день нужно приготовить пасху – запечь на огне обескровленного в Храме или синагоге, то есть в святом месте, козленка или ягненка. Вечером и ночью едят мясо всей семьей, предварительно обмазав кровью жертвы притолоку, косяки двери и порог дома, и до восхода солнца выставляют остатки пасхи за дверь, чтобы Бог Иегова видел те дома, где живут истинные иудеи. Но при этом люди забывали, что в Первой же книге Торы, в Первой главе Бытия Моисей так записал Откровение, данное ему: «Вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором *душа живая*, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так».

Иуда очнулся, когда небо видневшееся в окне, горело закатом. Чувствовал себя он уже неплохо, жар прошел. Припомнилось ему, как Иисус послал Петра и Иоанна приготовить пасху. Неужели сегодня можно будет есть мясо? Ему очень вдруг захотелось запеченного ягненка. Но другая мысль испугала его. Вздвогнув, он со стремительностью вскочил с ложа и выбежал на улицу. Во дворе он увидел учеников и Иисуса. Значит, он не опоздал и о нем не забыли. А может, опоздал? Может, он был в бессознательном состо-

нении несколько дней?

Фома крикнул Иуде, заметив его:

– Искарриот, поторопись. Мы все идем в город есть Пасху.

У Иуды отлегло на сердце. Значит, не опоздал, и значит...

Они пошли в город через Гефсиманский сад. Иисус пока-

зал на смоковницу и сказал:

– Это дерево засохнет и не принесет впредь плода вовек.

Ученики спросили Иисуса: почему.

– Потому что место это станет местом огромной скорби.

Ученики не поняли, что сказал Иисус. Но подумали, что если Он не разъяснил им, то вскоре они сами всё поймут и узнают. Наступила ночь, когда они вошли в ту комнату, которую добрый хозяин приготовил для Иисуса и Его учеников. В комнате горели огни. В центре ее стояли накрытый большой длинный стол, на котором были кувшины с вином и много хлебов, и две такие же длинные скамьи по обе его стороны; в углу комнаты стояла большая посуда с водой, а рядом на лаве, прижатой к стене, лежало большое полотенце. Всё было приготовлено так, как и указал Иисус.

Иуда тут же отметил, что мяса на столе не было. Что же тогда Пасха? И тут он вспомнил то, что мучительно пытался вспомнить утром и не мог. Его мучила эта мысль с понедельника, когда Анна назначил предательство и арест на вечер четверга, вернее, в ночь пятницы, а в ночь субботы Иисус должен быть уже мертвым, то есть именно в то время, когда верные иудеи едят пасху – мясо ягненка. Его тогда поразило

это совпадение. Ведь Анна не задумывался в самом деле ни о каких символах и намеках, он действовал только из политических соображений. Но Иуде тогда показалось это совпадение забавным.

Все сели за стол по семь человек на каждую скамью, друг против друга. Так, по одну сторону стола в середине сел Иисус, по Его правую руку сел Иоанн, рядом с ним Петр, а рядом с Петром – Филипп, по левую руку Иисуса села Мария Магдалина, с ней рядом – Андрей, рядом с Андреем – Иаков Зеведеев; по другую сторону стола сели: напротив Филиппа – Матфей, далее – Иуда Искариот, Фома, Нафанаил по прозвищу Варфоломей, Симон из Каны, Иаков Алфеев и Иуда Иаковлев Фаддей. Таким образом, Иуда Искариот оказался сидящим напротив Петра, и ему хорошо был виден Иисус.

– Я желаю есть с вами эту Пасху прежде Моего страдания, – заговорил Иисус. – Ибо говорю вам, что уже не буду есть ее, пока не совершится в Царствии Божьем. – Иисус взял большую чашу, наполнил ее красным виноградным вином. – Примите ее и разделите между собой. Говорю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. – Иисус взял один из хлебов, преломил его и подал ученикам. – Это есть Тело Мое, которое за вас предается. Так творите в Мое воспоминание. А чаша это есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается.

Затем Иисус встал, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Взяв кувшин, Он наполнил его во-

дой из посуды и влил воду в умывальницу.

– Теперь Я, как служащий вам, умою вам ноги, – сказал Иисус.

Он умывал ноги ученикам, подходящим к Нему для этой процедуры, вытирал ноги ученикам полотенцем, которым был препоясан. Но, когда подошла очередь Петра, тот возмутился:

– Господи, Тебе ли умывать мне ноги мои?

– Что Я делаю, теперь ты не знаешь, но поймешь после.

– Нет, вовек не умоешь ног моих, – сказал Петр.

– Если не умою тебе, не будешь иметь части со Мной.

Петр понял, что снова он не прав, как и тогда, когда обвинял Иуду в воровстве, что снова он чего-то не уразумел, и воскликнул:

– Господи! Не только умой ноги мои, но и руки мои, и голову мою.

Иисус пояснил:

– Омытому нужно только ноги умыть, потому что он чист весь; и вы чисты, но не все.

Иуда насторожился и тревога закралась в его сердце, но тут же отпустила.

Иисус всем ученикам умыл ноги, затем одел верхнюю одежду Свою. Все сели на свои места.

– Знаете, что Я сделал вам?

Ученики слушали, Иисус продолжал:

– Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно

говорите. Итак, Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Раб не больше своего господина, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, то блаженны вы, когда исполняете. Не о всех говорю, так как один из вас предаст Меня.

Наступившее молчание было таким, что тишина зазвене-ла в ушах учеников. Эти последние слова Иисуса прогреме-ли для них, словно гром, настолько они были неожиданны-ми. Сначала ученики боялись даже пошевелиться, лишь испуганными глазами взглядывали друг на друга. У Марии по-текли слезы по щекам: неужели в одного из ее братьев или в нее самое войдет сатана, чтобы совершить такой ужас. Кто-кто, а она знает, что значит, когда чужеродная, враждебная миру сила вторгается в человека, лишая его разума и воли.

Петр, сидевший рядом с Иоанном, тронул его за локоть:
– Спроси, кто это?

Иуда, сидевший напротив Петра, слышал, что шепнул Петр Иоанну. Слова Иисуса поразили Иуду, хотя знал же он, что от Иисуса ничего нельзя скрыть, ведь недаром Он в последнее время ни разу не взглянул на Иуду. И все же слова Иисуса были для него, словно неожиданный удар по голове. Он побледнел и незаметная для других дрожь стала сотрясать его тело.

– Да, в самом деле: кто? – произнес Иуда, но голос ему изменил и дрогнул. Правда, никто этого не заметил. Кроме

Иисуса.

Тем временем Иоанн задал этот вопрос Иисусу, потому что страх и ужас учеников, что это, может быть, именно он, уже стали нестерпимы.

– Сейчас Я дам вам Причастие Свое, но тот, кто почувствует соль, тот и предаст Меня. *Но горе тому человеку, которому Сын Человеческий предается, лучше было бы этому человеку не родиться.* А теперь Мое Причастие вам: хлеб – это Тело Мое, а вино – Кровь Моя.

Иисус преломил еще один хлеб и каждому из учеников дал кусок, предварительно обмакнув его в вине. И каждый из учеников, ощущая, что кусок его не солон, радовался, что не он – предатель Учителя. Никто из учеников даже и не заметил, когда Иисус опустил кусок в блюдо с солью. Даже Иуда, усиленно следивший за руками Иисуса, понял все лишь тогда, когда кусок уже был во рту его, и соль обожгла ему губы и язык, а сердце его стукнуло так, что чуть ребра не выломало. Только тогда бледный, серый, как соль на блюде, Иуда широко раскрытыми испуганными глазами взглянул на Иисуса. Впервые за последние дни взгляды их встретились. Это была самая страшная минута в жизни Иуды. Взгляд Иисуса был спокоен, но полон печали. Они смотрели в глаза друг другу всего несколько секунд. Но словно время остановилось между ними, стало иным, и бестелесная сущность Иуды предстала перед Иисусом.

– Почему Ты не остановил меня? Ведь Ты же все знаешь!

Почему Ты не выдал меня Своим ученикам?

– Ты сам должен сделать выбор. У тебя еще есть выбор: Я умыл тебе ноги, и ты имеешь часть со Мной, – был ответ.

– Выбор? Предать или не предать Тебя? Ты знаешь, что я ненавижу Тебя. Я давно сделал свой выбор. Моя ненависть сделала этот выбор за меня.

– Но ты сам должен сделать выбор, – снова прозвучал ответ.

– Мною уже руководит ненависть. Она слилась со мной, и я не могу понять, где моя ненависть и где я сам. Я иду предать Тебя Твоим мучителям. Уже сделаны гвозди, которые войдут в Твое Тело, они лежат и ждут своего часа, уже существует дерево, из которого сделают крест для Тебя. Останови меня, если посмеешь! Ты ведь знаешь, *за что* я Тебя ненавижу.

– Я не могу остановить тебя, ты прав, все зависит только от тебя. Ты сам должен сделать выбор, – в третий раз прозвучал ответ, и в нем уже была безнадежность и боль.

– Я иду предать Тебя! Я это твердо решил.

И снова время потекло своим порядком.

– Что делаешь, делай скорее, – сказал Иисус Иуде.

Тот быстро встал и вышел. И никто из учеников не понял этого. Решили, что Иисус послал Иуду либо что-то купить к столу, либо подать кому-нибудь милостыню в честь праздника. Еще ученики дожевывали Причастие, ибо повторяю, что взгляды Иисуса и Иуды встретились лишь на несколько

секунд.

Когда Иуда вышел, Иисус снова заговорил, давая ученикам Своим последние наставления.

– Дети! Не долго уже быть Мне с вами: будете искать Меня и, как сказал Я иудеям, что куда Я иду вы не можете прийти, так и вам говорю теперь. **Я дал вам заповедь новую: любите друг друга, как Я возлюбил вас.** По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою. Веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. Я приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были там, где Я. А куда Я иду, вы знаете и путь знаете.

– Господи! – сказал Фома. – Мы не знаем, куда Ты идешь. И как мы можем знать путь?

– **Я есть Путь, Истина и Жизнь.** Никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если вы знаете Меня, то знаете и Отца Моего. Отныне вы знаете Его и видели Его.

– Господи! – сказал Филипп. – Покажи нам Отца, и довольно для нас.

– Филипп, ты столько времени со Мной, и не знаешь Меня? **Видевший Меня видел Отца.** Как же ты говоришь: «Покажи нам Отца»? Разве ты не веришь, что Я в Отце, и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше того сотворит. Потому что Я к Отцу Моему иду. Если что попросите у Отца во имя Мое, то сделаю и прославится Отец

в Сыне. Если что попросите во имя Мое, Я то сделаю. Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и Он даст вам другого утешителя, да пребудет с вами вовек, духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит его и не знает его. Но вы знаете его, ибо он с вами и пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами и приду к вам. Мир уже не увидит Меня, а вы увидите Меня, и где Я буду жить, там и вы будете жить. Утешитель же, которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам. Не смутиться же сердце ваше и не утрашиться. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Изгонят вас из синагог, и даже наступит время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу, но они не познали ни Отца, ни Меня. Но помните, Отец пошлет вам утешителя. И ваша печаль в радость перейдет. Я вскоре приду к вам, друзья Мои. Много Я могу вам еще поведать, но нет времени, ибо идет князь мира этого, и во Мне не имеет ничего. Но еще несколько слов скажу вам. Остальное узнаете от духа-утешителя. Петр, Я молился за тебя, чтобы укрепилась вера твоя и не оскудела. Ты останешься в Иерусалиме, а затем пойдешь на запад к язычникам. Ты, Андрей, ученик Мой Первозванный, станешь учителем и старшим братом великому северному народу, которого еще нет, но который скоро будет и воспримет от тебя и силу духа, и ум, и знания, и твою всепрощающую любовь. Где поставишь знак свой, там и будет начало земли

этого народа, у которого большое будущее и великая миссия. Смотри же, чтобы не возгордились они, как иудеи, и не засохла смоковница их веры. Ты, Иоанн, тоже пойдешь на запад. Славу обретешь ты на одном из островов, великие тайны будут открыты тебе. Матфей, ты будешь учителем многих и многих на долгие годы и времена. А ты, Филипп, из Иерусалима пойдешь в южные страны. А на восток пойдет Фома. Будете там, где вы нужны. Я оставляю вам мир Мой, не так, как мир дает, Я даю вам. В мире вы будете иметь скорбь. **Но мужайтесь: Я победил мир.** По воскресении же Моем жду вас в Галилее.

– Но куда теперь идешь Ты, Господи? – спросил Петр. – Нельзя ли мне с Тобою? Ведь я за Тебя готов и в темницу, и на смерть идти. Жизнь свою за Тебя положу.

– Ты, Петр, говоришь, что ты жизнь за Меня положишь? Но истинно тебе говорю, не пропоет петух сегодня, как ты трижды от Меня отречешься.

– Никогда от Тебя не отрекусь! – твердо и пламенно сказал Петр.

Глава 24. Сад Гефсиманский

Простившись с Марией Магдалиной (она ушла в селение по просьбе Иисуса), Иисус и ученики вошли в Гефсиманский сад. Была ночь, и манила к себе взгляды золотая полная луна, пленяла душу, словно загадку загадывала. В сон клонило учеников, но они шли за Учителем. У смоковницы, которой Он предсказал незавидную судьбу, Иисус остановился и сказал ученикам:

– Когда Я посылал вас без мешка, без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?

– Ни в чем, – ответили ученики.

– Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму, а у кого нет, продай одежду свою и купи меч.

– Господи! – сказал Петр. – Здесь два меча.

– Довольно, – сказал Иисус, помолчав.

И никто из учеников не заметил в последнем слове Иисуса боль и горькую иронию. Разве не довольно двух мечей для войны, вражды, слез и крови?

Филипп подошел к Петру и спросил шепотом:

– Где ты достал их? Покажи.

– Если хочешь, возьми один. Они одинаковые. Я их нашел.

– Как «нашел»? – удивился Филипп, разглядывая один из мечей при свете луны.

– Так, они лежали у городской стены. Там были убитые – три римских солдата. Но третьего меча не было. Я смотрел.

– А зачем ты их взял? – удивился снова Филипп. – Зачем нам оружие?

– Так взял. Сам не знаю, почему, а видишь, пригодились.

– Оставайтесь тут, – сказал Иисус, – и бодрствуйте. Молитесь, чтобы не впасть вам в искушение.

Иисус удалился.

Ученики подходили и рассматривали мечи.

– Это римские мечи? – спросил Фома, возлегая на траве рядом с Петром. – Зачем ты их взял, Петр? Разве ты умеешь с мечом обращаться? Ну зачем? Меч убивает.

– Не меч, Фома, убивает, – назидательно заметил Иоанн, зевая. Он тоже был рядом с ними. – Люди убивают. Люди и придумали мечи для этого.

– Но я не понимаю, зачем? – допрашивал Фома Петра.

– Но мечом можно и защитить себя и тех, кого ты любишь, кто тебе дорог, – сказал Петр.

– Разве эти мечи защитили тех римских солдат? – спросил Фома. – И их ли не убили два разбойника, которых завтра казнят на Голгофе? Я слышал. Мечи защищают до времени, пока обладатель меча убивает других. А разве нам не говорил Иисус: любите врагов своих, ибо какая вам заслуга, если вы любите только тех, кто любит вас?

– Вот я и посмотрю, Фома, как ты своих врагов любить будешь, – засмеялся сквозь дрему Петр. – Думаешь, легко,

когда он тебе в лицо плюет?

– Никто и не говорит, что легко. Но вспомни, Петр, сколько нас гнали и ругали, – дальше продолжал Фома. – Иисус нас учит любви.

– Но Сам Иисус сказал взять меч, – не понял Петр и, перевернувшись на бок, засопел.

– Это притча. Неужели ты не понял, Петр? – продолжал Фома. – А ты понял все буквально. Нужно спросить Учителя, что же она означает.

– Всё, – сказал сонным голосом Филипп. – У меня всегда при полной луне глаза слипаются. А тут еще Фома сон нагоняет своей дотошностью. Ты, Фома, когда почти спишь, очень сообразительным становишься. А днем над каждым словом три часа ду... – Он не договорил, сон одолел его.

Фома сказал зевая:

– А как же помоли... – Но веки его сами сомкнулись, и он не заметил, как из Гефсиманского ночного сада он перенесся в солнечную Галилею.

– Вы и часа не смогли пободрствовать со Мной. Встаньте и молитесь, – послышался печальный голос Иисуса со стороны моря Киннереф.

Шум и рокот донесся в ответ, подобный или шуму морского прибоя, или могучему согласному храпу. Но веки были тяжелы, словно их сделали из тяжелого металла, и не было сил разомкнуть их.

– Сейчас, Господи, мы встанем, – ответил в своем сне Фо-

ма. – И помолимся.

Но наяву не произнес ни слова. Иисус слышал лишь храп и сопение вокруг. Он вновь отошел и молился горячо и со слезами. Через час Он вернулся и вновь повторил слова Свои:

– Бодрствуйте и молитесь. Знайте, дух бодр, а плоть немощна.

Но молодой сон владел немощной плотью учеников, он был крепок.

И в третий раз отошел Иисус. Черный исполин темной воздушной тенью предстал перед Иисусом.

– Ну что, оставили Тебя Твои ученики? Оставил Тебя и Отец Твой? Страшишься смерти? Как видишь, мне всё удалось: я оборвал Твою Миссию. Мое семя останется в людях, и этот мир моим пребудет всегда.

– Я не звал тебя, – сказал Иисус. – Уйди, сатана.

И черный исполин растаял, утонул в ночной тьме, недоступной лунному сиянию.

Иисус возвел вновь очи к небу и стал горячо молиться:

– Отче Мой! Я молил Тебя пронести эту Чашу мимо Меня, ибо душа Моя скорбит смертельно о любимых Моих, перед которыми Я не могу исполнить Свой долг, об этом несчастном мире. Но если не может Чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, то пришел час. Прославь Сына Твоего, и освяти тех, кого послал Я в мир, истиною Твоею, ибо Слово Твое есть Истина. Да будет Твоя Воля, Сила и

Слава во веки веков.

И явился к плачущему Иисусу Ангел с небес и скорбно сказал Ему:

– Ты знаешь, Господи, что наши силы над Израилем истощены, так что не удастся его спасти и на земле. Силы планетарного демона теснят нас отовсюду, ему помогают великие демоны Вселенной и сам Люцифер, но Отец прославлял Тебя и будет прославлять. Остается только Чаша, иначе вся планета погибнет: очень велики натиски демонов из глубин Вселенной. Чаша спасет Землю и слава Твоя возвеличится. Другого выхода нет.

– Благодарю тебя, друг Мой. Я видел только что планетарного демона. Люцифер вдохнул в него огромную силу. Но Я выпью эту Чашу ради Земли, ради вас всех, друзья Мои. Я обещал Отцу, что ни одного из данных Им Мне, Я не погублю. – И тихо сказал: – Многого Я еще не сказал, и как мало сейчас Я могу сделать.

Ангел заплакал и исчез в замкнувшемся небе. А Иисус вышел к спящим под смоковницей ученикам. Он был бледен, но внешне спокоен.

– Вы всё еще спите и поживаете. Приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников. Встаньте.

Ученики один за другим вскакивали на ноги. Они ничего не могли понять спросонок, и свет факелов слепил им глаза. Они были растеряны и недоуменно шурились. Слышалось громкое бряцание доспехов и мечей. Учеников охватил

страх.

– Нас пришли убить? – спросил кто-то из учеников. От волнения и смятения голос говорившего стал неузнаваем.

Иисус выступил вперед.

– Кого вы ищете? – спросил Иисус.

Но никто Ему не ответил. Слышно было лишь потрескивание факелов и чей-то торопливый, едва слышный шепот. Это Иуда шепнул начальнику римской кентурии: «Кого поцелую, того и берите. Но без шума, не то не избежать кровопролития».

– Кого вы ищете? – снова спросил Иисус.

Вперед выступил Иуда Искариот. Ученики вдруг с ужасом увидели его, не веря глазам своим. Они ведь еще минуту назад думали, что он вернулся оттуда, куда его послал Иисус, и находится среди них, еще минуту назад считали его братом своим. Так вот кому достался соленый хлеб! В душе многих учеников вспыхнула ненависть к предателю. Фома же не знал, что и думать, и с недоумением следил за происходящим. Нафанаил не мог поверить, что Иуда предатель. В возбужденном разуме своем он подыскивал объяснение тому, как Иуда оказался среди римлян.

Иуда не видел, он чувствовал всем своим телом острые взгляды на себе, чувствовал их силу и ненависть к нему. Он видел только тонкую высокую фигуру Иисуса и Его глаза. Когда Иуда представлял себе *эту* минуту, он думал, что все будет гораздо проще, но теперь каждый шаг ему давался с

трудом, словно воздух стал плотнее, словно стеной пытался стать перед Иудой на его пути. Остался последний шаг. Но что в глазах Иисуса? Почему Он *так* смотрит? Иуда сделал этот шаг и оказался лицом к лицу с Иисусом. И больше никого не осталось во всей Вселенной. Иисус и Иуда – больше никого. Они смотрели в глаза друг другу, и свет Божественных очей пересекался с глубокой, страшной тьмой в глазах Иуды, а вокруг была вечность – безмолвная, строгая, мудрая.

– Радуйся, Равви! – прозвучал в этой вечности глухой дрожащий голос.

И эту минуту представлял себе Иуда. «Радуйся, Равви!» – скажет он спокойным, гордым и грозным голосом слова обычного приветствия, и кровь застынет в жилах учеников от этих слов. И он рассмеется прямо в лицо Иисусу. Это будет великая месть Ему, Богу, за поруганную веру Иуды, за годы ожидания Его, за мечту Иуды, которую так бережно и мучительно вынашивал он и которую разрушил Своим вочеловечиванием Иисус. Да, он поцелует Его, как того требует приветствие, и этот поцелуй будет хуже плевка, этот поцелуй – издевка, этот поцелуй – предательство, этот поцелуй – приговор. И содрогнется Иисус от этого поцелуя и поймет, как смертельно Он оскорбил Иуду. Любите врагов ваших? Благословляйте ненавидящих вас? Молитесь за обижающих вас и гонящих вас? Вот Тебе за это поцелуй от врага Твоего!..

Но Иуда не узнал и даже испугался своего голоса. Он был тихим, хриплым, слабым. За два года Иуда ни разу не подхо-

дил так близко к Иисусу, потому как никогда не приветствовал Учителя поцелуем, как это делали другие ученики. Иуда понимал, что он просто боится подойти к Нему, и сам держался всегда в стороне. Один раз, правда, после обвинения его в воровстве, Иуда сидел рядом с Иисусом, да еще сегодня вечером Иисус умывал ему ноги, а он сидел выпрямившись, боясь пошевелиться, и сердце его бешено стучало в ту минуту и он остро ощущал каждое прикосновение рук Иисуса к его ногам. Но так близко Иуда подошел к Иисусу впервые. Иуда задыхался. Все тело было словно чужое, и Иуда чувствовал, что плохо владеет им. Теперь поцелуй. И Иуда вдруг понял, что сейчас, именно в эту минуту, он не может ненавидеть Иисуса. Иуда подался к Иисусу. Он слышал Его легкое, нежное дыхание, слышал ровное биение Его сердца. Иуда поцеловал Иисуса так бережно – он едва коснулся губами своими Его теплой, нежной, как шелк, щеки – и понял, что этот поцелуй был не плевок, как мечталось ему, а признанием в той сильной любви, которую пронес он через всю свою жизнь и которая запылала сильнее, когда Иуда увидел Иисуса два года тому назад.

Их взгляды снова встретились, и что-то невероятное случилось: бесконечное пространство поплыло и взволновалось, как поверхность моря под властью ветра, и звезды сошли со своих орбит, вечность обратилась в линию и беззвучно выгнулась, выпустив из себя одну минуту – минуту между поцелуем Иуды и словами Иисуса, угрожающую расши-

риться в жестокую и неумолимую вечность. Между Иисусом и Иудой происходило что-то, что должно было быть понятным только им двоим, но Иуда пока ничего не понимал, он ощущал только темный леденящий страх, сковывающий его разбитое сознание.

– Целованием ли предаешь Меня, Иуда? – прозвучал далекий и страшно близкий голос из бурлящей беззвучно вечности.

И действительный мир вдруг обезумел и взорвался шумом, и этот шум безжалостно залил уши Иуды. Запрыгало вокруг пламя факелов, слышался лязг оружия и чьи-то крики. Иуда видел, словно во сне, как Петр выхватил меч и, сильно размахнувшись, вяло и слабо опустил его на кого-то, и тот вскрикнул от боли. Иисуса уже не было рядом с Иудой.

– Уберите мечи, – прозвучал Его умиротворяющий далекий голос.

Иуда видел, как Иисус лечил ухо служителю Храма Малху, которое повредил меч Петра, как схватили затем Иисуса, как бежали испуганные римскими мечами ученики, как какая-то светлая голая фигура большими прыжками скакала по склону небольшого холма, спасаясь от римлян. Факелы стали удаляться, и лунный свет овладел Гефсиманским садом.

И остался Иуда один – слабый, потерянный, беспомощный, оглушенный своим внезапным сиротством, к которому он сам так стремился. Он стоял долго: шли минуты, а он все

не шевелился и глядел в темноту опустевшего сада... Наконец ноги его ослабели, и он рухнул на колени, упал ниц в ту траву, на которой несколько минут тому назад стоял Иисус. Горячие слезы брызнули из его глаз, он с жадностью целовал эту траву и взывал, как плакальщица на похоронах, затем мял траву и гладил ее нежно руками. Он затих. Он лежал на траве навзничь и, не мигая, глядел на луну, на темное пятно на ее светлом лице. Потом он привстал и сел на земле. Медленная, мстительная усмешка искривила его тонкие губы. Он поднялся на ноги и шагнул в лунную ночь...

...И не было больше покоя в душе Иуды, и тени его не осталось. Вся она шевелилась, звенела и гудела, стонала и выла, как раненый смертельно зверь. Не может быть теперь у него ни радости, ни счастья, ни друга, ни дома. Все стало враждебно Иуде. Воздух, которым он дышал, раздирает его грудь, деревья пресекали ему путь, земля то уходила из-под его ног, то поднималась перед ним, как стена. И луна, светившая сверху и сбоку, проклинала его и надсмехалась над ним, бешено танцуя какой-то безумный танец. Всеми проклятый, всеми брошенный одинокий Иуда направлялся в Иерусалим. Но внезапно он остановился. Ужас сжал ему горло, а прохладная ночь обдала его жаром. Он понял, что было во взгляде Иисуса, когда к Нему приближался предатель. В очах Иисуса была жалость к Иуде, прощение ему Его мучений, прощение его предательства и еще любовь, Его Божественная любовь. Нет, нет, только не это: лучше ненависть,

негодование, возмущение, – да что угодно, – но *это* оскорбительно.

Иуда заскрежетал зубами, но тут же насторожился. Где-то в стороне, но совсем рядом от него хрустнула ветка под чьей-то ногой. «Может, зверь какой?» – подумал Иуда. Хрустнула другая ветка, третья. И в эту минуту он увидел две человеческие, облитые луной фигуры. Одна была ниже и шире в плечах, другая – чуть повыше и стройнее. Они прошли совсем близко от Иуды и, уйдя в тень, исчезли с глаз его. Они прошли так близко, что Иуда узнал их. То были Петр и Иоанн. Они шли молча и очень торопились, потому и не заметили за деревом Иуды. Он еще немного постоял, подумал и пошел за ними, стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы хруст веток не выдал его: ведь в саду могли оказаться и другие ученики...

Глава 25. Беспокойная ночь

Анна почувствовал сквозь сон, что кто-то нагло и бесцеремонно тормозит его. Еще не проснувшись как следует, он подумал: «Кто же посмел? Встану – казню». Дело в том, что за ужином старик напился вина до последней возможности и уснул очень крепким сном, как бы потерял сознание. И теперь, когда его разбудили, причем в его же спальне, ослепили светильниками и он почувствовал, что его голова раскалывается, он взревел: «Казню всех».

– Да проснись же, Анна, – услышал он голос своего зятя.

– Светильники убери с глаз долой, – приказал Анна. Он шурился и никак не мог раскрыть свои старческие глазки; он уже сидел на своем огромном ложе.

Светильники унесли в дальний угол комнаты, Анна наконец открыл глаза и спросил:

– Что случилось, Каиафа?

– Анна, ты знаешь, что Его арестовали? – тревожно спросил Каиафа.

– Кого? – все еще пьяным голосом спросил Анна.

– Иисуса Галилеянина, – вскричал Каиафа.

– А-а, – протянул Анна, нимало не удивившись. – Послушай, кликни слугу, пусть вина принесет.

Каиафа всплеснул руками.

«Все же старик изрядный пьяница», – подумал он, пода-

вая знак слуге.

Слуга вернулся скоро с кувшином вина. Анна стал пить его жадными глотками прямо из кувшина, затем отставил вино на стол и посмотрел на Каиафу уже трезвым взглядом.

«Это серьезно», – подумал Каиафа.

– Вот теперь, дорогой мой, у меня голова уже не болит. И не надо ничего думать такого. Ты же знаешь, мой милый, вино – молоко для стариков.

– Ты знаешь, что арестовали Иисуса Галилеянина? – снова спросил Каиафа.

– Милый, который теперь час? – спокойно спросил Анна. – Я что-то не пойму.

– Пять часов ночи [23.00 по нашему времени. – В.Б.], – прошипел Каиафа.

– Вот правильно, Каиафа, говори тише. А то у меня от твоего голоса в ушах звенит. Тем более уже поздно. Так арестовали? Быстро.

Каиафа забегал по комнате.

– Я думаю, что уже арестовали. Так знал ты об этом, Анна?

– Знал. Не кричи так, – с болью поморщился Анна. – Успокойся, милый, все идет как надо.

Анна поднялся с постели и одел какую-то верхнюю домашнюю одежду.

– Идет как надо, – повторил Анна, – и нечего было меня среди ночи беспокоить. Я сам заказал арест на вечер четверга или на ночь пятницы.

– Почему я ничего не знал? – снова повысил голос Каиафа.

– Потому что, мой милый зять, ты очень суетишься и суешься туда, куда тебя не просят.

– А заказать арест и напи... – Каиафа запнулся. Он чувствовал, что плохо владеет собой, что он немного забылся и не совсем почтительно разговаривает сейчас с человеком, которого, между прочим, побаивается и от которого все же зависит. Он продолжал тихим голосом:

– Благородный Анна, мы так не договаривались. Мы договаривались, что Его арестуют римляне. Я, конечно, мало надеялся на это, что и вышло, и хотел убить Его *тайно, тайно*, а списать на разбойников или бродяг. А теперь синедрион втянут!

Анна удивленно поглядел на Каиафу.

– Как «втянут»? Разве Его арестовали не римляне? За что же я тогда заплатил тридцать серебряников тому мошеннику?

– Какому мошеннику? – быстро спросил Каиафа, не понимая.

– Его ученику, Иуде из Кариота.

Каиафа был поражен.

– Он что, не предал Его? – спросил Анна.

– Я слышал, – сказал тихо и медленно Каиафа, – что какой-то Его ученик вроде как предал Его римлянам. Но римляне почему-то взяли с собой и храмовую стражу. И теперь

получается, что прежде синедрион должен судить Его. Как быть? Судить? Мы же не имеем права из-за праздника при-судить Его к казни. Народ будет недоволен. Его сейчас при-ведут.

Анна слушал Каиафу, улыбаясь длинной полупьяной улыбкой. Затем он налил себе вина в чашу с рубинами и от-пил глоточек.

– Что же, судить, – сказал Анна. – Решить, что Он неви-новен, и отпустить Его. Так что народ будет нами доволен.

Каиафа удивленно взглянул на Анну.

– Отпустить на все четыре ветра?

– Ну, Каиафа, – засмеялся Анна. – А государственный за-говор? Если Иуда все исполнил, то римляне не могут Его отпустить. Не захочет Пилат, чтобы его самого распяли на кресте. Хотя нет... ему, кажется, грозит потеря должности и изгнание. Но, я думаю, он не захочет так судьбу свою иска-лечить. Мы отпустим, а римляне пусть думают. Понял?

– А сейчас что делать? – растерянно спросил Каиафа.

– Срочно созвать синедрион. А пока все съедутся, пусть этого Иисуса отведут ко мне. Любопытно на Него взглянуть.

За два часа до этого милого разговора зятя с тестем, Иуда быстро выбежал из дома, в котором оставался Иисус со Сво-ими учениками. Иуда чувствовал, что его трясет, в голове его был как бы туман. Он шел, даже иногда бежал, не замечая всей той предпраздничной суеты, которая была в городе. Он

не замечал прохожих, влюбленных пар, гуляющих под лунной, торговцев, собирающих свой товар, светильников, ярко пылавших в окнах домов. Он шел к облитой лунным светом страшной башне Антония, неся туда судьбу Иисуса. Он то хмурился, вспоминая очи Иисуса и Его последние слова, сказанные ему, то улыбался, предвкушая месть. Сердце его бешено стучало и от волнения, и от бегства. У ворот его остановили и преградили ему путь двое караульных солдат, ослепив сначала его светом факелов.

– Мне надо срочно поговорить с начальником караула, – сказал им Иуда.

Вид у Иуды был сумасшедший, голос его дрожал, хотя он пытался выглядеть спокойным. Римские солдаты странно оглядывали его. Иуда заметил заминку и, испугавшись, что его не пропустят и прогонят прочь, быстро добавил:

– Дело государственной важности. Я потому так и взволнован, что тороплюсь сообщить.

Солдаты переглянулись, и один из них пошел докладывать.

– Поверь, это очень важно для кесаря, – сказал Иуда оставшемуся солдату.

Но тот молчал и наблюдал за Иудой.

Наконец вернулся второй солдат и кивнул Иуде, что тот может войти. Во дворе его встретили двое других солдат, которые и проводили его к начальнику охраны.

Кентуриону Логгину, который дежурил в ту ночь, доло-

жили так: мол, пришел человек то ли сумасшедший, то ли нет, но не в себе, по виду иудей и просит принять его по какому-то «государственному делу».

– Не пьян? – быстро спросил кентурион.

И получил ответ, что тот не пьян. Крайне удивленный этим обстоятельством кентурион Логгин приказал позвать иудея. Странно, что иудей пришел к римской страже. Иудеи обычно сторонились римлян и, если что происходило, они шли в синедрион или обращались к храмовой страже.

Иуда вошел в каменную комнату и при свете двух горящих факелов увидел молодого, сильного, огромного роста кентуриона со строгим, как бы каменным, лицом с крупными, грубыми чертами.

– Дело очень важное, господин, – заговорил Иуда, когда они остались наедине. – Надо срочно арестовать очень опасного преступника, посягающего на государство и на власть кесаря.

Кентурион Логгин смотрел на Иуду холодно, сухо и равнодушно, словно Иуда был и не человек вовсе. «Статуи в нишах и то теплее глядят», – пронеслось в голове Иуды.

– Ты – иудей, – утвердительно сказал кентурион Логгин по-еврейски с сильным акцентом.

– Да, – ответил Иуда. – Но пойми...

– Не маши руками и отвечай четко, кто преступник?

– Виноват, господин. Это очень опасный человек...

– Он иудей? – в третий раз перебил Иуду кентурион

Логгин.

– Нет, не иудей. Он из языческой Галилеи...

– Иди в синедрион.

– Он подбивал людей к бунту. Ведь уже убили троих солдат, ведь игемон усилил даже уличные патрули. А Он говорит о вреде государственной власти и лично против кесаря говорил, – врал Иуда. – Разве, господин, вам мало убитых уже солдат? А вдруг Он потопит Иерусалим в крови? Разве я – иудей – могу не беспокоиться об этом? Он хочет стать Иудейским царем, поправ власть кесаря в Иудее. Даже, говорят, что, возможно, Его отец римский солдат, некто Пантер, – добавил Иуда и тут же пожалел о своих последних словах.

Кентурион Логгин грозно взглянул на Иуду, и тот испуганно отступил на шаг:

– Этому есть доказательства?

– Чему? – притворился непонимающим Иуда.

– Тогда не болтай, чего не знаешь. Ни один римлянин не пойдет против власти великого кесаря.

– Я все понял, господин, – Иуда вновь замахал руками. – Он – галилеянин, но Он подбивает народ не повиноваться великому кесарю.

Кентурион Логгин подошел к двери и, приотворив ее, сказал кому-то несколько слов на латыни, затем обернулся к Иуде:

– Ты пойдешь с нами, покажешь преступника.

Уже на улице, где собралось с десятков римских солдат, Иуда с ужасом увидел и подходящую храмовую стражу. Видимо, кентурион решил не рисковать и не поверил Иуде.

Когда Иисуса уже отвели в город, Иуда, осторожно шедший за Петром и Иоанном, вдруг в самых воротах города столкнулся с растерянным Фомой. Последний не понимал, что происходит вокруг и почему взяли Учителя. Ведь они только приходили в Храм и ничего никому плохого не сделали. Почему Иуда вдруг оказался среди римских солдат и не он ли, Иуда, привел их, как говорили другие ученики. Случайно встретившись с предателем в воротах города, Фома настолько растерялся, что заступил Иуде дорогу и даже руки раскинул в стороны, словно для объятий. Иуда хотел проскользнуть мимо него, но Фома по растерянности снова преградил ему путь. Он молчал и с большим удивлением смотрел на Иуду. При свете луны и городских огней Иуда увидел, что длинные волосы Фомы рассыпались (видимо, он где-то потерял повязку с головы) и светлая прядь закрывала половину его лица. Иуда понял, что уже упустил Петра и Иоанна. Нетерпеливая досада отразилась в его лице.

– Да опусти ты руки, Фома, некогда целоваться. Ты видел, куда повели Иисуса?

Фома молчал, но руки опустил.

– Фома, у меня нет времени, понимаешь? Нет трех дней, чтобы дожидаться твоего ответа. Куда повели Иисуса?

Во взгляде Иуды была злоба смешанная с брезгливым презрением, и Фома еще больше растерялся, когда понял это.

– Ну? – сквозь зубы сказал Иуда и нетерпеливо топнул ногой.

– Я... я не знаю, – чуть слышно произнес Фома. – Ты – предатель? Так наши говорят.

– Фома, разве я – предатель?

– Я не... я не знаю.

– Вот чего не знаешь, того не говори. Петра с Иоанном видел?

Фома молчал, и Иуда снова повторил свой последний вопрос.

– Видел. Так это не ты привел римских солдат?

– Я привел. Но так мне сказал Сам Учитель сделать, – соврал Иуда. – Куда они пошли? У меня нет времени с тобой возиться, надо спасти Иисуса...

– Неужели Сам Учитель... Спасать? А это возможно?

– Фома!.. – угрожающе сказал Иуда.

– Они пошли к первосвященнику.

– Не прошло и трех дней, – зло сказал Иуда. – И уйди ты с дороги, Фома. Встречающийся в воротах стеснит других, а смотрящий кротко помилован будет. Соломон сказал. Отойди, Фома.

Иуда побежал к дворцу первосвященника Иосифа Каиафы.

Пока во дворце Каиафы собирался синедрион, Анна принял Иисуса в той комнате, в которой он отсчитал тридцать серебряников Иуде. Было около полуночи, [Здесь и дальше для удобства указано наше время. – В.Б.] когда стража ввела Иисуса со связанными руками. В комнате горел всего один светильник. Он хорошо освещал Иисуса и оставлял в полумраке еще пьяного Анну и двух дюжих особо приближенных к бывшему первосвященнику служителей Храма, одетых в темные одежды. Все трое сидели за столом: Анна сидел в своем кресле, а служители расположились по бокам стола – один сидел по одну сторону стола, другой – по другую. Они сидели вполоборота к двери и на вошедшего Иисуса даже не взглянули.

– А вот и Он – Иисус из Назарета, пророк, – глумливо воскликнул Анна, еще толком не разглядев Иисуса.

Двое служителей захихикали.

Но когда Анна присмотрелся к Иисусу, глазки его несколько расширились, взгляд его замедлил и застыл. Анна внутренне вздрогнул. Он почти три года через своих слуг следил за Иисусом, но никогда Его сам не видел, и теперь чувствовал, что он, Анна, перед которым трепетали все: подчиненные, слуги, рабы, верующие, сектанты и даже домашние его – поражен и раздавлен. Он не ожидал, что Иисус *такой*. Но вдруг в сердце Анны закипела злоба, и тут же Анна ощутил, что в него как бы вливается нечто: темное, неожиданное и мистическое – он почувствовал, что какая-то внеш-

няя сила вселяется в его тело, чтобы укрепить его. Во взгляде Анны вспыхнула ненависть и стала разгораться под воздействием этой внешней, непонятной силы. Пульс его замедлился, лицо стало каменным и казалось помолодевшим, глазки горели с нескончаемой злобой, как у разъяренной змеи.

– Ну, Пророк, скажи мне, что это у Тебя за учение? Ученики? – сказал Анна.

– Я говорил явно миру, – спокойно ответил Иисус. – Я всегда учил в синагогах и в Храме, где сходятся иудеи. А тайно Я ничего не говорил. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им.

– Учил Он! Учитель!.. – зло и презрительно сказал один из служителей. Он подошел к Иисусу и, размахнувшись, ударил Его по щеке. – Как отвечаешь Ты первосвященнику!

Иисус спокойно взглянул ему прямо в глаза.

– Разве Я дерзил и сказал худо? Тогда покажи. Если Я говорил хорошо, зачем бьешь Меня?

Служитель размахнулся во второй раз и ударил Иисуса по другой щеке.

– Хватит, – остановил его Анна, недовольно оглядывая Иисуса. – Ты Ему уже губы разбил. Сядь.

Служитель сел, он еще кипел от злобы.

– Видишь, какие у меня слуги? – обратился к Иисусу Анна. – Отвечай, что спрашивают. И впредь не дерзи. Зачем Ты – галилеянин, пошел против нашей иудейской веры и создал какое-то Свое учение?

Анна ждал ответа, но Иисус молчал.

– Убить Его! – прошипел, не вытерпев, служитель, сидящий по праву руку Анны, тот, который бил Иисуса.

– Кто Твои ученики и где они? Отвечай! – взревел Анна, стукнув кулаком по столу.

Иисус молчал.

В эту минуту в дверь постучали, служитель встал и, отворив дверь, скрылся за нею, но вскоре вернулся. Он подошел к Анне и что-то шепнул ему на ухо.

– Пусть идет. Он мне уже надоел, – сказал Анна, вставая с кресла. Повернувшись к другому служителю, Анна сказала: – Вели принести ко мне в спальню вина, что-то у меня голова разболелась...

...Синедрион уже собрался в большой комнате, во дворце Каиафы. Именно эту весть и шепнул на ухо Анне служитель, и тот обрадовался, что вновь может лечь в свою мягкую, теплую постель и выпить перед сном чашу вина. Анна и так уже многое сделал, пусть теперь другие повозятся с этим Иисусом.

Собрались фарисеи, саддукеи, старейшины. Некоторые из них никогда не видели Иисуса, лишь слышали о Нем и пришли сюда среди ночи из любопытства, другие – яростно ненавидели Иисуса, а третьи – очень любили Его и пришли сюда, чтобы как-то помочь Ему, что-то предпринять, но они были в меньшинстве и очень растеряны, не чувствовали в себе сил и молчали. Было много так называемых «свидете-

лей», коих два года собирал и учил Каиафа.

Иосиф Каиафа вышел в зал в торжественном эфоде, строгий, прямой и на что-то решившийся. Он занял свое место первосвященника и судьи синедриона и открыл заседание, как только храмовая стража ввела в зал Иисуса.

Когда ввели Иисуса, у Никодима больно сжалось сердце. Он взглянул на первосвященника и успел заметить, как тот заметно и нервно вздрогнул и мгновенно побледнел. Каиафа широко раскрытыми глазами некоторое время поражено глядел на Иисуса и потом первые выступления прослушал невнимательно. Никодим хотел обратить внимание рядом с ним сидящего Иосифа Аримафейского на Каиафу, но он увидел, что Иосиф зачем-то скрупулезно рассматривает членов синедриона и видимо был весь поглощен этим занятием.

Начался и опрос «свидетелей». Они многое говорили, припоминали, почему-то обвиняли Иисуса в том, что Он исцеляет болезни и воскрешает мертвых. Всё это было несерьезно, но Каиафа пока ничего не говорил, сидел прямо и неподвижно, но видно было, что он недоволен и зол. Два «свидетеля», отобранные Анной, припомнили, что Иисус грозился разрушить Храм, больно избил торговцев и менял бичом и разогнал скот, а значит, еще нанес ущерб материальный.

Затем стали выступать с мест добровольцы – ораторы из фарисеев и саддукеев.

– А вот и он, – сказал тихо Иосиф Аримафейский Никодиму.

Никодим не понял и посмотрел на выступавшего сейчас оратора.

– Не туда смотришь, Никодим, – сказал ему Иосиф. – Видишь, напротив сидит фарисей во втором ряду третий слева. Маленький, худой, почти незаметный.

Никодим посмотрел на фарисея, на которого указал Иосиф. Действительно, незаметный, с серым лицом, с тонкими губами, которые располагались почти сразу же под носом, и более ничем не примечательный. Никодим никогда и не замечал его в синедрионе. Никодим удивленно взглянул на Иосифа, ожидая его разъяснений.

– Я потом тебе скажу о нем, – шепнул Иосиф.

Никодиму не сиделось на месте, он хотел выкрикнуть слова в защиту Иисуса, но слова против его воли застряли в горле комом и словно тяжесть какая-то навалилась на него. Он поглядел на Иисуса, в Которого летели сейчас камни человеческой глупости. Он видел очи Иисуса, и они приказали ему молчать, не выступать.

– Иосиф, что же это происходит? – шепнул Никодим.

– Потом объясню. Пока молчи, – тихо ответил Иосиф.

Вдруг поднялся Каиафа, подошел к Иисусу и сказал громко, чтобы слышали все:

– Ты грозился разрушить Храм и в три дня создать новый Храм Божий. Что же ничего не отвечаешь? Они против Тебя

свидетельствуют.

Иисус молчал.

– Заклинаю Тебя Богом Живым, – грозно выкрикнул Каиафа, как выкрикивают свои заклинания языческие жрецы, – скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

– Ты сказал, – ответил Иисус. – Скажу вам более: отныне увидите Сына Человеческого, Сидящего одесную Силы и Грядущего на облаках небесных.

Вдруг кровь бросилась в лицо Каиафы.

– Он богохульствует! – закричал Каиафа. Лицо его подергивалось судорогой. – На что вам еще свидетели? Все, все слышали богохульство Его!

Он, не владея уже собой, в истерике сбил с себя свой головной убор и обеими руками разодрал свой эфод.

– Что скажите вы теперь? – кричал Каиафа, воздев трясущиеся руки и горящими сумасшедшими глазами оглядывая ряды членов синедриона.

– Повинен смерти, повинен смерти, – доносилось со всех сторон зала.

– У нас праздник. Мы не можем казнить Его, – кричал Каиафа, расхаживая по залу в разодранной своей одежде. У него был нелепый, невозможный, сумасшедший вид. Он весь заметно дрожал. – К римлянам Его! Попросим у них справедливости. Лучше пусть умрет один человек, чем погибнет народ наш. За народ! За веру! – взревел он под конец.

Иисуса увели. Синедрион стал расходиться. Было очень поздно. Выходившие члены синедриона бурно, но негромко обсуждали закончившееся заседание. Во дворе дворца было много каких-то людей, гревшихся у костров.

Никодим и Иосиф вышли последними. Свежий холодноватый ночной ветерок дул им в лицо. Они решили пройтись пешком, чтобы немного прийти в себя после заседания. Взяв у одного из слуг светильник, они отправили своих слуг по домам. Никодим тяжело вздохнул. Ему было тошно, он весь ослабел и голова его туманилась от многих обрывочных мыслей.

– Что же это? – воскликнул Никодим слабо. – Нам, наверное, нужно куда-то идти? Что-то делать?

– Мы с тобой уже ничего не можем сделать, – твердо и веско сказал Иосиф.

– Куда Его повели? – не унимался Никодим. – Надо идти туда. Что же это? Ведь Иисус не должен умереть. Он и мне и другим не раз говорил, что не умрет человеческой смертью, а будет вознесен на небо, и многие из теперь живущих не вкусят смерти.

– Его пока до утра повели в караульню, к римской страже. Утром, возможно, суд у Пилата.

– Так надо идти на этот суд! – воскликнул Никодим с новым приливом сил. – Выступить свидетелями, защитить Иисуса. Что делают эти люди? Спаситель стоял у их порога, а они Его не увидели. Ведь это катастрофа! Что же, всё по-

прежнему: слезы, войны, страдания, смерть?.. Мы должны что-то сделать!

– Мы ничего не можем сделать, – повторил Иосиф. – Сейчас власть князя тьмы. Это буйствует исконный враг человеческий и мира. Он, только он, вложил в их уста те слова, которые говорили они. Он борется за свою власть над миром. И не нашим разумом понять, какие силы сейчас действуют в войне и какая война идет там, куда живым *пока* пути другого нет, как через смерть плоти.

– Своим разумом! – воскликнул Никодим. – Своим разумом я понимаю лишь одно: я и пальцем не пошевелил, чтобы спасти Его.

– И не в твоих это силах, Никодим, – вздохнул Иосиф. – Что мучить себя понапрасну?

– «Понапрасну»?! – негодовал Никодим. – Вот именно, что уже «понапрасну»! В том, что дьявол возымел силу и борется, как ты говоришь, за свою власть над миром, виноваты все мы, каждый из нас. Чему мы научились у пророков? Как только какой народ отступал от Божьих заповедей, дьявол завладевал той землей, и исчезали целые города в стихиях. Когда после смерти Соломона сто семь седьмин тому назад Ассирия завоевала Израиль и разделилось царство наше, нам надо было задуматься о том, что отступили мы от заповедей Божьих. «Опомнитесь, опомнитесь, – кричали нам пророки и Исайя, и Даниил, и Иеремия, – к вам уже идет Мессия. Приготовьте же пути Ему. Иначе погубите и Его,

и дело Его, а значит, самих себя: ведь пророк Даниил ясно сказал, что если Христос умрет и в середине седмины прекратится жертва и приношение, то вскоре Иерусалим будет разрушен. [Пророку Даниилу приснилось два сна: в первом – Христос выполняет Свою Миссию и наступает век святых, во втором – возможность неудачи (смерти) Христа. Жертва и приношение – это служение. – В.Б.] А что мы сделали? До сих пор захлебываемся собственным гневом и кровью из-за того, что мы под пятой римлян, а о Боге совсем и забыли, поэтому и римляне сейчас на нашей земле, поэтому и Христа не смогли узнать. И теперь дьявол отбирает у нас самого дорогого Человека, нисшедшего к нам с небес, чтобы спасти нас. И теперь ждите времен, когда будут «блаженны нерожавшие и сосцами не питающие». Вот тебе и «понапрасну», Иосиф! Что теперь сделаешь?

– Да, ты прав, Никодим, – согласился Иосиф Аримафейский, сокрушенно кивая головой. – Если Он ничего не смог сделать с этим, то нам, обычным человекам, уже и невозможно что-нибудь исправить. Мы все виноваты в том, что родился этот фарисей, и теперь он сидит в синедрионе. Ты запомнил того фарисея, на которого я указал тебе?

– Что? – припомнил Никодим. – Да, я его заметил, постарался запомнить. Странно, что я раньше его не замечал.

– А он давно был членом синедриона, а ты его не замечал. Странно, не правда ли? – отметил Иосиф. – Я и сам впервые, только сегодня, его *увидел*. Иисус открыл мне на него глаза.

Такие люди рождаются крайне редко, а этот – совсем исключение. Единственный в своем роде. Вообще, эти люди держатся незаметно, в тени, и даже горды тем, что другие люди их не видят.

Никодим не понял.

– Как так «не видят»? Он же из плоти.

– Не видят, то есть не замечают.

– Да кто же он?! – воскликнул Никодим.

– Тише, Никодим. Он тот, в чьих руках сейчас воля и мысли глав еврейства и многих членов синедриона; может быть, и воля римских властей. Он играет волей других, как играют мальчишки камешками. Он тот, кто зрением своим и слухом достигает самых темных миров, кто говорит с самим дьяволом. Он знает, что делает, и впитывает в себя темную силу от дьявола. Дьявол сам вливает в него эту силу, и *прямыми* словами и образами управляет им. Сей фарисей точно знает, чью волю творит. Каиафа кричал в истерике, но он думает, что служит Богу, а этот фарисей *точно знает*, чью волю он творит и кому служит. И для чего служит.

Никодим был поражен.

– Дьявол желает убрать Иисуса из этого мира, – продолжал Иосиф, – и этот фарисей делает все для того, чтобы погубить Его и услужить своему хозяину. Он – тайный и главный сейчас в мире слугитель дьявола. Анна, Каиафа, члены синедриона, римские власти, народ – все на виду, а этого фарисея никто не видит.

– А какое его имя?

– Этого я не знаю. Может быть, когда-нибудь человечество узнает, что главный виновник всего этого – дьявол, и орудием его в мире был этот фарисей. Я знаю одно: этот фарисей родился на земле в последний раз. Больше он никогда не войдет в утробу женщины, чтобы родиться в мире. И будущее воскресение для него закрыто. После своей смерти в мире он сознательно откажется от своей монады и вручит себя в качестве вернейшего слуги дьяволу. Имя его будет – Клингзор. Он – главный враг Монсальвата.

– Монсальвата? – не понял Никодим.

– Я ничего более не могу объяснить тебе. Слово «Монсальват» звучит здесь и здесь, – Иосиф указал на свое сердце и голову. – Но говорю тебе, Никодим, сейчас среди людей пособников дьявола много, но они думают, что, преследуя Иисуса, они служат Богу, искренне так думают и веруют в это, а этот – знает, кому служит.

– Я слышал, что Иисуса предал Иуда Искариот. Этот тоже думает, что служит Богу?

– Он осознает, что предал Господа нашего. Он точно знает, что Иисус – Сын Божий. В этом и весь его ужас. Но он не видел и не знает той силы, которая манила его мыслями и мечтами о верховенстве иудейского народа над другими народами и заставила его совершить самое страшное преступление, которого никто еще не совершал... Эх, жалко погубившего себя человека.

– Говорили, что он жаден и за Иисуса взял деньги, – сказал Никодим.

– Говорю тебе, Никодим, Иуда не жаден. Он отдал бы все золото мира, лишь бы осуществилась его мечта. Если бы он был жаден, разве он бросил бы все, что имел в жизни, и пошел бы за Иисусом. Я сейчас, Никодим, не от себя говорю. Через слово Божие открывается истина. Помнишь, нам говорил Учитель: нет ничего тайного, что бы не стало явным... Самое страшное, что Иуда увидел препятствие в Иисусе для осуществления своей мечты и возненавидел Его.

– Иуда служит дьяволу?

– Не совсем. Более мелкому демону – демону государства Иудеи, а этот демон весь во власти дьявола и служит ему сейчас.

– «Сейчас»? Разве не все демоны служат дьяволу? И что за демон такой?

– Демон государства – особенный. Он – душа государства. Нет ни одного государства на земле без такого демона; он же и выдвигает из людей вождей и глав государства. Он имеет двойственную природу. Если этот демон слушает только голос демиурга народа, то и для него не закрыт рай. Но демон Иудеи совсем теперь не слышит демиурга, дьявол – его господин.

Иосиф и сам был удивлен тем, что он пересказывает все это теперь Никодиму. Все, что он видел и слышал в своем видении. Еще накануне этой беспокойной ночи, когда безвет-

ренный день уже старел, загораясь прощальным ярко-оранжевым огнем на западе, вдруг что-то случилось со зрением и слухом Иосифа. Реальность отступила на второй план и перед Иосифом явился Ангел. Он показал ему Иуду и деяния его, сказал все то, что сказал теперь Никодиму Иосиф, а затем сказал: «Сегодня обязательно будь на заседании, ибо предается Сын Человеческий, и Он покажет тебе того, кто видит врага нашего. Ищи его среди фарисеев».

Ангел исчез, и реальные предметы выступили вперед. «Неужели я спал на ходу?» – удивился Иосиф. С ним такое произошло впервые. Он ощупал себя, оглянулся зачем-то и увидел, что уже наступила последняя предпраздничная ночь...

Иуда побежал к дворцу первосвященника. Он внимательно высматривал впереди себя: может, увидит кого-то из учеников. Сейчас близ дворца было светло от множества факелов и светильников в руках каких-то людей. И он увидел Петра и Иоанна. Они стояли у ворот дворца Каиафы. Иуда спрятался за углом и стал следить за ними. Он видел, что Иоанна пропустили во двор, а Петр остался на улице один. Иуда перебежал улицу и затаился в тени ограды, ближе к Петру. Теперь Иуда мог слышать, как Петр тяжело вздыхал. Дверь в воротах снова отворилась.

– Петр, – узнал Иуда голос Иоанна, – и тебе можно войти. Здесь во дворе много людей. Но во дворец первосвященника

мы не войдем. Там уже идет суд.

Вдруг прозвучал крикливый женский голос:

– Ой, а я тебя, кажется, знаю. Ты был с Тем, Которого арестовали сегодня и теперь судят.

– Кого арестовали? – вздрогнув, испуганно спросил Петр. – Я не знаю никого.

Его впустили.

Иуда, услышав слова Петра, чуть громко не расхохотался, но успел зажать себе рот обеими руками. «Не ожидал от тебя, Петр, – подумал Иуда. – Львицы не испугался, а суда устрасился». Успокоившись, Иуда тоже подошел к воротам и громко постучал в них. Отворили дверь. Привратница, невысокая, полная, немолодая женщина, спросила его, что ему нужно. Иуда узнал ее голос, это она опознала Петра.

– Я свидетель по делу, – шепнул он ей и зачем-то подмигнул.

Она тут же, не сказав более ни слова, пропустила его во двор, где уже пылало множество костров. Иоанн и Петр тоже были во дворе. Иуда видел, что Иоанн пошел к дому и утонул в его тени, а Петр подошел к одному из костров, потому что озяб. У костра грелись «свидетели» и охрана Храма. И тут Иуда услышал бас Петра:

– Что вы привязались ко мне? Я не знаю Его.

«Эх, Петр, Петр. Иисус, зачем Ты променял верного и любящего Тебя Иуду на Петра?» – думал Иуда, придвигаясь поближе к костру. Он и сам озяб, дрожь била всё его тело, по

временам его сознание как бы меркло.

– Нет, я же его знаю, этот был с Ним, посмотрите, он – галилеянин, – послышался чей-то убежденный голос.

– Отвяжись. Я не знаю, о чем ты говоришь, – произнес Петр.

И тут где-то из глубины двора донеслась песнь петуха...

...Петр не знал, как он вновь очутился в Гефсиманском саду. Он не помнил, как проскочил мимо что-то кричавшей ему вслед привратницы, как бежал он по улицам города. Глаза его были залиты слезами и он всё шептал дорогою: «Эх, я проклятый». Когда в третий раз он отрекся от Иисуса и запел петух, Петр вздрогнул, как от удара бичом, и сердце его больно оборвалось. Он вспомнил лик Иисуса и грустные слова Его:

– Не пропоет сегодня петух, как ты трижды от Меня отречешься.

Он бежал с первосвященникова двора, забыв об Иоанне, плакал дорогою навзрыд и очнулся лишь в саду, где тихо пел свою песню Кедронский поток. Петр сел под корявой старой оливой, обеими руками закрыл лицо свое, и сквозь его пальцы текли и текли горячие слезы. Затем он перестал плакать и застыл. Так его, сидящим под деревом, похожего на большой камень, и застало утро страшного дня.

Глава 26. Влиятельный призрак

Утро выдалось жаркое, яркое, солнечное и обещало такой же жаркий день. В небе не было ни облачка. Каменный город весь пылал под солнцем и с ненавистью глядел на этот город из окна во дворце Ирода Великого светловолосый, высокий, еще молодой мужчина со строгим, красивым, гладко выбритым лицом. Черты его лица были правильными, но в то же время были резкими, крупными, выдающимися, что делало лицо его грозным и властным. Такому впечатлению способствовали и широкие скулы, и крупные, но прекрасно очерченные губы, и красивый орлиный нос. Взгляд его больших зеленых глаз был тяжел, властен, но не неприятен. Мужчина был хорошо сложен и мускулист, короткие волосы его были завиты, как у римских патрициев. Он перевел свой тяжелый взгляд с города на ворота дворца. Оттуда доносился гул многих голосов, казалось, это шумит море, это волны Средиземного моря разбиваются об ограду дворца. Средиземное море, Капрея, наконец, Рим... «Я скоро начну бояться нового дня. Что у этих иудеев снова случилось?» – подумал мужчина и поморщился от досады. Суд над троими преступниками уже состоялся, сегодня их должны казнить, и Пилату, – а это был он, – очень хотелось отдохнуть сегодня, так как все указания и распоряжения по поводу сегодняшней казни были подписаны им и розданы подчиненным. Понтий

Пилат все сделал, что от него, как от иудейского прокуратора, требовалось. «Придется подтянуть в город еще две кентурии», – подумал Пилат. Сейчас в городе было двенадцать кентурий, две сирийские алы и личная охрана прокуратора. После убийства солдат разбойниками, Пилат усилил уличные конные патрули, но дополнительно войска не призывал. Теперь он решил, что две кентурии будут не лишними. Шум за оградой не прекращался, и Понтия Пилата это начинало очень тревожить. «Что делает охрана? Нужно приказать ей прогнать эту толпу прочь. Проклятый город, камни, пыль. Хорошо, что при дворце есть сад», – думал Пилат, и тут его взгляд упал во двор, где он увидел, что двое его охранников ведут какого-то связанного Человека во дворец. И с ними был кентурион Логгин.

– Этого еще не хватало! – тихо процедил сквозь зубы прокуратор, отметив тут же про себя, что связанный совсем юн и очень избит.

«Странно, на преступника Он не похож. Что же такое Он мог сделать? Хлеб в местной лавке, что ли, украл?» – подумал Понтий Пилат и, отойдя от окна, пошел кликнуть слугу, чтобы тот немедленно позвал к нему его секретаря. «Снова суд», – подумал Пилат, закрепляя пряжку на своем плаще.

Дверь отворилась и вошел маленький, невероятно худой секретарь в черных одеждах. Это был совсем молодой еще человек, но с каким-то старческим маленьким лицом. Вслед за ним вошли стражники, Подсудимый и кентурион. Двери

заперли, и все заняли свои места на балконе: Пилат сел в кресло, секретарь сел по левую руку от Пилата за стол, на котором разложил несколько свитков пергамента и письменные принадлежности; Подсудимый стоял в центре балкона перед креслом Пилата, а по обе стороны от Него, отступив на шаг назад, стояли стражники; кентурион стал впереди Подсудимого, но немного в стороне. На балконе под колоннами, с которого равно были видны и восток и запад, сильнее запахло розовым маслом и миртом. Накануне закончились праздники в честь богини Венеры Прародительницы, потомком которой считался Юлий Кесарь, и вся одежда римских солдат, а также казармы во дворце и помещения в башне Антония еще были пропитаны запахами любимых растений богини. Тени от колонн чередовались с солнечными дорожками. Подсудимый стоял в солнечной полосе, Он смотрел в сторону восходящего солнца и чуть улыбался разбитыми в кровь губами.

– Кентурион, – сказал Пилат тихо, но строго, – развяжи Подсудимому руки. Или ты забыл, что на суде не должно быть связанных рук.

Кентурион Логгин опомнился, сделал знак стражникам, и те развязали руки Иисусу.

– Кентурион, все ли записи по делу ты передал секретарю? – спросил Пилат.

– Все, прокуратор, – ответил тот.

– Все ли записи по делу ты получил? – обернулся Пилат

к секретарю.

– Все, прокуратор, – ответил секретарь.

Пилат протянул руку к секретарю и тот вложил в нее два пергамента. Пилат бегло просмотрел их, но без внимания и многого не заметил. Все равно все обстоятельства дела обозначатся на суде.

Пилат медлил, оглядывая Арестованного. «Лет двадцати-двадцати двух, не иудей, небогат. Интересно, почему Он все время смотрит в небо?» – отметил Пилат, и более ничего не заметил в Нем. «Он сильно избит, – оглядывал Его далее Пилат. – Ссадины на лице, губа рассечена. Почему Он вызывает такую ненависть к Себе, почему с Ним так жестоко обошлись?»

И тут Арестованный взглянул на Пилата. Пилат вздрогнул, побледнел и отшатнулся на спинку кресла. В первую минуту он не мог понять, что с ним самим произошло и что так поразило его во взгляде Подсудимого. Затем он понял странное: он не может и не хочет отвести свой взгляд от Его очей. «Да Он поразительно красив! Одни глаза чего стоят! Но Он так избит, что я сразу этого не заметил. Взгляд... Что же в Его взгляде? – мучительно думал Пилат. – В нем доброта, и не просто доброта, а какой-то идеал доброты, доброты в чистом виде, и в то же время... Да, власть! Он словно переодетый в нищенскую одежду император. Его обвиняют в том, что Он будто бы называл Себя Иудейским Царем... Нет, в Его глазах какая-то другая власть... Не понимаю».

– Дайте мне записи по делу, – приказал Пилат, и в этот раз внимательно просмотрел один из пергаментов. Это был протокол синедриона.

– Богохульство... Сын Божий... повинен смерти... – бормотал Пилат, затем, обернувшись к кентуриону, он спросил: – Что кричат люди за оградой? Чего они хотят?

– Они пришли по этому делу, прокуратор, – почтительно ответил кентурион Логгин, – и требуют, чтобы ты распял Его, – указал он на Иисуса.

– Что-о?! – тихо и грозно спросил Пилат. – Мало того, что эти иудеи закрыли все мои проекты своим Законом, мало того, что из-за них я снял кесарские вензеля с ворот претории, теперь они мне будут указывать, какое решение я должен принять на суде?!

Даже невозмутимый всегда кентурион Логгин дрогнул от этих тихих слов прокуратора.

– Что же, приступим к суду, – тихо и медленно произнес Пилат.

– Знаешь ли Ты латынь? – спросил Пилат Иисуса, – или вести допрос на еврейском?

– Я знаю много языков, – просто ответил Иисус на латыни. – И буду отвечать тебе на том языке, который изберешь ты, прокуратор.

Пилат поймал себя на том, что он любит мелодичным, богатым оттенками голосом Подсудимого. Но как Он говорит на латыни! Как настоящий римлянин, получивший хо-

рошее образование, знающий философов и авторов.

– Назови Себя. Кто Ты? – продолжал Пилат.

– Иисус из Галилеи.

– Так Ты – галилеянин? И Твой родной язык арамейский? – удивился Пилат.

Появилась надежда отказаться от этого дела и отправить Иисуса в Тивериаду на суд тетрарха. «Но богохульство... – подумал Пилат. – Не хотел бы я, чтобы убили этого необычного Человека. Ведь Его, по их законам, забросают камнями». Но для порядка спросил секретаря, знаком ли тетрарх Ирод Антипа с делом Подсудимого.

– Тетрарх находится сейчас в Перее в замке Махерон. К нему послали с донесением сразу после произведенного ареста, – отвечал секретарь, – и ответ получен сегодня утром. Он отказался от суда над Иисусом из Галилеи.

– Вот как! – сказал Пилат. – Кто свидетели по этому делу? И где они?

– Сегодня у иудеев праздник, – ответил секретарь. – Они не могут войти в преторию. Свидетели ждут тебя, прокуратор, за воротами.

– У них праздник! – усмехнулся Пилат. – Интересно, у них когда-нибудь бывает непраздник.

Пилат снова обратился к Иисусу:

– Ты Царь Иудейский?

– От себя ты говоришь это или другие сказали тебе обо Мне?

«Какой удивительный у Него голос. Не похоже, чтобы Он был из рода Ирода», – подумал Пилат и сказал:

– Разве я иудей? Это Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. Что Ты сделал?

– Ничего плохого Я не делал, – ответил Иисус.

– Итак, Ты – Царь Иудейский? Ты не ответил.

– Царство Мое не от этого мира. Если бы от этого мира было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям, но *ныне* Царство Мое не отсюда.

– Итак, Ты – Царь?

– Ты говоришь, что Я Царь, – ответил Иисус. – Я родился, пришел в этот мир, чтобы свидетельствовать об истине, и всякий, кто от истины, слушает Меня.

– Свидетельствовать об истине? – переспросил Пилат. – А что такое истина?

– Царство Мое есть истина, – ответил Иисус.

– Итак, если Ты будешь Царем в Иудее, это будет истина?

– Нет, Я говорю, что истина есть Царство Мое, которое ныне не от этого мира. А ты, прокуратор, говоришь о царствах этого мира.

Бывший трибун легиона и теперешний прокуратор Иудеи понимал, что он не так ведет допрос, что его уносит куда-то в сторону. Но ему почему-то хотелось говорить и говорить с Этим Человеком, вслушиваться в богатство и красоту Его голоса, хотелось смотреть в Его добрые глаза. Много людей

он видел в своей жизни, но никогда не встречал *такого* Человека. Пилат и сам вдруг обратился к небу, и заворожила его утренняя голубизна и чистота неба, видная меж колонн, и мысли полетели прочь от допроса, он вдруг вспомнил строки своего любимого поэта Вергилия:

*Ибо он бог для меня, и навек, – алтарь его часто
Кровью будет поить ягненок из наших овчарен.*

Зачем этот допрос? Какой суд? Там внизу в саду есть прекрасная тенистая аллея, есть скамейки, над которыми нависают листья пальм и ветви смоковниц. Вот бы сейчас встать и пойти с Подсудимым в этот сад и поговорить с Ним о поэзии и о Его странном, загадочном и таком притягательном, манящем Царствии. «Ты Царь, я это вижу, – бежали мысли. – О боги, что же Ты такого сделал иудеям, что они хотят предать Тебя на самую страшную смерть, которую только выдумал человек. Самую страшную, так говорил Марк Туллий Цицерон».

– Ты подговаривал кого-нибудь разрушить Храм? – продолжал Пилат допрос, в то же время понимая, что задает вопрос просто так, потому что этот вопрос нелеп. Как же можно разрушить Храм в городе, наполненном римскими войсками. Разрушить Храм можно только в ходе большой битвы, когда войско идет на войско. А стоящий перед ним Человек был совсем не военный. Но такое обвинение было в

протоколе синаедриона и для порядка следует задать и такой вопрос.

– Нет, прокуратор. Я говорил: разрушьте этот Храм, который вы превратили в вертеп разбойников, и Я в три дня воздвигну Храм Истины.

– То есть Храм Царства Твоего? – уточнил Пилат, подумав при этом: «Как это верно – «разбойников»!»

– Храм Отца Моего, как написано: «дом Мой домом молитвы наречется для всех народов».

– Отцом Ты называешь Своего Бога? – спросил Пилат, припомнив слова в протоколе «Сын Божий».

– Бог един для всех.

– Свидетели по этому делу? – обратился Пилат к секретарю, как бы проснувшись.

– Ждут у ворот, прокуратор, – ответил секретарь и снова склонился к пергаменту.

Пилат поднялся с кресла и вышел на другой балкон, который подходил к самой ограде. Секретарь последовал за ним. Солнце ударило Пилату в глаза и ослепило его на мгновение, а уши его залило гулом беспокойного моря. Затем он увидел внушительную толпу внизу у ограды и разобрал отдельные выкрики: «Распни Его! Распни Его!»

Пилат поднял руки и ждал, когда утихнет толпа, когда она будет готова выслушать его. И бушующая толпа постепенно утихла и замерла, и стали слышны далекие звуки утреннего города.

– В чем вы обвиняете Этого Человека? – спросил Пилат.

– Если бы Он не был преступник, не предали бы мы Его тебе. Просим справедливости, – ответили ему.

– Я не нахожу в Нем никакой вины и намерен отпустить Его.

Толпа вновь взревела:

– Распни Его! Распни!

– Я не нахожу в Нем никакой вины. По римским законам, Он невиновен. Если вы находите в Нем вину, возьмите Его и распните сами, – ответил Пилат брезгливо. Его выводила из терпения наглость иудеев, указывающих ему, какой приговор он должен вынести.

– Мы не можем никого казнить, мы не сможем есть пасху, а Он достоин смерти. Справедливости! Распни Его! – кричали они.

Пилат снова поднял руку, чтобы унять разбушевавшуюся толпу.

– На праздник пасхи, – заговорил Пилат, когда толпа утихла, – я отпускал вам одного. Таков у вас же обычай. Хотите я отпущу вам Царя Иудейского?

– Нет, не Его, Варавву отпусти нам.

– Кого?! – удивился Пилат. – Варавва убийца, и вы хотите, чтобы его вам отпустил? Он убивал и грабил вас же, иудеев. Что вам сделал Иисус Галилеянин? Я не нахожу в Нем никакой вины, в третий раз повторяю.

– Он называет Себя Сыном Божиим. Это страшное пре-

ступление перед иудейской верой. Это богохульство.

– Какое богохульство? Разве не все мы сыны Божьи? – удивился Пилат. – Что в том? Это недостойно смерти.

– Если отпустишь Его, ты не друг кесарю, ибо каждый делающий себя царем противник кесаря, – сказал кто-то совсем рядом с балконом.

Пилат взглянул вниз и увидел маленького худого человека в одежде фарисея. Пилат вдруг почувствовал, что у него жар и горит все тело, как в болезни. Затем он на весеннем солнышке ощутил холод, какой бывает в винных погребах. Пилат снова взглянул вниз, но там уже никого не было. «Что это? – подумал Пилат. – Может, я заболел? Что за видение? Фарисей не мог сюда проникнуть».

– Что Он вам сделал? – с трудом хриплым голосом выговорил Пилат.

– Он говорит, что любое государство есть зло, а Его Царствие есть жизнь и истина. И настанет время, когда на земле исчезнут все царства, тогда наступит Его Царство. Это заговор против кесаря и его власти, – слышался вновь противный голос совсем рядом.

Пилат взглянул вниз, но там никого не было. А толпа за оградой ревела и выла: «Распни Его! Распни Его!»

Пилату стало трудно дышать. Голова ужасно болела, жар и холод в его теле сменялись поминутно.

– Стража, – тихо сказал Пилат, – передайте охране, чтобы обыскали весь сад и двор. Ищите невысокого фарисея.

Пилат пошатнулся и оступился, его поддержал секретарь. Затем Пилат вернулся на балкон, на котором происходил суд. Иисус смотрел спокойно, мягко и ясно.

– Откуда Ты? – спросил Пилат и со страхом, и с грустью, и как-то растерянно.

Иисус молчал.

– Мне ли не отвечаешь? – спросил Пилат, чувствуя, что его голос срывается в хрип. – Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя или отпустить?

Жар владел телом Пилата, усилилось сердцебиение, и в голове Пилата снова промелькнула мысль о том, что он болен.

– Ты не имел бы надо Мной никакой власти, – заговорил Иисус, и Пилат почувствовал, что от одного только голоса Его, жар прошел и сердце его ровно застучало, ощущение здоровья разлилось по всему телу, голова прояснилась, – если бы не было дано тебе свыше, поэтому более греха на том, кто предал Меня тебе.

– Значит, так распорядилась Фортуна? – прошептал Пилат и затем обратился к Иисусу: – Все же откуда Ты?

– Оттуда, куда Мне очень скоро придется пойти, – ответил Иисус.

Пилат задумался: он ничего не мог понять. Он видел только одно – Иисус невиновен. Пилат спросил у секретаря второй свиток и развернул его. Это был донос некоего Иуды из Кариота. Строки запрыгали перед глазами Пилата, и его бро-

сило в жар, – донос о государственном мятеже с целью захвата власти в Иудее. Пилат видел Иисуса и знал, что этот донос – клевета от первого до последнего слова. Но этот донос видели многие люди, и наверное уже послали его к наместнику в Сирию и к императору на Капрею. Перед глазами Пилата мелькнула тень маленького фарисея с тонкими губами: «Ты не друг кесарю...» Мысли Пилата спутались. «Но этот фарисей – он всего-навсего призрак...» Но должен быть какой-нибудь выход! Если собаки хотят загрызть тебя, им нужно бросить кость.

Пилат вновь вышел на балкон, выходящий к ограде.

– Я не вижу никакой за Ним вины... – начал Пилат, и толпа взревела.

Пилат подождал, когда восстановится тишина, и продолжил:

– Если Он по вашим законам виновен, я накажу, но отпущу Его. Варавву не могу отпустить.

– Варавву нам отпусти, а Его распни.

Но Пилат дальше не слушал. Он вошел на балкон с колоннами и взглянул на Иисуса. Он был спокоен, и в очах Его читалось, что Он все знает о Своей участи.

– Знаешь ли Ты Иуду из Кариота?

– Знаю. Это Мой ученик.

– А знаешь, что он Тебя предал римским властям? Вот его показания, подписанные им.

– Знаю, – ответил Иисус.

Пилат с грустью поглядел на Иисуса и, обращаясь к кентуриону Логгину, сказал:

– Возьми Подсудимого и накажи Его бичом.

Иисуса увели. Была надежда обратить донос Иуды в шутку, в фарс: лишь бы бичевание Иисуса удовлетворило народ. В это время секретарь доложил Пилату, что охрана обыскала весь сад и двор, но никого постороннего не нашла. Пилат знал, что будет так: не было никакой возможности человеку проникнуть за ограду дворца.

Через некоторое время Иисуса привели. Пилат взглянул на Него, рассвирепел и вплотную подошел к кентуриону:

– Вы что, не могли Его бичевать не как обычно, а лишь для виду? – прошипел он в лицо кентуриону.

Кентурион Логгин побледнел и в глазах его мелькнул испуг. Он видел Пилата в гневе на поле битвы, но у этого гнева, который вспыхнул в прокураторе теперь, был какой-то особенный оттенок.

– Оденьте на Подсудимого багряницу и наденьте на голову терновый венец. Затем выведите Его на балкон к народу, – приказал уже обычным голосом Пилат.

Все было исполнено. Пилат вновь вышел на балкон; с ним вышли секретарь, кентурион и Иисус в сопровождении двух стражников.

– Я наказал Его, – сказал Пилат в толпу. – Се Человек!

– Распни Его!

– Царя ли вашего распну? – зло прокричал Пилат и окинул

толпу бешеным взглядом.

– Нет у нас другого царя, кроме кесаря, – кричали.

Собаки проглотили кость и требовали большего.

– Отпусти нам Варавву.

– Принесите мне воды, – грозно, но сдержанно сказал Пилат сквозь зубы.

Секретарь пошел по воду. Пилат вновь ощутил жар во всем теле, словно внутри него разожгли костер. Мелкая дрожь сотрясала Пилата. Он чуть заметно покачнулся и в голове его стрелой пронеслась мысль: «Призрак где-то рядом».

Толпа молчала, она ждала. Вскоре секретарь вернулся с большой чашей, наполовину наполненной водой. Пилат вымыл руки и, подняв их вверх и повернув ладонями к ненасытной толпе, сказал:

– Я умыл руки перед солнцем: в крови Этого Человека я неповинен, увидите, – сказал Пилат сдержанно, но глаза его пылали бешенством и лихорадочным огнем.

Толпа взорвалась ликованием.

– Да падет Его кровь на нас и наших детей, – смеялись в толпе.

Пилат уже этого не слушал. Он вышел на балкон с колоннами и продиктовал секретарю приговор. Он утвердил приговор синедриона: повинен смерти. И отпустил Варавву.

Глава 27. Чаша – Святой Грааль

Палачи и легионеры суетились, укладывая в повозки веревки, бревна для крестов, гвозди, молотки. Перекладины к крестам лежали на земле, их надлежало нести приговоренным к смертной казни. Было восемь часов утра, когда привели троих обреченных на казнь. Их заставили взять перекладины к крестам и погнали их впереди медленно двигавшихся повозок с приспособлениями для казни. Работы предстояло много, поэтому и палачей было несколько. Глашатаи в это время выкрикивали приговор преступникам на трех языках: еврейском, греческом и латинском, и любопытных людей, толпившихся по обеим сторонам улицы, по которой должно проходить скорбное шествие, уже теснили к домам закованные в бронзу и железо кентурии.

В этой толпе были многие, кто знал Иисуса, кому Он помог, здесь были и ученики Его. Ждали недолго, вскоре показалось на свободной от толпы дороге и самое шествие. Ученики увидели, что Иисус идет, едва передвигая израненные ноги и сгибаясь под огромной тяжестью перекладины. Они видели, как несколько раз Он упал на камни настила, а легионеры, сопровождавшие шествие, били Его, чтобы Он шел дальше, видели, как один раз какая-то женщина прорвалась сквозь оцепление к упавшему под непомерным грузом Иисусу с такой стремительностью и так для всех неожидан-

но, что ее никто не успел задержать, и она вытерла Ему лицо своим платком. Наконец легионерам надоело это медленное шествие, надоели эти непредвиденные остановки, и двое из них вытащили из толпы какого-то здоровяка и заставили его нести перекладину Иисуса. Но и здоровяк с трудом нес ее. Позже говорили, что перекладина эта сделана была из бревна, долго пролежавшего в воде какой-то купальни, потому-то перекладина и была такой тяжелой.

В то время, когда шествие двигалось к Голгофе, к горе, находящейся за стенами города и служившей долгое время для римских казней, Пилат, сидя все в том же кресле, в котором он сидел, когда судил сегодня утром Иисуса, обдумывал одно предприятие. В его голове все складывалось настолько хорошо, что он, будучи человеком деятельным, решил прежде кое-что уточнить и проверить. Пилат кликнул слуг и коротко приказал:

– Приготовьте мне коня.

Слуги бросились выполнять приказание прокуратора, а через полчаса Пилат мчался по опустевшим улицам города (все были уже в долине у подножия Голгофы) к дворцу бывшего первосвященника Анны. Пилат чувствовал, что роль Анны в этом деле была значительной и во многом он виновник. С отвращением и злобой думал Пилат об Анне, гнев в нем глухо кипел. Но во дворце Анны Пилата не приняли, положили, что Анна уехал, а куда, никто не знает. Пилат знал, что это ложь: Анна, погрязший в подленьких своих пороках,

никуда не выезжал уже несколько лет. Тогда Пилат повернул своего коня к дворцу Каиафы. Тот оказался в своем дворце, и так как ему самому очень не терпелось узнать все подробности дела, то он тотчас принял прокуратора. Пилат оставил во дворе двух сопровождавших его конников из сирийской алы, а сам вошел во дворец, последовав за темнокожим слугой-ливиийцем.

Даже летом редко бывает такой жаркий, душный, невозможный день, какой был четырнадцатого нисана в этом году, но в той комнате, в которой первосвященник принял прокуратора, было свежо и прохладно от двух симметричных поющих фонтанов.

Каиафа радушно встретил Пилата и шагнул к нему шаг навстречу.

– Радуйся, прокуратор иудейский. Я рад видеть тебя у себя во дворце, в своих пенатах, ведь так у вас говорят? – сказал Каиафа и указал ему на ложе, стоящее возле уставленного различными яствами и сосудами с вином столика.

Но Пилат не воспользовался этим приглашением, отклонив его.

– Не до вина и яств теперь, Каиафа, – строго сказал Пилат. – Я пришел говорить с тобою о деле.

Каиафа погасил улыбку на своем широком, скуластом лице и сделался серьезен. Они сели в кресла возле невысокой пальмы, растущей в большой кадке.

– Я решился беспокоить тебя, первосвященник, в твоём

дворце, – начал Пилат, – поскольку ты не можешь, по вашему закону, посетить сегодня преторию.

Каиафа наклонил голову в знак согласия. Он внимательно слушал Пилата.

– Римские власти, – продолжал Пилат, – всегда уважали ваши законы. У вас праздник и, чтобы не оскверниться... Поэтому я и посетил твой дворец.

Говоря это, Пилат глядел в сторону, на пальму, хотя ее и не замечал, теперь он поглядел прямо в глаза первосвященника, в его черные с желтыми белками навывкате глаза, в которых была и тревога, и хитрость, и лесть, и тайная мучительная мысль.

– Дело вот в чем, – сказал Пилат. – Сегодня утром ко мне на суд привели некоего Иисуса Галилеянина, Который почему-то по вашим законам повинен смерти.

– И что неясно прокуратору? – спросил Каиафа.

– Прокуратору неясно, почему вы сами не казнили Его, если Он, по-вашему, достоин смерти? Ведь вы Его обвиняете в религиозном проступке.

– Куда там «проступок»! – слегка махнул, сверкнув перстнями, белой пухлой рукой Каиафа и подобострастно улыбнулся Пилату, от чего прокуратора немного покоробило. – Что ты, прокуратор! Богохульство – это смерть, тут и разговор не ведется. Но в праздник нам запрещено, – запрещает нам великий милостивый Закон, – кого-нибудь, даже достойного смерти, присудить к казни.

– Почему же тогда вы Его не отпустили, как и требует ваш Закон, а отдали Его римским властям, неумело и нелепо обвинив Его в заговоре против кесаря?

– Но Его обязательно надо было казнить. Он – угроза для всего нашего народа. А моя обязанность, как первосвященника, охранять и защищать свой народ и его веру.

– Если вы так хотели Его убить, – удивлялся Пилат далее. Он подчеркнул интонацией слово «убить», – то подождали бы, когда закончится праздник, и судили бы Его тогда.

Каиафа изобразил на своем измятом желтом лице изумление и тихо, но внушительно сказал:

– Я вижу, что прокуратор во многом ошибается в этом деле. Во-первых, если прокуратор читал протокол заседания синедриона, то он знает, что синедрион не осудил Его, а лишь отметил, что Он достоин смерти, и отпустил Его. Во-вторых, мы никак не могли ожидать окончания праздника для суда над Ним, так как были весьма серьезные опасения, что бунт, который нежелателен и римским властям, может произойти именно в этот праздник. Ведь Он не уважал наш Закон и его перед всеми нарушал, чему есть множество свидетелей. А в-третьих, ведь Его арестовали именно римские власти по доносу какого-то близкого Ему человека, кажется, Его же ученика. Так что никто из нас, членов синедриона, Его «нелепо и неумело» не обвинял в заговоре. И этот Галилеянин числится за римскими властями. И тебе уж, Пилат, решать, достоин Он смерти или нет. Причем здесь синедри-

он и что мы не верно сделали?

Пилат прищурил глаза, ему стало душно. Он хотел оттянуть немного ворот от шеи и понял, что пряжка плаща мешает ему это сделать. «Ловко», – подумал он и сказал, сдерживая себя:

– Нет, синедрион все сделал верно. Но, как первосвященник иудейский, ты, Каиафа, должен знать, почему твой народ потребовал от меня казни Ему и почему из двух осужденных твой народ потребовал отдать ему Варавву, тогда как тот является убийцей и мятежником?

– Синедрион исполнил священный Закон, – важно сказал Каиафа. – Для иудеев нет ничего более значимого, чем Закон и воля нашего боговдохновляемого народа. И воля народа была пойти к тебе и требовать Ему казни, а себе – защиты у тебя. Вероятно, Его речи и призывы к мятежу были таковы, что иудейский народ возмутился, так как глубоко чтит кесаря, и ему другого царя, кроме кесаря, не нужно. Синедрион ведь не имеет права рассматривать политическую сторону дела, он рассматривает лишь религиозные вопросы, но, как я слышал, Он выдавал Себя за Царя Иудейского, посягая тем самым на власть кесаря, ибо Он якобы потомок иудейского царя Давида. Тебе, Пилат, было решать, насколько опасны Его действия. Надругательство над верой целого народа, призывы к бунту против кесаря, объявление Себя Иудейским Царем, хотя Сам Он язычник из Галилеи, недовольство иерусалимского народа! Так кто более опасен

и достоин смерти: Он или Варавва, который убил всего лишь одного или, кажется, двух человек, и ограбил? Здесь весь народ наш может погибнуть. Ты сам это знаешь, Пилат, потому и отпустил Варавву, а не Его.

Пилат поднялся.

– Теперь мне все ясно, – твердо сказал Пилат и, заглянув еще раз в черные глаза Каиафы, в которых прыгала затаенная мысль, он наклонился к нему, приблизил свое лицо к лицу первосвященника и тихо добавил:

– Только напрасно ты думаешь, Каиафа, что казнь этого оклеветанного вами мальчика, оградит твой народ от несчастий. Ты думаешь, я не знаю о доносах кесарю и правителю в Сирии? Мне надоело, что иудеи вмешиваются в дела римской власти. Скажи, Каиафа, выплачивались ли в Храме или в этом, например, дворце какие-нибудь суммы?

Каиафа отшатнулся от Пилата.

– Я не понимаю тебя, прокуратор.

– Всё ты понимаешь, первосвященник. И я всё знаю, – так же тихо продолжал Пилат. – Я искренне хотел мира для Иерусалима, потому и шел столько на уступки иудеям. Но отныне я буду править по-иному.

– И тебя Он обольстил, – тоже тихо сказал Каиафа, побледнев. – Теперь ты и сам можешь судить, насколько Он опасен.

Пилат снова приблизил свое лицо к лицу первосвященника и, глядя ему прямо в самые его черные зрачки, совсем ти-

хим шепотом сказал:

– Итак, народ иудейский «глубоко чтит кесаря, и ему другого царя, кроме кесаря, не нужно»? А я читал ваши книги. Разве не о кесаре Тиверии пророчествует ваш пророк Даниил: «И восстанет на место его презренный, и не воздадут ему царских почестей, но он придет без шума и лестью овладеет царством»? Я плохо говорю по-арамейски, но читаю тексты хорошо. [Книги Даниила и Ездры, в отличие от остальных книг Ветхого Завета, написаны на арамейском языке. – В.Б.]

Каиафа стал совсем белым, как мрамор в отделке Храма, и лицо его вытянулось и казалось похудевшим. Пилат быстро выпрямился и повернул к выходу. Но, отойдя на два шага, обернулся к первосвященнику и сказал сухо, обычным своим тоном:

– Я вашу просьбу выполнил: сейчас Его повели на казнь, – и быстро вышел.

Обратной дороги Пилат не заметил. Войдя во дворец Ирода Великого, он крикнул:

– Моего врача ко мне.

Пилат подошел к столику с письменными принадлежностями, рванул на себе пряжку на плаще, и она, оторвавшись, упала к его ногам, звякнув о мозаичный пол. Ее накрыл упавший плащ. Пилат, обмакнув калам, быстро написал несколько строк на куске пергамента. Перечитав написанное, он свернул пергамент в свиток и скрепил его своей печатью.

В комнату неслышно вошел высокий человек в плаще. У него было симпатичное, умное, скуластое, бледное, чисто выбритое лицо с прямым носом и коротко, по-римски, остриженная черная голова.

Человек вошел неслышно, но Пилат спиной почувствовал его и обернулся.

– Приветствую тебя, прокуратор, – сказал человек.

– И тебя приветствую, Леандр, – быстро и озабоченно сказал Пилат и указал ему на кресло. Пилат сел в другое кресло, рядом. – Леандр, – сказал Пилат тихим голосом, – я пригласил тебя по очень важному и срочному делу. Ты мне друг и только тебе я могу доверить жизнь мою.

Леандр, личный врач Пилата, был с ним еще в военных походах, когда Пилат был трибуном легиона. Ему было уже за сорок, но выглядел он моложе своих лет, хотя несколько морщин уже обозначились на его высоком лбу и на переносице его прямого носа. Его карие, большие глаза смотрели на собеседника открыто, прямо и неподвижно. Многих смущал его открытый взгляд. Был он немногословен и был очень хорошим врачом.

– Ближе к закату, когда иудеи уйдут в город, ты, Леандр, должен быть на Голгофе. Это, – указал Пилат на свиток, – подтверждение твоих полномочий. Этим я беру ответственность на себя. Никто и никогда не должен потом найти этого пергамента.

Леандр молча кивнул.

– Его перевезешь в Кесарию Стратонову, ты знаешь, где Его спрятать. Ты – любимый ученик Эскулапа.

Леандр взял пергамент и, не сказав ни слова, быстро удался. Было десять часов утра...

...А к середине девятого часа к Голгофе подошло печальное шествие. Между двумя цепями легионеров, стоявших по краям пыльной дороги, шли мокрые от пота двое разбойников, сгибавшиеся под тяжестью своих перекладин, некий Симон Киринаянин, тащивший перекладину Иисуса, и ехали медленно повозки с приспособлениями для казни и с палачами, сидящими в них. Иисус шел позади повозок. Он с трудом переставлял израненные в кровь босые ноги, и за Ним зорко наблюдали несколько легионеров.

Голгофа – гора, подобная человеческому черепу, под которой якобы была могила самого Адама, которого, как человека, никогда не существовало в действительности, возвышалась за западными стенами города среди огромной безводной каменистой долины. Теперь гора была оцеплена двойным оцеплением, а огромную долину съела шумная, беспокойная многотысячная толпа. Лишь десятая часть из собравшихся в долине знали, *Кого* будут сейчас казнить. Для всех же остальных все трое были разбойниками и мятежниками, которых взяли римские власти; они пришли сюда на зрелище, пришли неплохо провести время перед праздничным вечером. Они охотно покупали у сновавших среди толпы вездесущих торговцев еду, вино и сладкую воду и уютно

устраивались на больших камнях, разбросанных по долине каким-то легендарным каменным дождем.

Но были здесь ученики Иисуса, были те, кому Он помог, были те, кто слушал Его слова. Был здесь и Иуда. С самого того времени, как вывели Иисуса из дворца Каиафы, он шел за Ним. Он видел всё – и как Его отвели в караульню и сучавшие римские солдаты, обрадовавшись развлечению, издевались над Ним и били Его до самого утра, и как Его отвели на суд прокуратора и толпа кричала: «Распни Его! Распни!», и как вели Его на казнь, а Он, уставший и избитый, падал на камни улиц. Теперь Иуда беспокойно проталкивался сквозь толпу, собравшуюся в долине, и иногда останавливался и тревожно глядел на Голгофу. Иуда заметил учеников, он увидел плачущего юношу Иоанна, увидел Иакова Зеведеева, который успокаивал брата, обнимая его за плечи. Иуда, увидев их, остановился, и посторонняя мысль вдруг заняла его: отчего это, думал он, когда плачет некрасивый человек, то это как-то незаметно, а вот красивый заплачет, и его лицо становится безобразным и уродливым. Затем Иуда увидел и заплаканное лицо Марии Магдалины. Ее лицо тоже показалось ему безобразным. Увидев, как Филипп обнимал и утешал Марию, хотя у него самого текли слезы, Иуда едко, насмешливо усмехнулся. Но вдруг другая мысль, тяжелая, тревожная, овладела его возбужденным мозгом. И он испугался ее. Он настороженно еще раз окинул взглядом учеников. Вдруг, – возникал вопрос, – вдруг Его ученики, Его по-

клонники кинутся на римских солдат, чтобы отбить Иисуса? Но, вспомнив, как вели себя ученики в Гефсиманском саду, как они позорно бежали, а потом прятались где-то, как Петр, мужественный, сильный, который никогда ничего не боялся, отрекся трижды от Иисуса, Иуда успокоился и взглянул на Голгофу. Он видел, что оцепления разомкнулись, пропуская на гору повозки и осужденных, а затем сомкнулись. Легионеры стояли неподвижно под палящим солнцем, словно были не живыми людьми, а глиняными статуями, и вскипали на солнце их металлические доспехи и шлемы с огромными цветными перьями.

На горе шла работа. Сгружались бревна, гвозди, молотки, сколачивались кресты; ямы для крестов были вырыты заранее. Осужденные стояли в стороне и молчали, пока шли страшные для них приготовления. Когда кресты были готовы, осужденных раздели до набедренных повязок и им на шею повесили таблички. На двух из них было на трех языках – еврейском, греческом и латинском – написано: «Разбойник и мятежник», а на третьей табличке на тех же трех языках было написано: «Царь Иудейский». Когда увидели надпись на третьей табличке, то толпа взорвалась негодованием. Кричали и ревели знавшие дело, кричали и ревели не знавшие сути дела. «Это не наш Царь, – слышались в этом реве отдельные фразы. – Это Он говорит, что Он Царь Иудейский». Кричали, вопили, бросались камнями и объедками, и Иуда едва успел уклониться от летящего прямо ему в голову камня

величиной с лебединое яйцо. Но не шелохнулись легионеры, и палачи на Голгофе продолжали свое дело. Осужденных положили на кресты, и огромными гранеными с острыми зубринами гвоздями стали прибивать их руки, пробивая руки в запястьях, к дереву крестов. Кровь обрызгала одежду и лица палачей, и огласилась Голгофа криками невыносимых мук. Некоторые женщины в толпе истерически закричали, а самые чувствительные теряли сознание и их топтала взволнованная толпа.

Иуда закрыл глаза и увидел красный огонь преисподней. Его уши раздирали крики на Голгофе и крики в толпе вокруг него, он дрожал всем телом, как в болезни. Он хотел услышать Его крик, выделить его – и не мог. Открыв глаза, Иуда увидел три освещенные ярким солнцем креста. Иисус был на среднем кресте. Иуда пошел к горе, пошел к оцеплениям, чтобы всё видеть и всё слышать...

...Иосиф Аримафейский, видевший удивительный сон на ходу, пришел тогда на заседание синедриона и сразу же стал взглядом «ощупывать» прежде всего Каиафу, но ничего особенного не ощутил; да и как ощутить, ведь Каиафа – саддукей, а надо было искать среди фарисеев, вспомнил Иосиф. Он стал оглядывать каждого фарисея, чутко прислушиваясь к своему сердцу. Но всё вокруг и внутри него молчало. Он ждал каких-нибудь знаков. Но, когда его взгляд упал на совсем уж незаметного и незнакомого ему фарисея, вдруг свет в глазах его померк на мгновение и внутри него по всему его

телу сверху донизу прошел какой-то огонь. «А вот и он!» – тихо воскликнул он тогда, чем удивил рядом сидевшего Никодима.

Да, Иосиф чувствовал, что он сам изменился, что какие-то новые способности открыты в нем Богом. Было около полудня, когда Иосиф Аримафейский, уже собиравшийся идти к Голгофе, увидел из окна своего нового иерусалимского дома, что с юго-запада движется на город темно-лиловая страшная, грозная туча. Она была наполнена предчувствием страшной катастрофы, наполнена странно слитыми воедино небесным огнем и водой, которые она собиралась сбросить на город. Иосиф смотрел на тучу заворуженно, он ощутил необычайный прилив сил, но вдруг в одно мгновение всё изменилось: силы ушли, он почувствовал слабость и голова его затуманилась. Он отошел от окна, и у него едва хватило сил добраться до ложа. Далее он нескольких минут совсем не помнил. Он потерял сознание.

И вдруг Иосиф увидел вокруг себя яркий свет, но странно – он не резал глаз, а наоборот, был столь приятен, ласков, что Иосиф светло улыбнулся. К Иосифу вышел из этого света огромный человек – он был в два или в три раза выше Иосифа. Иосиф понимал, что вышедший – не человек, но и не Ангел, а кто-то другой из Высших Божественных Сил, небесный посланник к нему, Иосифу. Кто он – этого Иосиф не мог понять, но знал, что в эту минуту это и неважно, еще не все Божьи тайны открыты живущим в этом мире, да и

тайны Божьи неисчислимы. Этот Небесный посланник протянул Иосифу невероятной красоты, сияющую различными цветами, как бриллиант в свете светильников, большую чашу и сказал ему:

– Иосиф, возьми эту Чашу. Ты наполнишь Ее сейчас кровью, которую проливает в это время за нас на кресте наш Господь Спаситель. Не тою кровью, которая льется в мире на Голгофе, та кровь уйдет в землю, а другой, эфирной Его кровью. Тогда эта Чаша станет Святым Граалем. В Ней будет заключена Слава и Сила Христа, возможность спасения всей планеты, всех живущих на ней без исключения. На долгие столетия ты, Иосиф Аримафейский, станешь хранителем Чаши Грааля в светлых мирах Божьих. Ее бесплодно будут искать люди на земле, не ведая ни о Ее назначении, ни того, что Она будет храниться в Монсальвате, куда живущим на земле доступа нет. Хранить Ее ты будешь столько, сколько потребуется, пока не явится к тебе человек, странник по имени Титурэль, он друг Планетарного Логоса и связан с Ним еще задолго до воплощения Его в Иисусе Галилеянине. Титурэлю и передашь Ее на хранение, когда он построит замок Монсальват.

Посланник Божий отступил, и Иосиф увидел, что он уже далеко, но не уходит, охраняет Иосифа, помогает ему, передавая ему свою силу. Иосиф увидел, что Чаша быстро наполняется алой сияющей кровью. Когда Чаша наполнилась, Она вдруг оказалась в руках Божьего посланника, и он ска-

зал Иосифу:

– Когда придет твой срок, ты получишь Святой Грааль на хранение. И берегись Клингзора...

Когда Иосиф очнулся, было еще светло, но солнце сильно склонилось к горизонту. Иосиф вскочил с ложа с легкостью пятнадцатилетнего отрока. Он был одет для выхода. Поправив на себе одежды и приказав слуге приготовить носилки, он вышел из своего дома, чтобы отправиться к прокуратору иудейскому Понтию Пилату...

...Никогда на планете Земля от самого того времени, когда в космических просторах вокруг Солнца мчался с огромной скоростью полурасплавленный шар и когда произошла первая ее катастрофа – вторжение в ее строящиеся светлые миры полчищ демонов во главе с черным исполином, не было и не будет большей катастрофы, чем та, которая произошла в эту пятницу, четырнадцатого нисана. Преображение Земли, уничтожение законов зла, болезней и смерти – всё это отодвинулось далеко в глубину веков. «Теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму, а у кого нет, продай одежду свою и купи меч». Войны, землетрясения, катастрофы, нужда будут еще века и века сотрясать тело Земли, слезы и кровь будут океанами заливать планету, страдания будут обязательными спутниками жизни каждого из живущих в этом мире. Размеры и значение этой Катастрофы трудно и приблизительно представить себе людям. Черепоподобная Голгофа будет еще долго тревожить, мучительно отзываться

ся в самой глубине душ всех живущих на Земле, и в страданиях, и в исчезающих в утреннем свете снах они будут видеть безводную серую долину, «череп» Голгофы и три креста, вонзившиеся в небо. Болезни, войны, страдания, мучения, новые еще более жестокие казни и пытки, смерть каждого напомнят миру о среднем кресте на Голгофе. И наступят времена еще страшнее, еще темнее, когда блаженны будут нерожавшие и сосцами не питающие, ибо явится в конце времен сверхчеловек, и не будет злу числа. Нарекут сверхчеловека антихристом, и будет править он – президент всей земли – три века, ибо наука продолжит его жизнь до бесконечности и станет он бессмертным. И вот взойдет он на высокую гору власти и славы своей, и ступит на самый пик горы сей, но низвергнется оттуда – даже не в темный ад, на самое дно, – а в небытие, постепенно разлагаясь, покуда не исчезнет совсем. Возрадуются люди гибели его, и не будет радость сия грех, ибо он – не человек, не животное, а дьяволова кукла, завладевшая чужим духом, чужой монадой, и монада эта будет освобождена и спасена.

Лишь тогда наступит свет. А ведь свет был так близок сейчас в Иудее. Ведь Иисус уже пришел на землю, Он и есть Свет, Спасение и Жизнь...

...Иуда лишь чувствовал, что совершается что-то непонятное для его разума, что-то грандиозное, чего никак нельзя объять человеческим разумом. Вдруг стало темно. Иуда поглядел в небо и увидел, что тяжелая страшная туча

накрыла собою каменистую долину с Голгофой и великий город, и ночь наступила среди дня. Небесный огонь упал на город, и сотряслась земля, на которой он построен, от грозного удара. Иуда вздрогнул и нервно закрыл руками свою голову и лицо, чтобы не видеть, как сверкают в темном небе небесные костры. Напуганные жители Иерусалима и паломники, пришедшие в город к празднику, заторопились обратно в город, а хлынувший ливень смыл остатки толпы, глядевшей на казнь. И остались под ливнем три креста с осужденными, двойное оцепление из римских солдат, снявших свои шлемы и накинувших на головы огромные капюшоны своих плащей, и Иуда, спрятавшийся от потоков грязи за большим камнем. Теперь уже он не боялся молний, даже, может быть, желал себе смерти и смело Иуда взирал на небесный огонь. Но взгляд его все время возвращался к среднему кресту на Голгофе. А город совсем исчез в серой пелене, словно и не существовал он никогда на свете, а была только огромная каменистая долина и эта серая пелена. Ветер бушевал, меняя свое направление, он дул то с юга, то с запада, и покорно подчинялась его капризам небесная вода.

Но ливень оказался недолгим, постепенно он редел, не так часто сверкали молнии и грохот грома реже тревожил слух. Ветер уносил тучу к северу. И видны стали мокрые, темно-серые стены города, только что родившегося из водяной завесы. Туча ушла, снова выглянуло солнце. Пахло мокрыми камнями, сырой землей, и дышать после грозы стало

легче.

Легионеры в оцеплениях сняли тяжелые мокрые плащи и одели шлемы, но с места так и не сдвинулись, а палачи и их помощники вновь переворачивали на колеса повозки, под которыми они прятались от ливня. Распятые на крестах по-прежнему подтягивались, упираясь ногами в маленькую перекладину для ног, чтобы вдохнуть воздух в тесную грудь. При этом они причиняли себе невыносимую, на грани шока, боль в пробитых гвоздями руках и ногах. Всё было в этой казни мучительно: сначала зазубренными гранеными гвоздями пробивали, дробя кости, перебивая нервный узлы, руки и ноги, и крики осужденных оглушали палачей, затем, когда над землей с помощью толстых крепких веревок поднимали крест, крики прекращались, так как осужденные начинали задыхаться. Но сила жизни, желание жить и в страшных муках на кресте, заставляли повешенных, упершись пробитыми гвоздями ступнями в перекладину для ног, подтягиваться вверх, причиняя себе невыносимую боль в пробитых руках и ногах, чтобы освободить грудь, глотнуть воздуха и продлить свою жизнь еще на несколько секунд до следующего вдоха. И так некоторые осужденные жили на кресте до трех суток, а единицы выдерживали и больше.

А Иуда, оставшийся один за оцеплениями, так как все иудеи, испуганные грозой и ливнем, ушли в город и уже не вернулись в долину, всё видел и всё слышал. Он видел, как мучились осужденные, видел, как скучавшие палачи и их по-

мощники затеяли под крестами игру в кости, видел, как шаггал вдоль оцеплений рослый кентурион и проверял солдат, державших оцепления, а начальник личной охраны прокуратора, чтобы хоть чем-нибудь развлечь себя, наблюдал за игрой палачей, от скуки игравших на одежды осужденных. Иуда слышал, как первый разбойник стонал и хрипел, когда подтягивался, а, вдохнув воздух, поносил и палачей, и братьев своих по страданию.

– Если Ты Сын Божий, – хрипел он, обращаясь к Иисусу, – сойди же Ты с креста и спаси нас, – и дальше шли ругательства, пока он снова не начинал задыхаться.

– Эй, там на кресте, тише, – грозно сказал низким голосом широколицый палач, и для острастки взялся за копье.

Второй разбойник, вдохнув воздух, закричал от боли и затем совсем уж тихо прохрипел:

– Бога ты не бои... шься, ведь Его осудили ни за что... Мы осуждены справедливо. Помяни... меня, Господи... когда в Царствие... Твое придешь.

И, сказав это, снова повис и грудь его стало теснить.

Иисус с трудом повернул голову в сторону второго разбойника и тихо, измученным голосом, поминутно подтягиваясь на кресте, сказал:

– Истинно говорю, Рах, ныне же будешь со Мною в раю.

Иуда впервые за всю казнь услышал голос Иисуса и не узнал его, таким он стал низким и хриплым.

Уже заканчивался шестой час казни, и Иуда увидел, что

Иисус еще раз подтянулся, чтобы вдохнуть, взглянул на небо полными страдания очами и прошептал пересохшими и опухшими губами:

– Отче! Зачем оставил Меня?

Но вдруг судорога прошла по Его телу, Он успел прохрипеть: «Свершилось!» – и повис на кресте: Чаша Грааля была наполнена.

Но Иуда это пропустил, потому что его внимание привлек всадник, мчавший своего вороного коня к горе. Позади него, немного отстав от него, ехала на большой скорости крытая повозка, запряженная парой хороших лошадей. Всадник спешил, и легионеры в первом и во втором оцеплениях пропустили его на гору. Он торопился, но солнце еще не успело просушить землю, и ноги приехавшего скользили в топкой грязи. Наконец он подошел к начальнику охраны Пилата и передал ему пергамент, затем он шепнул ему на ухо несколько слов. Начальник охраны кивнул головой, развернул пергамент и прочел его. Вернув пергамент приехавшему, он встал с табурета, на котором сидел, подошел к кентуриону и к палачам и сказал им что-то. Иуда не мог слышать, что сказал начальник охраны. Он знал, что сейчас будут перебивать мечом голени осужденным, чтобы лишить их единственной опоры, и они, повиснув, скорее задохнулись, и ждал этого. Казнь окончена. Один из палачей, самый рослый из них с толстыми, мускулистыми, сильными руками взял меч и, подойдя к первому кресту, с первого удара перебил

голени разбойнику, и тот, захлебнувшись рычанием, повис и умолк. То же повторилось и у третьего креста. Все подошли к среднему кресту и в удивлении остановились.

– Он мертв. Задохнулся уже, – прогнусавил палач.

– Не может быть! – потрясенно сказал приехавший, и еще шагнул один шаг к кресту. Он стал бледен.

– Мертвый, – подтвердил кентурион Логгин, и, чтобы доказать правоту свою и палача присутствующим, взял копьё и профессионально, по-солдатски, ударил им с правой стороны груди так, чтобы достать сердце, [В бою левая сторона тела прикрыта щитом. – В.Б.] которое, как известно, находится с левой стороны. Он вынул копьё, и из образовавшейся раны вытекли кровь и слизь.

– Кровь! – воскликнул потрясенно приехавший всадник, он же личный врач Понтия Пилата Леандр.

Начальник охраны молча глядел на Леандра, ожидая пояснений.

Леандр обернулся и сказал всем, кто стоял рядом:

– Он не задохнулся. Он умер от разрыва сердца...

Глава 28. Напрасные надежды

Тихо собиралась войти в шумный город праздничная ночь. Солнце пылало оранжевым пожаром на западе, и было в этом что-то непонятное и тревожное. Но дышать было легко: душное утро и полдень и дождливый день сменились четырнадцатого нисана свежим вечером.

Пилат, отправив на Голгофу сегодня в десять часов утра своего врача Леандра, уже более не выходил из дворца Ирода Великого и находился на балконе с колоннами, где утром проходил суд. Пилат понимал, что он не совсем подходит на должность прокуратора, которая зависит от многих и многих. Прокуратор должен быть медлен на слова и поступки, всё хорошо взвешивать, прежде чем принять какое-нибудь решение, и принимать такое решение, чтобы нигде и никак не подставить себя под удар. И нужно уметь идти на компромиссы. Пилат же был слишком самостоятельным и деятельным для такой должности, в чем сказывался его опыт трибуна легиона. И этот же опыт трибуна, когда Пилат, ничего не страшась, бросался в самую кровавую сечу, в самые царствования Марса и Плутона, говорил ему, что сегодня утром, когда он пошел на компромисс и уступил неистовой толпе, он впервые в своей жизни струсил. Как такое могло произойти? Внезапная болезнь тому виной? Или самое должность диктует свои законы? Но Пилат был действительно смелым че-

ловеком и нашел мужество сказать себе: «Ты трус, Пилат. Бичевал этого мальчика в угоду толпе, чтобы только иудеи оставили Ему жизнь. И все-таки допустил, чтобы распяли Его. Да меня нужно распять за это! Трус! Трус!» Сколько побед он принес кесарю, а тут потерпел поражение перед самим собой. Да чего он испугался? Доносов? Распеканий правителя Люция Виттеллия? Потери должности и ссылки? Ему даже смерть не грозила, если бы он настоял на своем и не отдал бы в жертву Иисуса, потому что нелепость Иудина доноса все-таки он смог бы доказать. Нашелся бы выход, нашел бы он слова, чтобы защитить Невиновного.

Мучил Пилата еще маленький фарисей у балкона. «Болезненный бред! – морщился Пилат. – То, что это всего лишь призрак, можно было понять по тому, что тот стоял далеко внизу, в саду, а голос его звучал так, словно он стоял рядом и нашептывал все слова мне на ухо»... «Да, вот тогда я и струсил, – думал Пилат далее. – Меня испугало, что призрак повторил многие слова из доноса этого Иуды». Конечно, была надежда обратить этот донос в шутку, если бы толпа за оградой согласилась с этим. А иначе, если донесут, что Пилат не уступил народу, не прислушался к его требованиям, этот донос приобретал уже более серьезный и грозный характер: потакание мятежникам, выступающим против римской власти и против самого кесаря. Тут недалеко и до обвинения в государственной измене и никакие слова о нелепости доноса не помогут. И Пилат испугался и решился на новый компро-

мисс, который сейчас он считал большой трусостью. Он решил бросить еще одну, но большую кость собакам. А у Каиафы он узнал, что его подставили и провели, как маленького мальчика. Когда Леандр покинул дворец, Пилат еще чувствовал в себе решимость, но прошел час, другой – и он почувствовал себя продырявленным. Дыра зияла в его груди безболезненно и бескровно и отнимала у него все силы. Тело стало неповоротливым, грузным, неловким. Пилат прилег на ложе, но облегчение не наступило, а стало даже еще тяжелее, точно каменная глыба придавила его сверху. «О Юпитер, отец богов, – думал Пилат, – помилуй римлян. Был бы у Рима действительно великий кесарь, такой как Юлий Кесарь или Октавиан Август. Но у Рима есть болезненный, капризный, глупый и злой старик Тиверий, прячущийся на Капрее и до сумасшествия боящийся заговоров и убийства его, который принял закон об оскорблении кесаря, до чего он трепетно относится к своей особе».

Среди дня меж колоннами быстро потемнело, и Пилат понял, что город накрыла темная огромная туча, полная огня и воды. В верхушках деревьев тревожно зашумело, а затем сорвался сильный ветер и погнал по улицам сор и пыль. Теперь всё ясно: будет потоп. Вода зальет Пилата вместе с этим проклятым дворцом в наказание за его утреннюю трусость. Он омыл руки! Боги, боги! Пилат посмотрел на свои белые жилистые руки, привыкшие более держать меч, нежели палочку для писания, вспомнил жаждущую крови толпу.

Вдруг мысль задрожала и порвалась, а едва видимые в сумеречном свете предметы стали расширяться, надуваться и надвигаться на Пилата, а затем внезапно становились тонкими и хрупкими, словно из них выпустили воздух. Пилат натянул на себя плащ. «Я болен», – подумал он. Пилат закрыл глаза, и представилась ему пыльная дорога, длинная-длинная, уходящая за горизонт, затем мелькнули перед его мысленным взором пирамиды среди золотых песков и грустные, отмеченные неземной печалью лица сфинксов – животных с мудрыми человеческими лицами. Шумит, бушует за стенами дворца небесный водный гнев, треплет ни в чем не повинный сад; тяжелые веки Пилата сомкнулись, и он мягко, незаметно опустил в нежные, пухлые объятия Морфея. Он снова в пустыне среди огромных загадочных сфинксов под лучами ослепительного и беспощадного солнца. Тайна сфинксов не дает ему покоя, и он чувствует, что очень мучается этим и страдает, словно от решения этой загадки зависит что-то очень важное, необходимое, и в то же время понимает, что для него, может быть, это не столь важно. И вдруг он выкрикнул:

– В чем их тайная грусть? Кто они? Кто изображен в этом сфинксе? – Так выкрикнул, на воздух, первому встречному, кто услышит его.

И первым встречным оказался осужденный сегодня Иисус Галилеянин. Он вдруг оказался рядом, но был сияющий, как солнце.

– Это Великий Заранда грустит о детях своих и оплакивает их участь, – сказал Иисус.

– Почему? – спрашивает Пилат.

– Потому что они знают и помнят о многом. Дьявол забрал у человека память, а у детей Заранды он не смог забрать их знания и память – и он наложил печать молчания на их уста. И Заранда вынужден ваять их плоть с этой печатью.

– Кто они, эти дети?

– Вот они. – Иисус указал рукой куда-то вдаль, и Пилат увидел, что пустыня исчезла. Перед ним была теперь прекрасная поляна, залитая ласковым солнцем, и на ней он увидел самых разных животных и таких, которых он и не знал никогда. Львы, овцы, лошади, шакалы, грифы, орлы, крокодилы, соловьи и многие, и многие были вместе. Они были веселы, играли и шалили, как дети.

– Почему они вместе? – удивился Пилат.

– Потому что они братья, – был ответ.

– Нет, они враги, они едят друг друга, – не понимал Пилат.

– Потому что дьявол в этом мире разделил их, но в Царствии Моем они вместе и с их уст снята печать молчания. И загадка Сфинкса в молчании животных в этом мире, ибо они не могут рассказать людям о том, что они помнят, передать людям их знания и умения разговаривать мысленно, предчувствовать будущее, чувствовать Землю, воду и воздух. Они мудры и очень способны, и быстро изучают человеческие языки и понимают их, но сказать ничего не могут.

– Как жаль! – огорчился Пилат. – А я могу сейчас с ними поговорить?

– Не сейчас. Еще будет время.

И вдруг сон переменился. Приснился ему бой, звон мечей, смешанные крики ярости, гнева, боли, страданий, и лишь мелькают лица – потные, грязные, окровавленные. Солнце сжигает бой, но его не видно в битве, где человеческие тела слепились воедино, в одно месиво, где черный дым от пожара поднимается в небо.

Потом он проснулся и услышал, что ливень заканчивается. Небо вновь светлеет. Он встал, одел плащ и только тогда вспомнил, что ему приснилось что-то очень важное, но он не мог вспомнить своего сна. Сон пропал, исчез, как облако, и все попытки вспомнить сон были тщетными. Тогда он призвал слуг и приказал им накрыть небольшой столик у трех лож в комнате, служившей ему экседрой, [Экседра – гостиная в римском доме. – В.Б.] а когда всё было сделано и он отпустил слуг, Пилат стал метаться, ощущая невыносимую тоску, пока не наступил огненный вечер. Тогда он стал беспокойно взглядывать на дверь, ожидая гонца от Леандра с одним словом: «Исполнено».

Дело в том, что, увидев сегодня утром, что бичевания Иисуса иудеев не удовлетворили, Пилат, подписывая смертный приговор Ему, вдруг подумал о том, что даже очень слабые физически люди на кресте могли продержаться и день и ночь. Сегодняшняя казнь продлится всего лишь около ше-

сти часов, и значит, все трое распятых будут еще живы, и палачу придется перебить им голени мечом, чтобы прекратить казнь. Пилат пошлет на Голгофу к этому часу своего врача и друга Леандра, дабы он от имени прокуратора проследил, чтобы двум разбойникам перебили голени, а Иисуса аккуратно и осторожно сняли с креста. Леандр должен лично сопроводить в крытой повозке Иисуса в постоянную резиденцию Понтия Пилата в Кесарии Стратоновой и уже в дороге начать лечение Его ран. К Пилату он должен послать гонца со словом: «Исполнено», а затем начальник личной прокураторской охраны должен доложить все подробности Пилату. Всё это нужно было проверить без свидетелей, поэтому Леандр должен быть на Голгофе перед закатом солнца, когда все иудеи уйдут в город готовиться к праздничной ночи, а солдаты в оцеплениях станут невнимательными, поняв, что казнь окончена. В своих же людях Пилат был уверен и очень надеялся на Леандра.

Меж колонн показалась полная, еще белая и прозрачная луна; балкон пылал оранжевым огнем уходящего солнца. Пилат сидел в кресле в томительном ожидании, но как он ни был занят своими мыслями, его всё же удивили крики и шум с улицы. Он поднялся с кресла и вдруг остановился: меж колонн на него глядела не белая, а кровавая полная луна. Внутри Пилата все так и оборвалось и пронеслась тревожная мысль: «Беда». Пересилив себя, он все же выглянул на улицу, потому что крики с нее не прекращались. Никогда

не будет в этом городе порядка! Пилат прислушался, стараясь разобрать слова, и услышал следующее: «Это невозможно. Занавес в Храме. Сверху донизу, словно ножом разрезали. А погребенные... давно умер, и вдруг идет, приветствует». В Храме – и во дворах, и в самом здании – мелькали встревоженные люди с факелами. Крики на улицах продолжались. «Бред какой-то, – подумал Пилат и возвратился к креслу. – Город сумасшедших!»

До него донесся топот копыт – это возвратилась сирийская ала, – и стук и грохот повозок. «Что же нет гонца?» – расстроено думал Пилат. Тут он услышал стук сандалий о ступени. Пилат внутренне вздрогнул и сердце его часто застучало. Он обернулся к выходу и увидел, что на балкон вошел какой-то человек и остановился в пламени заката, как грозный и величественный посланник иных миров.

– Наконец-то, – измученным голосом воскликнул Пилат, бросаясь навстречу вошедшему.

Внезапно он остановился. Он заметил, что вошедший был в одежде фарисея.

– Приветствую тебя, прокуратор, – сказал на латинском языке неизвестный фарисей.

Пилат настолько был расстроен и разочарован, что не ответил на приветствие. Он молча ожидал объяснений.

– Я член синедриона фарисей Иосиф Аримафейский, – представился неизвестный.

Пилат молчал. Но, узнав, что перед ним член синедриона,

прокуратор помрачнел и взгляд его стал еще тяжелее, чем обычно.

Увидев, что прокуратор молчит и говорить не собирается, Иосиф продолжил:

– По закону, каждый по его желанию может похоронить распятых на кресте. Я прошу прокуратора разрешить мне похоронить Иисуса Галилеянина.

Пилат медленно подошел к своему креслу и опустил в него.

– На кресте не умирают так быстро, – наконец произнес Пилат. – Когда Он умрет, тогда и будем говорить.

– Он умер, прокуратор.

Пилат усмехнулся, не поверив сообщению.

– Это невозможно. Их повесили семь часов тому назад.

В это время на террасе сада, на дорожке, выложенной каменными плитами, послышались еще шаги. Через минуту на балкон вошли кентурион Логгин, начальник охраны прокуратора и Леандр. Увидев последнего, Пилат побледнел и поднялся с кресла, затравленно глядя на своего врача. Кого-кого, а его Пилат никак не ожидал сегодня увидеть. Сейчас, по расчету прокуратора, он должен был уноситься вместе с крытой повозкой прочь от Иерусалима по северо-западной дороге. Леандр выглядел уставшим и потерянным.

– Кентурион, скажи, мертв ли Царь Иудейский?

– Да, Он умер час тому назад, – ответил тот.

Пилат снова взглянул на Леандра, и во взгляде его была

обреченность.

– Хорошо, Иосиф Аримафейский, – сказал Пилат, – я даю свое согласие на погребение тобою Иисуса Галилеянина.

Иосиф поклонился прокуратору и покинул дворец.

– Кентурион и начальник охраны, вы можете идти к себе, вы свободны... Да, забыл, ты, Логгин, проследи, чтобы выдали тело Иосифу Аримафейскому, – сказал Пилат.

Они поклонились и вышли.

Пилат тревожно поглядел на Леандра.

– Как ты испачкался, Леандр.

Кликнув слуг, Пилат дал им распоряжение позаботиться о враче. Через некоторое время Леандр, переодетый в сухую, чистую одежду, вошел в экседру. Пилат указал ему на ложе возле столика, сам же возлег на другом ложе. Слуга внес дымящееся блюдо с мясом и бесшумно удалился. На столике было много фруктов и кувшины с вином. Пилат сам наполнил обе чаши вином и, произнеся благодарность богам, отпил глоток вина. Отпил глоток и Леандр из своей чаши. Затем молча немного поели.

– Скажи, Леандр, – сказал Пилат, – как же так случилось, что ты опоздал? Неужели мой приказ был нарушен. Ведь я сказал начальнику охраны, чтобы не перебивали голени преступникам, пока я не отдам дополнительного распоряжения.

– Я не опоздал, прокуратор. И кентурион и начальник охраны не нарушили твой приказ, – сказал Леандр. – На моих глазах перебили голени двум преступникам, но Ему не

перебивали голени. Он был уже мертв.

– Как? – растерянно произнес Пилат.

– Да, Он был уже мертв, когда я приехал. В этом смысле я опоздал, – сказал Леандр.

– Этого не может быть! Шесть часов! Неужели Он задохнулся? – удивлялся Пилат.

Он был расстроен и выпил еще несколько глотков вина.

– Начальник охраны мне сказал, что перед распятием Он отказался от вина со смирной.

– Как?! Он отказался от напитка, который положен по закону? Как же Он выдерживал все эти муки? У Него не хватило сил?

– Он отказался от напитка, – продолжал Леандр. – Но это никак не могло бы повлиять... Он умер не оттого, что задохнулся, у Него разорвалось сердце.

– Не может быть! У такого мальчика не выдержало сердце? Ему ведь было не более двадцати лет...

– Он очень молодо выглядел, но Он твой ровесник, Ему было тридцать три года. Но все равно это не тот возраст, в котором можно иметь болезни сердца. Я врач, но никогда не слышал, чтобы так скоро умирали на кресте да еще от разрыва сердца.

– Ты принес свиток? – спохватился Пилат.

Леандр достал свиток пергамента, который дал ему Пилат сегодня утром, из-за своего пояса и подал его прокуратору. Пилат подошел к очагу и бросил в огонь свиток, затем он

вернулся к своему ложу.

– Скажи, Леандр, как ты думаешь, Кто Он?

– Я врач, моя сфера – болезни. Я не знаю, что ответить тебе, прокуратор. Я слышал, что Иисус исцелял болезни, которые не может исцелить медицина.

– А я не знаю, как мне теперь жить дальше, – вздохнул печально Пилат. – Говорил ли Он что-нибудь перед смертью?

– Начальник охраны передал мне, что в начале казни, когда иудеи глумились над Ним, Он сказал: «Отче, прости их, ибо не ведают, что творят». А когда Его еще только вели на казнь, Он сказал: «Дочери Иерусалима, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших».

Пилат заглянул в черные глаза Леандра.

– И что это значит? – спросил он одними губами.

Леандр смотрел прямо и открыто в глаза прокуратора.

– Я думаю, в этих словах и есть ответ на вопрос: Кто Он? По крайней мере, человек Он незаурядный. Кентурион Логгин, на что уже человек строгий, бывалый и черствый, и тот сказал мне: «По истине Он был праведник».

– Да, да, – прошептал Пилат помертвевшими губами. – «Те, кто от Истины, слушают Меня»...

...Тем временем Иосиф Аримафейский получил тело Иисуса. С ним рядом были Никодим, Мария Магдалина, Саломея, мать Иакова и Иоанна, и Мария Клеопова, мать Иакова Алфеева. Когда Иосиф приехал в Иерусалим, он, не зная зачем и почему, купил очень дорогой гроб для себя, те-

перь он решил, что в нем нужно похоронить Иисуса. Ткань для плащаницы было уже поздно покупать, но Иосиф вызвал торговца, у которого всегда покупал ткани, когда был в Иерусалиме, и заказал ему самую дорогую ткань, которая была в его лавке. Никодим достал пятьдесят кабов благовоний – смеси смирны и алоэ.

Глава 29. Иуда Искариот

Когда на кресте умер Иисус, Иуда некоторое время глядел, не отрывая взгляда своего, на тело Иисуса, и взгляд его был хотя и любопытный, но в то же время казался и равнодушным.

– Ну теперь и мне пора, – сказал сам себе Иуда и, повернувшись, пошел в город обычным шагом...

...Иисус умер на кресте! Но кто заглушит звон тишины, кто перекричит молчание, кто разберет завалы пустоты и кто погасит тьму?

«Самое главное в жизни любовь, говорил Ты, – думал Иуда. – А я говорю, что любовь жестокая штука, потому что любимому либо прощают всё, либо не прощают ничего. Такая она – любовь!» Иисус так и не сошел с креста – мечта Иуды умерла. Он шел по вечерним улицам Иерусалима, неуверенно переставляя ноги и несколько шатаясь, словно был пьян. Он ударялся о прохожих, его ругали, но он не видел никого и ничего не замечал. В мешочке, висящем у него на поясе, тихо брэнчали тридцать серебряников, которые он вырыл в Гефсиманском саду несколько минут тому назад. Он не видел дороги, по которой шел, и сознание его как бы меркло мгновениями. Лицо его было покрыто капельками пота, он весь горел в жару и его трясло. Очнулся он только перед воротами дворца бывшего первосвященника Анны.

Он постучал в ворота изо всей силы, которая у него была, и грохот был таков, что отворивший небольшую дверь в воротах привратник тут же криками стал гнать Иуду прочь. Но Иуда был не в себе и понес такую околесицу, что привратник изумленно замолчал.

– Иуду обокрали, – кричал Иуда со слезой в голосе, – забрали всё, даже последний кусок хлеба. Я большой друг первосвященнику, и если ты меня не пропустишь, благородный Анна очень рассердится на тебя и прогонит тебя прочь.

Привратник пожал плечами и, затворив дверь, пошел докладывать.

Анна, Каиафа, сыновья Анны и другие фарисеи и саддукеи находились сейчас в большой комнате, где суетящиеся слуги и рабы накрывали длинный стол. Один из слуг доложил тихо Анне, что у ворот стоит какой-то иудей и требует первосвященника.

– Гони его прочь, – сказал Анна, не разобравшись в ситуации как следует, а когда слуга ушел, Анна вдруг задумался, кто бы это мог быть и не связано ли это посещение как-нибудь с казненным сегодня Иисусом Галилеянином.

Но слуга вновь вернулся; он был бледен и видно было, что ему трудно и страшно передать Анне то, что сказал неизвестный иудей.

Анна подставил его губам свое большое вялое с волосами ухо.

– Что-о?! – возмутился Анна, выслушав слугу. – Каков

наглец! А ну-ка, тащи этого пса сюда.

Слуга удалился, а наблюдавший за тестем Каиафа понял, что произошло что-то нехорошее, и подошел к Анне.

– Что случилось? – спросил он обеспокоенно.

– Что мерзавец выдумал! – тихо возмутился Анна.

– Кто?

– Да этот... Иуда из Кариота.

Каиафа промолчал. Он ждал объяснений.

– Представь, Каиафа, сказал, что если его не пропустят, он побежит по улицам города и будет кричать, что я краду из сокровищницы Храма и плачу из нее за предательство.

Каиафа задумался. Тем временем привели Иуду. Несмотря на веселую праздничную суету, которая царила сейчас в комнате, все присутствующие вдруг и сразу обратили внимание на вошедшего, затихли и молча оглядывали его.

Иуда был очень бледен, но внешне казался спокойным. Он тоже молчал и пристально рассматривал фарисеев и саддукеев.

– Даже четверть обола не получишь сверху, – строго проговорил писклявым и скрипучим голосом Анна.

Но Иуда молчал. Он с любопытством, как бы чему-то удивляясь, оглядывал присутствующих, словно хотел что-то заметить за ними, а их самих запомнить навсегда, запомнить их выражения лиц, позы, жесты, слова.

– Говори, зачем пришел? – спросил Анна.

Но Иуда не ответил. Вид у него был очень странным и

приковывал к себе внимание, присутствующие пристально и в то же время бесцеремонно и презрительно оглядывали его.

– Может, надо заплатить ему больше? – шепотом спросил Каиафа Анну, устав от молчания Иуды.

– Милый мой зять, никогда не бросай деньги зря, – тихо ответил Анна. – Никогда не плати два обола за то, за что можно заплатить пол-обола.

От молчания Иуды устал не один Каиафа, но и другие: некоторые отвернулись и продолжали тихо свои беседы, слуги и рабы забегали по комнате, продолжая выполнять свои обязанности.

Иуда вдруг громко захихикал. Все снова обратились к нему, с недоумением посмотрев на него.

– Так ли встречают спасителя иудейского народа? – воскликнул наконец Иуда, воздев кверху руки. В его низком голосе слышались визгливые нотки.

Фарисеи и саддукеи были несколько удивлены, почему Анна не выгонит его палками вон и ждет чего-то.

– Ведь благородный Анна, – продолжал Иуда, – считает Иуду спасителем иудейского народа? А? А вы как считаете, многоуважающиеся фарисеи и саддукеи?.. Молчите? Теперь я народный герой, избавитель и спаситель. Может быть, в честь меня, Иуды Симонова, назовем какой-нибудь город в Иудее? Или нет. В честь такого героя не жалко и новый город в Иудее построить. Ведь денег в сокровищнице Храма много, на строительство нового города хватит. Надо же увековечить

читать такой подвиг. Вифиуда, как вам такое название?.. А?

На слова Иуды о сокровищнице Анна не повел даже седой, поредевшей бровью. Здесь были все свои, и присутствующие фарисеи и саддукеи знали, где взять денег, когда нужно.

– Я видел, как Он умер, – вдруг интимно сказал Иуда, глядя на презрительно усмехавшегося Анну. – Ну!.. Что же вы молчите!

Анна пожал плечами.

– Ты предал своего Учителя римским властям, – равнодушно сказал Анна. – Смотри сам.

Иуда выпрямился и стал серьезен.

– Я пришел сказать, – громко и медленно произнес Иуда, – что сегодня был казнен Невинный.

– Невинный – это Тот, Которого ты предал? – поинтересовался Каиафа. – Твой и грех. Что ты хочешь от нас?

Многие пожимали плечами и подсмеивались над бледным Иудой. Он выше вскинул голову.

– Вы слышите? – тихо, четко, отдельно сказал Иуда, и глаза его вспыхнули зелеными искрами. – Это вы судили Его, это вы убили Его, это вы убили Невинного.

Смех фарисеев и саддукеев стал громче.

– А вы знаете, Кто Он? – воскликнул Иуда. – Нет, не мошенника, не обманщика, не оболъстителя народа вы убили. Вы убили Спасение иудейского народа.

– Неужто это был сам Илия-пророк? – сострил кто-то

неудачно и сам же первый и захихикал.

Анна строго взглянул в сторону горе-остряка: такая «шутка» была в доме Анны недопустима.

– Он не был разбойником, – продолжал Иуда. – Он был чист и невинен. Я скажу вам, Кого вы убили, и вы проклянете дело рук своих. Он – наш Господь. Он – наш Бог, Которому молятся в синагогах и Храме. Вы убили Бога!

– Он сошел с ума, – шепнул Каиафа Анне.

Анна молчал и ждал, что еще скажет Иуда. Анна понимал, что, выговорившись здесь и отведя свою душу, Иуда уже не будет болтать об этом с первым встречным и кричать об этом на улицах.

– Если бы Он остался жив, – говорил никем не останавливаемый Иуда, – Он уничтожил бы смерть, и осталась бы одна жизнь – радостная и счастливая, переливающаяся из мира в мир. Если бы Он остался жив, Он изменил бы нашу плоть и подарил бы нам вечную молодость, здоровье и способность звездного полета. Если бы Он остался жив, то уже через сорок-пятьдесят лет на земле исчезли бы горе, войны, боль, болезни, страдания и смерть. Мир забыл бы, что такое свирепость, зависть, ненависть, интриги, вражда, презрение, обиды, несчастья, муки неразделенной любви, жадность, злоба, жестокость, гнев, – и ад перестал бы существовать. Все жители земли – люди и забывшие страх и вражду ласковые животные – стали бы счастливыми и великими, они поднялись бы в небеса, и небеса сошли бы на землю. Люди стали бы

душой и плотью равны Ангелам, и их глаза увидели бы соцветия прекраснейших – ликующих и лучезарных – миров, их уши слышали бы песни звезд, а их души наполнились бы гармонией и величием звездных высот. Любовь стала бы царицей прекрасной, цветущей, радостной Земли и наших сердец.

Но вы Его убили, и проклятия, возмездия, утраты, войны, смерть, безысходное горе, слезы отчаяния, моря крови и беды, нужда и голод, одиночество и немощь – остались уделом человечества. Вы убили Его, и вместе с Ним убили себя, мудрых хранителей Закона, и тысячи людей уже умерших, еще живущих и которые будут жить. Так будьте же вы прокляты!

– Да он сумасшедший! – в гневе вскричал Каиафа.

Анна усмехался.

– К чему столько слов? – насмешливо сказал он. – Я вижу, что ты, Иуда Симонов, обижен, что дешево продал такую драгоценность. Если ты так считаешь, назови свою цену. Мы ее обговорим.

Иуда заметно дрожал. Дрожащей рукой он выхватил мешок с серебряниками и поднял его перед собой, показывая его членам синедриона.

– Вы думаете, Иуду Симонова можно купить? Это – цена крови Иисуса, крови Бога, пришедшего к нам во спасение. Это – цена нашим жизням без Него – тридцать серебряников. Ни оболком больше, ни оболком меньше. Люди навсегда запомнят эту сумму, за которую были проданы их жизнь и

счастье. До этой минуты я бросал перед вами бисер, а теперь!..

Иуда запустил трясущуюся руку в мешок с серебряниками, достал, сколько зачерпнулось в ладонь, и швырнул их в надменные лица первосвященников, фарисеев и саддукеев. Раз швырнул, второй, третий...

– Получайте, – кричал Иуда. – Я возвращаю их вам, истинным предателям и убийцам.

Законники были удивлены и возмущены. Они вскакивали со своих мест, закрывались руками от летящих в них монет, бранились.

– Вышвырните этого пса, – орал Анна слугам. Он был зол и покрылся красными пятнами: одна из монет попала ему в сухой и острый подбородок. – Прочь, прочь его гоните! Палками! Палками!

Несколько слуг схватили Иуду за руки и плечи и уволокли его за собой.

Еще долго в комнате не восстанавливалась тишина, еще долго бранились и возмущались гости Анны. Слуги бросились собирать деньги, и находили их на полу, на столе, в блюдах с кушаньем и в чашах для вина.

– Что нам делать с этими деньгами? – спросили у Анны, когда слуги собрали все тридцать серебряников. – Вернуть их в сокровищницу?

– Вы с ума сошли! – вскричал все еще раздраженный и весь красный Анна. – Прочь! Выбросите их!.. – Но тут же

опомнился: – Купите на них землю горшечника для погребения этих... странников. – И вышел, бросив гостей своих.

Таким Анну еще никто никогда не видел. Лишь час спустя решился Каиафа потревожить Анну в его спальне.

– И что мы будем делать с этим Иудой? Вдруг он начнет болтать? – спросил Каиафа.

– Об этом не беспокойся, – только и сказал Анна...

Ученики прятались от грозы в том же доме в Виффагии, где они пять дней тому назад остановились еще с Иисусом. Они не высказывали это вслух, но каждый из них ожидал новых арестов: если взяли и казнили Иисуса, значит, возьмут и их как Его учеников. В девять часов утра они были в долине у Голгофы и видели, как привели туда их Учителя, слышали, как глумились над Ним иудеи. Итак, сегодня казнили Иисуса, а завтра возьмутся за них. Они сидели тихо, растерянные и испуганные, не знающие, что им делать дальше.

Вошла хозяйка дома, оглядела их, вздохнула и вышла во двор. Затем вошла Мария Магдалина, бледная и заплаканная, со спутанными светлыми волосами. Она села, почти упала, на скамью.

– Смоковница засохла, – печально сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Какая смоковница? – переспросил Фома.

– Та смоковница, возле которой арестовали Учителя и про которую Он сказал, что она засохнет, потому что место возле

нее будет местом огромной скорби.

Угрюмый Петр, вернувшись утром из Гефсиманского сада, теперь сидел в углу: за весь день он не промолвил ни слова и от большого стыда не смог он даже пойти в долину с другими учениками. Остальные ученики сидели, кто за пустым столом, кто на скамейках по углам. Хозяйка вновь вошла в дом и выставила на стол сушеные фрукты, айвы и мед. Затем вошла и Марфа; она принесла большой кувшин с вином и два хлеба.

– Поешьте, – предложила хозяйка ученикам. – Мария, – обратилась она к Магдалине, – помоги-ка принести чаши и воду.

Марфа тронула хозяйку за плечо и знаком показала, чтобы та оставила Марию в покое.

– Сами принесем, – сказала ей Марфа, – видишь, на ней лица нет.

Марфа и хозяйка вышли. Ученики даже не взглянули на пищу, лишь Петр подошел к столу, взял кувшин и из него отпил несколько глотков неразбавленного вина. Петр еще не успел поставить кувшин на стол, как ворвался в дом тот, появления кого меньше всего тут ожидали. Петр чуть не опрокинул кувшин с вином, остальные ученики вглядывались в пришедшего и не верили глазам своим.

– Ты предал нашего Учителя, – вскричал басом опомнившийся первым Петр. – Как посмел ты прийти сюда? Ты и нас желаешь выдать врагам нашим?

Иуда молча оглядывал учеников, комнату и стол, заставленный фруктами, хлебом, медом и вином. Лицо его было бледно и покрыто мелкими капельками пота, а глаза пылали лихорадочным огнем, он дрожал и пошатывался на ногах, как пьяный. Ученики не двигались и пораженно смотрели на предателя. Иуда подошел к столу, сел на скамью так, чтобы он был виден всем и чтобы он всех видел.

– Что празднуем? Вишь, какой стол накрыли, – сказал Иуда, всматриваясь в присутствующих. – А всего два часа прошло, как на кресте умер Иисус. Грозы, маленькие, испугались? И бросили Учителя? Пришли есть фрукты и пить вино? Не подавились?

– Никто даже не притронулся к еде, – сказал Фома, – ты, как всегда, неправ, Иуда.

– Да что ты перед ним, перед предателем, оправдываешься, Фома? – возмутился Петр и, повернувшись к Иуде, сказал: – Уходи, видеть тебя сил нет.

– А у меня, – возвысил свой ставший хриплым голос Иуда, – у меня есть силы видеть вас? Не ты ли, Петр, сегодня ночью, дрожа за свою никчемную, ненужную жизнь, трижды отрекся от Иисуса? Я слышал. Не ты ли, Иоанн, называющий себя любимым учеником, бежал из Гефсиманского сада? Я видел. Не ты ли, Фома, звавший всех умереть вместе с Иисусом, в испуге бегал по Иерусалиму? Я заметил. Не вы ли все растерялись и бегали всю ночь и весь день неизвестно где, как потерявшиеся котята, когда Он страдал за вас же? Не вас

ли смыло дождем из долины? Нет, это Иуда Искариот первый и любимый ученик Иисуса, потому что я ни на мгновение не покинул Его до самой Его смерти, потому что я исполнил то, о чем Он просил, потому что я знаю, Кто Он и Кого мы потеряли. Это Иуда Искариот не испугался ни ливня, ни ветра, ни грязевых потоков и оставался до последнего Его вдоха у креста. А вы всё это время прятались в Виффагии среди смоковниц и пили вино.

– Не слушайте его, в него вошел сатана, – сказал испуганно кто-то из учеников.

– Я задаю вам вопрос, что сделали вы, чтобы не отдать Его римлянам? Что сделали вы, когда невежды глумились над Ним? Разве вы можете понять, что такое любовь?

Иоанн вскочил с места.

– Ты не смеешь нас в чем-либо упрекать и о чем-то спрашивать, – сказал он. – Мы все видели: это ты привел римлян.

– Почему же вы не бросились на римлян и не отбили Иисуса? Почему вы бежали от римских мечей?

– Итак, ты хотел всех разом погубить? – спросил Петр.

– Кому вы нужны – трусливые предатели? А я исполнил то, о чем меня просил Сам Иисус. – Иуда лгал, но в эту минуту ему вдруг самому показалось, что так все дело и обстояло. Солгав сегодня ночью Фоме, Иуда успел сжиться с этой ложью. Он сейчас плохо понимал границы дозволенного, границы добра и зла, правды и лжи. – Почему вы знаете: Иуда – первый ученик, по-настоящему любящий Иисуса, всей кро-

вью своего сердца, – Иуда стукнул себя костлявым кулаком в грудь, – и ему больше вашего известно, и он в большее был посвящен.

– Ты говорил уже это, Иуда, – сказал смущенный его словами Фома. – Но что-то верить с трудом, чтобы это было правдой. Ведь Учитель вначале часто говорил, что Царствие Его близко и многие из живущих теперь не вкусят смерти, как увидят Его Царствие, а потом стал грустен и говорил нам уже об разрушениях, войнах, гладах и других бедствиях, которые всем нам предстоят.

– Много говоришь, Фома, – нетерпеливо оборвал его Иуда. – И не о том. Все вы говорили, что любите Иисуса. Но кто любит, тот будет драться, царапаться, вгрызаться в горло тому, кто только посмеет коснуться любимого. Вы могли броситься на римлян, хватать голыми руками обнаженные мечи, – да что угодно делать, но не стоять кучкой растерянных ягнят, чтобы затем броситься наутек, оставив Иисуса в руках палачей. Почему вы хотя бы не явились на суд и не потребовали отдать вам Иисуса?

Медленно поднялась Мария Магдалина.

– Я поняла, он все лжет. Он – предатель, и предал он Учителя нарочно и со знанием того, что он делает. Я вижу черную печать на нем. Смотрите, у него болезнь преступников.

Ученики отшатнулись от Иуды. Иуда громко рассмеялся. Капельки пота проступали на его лице, рыжие волосы были влажны, а зубы стучали. Глаза же его горели диким огнем,

как у безумного.

Мария Магдалина подошла к нему и сказала:

– Иуда, будет лучше, если ты уйдешь сейчас.

Иуда уже не смеялся, он с головы до ног оглядел Марию, затем пристально, прищурившись, посмотрел ей прямо в лицо, в голубые ее глаза, облизнул сухие горячие губы и поднялся. Еще раз окинул он взглядом всех учеников.

– Это вы – предатели, – сказал он тихо, – вы не любите Иисуса. А я любил и люблю. Поэтому я шел за Ним и теперь пойду к Нему. Пейте вино, маленькие. – Иуда вышел.

Вернулись хозяйка дома и Марфа с посудой и водой.

– На улице такая суматоха, – сказала Марфа. – Говорят, видели живыми давно умерших людей, а едва появившаяся луна вся красная сделалась, словно кровью залитая.

Ученики переглянулись. В эту минуту вошел Иосиф Аримафейский.

– Вы все здесь? – сказал он. – Игемон разрешил похоронить Учителя. Кто идет со мной?

Наступила ночь, и Иуда торопился; он шел скорыми шагами к той скале, где уцепившись за безводную почву нависала над обрывом полусохшая осина. Когда он шел по селению, люди, видевшие его из окон, говорили:

– Этот человек вышел в праздничную ночь на улицу, его убьет Бог Яхве.

Но Иуда шел и шел. Его бил озноб, его мучил завываю-

щий ветер, его слух терзал собачий вой, а острые камни кололи ему ноги сквозь тонкую подошву сандалий. Но он шел, не останавливаясь, к своей цели сквозь ночь по неровной дороге, и красная страшная луна висела над ним и пророчила беду. Иуда дошел до осины, сел под ней и горько заплакал. Он почти терял сознание от усталости, голода и болезни, и надо было торопиться совершить задуманное.

Он посмотрел в темное небо.

– Ты уже там, – шептал он сквозь слезы. – Хотя бы там не оттолкни меня. Я ошибся: я не могу без Тебя прожить ни дня, я не хочу и мига дышать, если Тебя нет рядом. Я хочу быть только с Тобой. Ты же видишь теперь, кто окружал Тебя, а я пойду за Тобой, куда угодно, не побоюсь загубить душу свою ради Тебя. Я отрекаюсь от этого мира – и стану совершенным ради Тебя.

Иуда дрожащими руками снял с себя пояс, сделал петлю, провозившись с ней немного дольше, чем думал, проверил ее крепость, затем привязал другой конец к толстой ветви над обрывом, и в петлю продел свою большую горячую рыжую голову и сказал строго в небо:

– Иисус, я иду к Тебе. Я найду Тебя. Теперь мы навеки связаны. Навеки вместе. – Но тут ему показалось, что красная полная луна надсмехается над ним. Иуда погрозил ей кулаком и, оттолкнувшись от края скалы, прыгнул в обрыв – и повис.

Утром в субботу Каиафа вошел в комнату к тестю. Тот сидел за кипарисовым столиком с золочеными ножками и пил вино из золотой чаши с кровавыми рубинами, из той самой, которую ему преподнес в дар Понтий Пилат.

– Что теперь делать? – спросил Каиафа. – Мои люди не нашли его вчера.

Анна насмешливо глядел на зятя.

– Сегодня ничего не делать, сегодня суббота, к тому же сегодня праздник пасхи, первый день опресноков.

– Но он, я думаю, для нас опасен теперь? – недоумевал Каиафа.

Анна серьезно и трезво взглянул на Каиафу. Глаза его стали страшны. Каиафа вздрогнул и покачнулся под взглядом тестя.

– Уже ничего и делать не надо, первосвященник. Вчера мои люди нашли его удушенным на дереве.

Глава 30. Неожиданный поворот

Великое землетрясение началось в аду. Адовы миры, доселе неприступные и безысходные, трещали, скрипели и рушились. Падали крепостные стены, разрушались капища демонослужения, срывались с черно-лиловых гор огромные камни и с большим гулом обрушивались в моря и реки раскаленной магмы. Ад наполнился воем, воплями, визгом, треском, бряцанием, стуком, гулом. Все демоны от самых мелких до более крупных ринулись, спасаясь, в адову цитадель, в мир самого планетарного демона, черного исполина, три года тому назад приходившего в пустыню на встречу с Иисусом. Теперь черный исполин метался, стонал в бессильной злобе, переворачивал все, на что он натыкался, бросался всем, что попадалось ему. Он видел, как в ближайшем к цитадели страдалище рухнул мост через адову реку из огненной магмы. Все летело и вниз и вверх, в адовом плотном воздухе летали горящие головешки, мелкий черный пепел кружился и медленно опускался на поверхность адовых миров, словно черный снег. Мерзкие морды демонов были искажены от ужаса в ожидании своей участи.

В незапамятные времена сам черный исполин и эти демоны были прекрасными сияющими и блистающими в невероятных высотах Ангелами, но после богоотступничества, когда их пищей стали страдания и кровь живущих во Вселен-

ной, их облик изменился до неузнаваемости: они превратились в отвратительных мерзких чудищ с буграми, уродливыми наростами, хвостами, рогами, с огромными плотоядными ртами. Они визжали у ног своего господина, ища у него защиты, а он топтал и пинал их со всей злобой и ненавистью, лютовал и рычал, как раненый, и поносил их самыми скверными словами.

Вот и цитадель не устояла, стены ее рухнули и перед черным исполином и его жалкими рабами и слугами появился Он в солнечном образе, сияющий и лучезарный, могущественный и великий, в небесной славе. Он еще был не в Своем Истинном виде и сохранял человеческий образ и облик Иисуса Христа. Все в цитадели в одно мгновение замерло, стихло. Уставший и расстроенный сатана в бессилии плюхнулся на свой расшатанный, покосившийся трон. Уродливые морды демонов стали, как каменные, от страха, неожиданности и ужаса. Иисус направил свой огневый взор на согбенного и померкшего сатану, внутри которого клокотал и бушевал огонь жуткой, смертельной, все сжигающей ненависти. Черный исполин внутренне содрогнулся от взгляда Иисуса, но он не сдержался от резкого, наглого вызова.

– Никак мой Небесный Брат пожаловал ко мне в гости, – прозвучал низкий, хриплый и скрипучий голос. Свет, исходящий от Иисуса, был для него мучителен и причинял ему страдание, но он крепился и пытался выглядеть спокойным и насмешливым.

– Ты не ждал Меня? – спросил Иисус, и Его голос прозвучал, как самая прекраснейшая и нежнейшая из мелодий в этом черно-лиловом мире, никогда до сих пор не видевшего и не слышавшего ничего прекрасного. – Ты решил, что полностью погубил Мое Дело и, как Я заметил, уже начал праздновать свою победу.

– Ну что Ты! Я ожидал, когда Ты придешь ко мне и признаешься в полном Своем поражении. Лишь тогда я намеревался отпраздновать свою победу.

– Увы, победа твоя частична. Ты всего лишь задержал Меня на Моем Пути. И в этом тебе помог твой хозяин, великий демон Вселенной Люцифер. Один ты не смог бы оборвать Мою Миссию в мире людей, как не смог оборвать Мою Миссию в мире дэймонов. Но того, что Я приду сюда, ты действительно не ожидал. И Я говорю тебе: Я отворил врата адовы и забрал грешников, мучившихся в твоих преисподних от века. Сейчас страдалища почти пусты. Остались только те, кто поступили недавно и еще не искупили свои грехи. Если бы Я победил полностью, ад прекратил бы свое существование, Но пока это невозможно. И тем не менее Я часть твоих страдалищ преобразовал в чистилища, в которых не будет отныне телесных страданий. Грешники будут к тебе поступать не навсегда, а лишь на определенный срок, и ты ни одного мгновения не сможешь их продержатъ дольше. Отныне страдания в аду будут носить искупительный характер, и наказание за грех будет не больше самого греха. Божьи Ан-

гелы будут входить в ад беспрепятственно и забирать с собою искупивших вину. И так будет вплоть до Моего Второго Пришествия в мир человеков. Но до этого великого срока, известного лишь Отцу Моему Небесному, Я все равно не дам тебе покоя. Я и все небесное воинство будем работать над тем, чтобы оставшиеся страдалища преобразовать в чистилища, а чистилища в миры врачевания и помощи отставшим и согрешившим. Мы будем неустанно трудиться над сокращением сроков пребывания несчастных в преисподних, а некоторых будем забирать до срока, если порыв их души к Свету будет силен.

– Если бы я только знал, что, погубив Тебя в мире человеков, готовлю крах моего царства! – зашипел черный исполин. – Зачем Тебя Ирод не нашел! В младенчестве давить Твое воплощение надо было, в младенчестве! Как же я так промахнулся? Я думал, что Ты бежишь человеческой смерти, струсил, и тогда я убрал бы Тебя из того мира без Славы и Силы, и я тогда победил бы полностью. Но Ты пошел на смерть, мучительную смерть, добровольно. Ты догадался, что уже Тебе не удастся выполнить то, что Ты хочешь. И за это дал Тебе Бог и Славу и Силу. Теперь Ты пришел ограбить меня. Промахнулся я!

– Это ты грабишь. Я же возвращаю детям Божьим жизнь и свободу, дарованные им Отцом Небесным и которые ты у них украл, чтобы их мучениями продлить свое мерзкое существование.

– Ты же знаешь, я не могу существовать иначе, мне надо, чтобы кто-то мучился и корчился от боли, чтобы океанами лилась кровь.

– Это ложь. Существовал же ты иначе до того, как стал демоном. Но теперь Мне жаль тебя. Ты пленник собственных законов. Ты не сможешь вечно переселяться с планеты на планету в поисках все новых и новых жертв. Ведь завоеванные демонами планеты гибнут в скором времени, разваливаются на куски, потому что никто и ничто не может жить вне Любви. Завоеванные демонами планеты, звезды и звездные системы гибнут, как когда-то погибла и вселенная, созданная Люцифером, ты же помнишь это? И пока ты будешь упорствовать и противопоставлять себя Богу, тебя ждет неудача за неудачей, даже и в случае твоей полной победы. Тебе все равно придется сказать Богу: «Да», если ты поднимешься своим разумом к пониманию своего положения, но тогда, подвластному собственному же закону возмездия, тебе придется спуститься в страдалище великих демонов и искупить все свои преступления. Чем раньше ты опомнишься, тем лучше для тебя: вина твоя будет меньше, и скорее вернешь себе свой первоначальный Божественный облик.

Черный исполин расхохотался.

– Это все, что Ты хотел сказать? Послушай, добровольный Мученик, хватит уже друг друга мучить. Я знаю, что один миг Твоего пребывания здесь для Тебя ничуть не луч-

ше, чем висеть на кресте без вина со смирною. Да и меня Твой Свет... раздражает.

– Нет, – ответил Иисус. – Придется потерпеть еще немного. Это не все. Меня страшит судьба Моего ученика Иуды Искариота. Я видел преисподнюю, самое страшное из твоих страданий, которое когда-либо было у тебя и которое ты приготовил только для него.

– Да-а, – зло усмехнулся черный исполин, – на нем слишком много грехов. Еще это самоубийство... Но самый страшный, самый ужасный из грехов – это предательство на смерть Бога, пусть даже планетарного, но Посланника Бога-Отца и Выразителя Бога-Сына. Никто и никогда не совершал и не совершит подобного преступления. Да, я толкаю людей на совершение грехов и караю их за них, но мне же надо кем-нибудь питаться. Люди кормят козлят и овец, чтобы их потом съесть. Люди пользуются *моим* принципом. Я вообще караю предательство очень сурово: убийцы тысяч у меня меньше мучаются, нежели предатели. Но предать Бога!.. Сам понимаешь, я вынужден дать ему самое страшное наказание, такое, какого не достаивался и не удостоится ни один человек Земли. Закон возмездия – демонический закон. Он очень точен и строг.

– Это страдание со временем будет отворено Мною, и Я сам заберу Иуду.

Черный исполин злорадно зарычал.

– Есть одно «но». С ним не так все просто. По закону воз-

мездия, он совершил самое страшное преступление, которое только возможно совершить. Даже если Ты его заберешь в Царствие Свое, его душа не сможет воссоединиться со своей монадой до тех пор, пока он вновь не родится на земле и не примет мучительную смерть во Имя Твое. Он Тебя предал на смерть, итак, он должен принять такую же мучительную смерть за Тебя. Таков закон.

– Этот закон в конце концов будет уничтожен, ибо все, что не посадил Отец Мой, погибнет. Очень жаль, что Я не могу уберечь Иуду от жестокой участи. Но Я говорю тебе: пока Иуда у тебя, ты не сможешь своим взглядом сделать его своим рабом и подвергнуть его второй смерти. [Вторая смерть, по Библии, – это смерть самого «я» человека, смерть души. Дух же – монада или высшее «я» человека – бессмертен, так как он сотворен Богом. – В.Б.] Его душа должна соединиться с его монадой – он Мой ученик, Я умыл ему ноги и он теперь имеет часть со Мной. Ты Меня услышал?

Бешеная ненависть прорвалась наружу через глазища черного исполина, в которые нельзя смотреть ни одному человеку, ибо он тотчас становится рабом его. Но он сдержал себя и погасил огонь. Немного помолчав и подумав, черный исполин сдержанно ответил:

– Услышал. Ничего Твоему Иуде не сделается, кроме того, о чем я уже говорил. Он ведь имеет, оказывается, часть с Тобой. Ты знал, что он идет предать Тебя, знал, что он люто ненавидит Тебя, – и Ты умыл ему ноги! Охота так заботиться

о грязном предателе! Ничего, еще поборемся, Братец. Я буду бороться с Тобою, пока не одержу над Тобой победу. Даже об Иуде позаботился!

– Тебе этого не понять. Ты заботишься лишь о себе и за счет других.

– Ты еще пожалеешь о Своей деятельности. В конце концов я отниму у Тебя эту планету. Я буду преследовать Твоих учеников и последователей, и они умрут мучительнейшей смертью. В мучительстве я гений из гениев, Ты знаешь. Я искажу даже свидетельства Твоих учеников о Тебе, и в памяти человеков Ты станешь грозным судьей, Который пришел на землю с мечом, чтобы судить людей и наказывать их, а не спасти, чтобы отправить их за самый малый из грехов в геену огненную на вечные мучения, а не простить им грехи и снять их с людей. Я сделаю из Тебя непочтительного сына, в Которого не верила даже Его земная семья и искала случая, чтобы связать Его как умалишенного. Я припишу Тебе такие слова, что люди в ужасе отшатнутся от Тебя, и они поверят, что с грешниками Ты был не как Врач, а потому что и Сам был не прочь согрешить. Вот какую биографию я Тебе состряпаю; я искажу и перетасую так исторические события, что Ты будешь выглядеть трусом, оставившим гнить в темнице Своего Предтечу – и обрекшим его на смерть. В иудейской религии Ты навсегда останешься обманщиком и самозванцем, – иудеи не признают Тебя Пришедшим Мессией. Но я пойду дальше, и возникнет мысль: а существовал ли Ты

на самом деле и приходил ли Ты вообще на землю. Ты станешь «несуществующим», мысль о Котором только мешает людям жить дальше. Появятся люди, которые, считая себя умными, не станут верить «сказкам о Боге», ибо я сделаю их слепыми: они не смогут ничего увидеть дальше мира, в котором живут. Они соблазнят «стадо Твое», и я награжу их за это ужасным мучительнейшим посмертием – *бытием в небытии*, так как именно небытию они будут поклоняться и верить в него всю свою земную жизнь. И Ты никак не сможешь в этом мне помешать: Твоя Миссия осталась недовершенной в мире людей, и значит, самое большее, что может быть в том мире – это возникновение еще одной, новой религии. Эти глупые люди не догадаются, что *для создания любой религии достаточно послать на землю всего лишь пророка, а не беспокоиться Самому Планетарному Логосу спускаться с Небесных Высот. А если уж Сам Планетарный Логос вочеловечился, значит, Он пришел преобразить Землю, уничтожить демонические законы и восстановить Божественную Гармонию в мире людей*. Разве им понятна мистерия Твоего вочеловечивания! То, что Ты успел сказать и сделать на земле, для слабых людей слишком высоко, а значит, и недостижимо, поэтому эту религию легко будет замутить и исказить. А это, согласись, прекрасная почва для моей деятельности. А если Твоя церковь выживет, я внедрюсь в нее и взорву ее небывалой жестокостью изнутри.

– Ты совершил ошибку – ты обречен. Эта планета никогда не будет твоей. Отныне каждое мгновение будет приближать конец твоего владычества. Мы оба знаем, кто настоящий и главный виновник того, что Моя Миссия была оборвана. Подготавливая Мое поражение через мучительную человеческую смерть, ты, сам не желая того, дал Мне возможность увеличить Мою Силу и Славу именно через эту казнь. Ибо Отец прославил Меня, и Чаша Грааля уже существует. Именно с Ее помощью Я открыл твой ад. Посмотри на него: ад опустел и разрушен, но еще, к сожалению, не сокрушен. Но Моя Сила отныне будет возрастать и возрастать, ибо Спасение заключено в Чаше. Мое Второе Пришествие станет огромной неожиданностью для тебя. Еще большей, чем теперешнее Мое нисшествие в ад. Говорю тебе: в ту минуту, когда ты будешь думать, что пришел твой час и осталось лишь мгновение до окончательной твоей победы, рухнет твой трон и не восстановится никогда. Так будет!

Глава 31. Аллилуйя!

Ночью ученики плохо спали. В их тревожные, странные и страшные сны врывались и скорбное шествие по улицам города, и Голгофа со средним крестом на ее темени, и рослые, мускулистые палачи с жестокими лицами, и погребение Иисуса, – и они просыпались среди ночи, тяжело вздыхали, а некоторые и мучительно стонали от горя. Мария Магдалина совсем не спала и тихонько плакала на своем ложе.

Это была суббота, праздник пасхи.

Ночь сменилась днем, первым днем опресноков, и хотя на улице было солнечно, ученикам казалось, что туча поглотила небо, и хотя на деревьях пели весенние птицы, ученики не могли слышать их пения. Лишь немногие из учеников сумели заставить себя проглотить по кусочку хлеба, а Мария Магдалина совсем и не смотрела в сторону стола. Слезы текли и текли по ее распухшему от ночных слез лицу. Но для Филиппа все равно она была краше всех жен на свете. Он утешал и обнимал ее, чтобы защитить ее от мира и от горя, и она доверчиво, как маленькая девочка, прижималась к его большому могучему телу, чувствуя в нем силу и видя в нем защиту свою. Теперь, когда Иисус ушел туда, куда они еще не могут войти, Филипп чувствовал себя опорой и защитой для этой оставшейся в глубоком горе, чувствующей себя одинокой, хрупкой девушки. Чем сильнее прижимал к

себе плачущую Марию Филипп, тем больше он в себе чувствовал силы и ответственности за нее. И чем больше силы уходило из него, чтобы охранить Магдалину, тем больше силы вливалось в него неведомо откуда. Наверное, в этом и заключен высший смысл союза мужчины и женщины: оберегая, защищая, поддерживая друг друга на их общем жизненном пути, они обогащаются силами, любя друг друга и отдавая друг другу свою любовь и всего себя, они приумножают любовь неизмеримо. Филипп чувствовал сейчас жизнь, как никогда не чувствовал, и мысли его, которые раньше жили только в его мозгу, теперь жили в его сердце и он чувствовал их всем своим существом.

И вдруг Филипп начал говорить. Он и не заметил, как встал он в середине комнаты. Он несся в пространстве среди любви, его слова лились и лились, и это он делал для нее, чтобы утешить горевавшую любимую. Да и все ученики с вниманием слушали Филиппа.

– Вера получает, любовь дает, – говорил он. – Никто не сможет получить без веры, никто не сможет дать без любви. Поэтому, чтобы получить, мы верим, а чтобы воистину дать – мы любим. Ибо, если некто дает без любви, нет ему пользы от того, что он дал. Любовь ничего не берет. Как она возьмет что бы то ни было? Всё принадлежит ей. Она не говорит: это мое или это мое, она говорит: это – твое. Иисус Христос – Он, воплощенная в человеческую плоть любовь. Он пришел и принес хлеб с неба, чтобы человек питался пищей челове-

ка, а не животного. Ибо до пришествия Христа не было хлеба в мире. Иисус имеет всё в Самом Себе: и Человека, и Ангела, и Тайну, и Отца.

Вот есть некоторые, кто боится воскреснуть обнаженным. Это потому, что они желают воскреснуть в этой плоти, и не знают они, что те, кто носит плоть – те обнаженные. Те, кто разденется, чтобы быть обнаженным – те не обнаженные. Ни плоть, ни кровь не могут наследовать. Наследовать будет то, что принадлежит Иисусу и Его крови. Помните, Он сказал: тот, кто не будет есть Моей плоти, и пить Моей крови, не имеет жизни в себе. Какова Его плоть? Его плоть – Логос, а Его кровь – Дух Святой. Тот, кто получит это, имеет еду, и питье, и одежду. – Заметив, что Мария слушает его с восхищением и она улыбается светлой улыбкой, а слезы ее высохли на ее опухшем лице, Филипп почувствовал восторг, и его совсем понесло. А слушала его не одна Мария, слушали все с большим вниманием, так как то, что высказывал сейчас Филипп, и они чувствовали, но так и не смогли облечь свои чувства в слова, как теперь это удавалось Филиппу. Вефиль даже ухо повернул в его сторону, чтобы лучше слышать, и говорил тихо и радостно: «Так, так, в тебе, Филипп, говорят любовь и Сам Иисус; слушай их голоса, ибо в их голосах жизнь». А в другой раз Вефиль прошептал: «Через любовь к Марии ты лучше почувствовал Иисуса». – Человек должен стать совершенным, – летел дальше Филипп. – Для этого нужно не бояться плоти и не любить ее. Если ты боишься ее,

она будет господствовать над тобой. Если ты полюбишь ее, она поглотит тебя, она подавит тебя. Человек же совершенный совершенен весь, человек святой свят весь, вплоть до тела его. Ибо если он получил хлеб, он освятил его, или чашу или другое всё, что он получил – он очищает это. Как же он не очистит тела, которое получил? И пока мы в этом мире, нам следует приобрести себе воскресение, чтобы, если мы снимем с себя плоть, мы не оказались бы в покое и не бродили в середине. А середина – это смерть. Те, кто говорит, что умрут сначала и воскреснут, – заблуждаются. Если не получают сначала воскресения, будучи еще живыми, то, когда умирают, не получают ничего. Но никто из тех, кто вскормлен в истине, не сможет умереть. Иисус пришел с Небес и принес нам пищу оттуда. И тем, кто хотел, Он дал жизнь, чтобы они не умерли.

Знание – огромная сила, и тот, кто обладает знанием истины, – свободен, и знание истины возвышает сердце. Свободный не творит греха, ибо тот, кто творит грех, – раб греха. Мать – это истина, а знание – согласие. Незнание же – это когда что сокрыто. Но если что открыто, оно умерло, подобно человеку или дереву. Если внутренности человека скрыты – он жив, если внутренности человека открыты – он мертв; и дерево – пока корень его скрыт, оно цветет и растет, если корень его является, дерево сохнет. Так и с каждым порождением в мире не только с открытым, но и с сокрытым. Ибо, пока корень зла сокрыт, оно сильно. И если зло познано, оно

распускается и, если оно открылось, оно погибло. Учитель говорил: «Уже утвержден топор у корня деревьев». Топор врезается вглубь, пока не вырвет корня. А корень зла – это ложь. Мы же – да врезается каждый из нас в корень зла, которое в нем, и вырывает его до корня в своем сердце. Но оно будет вырвано, когда мы познаем его. Пока мы в неведении о нем, оно укореняется в нас и производит свои плоды в нашем сердце. Оно господствует над нами, мы – рабы ему. Оно пленяет нас, чтобы мы делали то, чего мы не желаем, и то, что мы желаем, мы бы не делали. Оно могущественно, ибо мы не познали его. Незнание – мать дурного для нас, незнание служит смерти. Те, кто происходит от незнания и не существовали, и не существуют, и не будут существовать. Те же, кто пребывает в истине, исполняются совершенства, когда вся истина откроется. Ибо пока истина сокрыта, она покоится в самой себе, но, когда она открывается и познается, ее прославляют. Незнание – это рабство, а знание – это свобода. *Если мы познаем истину, мы найдем плоды истины в нас самих. Если мы соединимся с истиной, она воспримет нашу плерому.* «Всякое растение, что посадил не Отец Мой, Который на Небесах, будет вырвано», – говорил нам Иисус. Те, кто разделен, будут соединены и исполнены совершенства. Все те, кто войдет в чертог брачный, разожгут свет, ибо не порождают они как в браках, которые не видим, тех, кто в ночи. Огонь пылает в ночи и распространяется. Но тайны этого брака совершаются днем и при свете. И кто ста-

новится чадом чертога брачного, он получит свет, так как он уже получил истину в образах.

Мария встала со своего места и подошла к Филиппу, и сердце его бешено застучало. Она приподнялась на цыпочках и поцеловала его в щеку, и голова Филиппа совсем закружилась. «Пусть ты, любимая моя, никогда в этом мире не полюбишь меня так, как я этого хочу. Но я всю жизнь свою тебе отдам, я буду всю жизнь тебя оберегать и защищать, я буду служить тебе», – думал он.

Филипп весь сиял в эту минуту, а глаза его были исполнены высокого любовного восторга. Вефиль залюбовался им. И остальные ученики, взглянув сейчас на Филиппа, ахнули в душе. Как же они раньше не замечали, что Филипп настоящий красавец, считая его всего лишь милovidным. Молодые и неопытные в жизни, они не знали того, что знал старый Вефиль, а он знал, что некрасивых людей нет, есть люди, не знающие любви, и что любовь, – не то, что такого молодца, как Филипп, – но даже горбуна сделает прекрасным.

На следующий день, когда солнце только показалось на востоке, вырастая из Елеонской горы, Мария Магдалина и Мария Клеопова, мать Иакова и Иосии, земных троюродных братьев Иисуса, отправились к гробу Господа с благовоениями, которые остались еще с пятницы. Одетые в оранжевый огонь восходящего солнца, женщины перешли Кедронский поток через мост возле Драконового ключа и обошли с северной стороны городские стены. Они вошли в фрукто-

вые сады и застыли в недоумении. Вход в гроб был открыт и отваленный камень лежал тут же, у входа, но немного в стороне. Возле камня лежал на траве скомканный платок.

– Вот, а ты, Магдалина, беспокоилась, кто отвалит тебе камень, – сказала Мария Клеопова. – Сейчас подойдут Петр и Иоанн. Ты побудь пока здесь, а я пойду скажу остальным, что тело нашего Учителя украли.

– Неужели украли? – испугалась Магдалина.

– А то как же! Фарисеи с саддукеями еще и не на то способны. Видишь, плат валяется в траве, – махнула рукой Мария Клеопова, и для своего возраста довольно-таки быстро побежала обратно в Виффагию.

– Как украли? – сказала себе Магдалина, когда осталась одна. – Зачем?

Она вспомнила о Филиппе: вот бы кто поддержал и утешил сейчас сестру свою. На деревьях в саду весело пели птицы, но их пения не замечала бедная Магдалина. Она терялась в догадках, кто бы мог совершить такое кощунство. Иуда со злобы? А зачем? Первосвященники были не заинтересованы в том, чтобы пропало тело, так как из этого исчезновения Бог знает что можно вывести, а им скандал не нужен. Римлянам совсем уж это ни к чему. И она горько заплакала, закрыв лицо обеими руками. Сосуд стоял на траве у ног ее.

– Это я отвалил камень. Не плачь, жено, – вдруг услышала она голос.

Она отвела руки от глаз и увидела сидящего на кам-

не светло улыбающегося очень красивого и незнакомого ей юношу в белых одеждах.

– Зачем? – спросила Мария у него.

Но ответил ей кто-то стоящий за ее спиной.

– Жена! Что ты плачешь? Ты кого-нибудь ищешь?

Мария обернулась и увидела молодого человека в одежде садовника.

– Куда вы перенесли тело нашего Учителя? Разве здесь нельзя хоронить? По одежде я вижу, что ты местный садовник. Скажи мне, куда вы перенесли Его тело, и мы, Его ученики, перехороним Его в другом месте.

Молодой человек улыбнулся на эти слова ее.

– Мария! Не Я ли говорил вам, что на третий день воскресну и чтобы ждали Меня в Галилее? Будьте у моря Киннерет. Я найду вас.

Вместо незнакомого молодого садовника на Марию смотрел улыбающийся Иисус. Она узнала Его и бросилась с плачем к ногам Его...

Она услышала за своей спиной топот ног.

– Где Учитель? – послышался взволнованный голос Иоанна, и он тут же поправился. – Тело Учителя? Мы встретили Марию Клеопову, она нам всё рассказала.

Мария подняла глаза, но Иисуса рядом уже не было. Иоанн, бросив Марию и не дожидаясь от нее ответа, вбежал в гроб. За ним следом вбежал Петр. Мария, тихо ступая по своему обыкновению, вошла в гроб вслед за ними и увидела,

что Иоанн, не доверяя своим глазам, несколько раз ощупал пустое ложе, затем взял погребальные полотенца и даже вытряхнул их и прощупал руками, словно тело Иисуса могло затеряться как-нибудь в складках. Растерянный Петр стоял рядом, видел всё, что делал Иоанн, и ничего не говорил.

– А тела Учителя нет, – сказала Мария, улыбаясь.

Иоанн повернулся к ней и с удивлением взгляделся в Магдалину.

– Кто же украл тело? – спросил и Петр.

– Я видела Учителя. Он сказал мне, чтобы мы все шли в Галилею, там Он нас ждет на побережье моря.

– Мария, опомнись. Какая Галилея? Как так, «сказал»? – воскликнул Иоанн в испуге.

– Наш Учитель воскрес. Ведь Он говорил, что на третий день воскреснет, – сказала Мария.

– Как воскрес? – не понимал Петр. – Ты хочешь сказать, что видела Его? Ты, что ли, призрак видела?

– Как хотите, – строго и обиженно сказала Мария. – Я вам сказала, Кого я видела. – И Мария Магдалина, бросив Иоанна и Петра, ушла в селение.

Войдя в дом в Виффагии, Мария объявила ученикам, что видела воскресшего Иисуса, и Он велел напомнить им, что Он говорил о Своем воскресении на третий день после казни и о том, чтобы ждали Его в Галилее.

Ученики с удивлением выслушали Марию и переглянулись.

– А разве Учитель говорил нам это? – сказал кто-то из учеников. – Он говорил о воскресении. Но такое, как говорит Мария, Он не говорил.

Все заговорили и заспорили. Вошли и Петр с Иоанном, и все обратились к ним.

– Нет тела нашего Учителя, – огорченно сказали Иоанн и Петр.

– Она и нам говорила, что видела Учителя, – добавил Петр и пожал плечами.

И снова все заговорили.

Мария с удивлением глядела на учеников, которые не помнили слов Иисуса, сказанных Им за столом, когда они ели Пасху.

Петр сказал:

– Да если бы Учитель и воскрес, как говорит она, то разве Он говорил бы с женщиной втайне от нас? Почему мы не видели Учителя? Почему Он ее предпочел более нас?

После таких слов Мария расплакалась.

– Что же ты думаешь, брат мой Петр? Я все это выдумала или лгу об Учителе?

– Не знаю, – жестко отрезал Петр. – Может, от горя ты видела призрак.

Слезинки одна за другой побежали по лицу Магдалины. Филипп, как только вошла Мария и объявила об Учителе, а ученики усомнились в ее словах, подошел к ней и обнял ее за плечи. Теперь же после жестоких слов Петра, он взял

обеими руками ее за плечи, заглянул в ее плачущее лицо и сказал:

– Не слушай их, Мария. Я верю тебе, слышишь? Если ты говоришь, что видела Иисуса, значит, это правда. Неправду ты никогда не скажешь. Я верю тебе.

Она с благодарностью взглянула на Филиппа и сказала:

– Один ты, Филипп, мне веришь, мой возлюбленный брат. Болью отозвались эти ее слова в душе Филиппа и тень боли прошла по его лицу, но он покрепче прижал к своей груди Марию.

Матфей в это время говорил Петру:

– Петр, ты вечно гневаешься. Теперь я вижу тебя состоящим с женщиной как противники. Но если Иисус счел ее достойной, кто же ты, чтобы опровергнуть ее? Помни, что сказал Соломон: «Кроткое сердце – жизнь для тела, а зависть – гниль для костей». А ее слова легко проверить. Я записывал все слова Учителя. Сейчас я посмотрю пергаменты.

Матфей отошел в угол и стал просматривать свои записи.

– А это что? – сказал Матфей. – Это... не мое. «Эти тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома...». Фома, твой свиток здесь. Просмотри его. Может, ты что-нибудь записал.

Фома, не участвовавший в общем споре, а лишь наблюдавший за учениками, взял свой свиток пергамента и сказал, обращаясь ко всем:

– Учитель говорил нам о воскресении. Это было в четверг,

точнее, в пятницу, потому что солнце уже село, за столом, но никто тогда ничего не писал. И я думаю: то, что говорил Иисус о воскресении, это притча. Мы забыли спросить у Иисуса, что она значит и как ее понимать.

Как только заговорил Фома, все вдруг умолкли и обратились к нему. Выслушав Фому, Петр громко сказал:

– Призрак она видела. Такое в горе бывает. Я-то и вот Иоанн никого не видели.

Мнения разделились: одни были согласны с Петром, что Мария видела призрак, другие разделяли мнение Фомы, что, если Иисус и говорил о воскресении, то это какая-нибудь притча.

Спор ни к чему не привел спорящих, и они устали. Обиженная неверием учеников Мария сидела рядом с Филиппом, а Фому – так как он когда-то ходил с Иудой Искариотом за едой – послали добыть что-нибудь к столу, потому что все изрядно проголодались. Дверь за Фомой решили запереть, так как всё еще боялись арестов, а чтобы узнали его, когда он вернется, он должен был особым способом постучать. Фома ушел, и все расселись по углам и более не спорили. Только Матфей тихо удивлялся тому, что не может отыскать в своих записях слов Иисуса о воскресении в третий день. Сидели молча в ожидании Фомы. Напряжение повисло в воздухе. В эту минуту неведомо откуда прозвучали слова приветствия:

– Мир вам!

Они подняли головы и увидели, что посреди комнаты сто-

ит Иисус. Все были поражены. Первым нарушил тишину Вефиль: «Аллилуйя!» – прошептал он, широко раскрытыми глазами глядя на Иисуса. Остальные ученики еще думали, что они видят призрак.

– Мир вам! – повторил Иисус. – Разве не говорил Я вам, что воскресну на третий день, чтобы вы в этот день были уже в Галилее и ожидали Меня на морском побережье? Не бойтесь, это Я, а не призрак. Можете даже осязать Меня, а призраки не имеют кости и плоти. Почему вы не поверили Марии, маловерные? И разве вы этой ночью спали и не слышали землетрясения, когда Ангел отвернул камень от входа в Мой гроб? Мария видела этого Ангела.

Все наконец зашевелились, со всех сторон слышались радостные возгласы.

– Как послал Меня Отец, *так* и Я посылаю вас, – сказал Иисус и дунул в воздух. – Примите Духа Святого и идите в Галилею. – Иисус прошел сквозь запертую дверь.

В это время условным стуком в дверь постучал Фома. Ему отперли, заметив, что дверь была не просто притворена, а хорошо и надежно заперта на замок.

– Фома, только что сквозь эту дверь прошел наш Учитель. Ты видел Его? – спросили его.

– И много вина вы выпили? – угрюмо спросил Фома, кладя на стол мешок с продуктами. Он тут же стал разбирать мешок, извлекая из него различные закупоренные сосуды и мешочки с фруктами. – Где вы его достали?

– Итак, идем сейчас в Галилею? – спросил всех Андрей.

– Уже не боитесь иудеев? – спросил Фома, не разделявший общего восторга, царившего в комнате.

Все, кроме Фомы, – ученики, женщины и мужчины, – были воодушевлены и как бы не в себе. Андрей схватил Фому за плечи и стал его тормозить.

– Милый Фома, – кричал он в восторге, – мы только что видели Господа нашего. Он воскрес, как обещал, понимаешь теперь?

– Ничего не понимаю, – упрямо твердил Фома, вырываясь из дружеских объятий учеников. – Пока сам не увижу Учителя, не поверю.

– Да бросьте вы еду, – кричал кто-то – В дороге можно поесть.

Все вышли из дома и отправились по Иерихонской дороге туда, куда их посылал Иисус.

Иисус шел в окружении Своих учеников и следовавших за Ним женщин и мужчин по приморскому пути. Он ласково смотрел на друзей Своих и тихо улыбался их радости и счастью.

– Мой Господь и мой Бог! – говорил радостный Фома.

– Не будь неверующим, но верующим, – шутливо-серьезно говорил ему Иисус.

А другие ученики весело что-то рассказывали Иисусу, перебивая друг друга и торопясь, смеялись от счастья. Один

Петр, видимо, вспомнив что-то, вдруг нахмурился, но Иисус обнял его за плечи и что-то сказал ему, и лицо Петра просияло.

И те, кто имеет *зрение*, видели воскресшего Иисуса Христа, нашего Спасителя и Господа.

Но блаженны не видевшие и уверовавшие!

Эпилог. Последствия

Все следовавшие за Иисусом в Его земной жизни по дорогам Ханаана, – а их было сто двадцать пять человек вместе с теми семьюдесятью учениками, которых нашел и собрал Господь после Своего воскресения, направив их в Галилею, – виделись и говорили с воскресшим Иисусом. Он появлялся перед ними неожиданно, – и перед всеми вместе, и перед отдельными группами или лицами, – то в образе случайного спутника, то рыбака, то каменщика, то случайного гостя в гостинице, в домах или у костра, у которого они грелись. Когда Он начинал говорить, они узнавали Его и снова видели Его таким, каким знали. А на сороковой день по Его воскресении собрал Он их всех на Елеонской горе и обратился к ним с такими словами:

– Не отлучайтесь от Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня. Иоанн крестил водою, а вы через несколько дней будете крещены Святым Духом.

– А не в этот ли день, Господи, Ты восстановишь царство Израилю? – наивно спросили они.

– Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей Власти. Вы примете силу, когда сойдет на вас Святой Дух, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме, по всей Иудее и в других странах, куда вас пошлет Святой Дух.

После этих слов Иисуса они увидели, как Его обняло об-

лако, Он поднялся на облаке вверх и скрылся с их глаз в заоблачной высоте. Затем в небе появились два мужа в сияющих одеждах, которые сказали им:

– Что вы стоите и смотрите в небо? *Иисус вознесся на небо и придет таким же образом, как вы видели Его восходящим.*

Тогда все собравшиеся пошли в Иерусалим, как велено им было Иисусом; и не знали они тогда, что через тридцать лет будет вознесен Иисусом на небо и Лазарь. Все эти годы он, дав обет молчания, служил святой цели в городе Китионе на Кипре.

В Иерусалиме до своего крещения Святым Духом им предстояло еще выбрать из числа тех мужчин, которые следовали за Иисусом и были свидетелями и Его воскресения, и Его вознесения на небо, двенадцатого ученика на место изменившего своему предназначению и служению Иуды Искариота. Сначала избрали двух кандидатов – Иосифа Варсаву, по прозвищу Иуст, и Матфия, но жребий решил в пользу последнего, и Матфий стал одним из двенадцати. Спустя десять дней после вознесения на небо Иисуса Христа, в день иудейской пятидесятницы, произошло и крещение Святым Духом: восемьдесят два ученика и ученица Мария Магдалина испытали сошествие на них Святого Духа в виде Небесного Огня, который не жжет, но рождает новое, и стали они апостолами нашего Господа, и открылись в них многие способности и дарования, необходимые им в их дальнейшей

судьбе. Повинуясь Святому Духу, они все еще долго оставались в Иерусалиме, а затем разошлись в разные города и страны, приобретая на жизненном пути своем всё новых и новых учеников себе. Как и предупреждал их Иисус, много гонений было на них и их учеников, но это не останавливало их. Они создавали общины во всех городах и селениях, куда их призывал Святой Дух, их дух-утешитель, данный им Отцом во Имя Христа. Многие из них прожили долгую и трудную жизнь. Долгое время в Иерусалиме работали Петр и Иоанн Зеведеев, а затем Петр пошел на запад к эллинам, грекам и римлянам.

Андрей, брат Петра, служил в Греции, затем вместе с Симоном Кананитом в Абхазии. После смерти Симона Канани-та пошел на север в Скифию, где на холмах у берегов полноводной реки водрузил он крест и посеял семена знаний, произнеся слова: «Здесь будет город великий». С тех пор Андрей Первозванный есть покровитель, защитник и представитель в Небесных Обителях восточнославянского народа, которому определена высокая миссия в объединении Земли любовью. Пусть не отступится этот народ от своей миссии и, не возгордившись, с честью выполнит ее. Пройдя далее к варягам, а затем в Бургундию, Шотландию и Рим, Андрей возвратился в Грецию.

А Филипп, сделав многое во Имя Господа в Самарии, пошел, повинуясь Святому Духу, на юг – сначала в Газу и Азот, а затем прошел дальше на юг, благовествуя всем городам и

селениям, пока не вернулся в Кесарию Стратонову.

Многое, очень многое сделали апостолы Господа нашего и апостол-женщина Мария Магдалина. Но, к сожалению, почти все они приняли мученическую смерть, так как в те времена черный исполин сильно злобствовал и лютовал, видя, что победа его частична, а Иисус в Небесах возрастает от Славы к Славе. Петр, Нафанаил Варфоломей и Филипп были распяты на кресте вниз головой: первый – в Риме, второй – в Армении, третий – в Гераполисе. Нафанаила сняли потом с креста еще живым и содрали с него кожу. Но раньше других из числа двенадцати погиб Иаков Зеведеев: спустя шестнадцать лет после казни Иисуса [В 44 г. н.э. по григорианскому календарю, следовательно, в данном романе Иисуса Христа распяли в 28 г. н.э., а не в 33 г. н.э. – В.Б.] его убил мечом, отрубив Иакову голову, царь Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, по наговору сына Анны, действующего в те дни первосвященника Ханана. (Сам же царь Агриппа умер вскоре после убийства Иакова от страшной болезни, вызвавшей гниение его тела, – он умер заедаемый червями. А Ханан и все потомки старика Анны были жестоко убиты толпой во время войны и их обнаженные, разодранные на куски, трупы были выброшены в помойную яму.) А восемь лет спустя после смерти Иакова Зеведеева распяли на кресте вниз головой в городе Гераполисе Филиппа. В этом городе он был не один: с ним была его сестра Мариамна и друг Нафанаил Варфоломей. Здесь они совершили много исцелений, и правитель го-

рода приказал арестовать апостолов и распять их вниз головой. Но когда происходила казнь, началось в тех краях землетрясение, в результате которого погибли правитель, жрецы и много народа. Испугавшись, люди решили снять с крестов апостолов. Нафанаил был еще жив, а Филипп уже умер на кресте. Нафанаил тогда сказал Мариамне, грустно пошутив: «Боюсь, у меня появилось новое любимое занятие – висеть на кресте». Как сказано выше, Нафанаила ждала более страшная казнь в городе Альбане, в Армении. Матфей, служивший в Эфиопии, был зарублен мечом в возрасте пятидесяти семи лет. Фома служил в Персии и Индии, был убит копьями. Иаков Алфеев служил в Египте, там же и был распят на кресте, а затем еще живым распилен пилой. Иуда Иаковлев, прозванный Фаддеем, был распят на кресте и расстрелян стрелами в Арате. Андрея распяли на особом кресте в виде буквы «X», который теперь называют Андреевским, в Греции. Чтобы сделать его казнь мучительней и продолжительней его привязали к кресту веревками. Три дня и три ночи он проповедовал, пребывая на кресте. Это произвело впечатление. Его решили помиловать и снять с креста, но он воскликнул: «Не снимайте меня, я уже вижу Господа моего». Его все-таки сняли, но он тут же умер. Симона Кананита распяли на кресте в Абхазии. Матфия, заступившего место двенадцатого апостола, побили камнями в Иерусалиме, а затем обезглавили. Многие из их учеников тоже были казнены тем или иным способом. Первым из их учеников погиб Стефан,

его забросали камнями на глазах одобрявшего это убийство юноши Савла, будущего апостола Павла. Общей участи удалось избежать лишь Марии Магдалине – она, прожив долгую жизнь, умерла тихо в своей постели, и Иоанну Зеведееву. В нем исчезла юношеская вспыльчивость и еще в молодых годах он научился истинной Любви: всю свою жизнь он словом и делом исполнял Иисусову заповедь любви, не уставая повторять людям: «Любите друг друга». Иоанна, уже находящегося в преклонных годах и в прошлом прошедшего через гонения и пытки, римские власти сослали на греческий остров Патмос. Там ему, пребывавшему в заключении, были открыты в видении небесные тайны и тайны будущих событий и сроков. В конце же его жизненного пути, как и сказал Иисус в дни между Его воскресением и Его вознесением на небо, Иоанна ждала не смерть, а трансформация его физического тела, [«Я хочу, чтобы он пребыл, пока не приду...» (Иоан. 21,22). – В.Б.] и он был вознесен Иисусом на небо. Иисус многих провел в небесные страны мимо смерти плоти: Лазаря, Марию, Свою земную мать, Иоанна, Своего ученика, и некоторых других Своих последователей, живших и в другие века нашей эры...

...Иуду Искарриота люди Каиафы упустили еще в черте города, но его уже ночью отыскивали шустрые люди Анны. Они нашли его уже удушенным на осине, росшей за городскими стенами над обрывом. Факельное пламя осветило посиневшее лицо Иуды с высунутым языком. Один из приближен-

ных Анны опознал предателя, так как несколько раз его видел во дворце бывшего первосвященника. Но, чтобы страшный плод на осине не оставался в субботу над Иерусалимом, он выхватил меч свой и одним ударом перерубил натянутый пояс. Так тело Иуды упало в глубокий обрыв. Посыпались песок и мелкие камешки – и все замерло вокруг, лишь полная луна светила прямо в глаза несостоявшимся убийцам. А разбитое на острых камнях тело Иуды так и осталось в обрыве на съедение гиенам и грифам.

Когда ученики торопились в Галилею после первого своего свидания с воскресшим Иисусом, они, проходя по тропинке, идущей по дну обрыва, заметили в стороне мертвого, обезображенного камнями и поврежденного хищными птицами, человека, и по одежде опознали Иуду-предателя. Петр в гнев сказал: «Вот такая страшная смерть постигла его за предательство: он низвергнулся, расселось чрево его и выпали его внутренности». Все остальные ученики, мужчины и женщины были бледны, и, сдерживая приступы тошноты, подступавшие к их горлу, молча некоторое время глядели на мертвое, обезображенное тело их бывшего брата, с которым они прожили бок о бок два года. Они не заметили обрывка пояса на его шее, так как никто из них не решился подойти к телу ближе, и они подумали, как и Петр, что Иуда Искариот сам бросился в обрыв, чтобы найти свою смерть на острых серых камнях, которыми так богаты окрестности Иерусалима. Еще долго ходили слухи об Иуде Искариоте-преда-

теле. Немногие видели его мертвым, поэтому и ходили слухи о том, что он жив, разбогател и даже женился, и живет в свое удовольствие. Другие слухи подтверждали, что он долго прожил после предательства, но не благоденствовал, поскольку за те тридцать серебряников он приобрел небольшой кусок истощенной, неплодородной земли, так что очень скоро дожил до полной нищеты, а затем умер в страшных мучениях от водянки. Причем сплетники прибавляли такие подробности о его смертельной болезни, что многим становилось совестно. Но не будем повторять все, что говорилось. После самоубийства Иуду увлек к себе черный исполин, где и глумился и издевался над ним, как хотел и умел. И прошли многие столетия на земле, прежде чем Иисус исполнился такой силы, чтобы открыть запоры страдальца Иуды. Иисус еще раз сошел в ад и забрал оттуда Своего ученика, когда-то предавшего Его. Теперь Иуда готовится к новому жизненному пути на земле во времена темные, времена непроглядные, чтобы принять мучительную смерть за Имя Того, Кого он предал.

Иуда был неправ, когда утверждал, что все оставили Иисуса, всех смыло дождем и лишь он один оставался у подножия Голгофы. Там, под серым жестоким ливнем и сверкающими молниями, оставался еще один человек. Этот человек – Симон Киринаянин. В тот день, четырнадцатого нисана, когда он шел домой, и, привлеченный шумом в городе и позорным шествием, остановился поглядеть на него, его

схватили взбешенные медленным продвижением вперед легионеры и заставили его нести перекладину для креста Иисуса. До Голгофы оставалось не более трех сотен шагов. Симон тогда и разглядел Иисуса. До этого времени он никогда ничего про Него не слышал и Его не встречал даже в толпе на улицах. Теперь, иногда поглядывая на измученного, побитого Иисуса, Симон чувствовал что-то для него непонятное, но сильно его заинтересовавшее. Когда за повозками замкнулись оцепления, он оставался у подножия горы и не двигался с места до самого конца. Иуда его не мог видеть, поскольку сам он наблюдал за казнью с южной стороны и гора скрывала от него еще одного наблюдателя. С тех пор Симон Киринеянин пытался многое узнать об Иисусе, он же и рассказал все, что видел на Голгофе, а впоследствии поступил в общину, созданную апостолами. Оба его сына, Александр и Руф, тоже пользовались большим уважением в общине.

Иосиф Аримафейский принял крещение от апостола Филиппа, как только освободился из тюрьмы, в которой он пребывал недолго и куда он попал, арестованный синедрионом по обвинению в похищении тела Иисуса из гробницы. Затем он проповедовал в Галилее и сирийском Диосполе. Когда многие люди, верившие в скорое разрушение Иерусалима, ощутив первое грозное дыхание войны, ушли в Пеллу, семидесятилетний Иосиф, его семья и ученики апостола Филиппа, к тому времени уже девять лет покойного, перебрались через Галлию в Британию, бывшей уже девятнадцать лет

провинцией Рима. Туда они принесли Благоую Весть. Кроме того, в Британию в составе своего личного имущества Иосиф Аримафейский привез две драгоценные для него вещи, которые были памятью о Сыне Божием. Это – самая простая серебряная чаша с происходившей в новом иерусалимском доме Иосифа Тайной Вечери (эта чаша стала прообразом Чаши Грааля) и наконечник копья кентуриона Логгина с кровью Иисуса, который Иосиф, узнав подробности смерти Иисуса на кресте, когда забирал Его тело, выпросил у кентуриона в память об Иисусе. Логгин отдал наконечник ему даром, хотя Иосиф и предлагал ему деньги, и сказал так Иосифу: «Красная луна с солнцем на небе и земля гудит у меня под ногами: за Этого Человека боги – и я не возьму твои деньги». В Британии и закончил свои дни в этом мире Иосиф Аримафейский, чтобы в Божьих странах стать хранителем Святого Грааля на четыреста земных лет до прихода на святую гору мира горного названием Монсальват странника Титурэля, строителя Храма и Замка Грааля и следующего хранителя Святой Чаши, в которой заключено спасение всех живущих на Земле.

Никодима должны были арестовать вместе с Иосифом Аримафейским, но, вовремя предупрежденный слугой Иосифа, – а Иосифа арестовали первым, – он успел скрыться. Когда же Никодим вернулся в Иерусалим, он застал Иосифа уже на свободе, а обвинения синедриона уничтоженными вследствие неодобрения их Понтием Пилатом, кото-

рый счел такие обвинения пустыми и возникшими из зависти. Никодим принял крещение от апостолов в то же время, что и Иосиф Аримафейский. В отличие от своего друга, который предпочитал лишний раз не злить фарисеев, саддукеев, книжников и zelотов, – как он сам говорил: «не связываться с теми, кто обречен оставаться слепыми и глухими», имея перед собой огромную задачу о хранении Грааля, – Никодим, оставив свою политику «незаметного в собрании», отважно выступал не только перед иерусалимским народом, но и в синедрионе. Его собратья – фарисеи – только руки разводили в стороны. Они, хотя и припоминали ему его робкие заступнические речи в пользу Иисуса при Его жизни, теперь никак не могли понять новой смелости Никодима. Занятые только собой в своей гордыне они поначалу не замечали насколько велика популярность их «скромного» собрата в народе. Заметив же ее и убоявшись народа, они не стали закидывать Никодима камнями, а ограничились исключением Никодима из своих рядов, изгнанием его из Иудеи и конфискацией всего его огромного имущества. После этого Никодим скрылся в доме своего родственника Гамалиила (его дом находился в селении близ Иерусалима) и тайно продолжил проповедь Благой Вести в Иудее. В этом доме Никодим написал свое Евангелие о нисшествии Иисуса Христа в ад и Его победе над ним. В этом же доме Никодим и почил.

Кентурион Логгин, который был свидетелем смерти Иисуса, по воле судьбы и Понтия Пилата (синедрион настоятель-

но просил выставить стражу у Гроба Казненного) стал еще и свидетелем Его воскресения. После этого Логгин уверовал в Иисуса Христа и принял крещение от апостолов, получив имя Лонгин. Бросив службу в войске, Логгин, – а вернее, Лонгин, – возвратился на свою родину в Каппадокию, где и проповедовал Благую Весть со своими учениками. Но и его постигла трагическая судьба: вскоре и он и его ученики были обезглавлены.

Каиафа еще несколько лет был первосвященником. После разговора с Пилатом в день казни Иисуса, он изменил свое поведение в отношении прокуратора. Он по-прежнему уважал римлян, но лично Пилат ему стал неприятен. Тайные анонимки полетели на Капрею, в Рим, в Антиохию, тем более, что Пилат давал много пищи для их содержания. Но порадоваться новому прокуратору, присланному в Иудею, и установить с ним дружеские отношения, Каиафе не удалось, так как его самого освободили от должности в том же году, что и Пилата. Первосвященником назначили Ионафана, сына Анны. Анна же прожил долгую жизнь в богатстве, почете и уважении своих домашних и приближенных и, попивая свое вино из золотой чаши с кровавыми рубинами, вспоминал иногда своего давнего врага Понтия Пилата, позорно снятого с должности прокуратора. Каиафа уже не раздражал бывшего первосвященника своими истериками, а тихо и скромно возлегал за столом в крайнем унынии. Потеря первосвященнического места оказала на него сильное

воздействие, он сник и потускнел, а спустя год умер. Анна умер несколько лет спустя, окруженный почестями и уважением. Он не увидел разрушения Иерусалима. Черный исполин дал своей марионетке привольно и долго прожить, поскольку знал, как коротка земная жизнь в сравнении с тем сроком, который Анна заработал своим безверием и коварством. Анна стал лакомым блюдом для демонов.

Великое разрушение Иерусалима произошло через сорок два года после казни Иисуса, именно тогда, когда, не будь казни, Иисус должен был вознестись на небо на глазах всего мира, тем самым окончательно победив и устранив демонические искажения Божьих законов на Земле. Это Он и обещал вначале.

За десять лет до разрушения zeloty, поборники веры, под предводительством Менахея, потомка Иуды Галилеянина, и его родственника Елезара устроили кровавую резню римлянам, и им удалось выгнать римские войска из Иерусалима. Так началась война и в других городах Ханаана. Рассвирепев, zeloty убивали не только римлян, но и всех, кто не разделял их взгляды. В самом Иерусалиме творилось что-то страшное. Шесть лет ходили провидцы по улицам города, принимаемые окружающими за сумасшедших, так как они пророчили беды Иерусалиму. С ними жестоко расправлялись либо власти, либо толпа на улице. «Когда увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его», – предупреждал Иисус. Странные ве-

щи творились вокруг: земля содрогалась и тревожный гул доносился из ее глубин, многие видели в лучах заходящего солнца призраки грозных воинов, но таяло видение в последнем прощальном луче и город продолжал жить своей жизнью. Несчастье случилось накануне праздника кущей, когда многие иудеи собрались в Иерусалиме. Великий город был окружен войсками Кестия Галла. Но осада длилась недолго. Неизвестно почему, когда иудеи приготовились отразить нападение, так как всё говорило в пользу немедленного штурма, Кестий снял осаду и удалился. Боевой задор обуял иудеев, и их войска бросились догонять противника. С безумной яростью они обрушились на римлян и одержали победу. В это время все, кто прислушался к предупреждению пророков, провидцев и христиане, предупрежденные Иисусом почти сорок лет тому назад, ушли из города в безопасное место, за Иордан, в город Пелла. Остальные же бурно праздновали свою победу, увеличившую их самоуверенность, тем более, что город имел толстые, крепкие стены, башни, крепости, да и каждые из его двенадцати ворот могли отворить не менее двадцати человек. Праздники в Иерусалиме отмечались с размахом. Нередко бывали мелкие потасовки, но бывали и крупные выступления, а преступления совершались ежедневно. На улицу было опасно выходить после заката солнца. Тем не менее к празднику пасхи в город пришли и приехали сотни тысяч паломников. Именно тогда, когда иудеи готовились к празднику, самодовольно и беспечно

расхаживали по улицам города, а распивочные были полны посетителями, началась новая осада города, но уже войсками под командованием Тита, сына Веспасиана. Дело в том, что император Веспасиан задумал построить Колизей для римлян, а средства на строительство взять в Иерусалиме, в том числе и в сокровищнице Храма. Осада была жесткой: все, кто рисковал выйти за ворота Иерусалима, умерщвлялись римлянами с особой жестокостью. Запасов еды в городе было немного, и вскоре начался голод. Ели и жевали всё кожаное – ремни, обувь, упряжки. А Тит держал осаду. Взор его завораживал неприступный и самоуверенный город, белизна мрамора и золотая рыба чешуя крыши Храма, построенного на холме Мориа. Легионерам не терпелось перейти к штурму. Но Тит ждал: имущество побежденного достанется победителю, и ему не хотелось разрушать город. Даже Иосиф Флавий обратился с речью к иудеям, чтобы те вышли в долину и приняли бой там. Но иудеи были упрямы и слишком надеялись на крепость стен и ворот. Голод дошел до того, что в столице процветало людоедство, ели даже своих детей, как и предупреждали пророки Исайя и Иеремия, как совсем недавно предупреждал Иисус. Иудеи не вышли. Не верилось им, что укрепленная столица может пасть. Но то ли стража потеряла бдительность, то ли чье-то предательство было тому причиной, но однажды ночью одни из ворот отворились «как бы сами собой». Факт есть факт, римляне свободно и спокойно вошли в спящий ночной город. Штурма не

было. Бой развернулся внезапно. Голодные, почти одичавшие иудеи с небывалым напором и бешенством накинулись на завоевателей. Оружием служило всё: палки, бичи, куски металла, горящие балки. Как вспоминали очевидцы, один из римских солдат, расвирепев, швырнул горящую головню в окна притвора Храма. Кедровая обшивка стен загорелась. Тит попытался остановить начавшийся пожар, он орал команды легионерам, но в безумии боя никто его не слышал. Да это уже и не был бой, это была бойня. Даже невооруженные иудеи в сумасшедшей, слепой ярости бросались на мечи римлян. Ноги сражавшихся скользили в липкой темной крови, лившейся как вода, никто и не думал тушить бушующие пожары вокруг. Зато в трепетной пляске дикого огня золотые украшения Храма заблестели заманчивее для римских мародеров. Один из них даже попытался вынести из Храма золотой умывальник, но он был сражен ударом палицы.

Сражавшиеся уже не смотрели себе под ноги, и топтали груды окровавленных и обожженных трупов, озаренных огнем пожарищ. Едкий дым затруднял дыхание. Вопли и крики перемешивались с грохотом обваливающихся балок и падающих камней. Кто не умер от меча или палицы, сгорал в огне. Ужас наконец охватил и жестоких римлян. Страшно было смотреть, как исхудалые, физически обессиленные, почти невооруженные люди с яростной чудесной силою, с бешенством и с жутким фанатизмом сражались, пока в них еще теплилась жизнь. Бой утих лишь тогда, когда почти все

иудеи, оставшиеся в городе, были убиты или пленены. Не об убитых скорбел Тит, не о том, что тысячи трупов иудеев и римлян было на улицах города. Он смотрел на пепелище Храма. Не разбирающийся в архитектуре, он высоко ценил его дорогостоящую красоту. Храм, который задумал и начал когда-то царь Давид и закончил его строительство сын Давида Соломон, был прекраснейшим памятником архитектуры и был разрушен Навуходоносором II. Это уже был второй Храм, построенный пятьсот с лишним лет тому назад и дополнительно перестроенный и богато украшенный Иродом Великим. Тит скорбел о погибшем имуществе. С досадой он отвернулся от пепелища, поскользнулся на крови, но устоял. «Убрать всё в городе», – бросил он в легионеров слова. Переступая через трупы, он отошел к ограде дворца Ирода Великого, за которой еще пылал когда-то пышный сад, единственный в каменном городе, и устало присел на перевернутую повозку. Так погиб великий город, и «не осталось в нем камня на камне». Всё же золото и уцелевшие его ценности пошли на строительство кровавого Колизея.

Но вернемся назад, во времена, когда Иерусалим еще процветал и когда Каиафа и его люди слали анонимные доносы кесарю и правителю на Понтия Пилата. После казни Иисуса Пилат совсем не изменился внешне. Он по-прежнему был всегда подтянут, суров и в каждом его движении был виден бывший трибун легиона. Но он очень изменился внутренне, а также он изменил свое отношение к иудеям. Каждый раз,

когда он приезжал из Кесарии Стратоновой в Иерусалим, он мысленно приказывал себе не смотреть на черепообразную гору, и каждый раз он не удерживался, оглядывался на нее и некоторое время смотрел на нее до тех пор, пока не начинали ему мерещиться три креста на ее темени. Особенно мучителен для него был средний крест. Он смотрел, вглядывался, прислушивался к своей непонятной боли в груди. Но марево рассеивалось, и тень ложилась на его лицо. Он ударял по бокам своего коня и галопом пронесился по улицам ненавистного ему города к дворцу Ирода Великого. Входил он во дворец мрачным, с плотно сжатыми губами. Слуги боялись даже показаться ему на глаза в эти минуты, поэтому столик был накрыт заранее, а горячее мясо ставили на стол лишь когда слышали знакомый цокот копыт коня прокуратора. Пилат стал зол, и больше не шел на уступки иудеям, даже слушать их не хотел, и главным мотивом в анонимках была его религиозная и национальная нетерпимость. Любой скандал, потасовку, драку, выступление Пилат разрешал одним способом – казнью, а религиозные бунты потоплял в крови иудеев, и часто вырастал густой лес из крестов на черепе Голгофы; этим Пилат действительно стяжал себе славу жестокого шестого прокуратора Иудеи.

Слуги прятались за колоннами, готовые по мановению пальца его услужить ему. Но Пилат не звал слуг, так как находил на столе и горячие блюда, и фрукты, и вино, и воду. Он сбрасывал с себя свой плащ, умывал лицо и руки и возлегал у

столика. Он обедал и ужинал только со своим врачом Леандром, с которым в последние восемь лет почти не разлучался, очень нуждаясь в его обществе и дружбе. Леандр очень беспокоился о Пилате. В присутствии своего врача Пилат как-то слабел, суровость его уходила, таяла, иногда он пил много вина, хотя сильно и не пьянел никогда. Тоска изъедала его изнутри.

– Мне страшно, – тихо и грустно говорил Пилат. – Ты мой врач и друг: я могу тебе сказать то, что не сказал бы никому другому. У меня странное, беспокойное, крайне неприятное чувство: сколько прокураторов было до меня и будет после меня, но ни один из них не будет так знаменит, как я.

– Люди мечтают о славе, – отметил Леандр.

– Не-ет, Леандр. Такой славы я никогда не хотел. Всё забудется: мои заслуги перед империей, мои победы, награды – вся моя жизнь, но все будут помнить тот час суда, и в связи с этим часом будут упоминать мое имя – Понтий Пилат. Не будь этого часа в моей жизни, и мое имя кануло бы в Лету. Почему меня преследует страх перед вечной славой? Кто Он? Я казнил сотни и тысячи, убивал на войне десятки тысяч и жестоко подавлял бунты, а Его забыть не могу. Ох, нет мне покоя! Боюсь, что после смерти я стану лемуrom... [Лемуры (у римлян) – души умерших, не нашедших покоя в подземном царстве. – В.Б.] Прославляет человека за дела его только Бог, – продолжал Пилат уже другим тоном, словно говорил во сне. – Он прославил Его, понимаешь, Леандр? А моя

слава – это слава Его губителя-судьи... – Пилат опомнился и заметил, что Леандр очень внимательно вглядывается в него. Пилат быстро сказал: – Боги, боги мои! Что это я говорю? О чем я думаю? Ты же знаешь, Леандр, что сейчас идет расследование. От наместника приехал Марулл, чтобы судить меня «за превышение власти и кощунство». Меня снимут с должности, да она мне и не нужна, и надоела. Вероятнее всего, что Марулл и станет следующим прокуратором.

– Я знаю, прокуратор, что ты взял деньги из сокровищницы Храма на строительство нового акведука, – озабоченно сказал Леандр. – Но я слышал, что и самаряне послали на тебя жалобу. Они-то почему?

Пилат махнул рукой.

– Всё то же – превышение власти. Мои подчиненные в Самарии, оказывается, брали с кого хотели мзду. Сейчас идет проверка. Да это всё Каиафа беспокоится, это он на меня их напустил.

Пилат еще выпил вина, и его глаза с тяжелым взглядом налились кровью.

– Если бы не жалобы самарян, то с сокровищницей Храма как-нибудь и замяли бы. А теперь...

Немного помолчали. Пилат усмехнулся.

– Да, я считаю, что строительство акведука для города куда полезнее, чем перстни Каиафы и содержание своры доносчиков Анны. Все знают на что живут и кормятся все эти... Итак, убить Невинного моими руками – это не кощунство,

а отобрать кормушку у первосвященников – кощунство.

Леандр внимательно слушал.

– Как это они ловко всё завернули! Они провели меня, как ребенка, подставив под двойной удар: с одной стороны, довольство или недовольство населения провинции – это заслуга или соответственно вина прокуратора, с другой стороны, этот нелепый донос как возможность поссорить меня с кесарем и правителем. Понимаешь, Леандр, я струсил, этого я тебе никогда не говорил.

– Ты строг к себе, прокуратор, – улыбнулся Леандр. – Чтобы Всадник – и струсил! Я думаю, они долго всё готовили, а ты, встретившись с такой подготовкой, растерялся и проявил нерешительность. Да я не знаю, как бы я поступил на твоём месте.

Губы Пилата дрогнули, и он покачал головой.

– Благодарю тебя, друг, за эти слова. Но я знаю, я струсил. Я чувствовал, как металлические пальцы моего страха сжимают мое горло, я чувствовал на своей шее холод этих пальцев. Я этого никогда не забуду.

– Ты сделал всё, чтобы спасти Его. Это... Тут я как врач теряюсь: через шесть часов умереть на кресте! – Леандр развел руки.

– А в результате – не спас. Не надо было соглашаться на эту казнь.

– И что бы было, прокуратор? – спросил Леандр. – Он же сказал тебе, что ты не имел бы никакой власти над Ним,

если бы это не было так неизбежно, поэтому более греха на том, кто предал Его тебе. Они тебя использовали как оружие. Разве виноват меч, что им кого-нибудь зарубили. Виноват тот, кто держал в руках этот меч и направлял его.

– Только меч после убийства весь в крови убитого, а свои одежды они постирали, – невесело усмехнулся Пилат. – И теперь я пытаюсь смыть эту кровь кровью иудеев... Я омыл руки, сказал, что на мне нет крови Этого Невинного!.. Но я же не безгласное оружие, я человек в конце концов, и я струсил, позволив им использовать меня как меч. Я доказал бы, что я человек, если бы не вынес этот приговор. Я, подчиняясь долгу прокуратора, долго шел на уступки иудеям, иногда вопреки собственному чувству, а тут я не хотел уступить. Если бы не этот донос... и еще кое-что... я не уступил бы.

– Произошло *нечто*, что было выше твоих сил, прокуратор. Фортуна – жестокая богиня, – сказал Леандр. – Тебя охватил внезапный страх перед этим *нечто* и перед самим собой, что ты не можешь бороться с этим *нечто*. А это не трусость, это бессилие человека перед Тайной.

Пилат с усмешкой внимательно поглядел в черные глаза друга.

– Ты, Леандр, говоришь о богине Фортуне? Я кое-что знаю; например, то, что ты разговаривал кое с кем.

Леандр не смутился и не отвел глаз.

– Но надо же мне было узнать, Кто Он, – ответил он.

– Да и я знаю, Кто Он: в протоколе синедриона было указа-

но, за Кого Он Себя выдавал. Но это вопросы религии, от которых я далек; тут странно и непонятно другое: почему первосвященники так Его боялись, что проделали такую огромную работу, чтобы убить Его? Как сумели **они** перекроить разум народа так, чтобы он выступил против Мессии, на Которого он уповал, то есть буквально против самого себя! **Чего они** боялись? **Они** сами не верят в своего Бога, значит, и не могли верить, что Он – Сын Божий на самом деле. Для **них** Он был простым человеком, бедным галилеянином. И вот тут-то и встает вопрос, но под другим углом зрения, – Кто Он?.. Здесь замешаны какие-то непонятные мне **силы**. И эти **силы** и есть то **нечто**, о котором ты говоришь. А как **те** это объясняют?

Леандр понял Пилата.

– **Те**, то есть **он** говорит, что виноват во всем дьявол, князь тьмы. По их верованиям, это такая сила, которая во много раз выше человека и противостоит их Богу, а **те** всё больше винят предателя и первосвященников. И **те** тоже правы. Если бы они не допустили в свою душу дьявола...

– Это **он** – Иосиф из Аримафеи, – задумчиво сказал Пилат, – член синедриона. Аримафея – маленький городок на севере от Иерусалима... Тайный Его ученик. Может быть, и ты, Леандр, тайный Его ученик? Я знаю, **те** обращают в свою веру и язычников. Этим **те** и отличаются от иудеев, которые презирают всех неиудеев, даже если они приняли иудейскую веру. Иудеи даже злятся на своих же тетрархов за то, что они

идумеи.

Леандр улыбнулся, но ничего не сказал. Пилат задумчиво глядел на чашу вина, но, кажется, ее не видел.

– Итак, Иосиф не поделился своими мыслями с остальными Его учениками, – заговорил Пилат. – Он – особый ученик, у него свое задание... А вот наш Логгин меня удивил. На пятый день после того, как я назначил его в стражу у Гроба, пришел ко мне и сказал, что хочет вернуться на родину. Я не утерпел и поинтересовался...

Леандр слушал спокойно.

– ...поинтересовался, – продолжал Пилат, – украли или воскрес? И он сказал...

– Воскрес, – вырвалось у Леандра.

Пилат окинул его быстрым задумчивым взглядом.

– Конечно, ты не был Его учеником. Он тебя поразил так же в день суда и казни, как и меня. Скажи, что тебя в Нем поразило? Я хочу сравнить твои мысли со своими.

– На этот вопрос я затрудняюсь ответить, – сказал Леандр и, уловив хитрость Пилата, добавил: – Впрочем, так же, как и ты.

На террасе послышались шаги, и через минуту на балкон с колоннами вошел высокий широкоплечий человек в длинной светлой пенуле. [Пенула – плащ из плотной ткани. – В.Б.] Пилат, увидев его, поднялся с ложа. Он знал этого человека – это был контубернал [Контубернал – в древнем Риме адъютант. – В.Б.] Марулла. После слов приветствий, кон-

тубернал передал Пилату свиток пергамента, скрепленный печатью кесаря. Пилат сорвал печать и развернул пергамент. Прочитал его и побледнел.

– Я знал, что будет так. Это конец, – сказал он Леандру, криво улыбаясь. А контуберналу Марулла Пилат сказал:

– Я покидаю Иерусалим немедленно.

Через полчаса Пилат и его приближенные покинули навсегда дворец Ирода Великого. Поехали по северо-западной дороге. Пилат остановил своего коня. Он в последний раз взглянул на Голгофу, сейчас холодную, одинокую, покрытую беловатым налетом морозного зимнего дня.

– Что бы ты не говорил, Леандр, а я не понимаю, – сказал Пилат задумчиво. И повторил: – Не понимаю.

– Ты, прокуратор... – Леандр осекся. – Ты, Всадник, выпил бы вот этого травяного отвара.

Пилат обернулся к своему врачу. Сначала он посмотрел ему в глаза, затем перевел свой тяжелый взгляд на бутылочку с отваром. Пилат усмехнулся:

– Лучше вино со смирною, чтобы одурманиться и забыть о своих мучениях.

– Куда же теперь, Всадник?

– В Рим, – ответил Пилат, и повторил: – В Рим... И к кесарю, куда же мне еще ехать. Ведь мне приказано явиться к самому Тиверию.

Пилат ударил коня ногами по бокам и галопом помчался вперед. Леандр спрятал бутылочку в мешочек, висевший у

него на поясе, и поехал вслед за своим пациентом и другом, бормоча: «Эх, Понтий, Он и есть Истина, о Которой ты спрашивал у Него».

Но, когда Пилат приехал в Рим, выяснилось, что на Капрею ему ехать не надо, поскольку старик Тиверий умер, не дожив трех дней до весеннего равноденствия, и Пилату пришлось отчитываться о своей деятельности перед новым, двадцатипятилетним императором Калигулой. Тот отослал Пилата в изгнание в Виенну, где шестой прокуратор Иудеи вскоре покончил с собой, приняв яд.

Калигула сыграл заметную роль и в судьбах Антипы, Иродианы, виновников ужасной смерти Иоанна Крестителя, и Агриппы, сына убитого Иродом Великим, своим отцом, тетрарха Аристовула и племянника тетрархов Филиппа и Антипы. Калигуле вдруг вздумалось назначить царем Иудеи Агриппу. Последний сделал всё для того, чтобы в глазах молодого кесаря все остальные претенденты на царский престол выглядели как можно непригляднее и темнее. Калигуле было все равно и наплевать, он всегда делал лишь то, что захочет мизинец на его левой ноге. Он засмеялся над словами Агриппы, затем сказал:

– Ты смешной. Можешь ехать в Иерусалим. Зачем делить между тетрархами провинции? Они все принадлежат мне. Поэтому садись на престол своего деда Ирода, когда-то верно послужившего Риму. Назначаю тебя царем.

Хотя эти слова были произнесены кесарем так, словно он

подал Агриппе милостыню мелкой монетой или назначил его своим шутом, Агриппа был очень доволен этим назначением и, откланявшись, уехал в Иерусалим. Но мы уже знаем, какая страшная смерть его постигла спустя восемь лет после этого назначения.

Иродиана, честолюбивая и властолюбивая, узнав о назначении своего брата Агриппы на престол, посчитала чуть ли не оскорбленную себя. Она самое хотела стать царицей. Кое-как растолкав ленивого старого своего дядю и мужа Антипу, довольствовавшегося своим положением отставного тетрарха, наговорив ему много слов – и лестных, и обидных, – эта женщина увезла Антипу в Рим. Калигула совсем не хотел принимать Антипу, но молодое любопытство взяло верх. Сначала Калигула только посмеивался, но затем вдруг неожиданно разозлился.

– Клянусь царством Плутона, я не видел более наглого существа. Только я могу решать, кто будет царем, и не тычь мне свои законы. Я – закон для тебя и для всех вас. Мне плевать, что ты ему дядя. Вот у меня есть любимый конь – и я сделал его сенатором. Агриппа – забавный, – я сделал его царем. А кто ты такой? Я тебя не знаю и никогда не видел. А за твою дерзость... – Калигула задумчиво оглядел старика Антипу, словно на глаз хотел определить его рост с большой точностью. – Хочешь, я велю распять тебя на кресте как моего непослушного раба?.. – И Калигула захохотал прямо в побледневшее лицо Антипы, который мысленно проклинал

Иродиану за эту поездку в Рим.

– О, нет, – хохотал Калигула дальше, – мне пришла в мою гениальную голову прекрасная идея: я велю сделать для тебя металлический престол, который будут под тобой раскалять, пока он не побелеет. Вот потеха будет!

Крупный пот выступил на лице и на всем теле Антипы.

Калигула вдруг перестал хохотать и сказал тихо, свирепо и в то же время презрительно:

– Пошел вон и из Израиля, и из Рима. Ты более не тетрарх...

Так Антипа отправился в изгнание. Сначала он жил в Галлии, затем переселился в Иберию. Иродиана разделила его изгнание.

А Калигула вообще был очень смешлив. Однажды на каком-то пиршестве, как свидетельствует история, Калигула взглянул на двух сенаторов, возлежащих рядом с ним, и громко рассмеялся. Пожилые сенаторы почтительно взглянули на веселящегося кесаря-юнца.

– Я рассмеялся потому, – ответил на их взгляды кесарь, – что одного кивка моего довольно, чтобы вас тут же удавили.

Побледневшие сенаторы криво улыбнулись, показывая тем самым, как ценят они тонкий юмор великого кесаря.

В общем, все кесари I века после казни Иисуса, – от Калигулы до Домициана, – отличались не поддающемуся никакому разумению неслыханной, бешеной и небывалой кровожадностью, жестокостью, гордыней и сладострастием. Число

жертв увеличилось неизмеримо, пытки стали более изобретательны, распятие на кресте уже не была самой страшной казнью, ибо появились казни еще страшнее. И каких только удовольствий себе не придумывали эти императоры! Они наслаждались мучительством многих и многих. И всё это в истории не случайно. Недовершенство Миссии Иисуса Христа – это та причина, почему жестокости и смерть есть до сих пор в наших земных жизнях. Через смерть на кресте, через ту Кровь, которую пролил Иисус и которая хранится в Чаше Грааля, Он получил огромную Силу, которая всё возрастает и возрастает. Миры Света увеличились численно, изменились качественно. Новые светлые монады устремляются на Землю. Черный исполин же располагает только теми монадами, которые в незапамятные времена совершили богоотступничество. Его господин Люцифер не может создавать монады. Отголоски бешенства и ярости черного исполина, увидевшего, что его победа частична, долетали до поверхности Земли, в мир людей. Демонические силы были направлены на уничтожение последователей Иисуса физически. Слабый демон государства Иудеи погиб, он стал не нужен более черному исполину, а отражение его гибели – разрушение Иерусалима и рассеяние великого народа. Черный исполин делает ставку на демона Римской империи и внушает ему, что он избран им на владычество всем миром, и он должен распространить свою власть на всю Землю. Как отражение этого, на римском престоле появляются императоро-

ры с сумасшедшей мыслью о всемирном владычестве, а их кровожадность, жестокость, бешенство и сладострастие, их садизм – отражение кровожадности, жестокости, бешенства, сладострастия и садизма самого черного исполина. К концу I века ярость черного исполина поутихла, он начал думать более спокойно. Живые факелы, то есть облитые смолой и подожженные заживо последователи Иисуса, небывалые пытки, массовые уничтожения ни к чему не привели. Церковь Христова жила в виде небольших общин, и число последователей Иисуса, несмотря на пытки и казни, увеличивалось с каждым днем. Рано еще думать о всемирном владычестве на Земле, решил черный исполин, и оставил демона Римского государства в покое. Черный исполин уже был занят церковью; ведь выкрикнул он в день разрушения ада, что, если Церковь Иисусова выживет, он *внедрится* в нее и взорвет ее небывалой жестокостью. И для этого надо найти таких своих приверженцев, которые прикинулись бы последователями Иисуса. Итак, нужно помочь этой церкви укрепиться и привести ее к власти. А власть на земле несовершенна из-за той же недовершенности Миссии Иисуса, она портит кого угодно, и где она, там обязательно будет и нетерпимость, и жестокость, и насилие, и гордыня, и страх. Что же это церковь существует в виде небольших общин, очень многочисленных и разрозненных! Апостолы Иисуса, которые три года получали благодать, исходящую непосредственно от Его личности, которым Он умыл ноги, чтобы они име-

ли часть с Ним и которые получили крещение Святым Духом – Кровью Иисуса – понимали власть по-другому, ибо помнили, что «кто из вас хочет быть первым, тот будет вам рабом». Так учили они и учеников своих. Нужен человек, который никогда не соприкасался с Иисусом, никогда Его не видел и не был крещен Святым Духом, человек, который сам себя объявит апостолом и который, убежденный в душе своей, что служит делу Христа, соберет все разрозненные общины и объединит их властью. Только этого и нужно черному исполину, только и нужно, чтобы подготовить почву. И такой человек нашелся еще когда демону Римского государства внушались образы всемирного владычества. Человек нашелся, искренне порывавшийся к Иисусу, но не получивший благодати от Него, а последнее было важно для черного исполина. Ему только надо было, что объединить общины единоначалием, ибо черный исполин просчитал свои ходы, и в будущем мерещилось ему темное демоническое существо, деятельность которого на земле отразится как «священная инквизиция».

Итак, этот человек, услышавший призыв Иисуса к служению, вдруг взял себе больше полномочий, чем требовалось, и развил такую бурную деятельность, что оттеснил настоящих апостолов и, насколько мы знаем по его Посланиям, он сам признается в том, что поспорил с Петром, поставленным и на земле и на небе Самим Иисусом «пасти Его овец». [Иоан. 21, 15-17. – В.Б.] Во всей его деятельности

сказывались его наследственные и личные качества сурового иудея-фарисея и его рассудочно-правовое сознание римского гражданина. Именно по его инициативе впервые в Антиохии, где он работал, последователи Иисуса стали называться христианами, что, конечно, привело к созданию еще одной религии в ряду других – и мировых, и национальных – религий и противопоставленной всем им, а Церковь Христова заняла «угол», по выражению Ф.М. Достоевского, в государстве и оказалась сцементированной внутри под единым началом не столько любовью, сколько строгими уставами и даже страхом. Этого как раз и избегали делать настоящие апостолы. Руководимые Святым Духом, эти живые носители Истины Бога-Сына, Говорящего об Истине Бога-Отца, несли Благоую Весть, которая должна была объять, сохраняя их, – а не противостоять им, – те истины, которые заключены в религиях земных народов, а Церковь Христова как средоточие любви должна была обнять всю Землю, в которой бы (в Церкви) растворились все государства вплоть до их исчезновения, что обратило бы человечество в братство народов. Но Миссия Иисуса осталась недовершенной, и этим и воспользовался черный исполин.

Главная же цель черного исполина – всемирное владычество. А кто осуществит это владычество, кто станет его представителем на земле? Бог послал на землю Христа, он пошлет антихриста. Но кого? Ведь ни одна демоническая магия не может вочеловечиться на земле. И тогда он придумает

мал такой план: надо украсть из Светлых Миров человеческую монаду и воспитанием заставить замолкнуть ее Божественный голос, ободрать с нее ее покровы, сделанные из Божественной материи, затем сделать для нее телесные облачения из демонической материи, воспитать, вскормить новое получившееся существо, чтобы пустить его в круговорот жизни на земле в образе человека. Это будет его личный послушный инструмент – властолюбивый, неслыханно кровожадный и похотливый. Ведь люди редко совершают глубоко сознательное богоотступничество, за всю историю человечества таких было только двое. Второго – Клингзора – черный исполин получил только в I веке. Фарисей, главнейший виновник среди людей казни Иисуса, после своей смерти глубоко осознано и твердо отказался от Бога и своей Божественной монады, вручив свою душу воле черного исполина. Он получил имя Клингзор и задание уничтожить Чашу Грааля, и навсегда утратил возможность родиться на земле и вообще выйти из адовых миров. Остается один выход – украсть человеческую монаду. Несколько столетий прошло в мире людей, прежде чем черному исполину удалось осуществить задуманное. Он сумел украсть не одну монаду, а несколько. Про запас. Пусть сильнейший и станет антихристом. Ведь закон соревнования и выживания тоже закон демонический. Богу соревнования не нужны, ибо *каждый из нас ему дорог и нужен.*

Когда на земле наступили средние века, в демоническом

мире появилось и новое чудовище, деятельность которого отразилась в мире людей через институт священной инквизиции. В церкви на земле появляется много тайных приверженцев сатаны, прикинувшихся христианами, – запылали костры, появились неслыханно жестокие пытки, уничтожается Библия и за ее хранение грозит мучительная смерть. А через несколько столетий на земле, в последнем веке буйства инквизиции, рождается один из кандидатов в антихристы, чтобы он, действуя в религиозно-политическом русле инквизиции, проверил, возможно ли прийти к всемирной власти, распространив власть католичества, а вернее, инквизиции на весь мир. Кандидат еще не был исполнен всей сатанинской мощи. И нам он известен, но только не в роли инквизитора, которого увидел в своих полуснах великий русский писатель Ф.М. Достоевский и отразил его образ в главе «Великий инквизитор», а в роли, в маске «истинного» марксиста, вождя – «отца народов». Но и эта роль была лишь репетицией, – правда, генеральной. Об этой *репетиции* предупреждали М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Предсказание» и Ф.М. Достоевский в романе «Бесы». Но А.А. Блок прозрел и это и еще дальше, в глубины будущего. Тогда совершится страшное и обольстительное для многих и многих. К власти придет дьявольски красивый молодой человек, гений во всех областях знаний, гений в любом искусстве – универсальный темный гений. Он будет совершать и чудеса, завораживающие, прельстительные; это будет гениальнейший

из обманов. В этом и заключается опасность – в его несравненном обаянии, в его остром уме, в его сверхчеловеческой энергии. Им будут восхищаться и восторгаться: мужчины – совершеннейшей из совершенных личностей, женщины – идеальным и красивейшим из красивых мужчин. Волны восторга, превосходящие все разумные пределы, будут окатывать почти всех людей в первые годы его правления. Только немногие увидят сразу, а многие поймут впоследствии, когда уже будет слишком поздно, какой небывалой жутью и мраком преисподних разит от всего его совершенства. Это уже не роль генерального секретаря в большой, но одной стране, у которого Светлые Силы сумели вырвать дары демонической гениальности в науках и искусствах, это роль антихриста, который получил все темные дары и который пришел к власти над всем миром. Поначалу совершенные им чудеса дадут ему возможность утверждать, что он и есть Христос, впоследствии и это ему покажется мало; он объявит себя воплощением Бога-Отца. Апостол, который не получил благодати непосредственно от Иисуса и объединил общины единоначалием, но искренне порывался к Свету Иисуса, сумел об этом предупредить: «...и в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2, 1-4). Темное чудо, которое произойдет с ним в возрасте тридцати трех лет, когда Божественная материальность его физического тела заменится демонической материальностью и наука того времени сделают этого президента всей земли практически бессмертным,

не подвластным ни болезням, ни старости, ни насильственной смерти. Но надоест сатанинской кукле игра в Бога, он сорвет свою маску и покажет всем свое настоящее обличие, и тогда произойдет то, о чем писал поэт-провидец Блок:

И век последний, ужасней всех,

Увидим и вы и я.

Все небо скроет гнусный грех,

На всех устах застынет смех,

Тоска небытия.

Весны, дитя, ты будешь ждать –

Весна обманет.

Ты будешь солнце на небо звать –

Солнце не встанет.

И крик, когда ты начнешь кричать,

Как камень канет...

Десятки миллиардов людей окажутся во тьме. Миллиарды погибнут духовно, ибо их души будут растлены, сотни миллионов будут с невероятной жестокостью, несравнимой даже с инквизицией прошлого, уничтожаться физически. Полный духовный мрак и мертвая, обездушенная природа. Лицо Земли будет осквернено действиями массового бесстыдства, разврата, законом разрешенного садизма. Вот тогда-то и останется черному исполину лишь полшага до полной его победы, до власти над всей Землей. «Но рухнет его трон и

не восстановится никогда», – так сказал Иисус. Ибо «если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть, но ради *избранных* сократятся те дни». Война произойдет между Небом и адом. В самое свое торжество, в свой пик темной славы антихрист, сатанинская кукла, распадется на наших глазах на атомы. Он исчезнет, так как Иисус в этот момент еще раз сойдет в ад, чтобы освободить из плена монаду, которую когда-то украл черный исполин. Лишившись своего обожаемого президента, люди начнут метаться, рвать и кусать друг друга. Это война на земле. Разгул зла небывалый, массовый, неконтролируемый. Те же, кто бодрствовал и ждал Второго Пришествия, кому посчастливилось услышать Божественный Голос, уйдут из очагов войны на земле и отправятся, руководимые Голосом, в место, называемое Армагеддон. Там Христос явится, объятый облаком и будет Его Пришествие, как молния, исходящая от востока и видная даже до запада. Христос покажет Себя каждому из живущих на земле и к каждому скажет слово. Затем все облики Его, отождествляясь, сольются воедино в одном, грядущем в облаках в Небесной Славе. Иисус сойдет еще раз в ад, просветляя Своим Светом и Своей Божественной Любовью эти темные миры. Ад начнет свое преобразование, покуда не перестанет существовать вовсе. Но до полного уничтожения ада произойдет Страшный Суд. Те, кто услышал Божественный Голос, преобразившись физически, останутся на земле вместе с Иисусом и тем множеством народа, которое сойдет

с Иисусом на землю с небесных вершин и получают на земле новую просветленную плоть. Те же, кто дал себя растлить врагу человеческому, не умирая физически, спустятся в начавшие свое преобразование чистилища и миры возмездия, каждый по своим прегрешениям. Тогда наступит тысячелетие праведников. Это будут времена напряженного творческого труда по подготовке к Великому Преображению Земли и спасению всех насельников Земли, преобразению ада в цветущие миры-сады. Черный исполин долго еще будет сидеть в своей цитадели всеми брошенный, одинокий. И дальнейшее зависит от него: если он скажет Богу «нет», он навсегда покинет Землю и, чтобы продолжить свое хищническое существование, будет искать для себя новое пристанище и новых жертв в просторах Вселенной; если скажет «да», он вступит на длительный искупительный путь, подвластный своему же демоническому закону возмездия, но в конце этого пути его ожидает возрождение, восстановление его Божественного облика и возвращение его в сонм Божественных Ангелов Вселенной. Что он выберет? Неизвестно. Но в любом случае все трехмерные миры Земли будут преобразены в пятимерные и время станет другим. Прежнее прейдет.

А что же делать нам, живущим в XXI веке? Иисус дал ответ нам еще две тысячи лет тому назад: *бодрствуйте и молитесь*. Всем жившим прежде, живущим теперь и тем, кто будет жить, Он сказал: «...вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей

никто не отнимет у вас» (Иоан. 16, 22). Сейчас нам нужно выполнять заповедь Иисуса, данную всем живущим на Земле: *любите друг друга*; ибо главное, самое важное, чему мы должны научиться в этой земной жизни, пока наполненной скорбью и бедами, жестокостью и несчастьями, болью и слезами, войнами и стихийными бедствиями, это – любить и прощать, и заботиться о других, а не о себе: о нас же всегда позаботится Отец наш Небесный.

2004 – 2016 г.г.